

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Русское юридическое наследие

В. А. Томсинов
РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЕДЫ
XVIII–XX веков:
очерки жизни и творчества
Том 1

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Ю р и д и ч е с к и й   ф а к у л ь т е т

В. А. ТОМСИНОВ

РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЕДЫ XVIII—XX ВЕКОВ:

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Издание 2-е, дополненное

Том 1

Москва
Зерцало-М
2015

ББК 67.3 (2)
УДК 340
Т56

Т56 **Томсинов В. А.** Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 1. М.: Зерцало-М, 2015. — (серия «Русское юридическое наследие»). — 468 с.
ISBN 978-5-94373-317-8 (обл.).

Очередные тома серии «Русское юридическое наследие» представляют в описаниях жизни и творчества российских правоведов (от В. Н. Татищева до И. А. Ильина) историю русской научной юриспруденции, ее эволюцию на протяжении XVIII и XX веков в рамках Российской империи и в среде русской послереволюционной эмиграции. Формирование и развитие научной юриспруденции происходило в России, как и в Западной Европе, главным образом, на юридических факультетах университетов. Поэтому данная книга содержит немало фактов также по истории юридического образования в России и в среде русской эмиграции.

Судьбы российских правоведов — особенно тех из них, которые являлись одновременно государственными деятелями или политиками (*В. Н. Татищев, императрица Екатерина II, М. М. Сперанский, К. П. Победоносцев, С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин* и др.), — были тесно связаны с судьбой Русского государства, многие из них являлись активными участниками важнейших политических событий. Вследствие этого на страницах данной книги отражена политическая история России XVIII — начала XX века.

Содержание книги основано на документах — в том числе архивных, публикуемых впервые, — а также на мемуарах, дневниках и произведениях самих российских правоведов.

В каждом из очерков, включенных в книгу, помимо жизнеописания правоведа дается характеристика его как человека и ученого, приводятся наиболее интересные мысли из его произведений. Настоящая книга является своего рода **путеводителем по русской научной юриспруденции**, развивавшейся в рамках Российской империи в течение XVIII — начала XX века, а после ее крушения — в среде русских правоведов-эмигрантов.

Предназначается для студентов и преподавателей юридических вузов.

ISBN 978-5-94373-317-8

© Издательство «Зерцало», 2015
© В. А. Томсинов, 2015

Содержание

Предисловие	V
Список сокращений	X
Василий Никитич Татищев (1686—1750)	1
Императрица Екатерина II (1729—1796)	63
Иоганн Симон Бекенштейн (1684—1742)	90
Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон (1704—1790)	99
Филипп-Генрих Дильтей (1723—1781)	114
Семен Ефимович Десницкий (ок. 1740—1789)	131
Иван Андреевич Третьяков (ок. 1740—1779)	157
Алексей Яковлевич Поленов (1738 или 1739—1816)	164
Алексей Артемьевич Артемьев (ок. 1748—1820)	173
Федор Григорьевич Баузе (1752—1812)	178
Захар Аникеевич Горюшкин (1748—1821)	187
Михаил Андреевич Балугьянский (1769—1847)	202
Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839)	221
Андрей Кондратьевич Бабичев (1797—1859)	242
Иларион Васильевич Васильев (?—1832)	249
Никита Иванович Крылов (1807—1879)	257
Константин Алексеевич Неволин (1806—1855)	263
Сергей Иванович Баршев (1808—1882)	291
Яков Иванович Баршев (1807—1894)	307
Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873)	313

Николай Васильевич Калачов (1819—1885).....	331
Семен Викентьевич Пахман (1825—1910).....	345
Константин Петрович Победоносцев (1827—1907).....	376
Владимир Павлович Безобразов (1828—1889).....	444

Предисловие

Очерки, составляющие содержание настоящей книги, представляют в описаниях жизни и творчества российских правоведов историю русской научной юриспруденции, ее развитие на протяжении XVIII—XX веков в рамках Российской империи и в среде русской эмиграции. В соответствии с этим очерки расположены в книге не по фамилиям правоведов в алфавитной последовательности, но по годам, в которые они жили, то есть в хронологическом порядке.

Судьбы российских правоведов — особенно тех из них, которые являлись одновременно государственными деятелями или политиками (*В. Н. Татищев, императрица Екатерина II, М. М. Сперанский, К. П. Победоносцев, С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин* и др.), — были тесно связаны с судьбой Русского государства. Многие из них выступали активными участниками важнейших политических событий. Поэтому на страницах данной книги отражена также политическая история России XVIII — начала XX века.

Формирование и развитие научной юриспруденции происходило в России, как и в Западной Европе, главным образом, в учебных заведениях, на юридических факультетах университетов. Вследствие этого ее история является одновременно историей русского юридического образования.

Ведущую роль среди таких учебных заведений играл юридический факультет Императорского Московского университета. Вполне закономерно в связи с этим, что большинство правоведов, представленных в книге, являются его выпускниками или преподавателями (*С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, З. А. Горюшкин, И. В. Васильев, С. И. Баршев, Н. И. Крылов, И. Д. Беляев, Б. Н. Чичерин, Н. П. Боголепов, Л. А. Камаровский, Н. С. Суворов, Ю. С. Гамбаров, С. А. Муромцев, С. А. Алексеев, С. А. Котляревский, Ф. Ф. Кокошкин, Н. Н. Алексеев, И. А. Ильин* и др.).

Биографии таких правоведов, как *И. С. Бекенштейн, Ф. Г. Штрубе де Пирмон, А. Я. Поленов*, позволили рассказать о преподавании юридических наук в академическом университете, который действо-

вал в качестве учебного заведения при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге с конца 20-х до середины 60-х годов XVIII века.

В содержание очерков, посвященных *М. А. Балугьянскому*, *С. В. Пахману*, *В. И. Сергеевичу*, *Н. Л. Дювернуа*, *А. Д. Градовскому*, *С. А. Бершадскому*, *Д. Д. Гримму* и др., вошли факты из истории юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета.

Неотъемлемой частью биографии *Ф. В. Тарановского* стали страницы истории юридического факультета Императорского Варшавского университета.

В очерке о *К. П. Победоносцеве* нельзя было умолчать об Училище правоведения, открытом в 1835 году, — Константин Петрович учился и воспитывался в нем.

Начальные страницы биографии *С. В. Пахмана* являются одновременно страницами истории Ришельевского лицея. Здесь преподавал его отец, а сам он получал общее и юридическое образование.

С. И. и Я. И. Баршевы, а также *Н. И. Крылов* стали профессорами после того, как прошли курс обучения юридическим наукам в рамках Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Естественно, что в очерках, посвященных им, идет речь и об этой, разработанной *М. М. Сперанским*, уникальной системе подготовки преподавателей для юридических факультетов российских университетов.

Научная деятельность многих русских правоведов, оказавшихся после крушения Российской империи в эмиграции, также была связана с учебными заведениями. В 20—30-е годы XX века в Берлине, Праге, Белграде, Париже, Харбине русские ученые-эмигранты создали целую сеть научных и образовательных учреждений, специально предназначенных для обучения молодых людей, покинувших Россию. Об этих учреждениях — научных институтах и юридических факультетах — рассказывается в очерках, посвященных *Н. Н. Алексееву*, *И. А. Ильину*, *Е. В. Васьковскому*, *Д. Д. Гримму*, *Ф. В. Тарановскому* и др.

Среди российских правоведов XVIII — начала XIX века было немало людей иностранного происхождения — выходцев из западноевропейских стран, главным образом, Германии. Преподаватели-иностранцы читали лекции по юридическим наукам в академичес-

ком университете. Они составляли основу преподавательского корпуса юридического факультета Московского университета в первые десятилетия его существования. Выходец из Тироля *Ф.-Г. Дильтей* почти восемь лет (с 1 ноября 1756 г. до середины августа 1764 г.) был единственным профессором юриспруденции в Московском университете. И это неудивительно: в середине XVIII века в России не было ни одного (!) русского по происхождению специалиста в области научной юриспруденции. Удивительно здесь другое. Ученые-правоведы, прибывшие в Россию из-за границы, пожив здесь несколько лет, оставаясь иностранцами по происхождению и фамилиям, становились по своему духу настоящими русскими людьми, приверженными к России как к своему отечеству. Наиболее яркими примерами такой метаморфозы являются *Ф. Г. Баузе* и *М. А. Балугьянский*. Но и для профессора *Ф.-Г. Дильтея* Россия стала родной страной, в самом прямом смысле — Родиной.

Первые же русские ученые-правоведы появились на юридическом факультете Московского университета в 1767 году. Это были *С. Е. Десницкий* и *И. А. Третьяков*. Юридическое образование они получили, естественно, за границей — в университете города Глазго.

Русская научная юриспруденция испытывала в процессе своего становления и развития большое влияние западноевропейской теоретической юриспруденции. Но уже *С. Е. Десницкий*, воспринимая учения шотландских ученых Адама Смита, Джона Миллара и Давида Юма, видоизменял их в соответствии с собственными представлениями о социально-политическом устройстве и правовой жизни общества, навеянными реалиями российской общественной жизни, привносил в иностранные концепции свои идеи. В эпоху господства в европейской юриспруденции естественно-правовой доктрины русский правовед призывал изучать право не только порядком метафизическим и политическим, но также историческим. Собственную, более пригодную для русских условий правовую доктрину стремился создать *З. А. Горюшкин*. В своих теоретических построениях он выводил «начало права» не из некоего абстрактного «разума», а из народного правосознания — «народного умствования», по его терминологии. Критическое отношение к основанным на идеях древнеримских юристов теориям западноевропейских правоведов высказывал *М. М. Сперанский*. Собственным путем в изучении римских правовых институтов ста-

рался идти Д. И. Азаревич. При этом он довольно резко критиковал труды немецкого правоведа Рудольфа фон Иеринга.

В 30-е годы XIX века русскими правоведами было окончательно осознано, что для развития отечественной научной юриспруденции большее значение имеет история русского права и российская юридическая практика, нежели идеи западноевропейских ученых-правоведов. Этому в немалой степени способствовала проведенная под руководством М. М. Сперанского систематизация российского законодательства, выразившаяся в создании «Полного собрания» и «Свода законов» Российской империи.

Судебная реформа 1864 года в еще большей мере ориентировала российских правоведов на изучение российской юридической практики и разработку собственных, соответствовавших условиям русского общества, юридических доктрин.

В начале XX века русская научная юриспруденция переживала пору расцвета. На это указывало не только количество вышедших в России книг по праву и юридических периодических изданий, но и высокое качество научных трудов российских правоведов.

Революционная катастрофа 1917 года, повлекшая за собой разрушение веками складывавшегося правопорядка, гибель и исход из России массы ученых-правоведов, воплощавших собой цвет русской научной юриспруденции, нарушила естественный ход развития русской правовой культуры. Единое прежде поле этой культуры распалось на части, которые были разбросаны революционным взрывом по всему миру. Один из островков русской научной юриспруденции образовался в Берлине, другой — в Праге, третий — в Харбине, четвертый — в Париже, пятый — в Прибалтике.

Значительное число русских правоведов не покинуло после революции и гражданской войны свою Родину (из представленных в данной книге ученых это: *С. А. Котляревский*, *Г. С. Фельдштейн*, *С. С. Абрамович-Барановский*, *П. И. Люблинский*, *М. М. Агарков*). Оставшись в Советской России, эти правоведы образовали еще один островок русской правовой культуры, который по мере дальнейшего развития советского права становился все меньше и меньше, но все же сохранялся, пусть и в ограниченном масштабе. Произведения дореволюционных русских правоведов в Советском Союзе, за редким исключением, не переиздавались, но и не запрещались к изучению студентами юридических вузов. Во всяком случае, во вре-

моя моей учебы на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (1972—1977 гг.) они были легко доступны, их можно было даже брать для чтения домой из факультетской библиотеки.

Сейчас я понимаю, какое значение имели тогда для студента-юриста произведения дореволюционных русских правоведов. В то время, когда не только специальные юридические науки были советскими, но и общая теория государства и права являлась в сущности своей теорией советского права, изучение научного наследия русских правоведов XVIII — начала XX века было единственным способом получить по-настоящему *фундаментальное* юридическое образование, то есть усвоить *юридический язык* (понятийный и терминологический аппарат юриспруденции), постигнуть *логику юридического мышления*, понять *устойчивые, сущностные свойства правовых институтов, взаимосвязи этих институтов друг с другом, закономерности их функционирования* в различных общественных условиях.

В каждом из очерков, включенных в книгу, помимо жизнеописания правоведа, дается характеристика его как человека и ученого, приводятся наиболее интересные мысли из его произведений.

Настоящая книга является своего рода **путеводителем по русской научной юриспруденции**, развивавшейся в рамках Российской империи в течение XVIII — начала XX века, а после ее крушения — в среде русских правоведов-эмигрантов.

Список сокращений

ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМЮ	— Журнал Министерства юстиции
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
1-ПСЗРИ	— 1-е Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	— Российский государственный исторический архив
ЦГА СПб.	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ	— Центральный исторический архив г. Москвы

Василий Никитич Татищев

(1686—1750)

В НАСТОЯЩЕЕ время В. Н. Татищев известен прежде всего как историк, родоначальник русской исторической науки. Действительно, исследования по русской истории составляли главное призвание его души, и в этой области его научная деятельность оказалась наиболее плодотворной. Основным ее итог — обширный труд «История Российская с самых древнейших времен», ставший фундаментом русской исторической науки. Но помимо русской истории Татищев занимался целым рядом других наук: математикой, географией, геологией, экономикой, политикой, философией, филологией, педагогикой. Изучал он и право. И во всех указанных науках, включая юриспруденцию, Татищев добился значимых результатов. Он обнаружил рукописные тексты таких памятников отечественного права, как Русская Правда и Судебник 1550 года. Его комментарии к ним стали первой попыткой их научного исследования. Он первым стал собирать тексты русских законов с целью их научного изучения. Об этом свидетельствует уже само название составленного им в 1738 году свода русских законодательных памятников — «Собрание законов древних русских, для пользы всех любомудрых собранные и неколико изтолкованные тайным советником Василием Татисчевым». В своих произведениях Татищев часто обращался к проблемам правосудия и законности, он высказал множество глубоких мыслей о праве и законах, о законотворчестве, о сущности юриспруденции. Изучение права он считал важнейшим элементом образования государственного служащего. Василий Никитич Татищев является родоначальником не только русской исторической науки, но и русской научной юриспруденции.

В историю России XVIII века В. Н. Татищев вошел также в качестве видного государственного деятеля, талантливого управленца. В. О. Ключевский писал о нем: «Артиллерист, горный инженер и видный администратор, он всю почти жизнь стоял в потоке

самых настоятельных нужд, живых текущих интересов времени — и этот практический делец стал историографом, русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени; не плодом досужей любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека. Так[им] образ[ом] Татищев вдвойне интересен, не только как первый собиратель материалов для полной истории России, но и как типический образчик образованных русских людей петровской школы»¹.

* * *

Родился Василий Татищев 19 апреля 1686 года² в семье мелкопоместного псковского дворянина Никиты Алексеевича Татищева. Его мать Фетинья Татищева принадлежала к дворянскому роду Аршеневских, начало которому положил выходец из Литовского княжества Николай Аршеневский, перешедший в 1654 году в русскую службу. Его отец был представителем дворянского рода, который согласно «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих», составленной в 1682—1687 годах, являлся ветвью князей смоленских. В посвященной Татищевым главе 22 названной книги сообщалось: «По указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великие Государыни, Благоверные Царевны и Великие Княжны Софии Алексеевны, всеа Великие и Малые и Белые России Самодержцевъ, написанъ въ сию Книгу родъ Татищевыхъ по ихъ росписи, по сказке Заболоцкихъ. А по росписи ихъ: У Князь Глебова сына Святославича Смоленского, у Князя Дмитрея, сынъ Князь Иванъ Шахъ. У Князя Ивана Шаха дети: Юрья, да Федоръ, да Семень Соломерские. У Юрья сынъ Василей Татищъ»³.

¹ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 129.

² На эту дату своего рождения указал сам Василий Никитич Татищев, оставив на книге, по которой обучался французской грамматике, следующую запись: «1720 году октября в 21 день, в Кунгуре, по сей грамматике начал учиться по французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищев, от рождения своего 34 лет 6-ти месяцев и дву дней» (цит. по: Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981. С. 5). Из приведенной записи и следует, что родился он 19 апреля 1686 г.

³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1.) Родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием БАР-

В «Росписи алфавитной тем фамилиям, об которых родословные росписи в Розряд поданы» о Татищевых говорилось, что они «произошли от Смоленских князей. Название получили от тех, которые поехали в Литву, и там служили, называясь Соломерскими, так как и по выезде в Россию слыли уже Соломерскими¹. После у одного из них был сын Василей Татищ, которой, будучи в Новгороде наместником, и услышав о измене, тайно об оной писал к государю, и поймав начальника, отослал к нему; а потому и назван Татищевым. Все же они, потомки их и подаватель родословной князьями не писались». На основе подобных фактов историком Сергеем Спиридоновичем Татищевым (1846—1906) была составлена книга «Род Татищевых. 1400—1900. Историко-генеалогическое исследование», изданная в Санкт-Петербурге в 1900 году. Между тем сведения, записанные в «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих», были получены от представителей фамилий и основывались в целом ряде случаев на легендах, достоверность которых была сомнительной. Сообщение о том, что Василий Юрьевич Татищ занимал должность наместника в Новгороде, относится к такого рода случаям. Ни в одном историческом документе Новгородский наместник с подобным именем не упоминается. Да и не могло быть в Новгороде в то время, в которое, как предполагалось, это событие имело место (конец XIV века), великокняжеского наместника.

Известно, что родословная роспись, поданная Татищевыми в Разрядный приказ в 1682 году, была признана ложной со стороны представителей княжеских семей Дашковых и Кропоткиных, происхождение которых от смоленских князей никогда не подвергалось никакому сомнению. Вопрос о внесении ее в официальную родословную книгу был решен лишь после того, как Татищевы записали свое происхождение от тех князей смоленских, которые якобы выехали в Литву и стали именоваться «соломерскими».

ХАТНОЙ КНИГИ; 2.) Роспись алфавитную тем фамилиям, об которых родословные росписи в Розряд поданы...; 3.) Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе по местам их выезда, и 4.) Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления, в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сея книги, число которых простирается до 930. Изданная по самовернейшим спискам. Часть 1. М., 1787. В этом издании «Родословной книги» отсутствует нумерация страниц.

¹ Данное наименование князей Смоленских произошло скорее всего от названия Соломеречь, которое носили их владения, расположенные к северу от Минска вдоль речки с таким же названием.

В действительности род Татищевых был обыкновенным дворянским родом, представители которого занимали положение не выше среднего в иерархии служилых людей Русского государства. В «Истории Российской» В. Н. Татищева под датой 6889 (1381) говорится о том, что великий князь послал в Орду к хану Тохтамышу «своих послов Толбугу да Мошкия октября в 29 день со многими дары. С ними же иде и ростовский посол Василий Татисча»¹. В 40-е годы XV века Василий Юрьевич Татища был землевладельцем в Дмитровском уезде: он упоминается в качестве послуха (свидетеля) в одной из купчей. В 60-е годы XVI века среди владений Симоновского монастыря числилось село Васильевское-Татищево, которое, судя по названию, принадлежало ранее Василию Татищеву и его потомкам.

Во времена опричнины видную роль в окружении Ивана IV играл Игнатий Петрович Татищев (? —1604). Его имя встречается в списке опричников грозного царя², составленном в 1573 году и открывающемся словами: «Лета 7081-го марта в 20-й день государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пометил бояром, и околничим, и дьяком, и дворяном, и приказным людем свое жалование по окладу»³. В этом списке среди опричников, которым было назначено жалованье в 80 рублей, упоминается «Игнатей Петров сын Татищев»⁴. В Ливонском походе 7085 (1577) года он был воеводой полка левой руки и в этом качестве осаждал г. Гольбин. В походе на Невель Игнатий Петрович Татищев являлся вторым воеводой передового полка и одним из начальников стражи в царском стане⁵. Впоследствии он стал государевым казначеем. Его сын — Михаил Игнатьевич Татищев — был ясельничим в конце XVI века и думным дворянином, активно участвовал в событиях Смуты начала XVII века, за что и поплатился: в 1609 году он был убит в Новгороде толпой, заподозрившей его в измене царю Василию Шуйскому.

Дед Василия Никитича Татищева — Алексей Степанович Татищев — с 1647 года занимал должность стольника при дворе царя

¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Том V. История Российская. Часть третья. М., 1996. С. 151.

² Рукопись данного списка напечатана в 2003 г. издательством «Российская национальная библиотека». См.: Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.

³ Список опричников Ивана Грозного. Лист 1.

⁴ Там же. Лист 1 оборот.

⁵ См.: Военный журнал. 1852. № 5. С. 121; № 6. С. 93, 97, 102.

Алексея Михайловича, а в 1659 году был назначен на место воеводы в Ярославле. Он оставил в наследство своей дочери Наталье небольшую вотчину в Дмитровском уезде, а старшему сыну Федору — поместье. Никите, как младшему сыну, не досталось от отца ни вотчины, ни поместья: ему пришлось поэтому жить несколько лет лишь на жалованье за службу в придворном чине жильца. В 1689—1690 годах он занимал должность воеводы в Бежецком Верху.

В начале 80-х годов XVII века Никите Алексеевичу удалось получить 300 четей (150 десятин¹) земли из наследственного имущества умершего родственника — псковского помещика Василия Петровича Татищева. Перешедшее во владение Никиты Алексеевича Татищева имение находилось недалеко от Пскова. Василий Татищев здесь родился и провел несколько лет своего детства и отрочества. Он получил, как и его братья Иван² с Никифором³ и сестра Прасковья⁴, хорошее домашнее образование. В 1693 году, в семилетнем возрасте, Василий был взят на службу при царском дворе в качестве стольника Прасковьи Федоровны, супруги Иоанна Алексеевича. Урожденная Салтыкова, она была его дальней родственницей. Придворная служба мальчика продолжалась до смерти царя Иоанна в 1696 году. После этого Василий возвратился в отцовское имение.

Чтение книг еще в детстве стало его страстью и одновременно главным средством совершенствования познаний в различных науках. В тринадцатилетнем возрасте он посещал с целью приобретения знаний о российском правосудии проводившиеся в Пскове судебные процессы. В ряде биографий В. Н. Татищева говорится, что он учился в начале XVIII века в Московской «артиллерийской и инженерной школе», но никаких документов, подтверждающих данный факт, при этом не приводится.

В начале 1704 года семнадцатилетний Василий Татищев выдержал экзамен и был зачислен (вместе с двадцатилетним братом Иваном) рядовым кавалеристом в Преображенский драгунский

¹ Одна десятина — 1,092 га.

² Иван Никитич Татищев (1683—?) дослужится до воинского чина полковник. В конце 30-х годов будет занимать должность воеводы Исетской провинции в Оренбургском крае.

³ Никифор Никитич Татищев (1692 — после 1751) дослужится до места воеводы в Клину.

⁴ Прасковья Никитична выйдет замуж за И. Теряева, затем будет состоять в браке с И. Станкевичем, третьим ее мужем будет М. Грибоедов.

полк¹. Его боевым крещением стало сражение под Нарвой в августе 1704 года.

В 1706 году Василия Татищева возвели в поручики. В этом чине он принял участие в Полтавской битве, произошедшей 27 июня 1709 года: «Счастлив был для меня тот день, — вспоминал впоследствии Василий Никитич, — когда на Поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за Отечество».

В 1712—1716 годах капитан-поручик Татищев несколько раз выезжал в Германию «для присмотрения тамошнего военного обхождения». Проведя в общей сложности два с половиной года в городах Пруссии и Саксонии, молодой офицер приобрел знания в инженерных и артиллерийских науках, познакомился с новейшими трудами западноевропейских ученых в области геометрии, геологии, географии, философии, истории. Он купил здесь множество книг по всем этим наукам² и по возвращении в Россию продолжал с их помощью совершенствовать свое образование.

Весной 1716 года В. Н. Татищев был определен в артиллерию, но долго служить ему в качестве артиллериста не пришлось. Царь Петр послал его в 1717 году в Гданьск, поручив договориться с руководством города о передаче России в качестве контрибуции³ ста-

---

¹ По словам современного биографа В. Н. Татищева, «незадолго до этого братья потеряли мать Фетинью, а отец их женился на «Вере — дочери Потаповой». Сыновья не приняли мачеху, и это было одной из причин, почему в полк ушли оба брата сразу» (Кузьмин А. Г. Татищев. С. 21). Прожил Никита Алексеевич после этого всего два года: он умер в 1706 г.

² В частности, в Дрездене Татищев приобрел книгу Матези «Геометрические фигуры», за которую заплатил весьма большую для того времени сумму — 2 рейхс-талера. В Берлине он купил переведенное на немецкий язык и напечатанное в том же году в Лейпциге сочинение француза Н. Биона «Школа математических трудов»; конспект лекций по математике, написанный неизвестным автором; книгу «Petri I Leben und Thaten (Жизнь и деяния Петра I)», изданную во Франкфурте и Лейпциге в 1710 г. в двух частях общим объемом в 1200 страниц с 30 иллюстрациями. Ее автором был предположительно Лоэнштейн, выступавший в качестве литературного агента русского царя.

³ Контрибуция была наложена на Гданьск Петром I в 1710 г. в размере 300 000 ефимков за то, что руководство города признало изгнанного из Речи Посполитой Станислава Лещинского, припятствовало согражданам поступать на русскую службу, чинило «помешательства» русским курьерам, проезжавшим город, конфисковывало товары у русских купцов и совершало множество других враждебных по отношению к России действий.

ринной иконы, о которой говорили, что она писана создателем кириллицы святым Мефодием. Городской магистрат отказался включить реликвию в состав контрибуции, но Василий Никитич не стал настаивать на выполнении требования русского царя. Осмотрев икону, он без труда установил, что она является подделкой, ничего общего со святыней не имеющей, и сумел легко доказать это Петру I. Данная поездка позволила ему пополнить свою библиотеку изданной в 1665 году в Амстердаме книгой Фрайтага «Военная архитектура» и напечатанным в Иене в 1717 году «Курсом математики» И. Рашуба.

По возвращении из Гданьска в Санкт-Петербург Татищев был назначен состоять при Якове Вилимовиче Брюсе (1670—1735). Вместе с ним, полномочным послом России, он присутствовал на Аландском конгрессе — переговорах об условиях мира, проходивших с мая 1718 по октябрь 1719 года на острове Аланд.

В 1719 году Я. В. Брюс предложил Петру I начать работы по составлению подробной географии России. В качестве наиболее способного исполнителя таких работ он назвал Татищева¹. Государь согласился с этим разумным предложением. Географические исследования и привели Татищева к занятиям русской историей. Начав собирать сведения, касающиеся географии России, он, по его словам, «увидел, что оную из древняго состояния без достаточной древней гистории и новую без совершенных со всеми обстоятельствы известей начать и производить невозможно, ибо надлежало вначале знать о имени, какого оноя языка, что значит и от какой причины произошло. К тому ж надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распростирались, кто владетели были, когда и каким случаем к России приобсчено. На сие требовалось обстоятельной русской древней истории...»². Поэтому Татищев занялся отысканием и изучением летописных источников. Первым из них в его руках оказался летописный свод Нестора, список которого имелся в библиотеке Петра I.

Занятия русской историей, собирание и изучение исторических документов стали с этого времени главным делом В. Н. Тати-

¹ Я. В. Брюс высоко оценивал способности В. Н. Татищева. «Ревностный исполнитель служебных обязанностей, человек с большим запасом сведений и любовью к науке», — говорил он о своем подчиненном.

² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том I. История Росийская. Часть первая. М., 1994. С. 89.

щева. И Василий Никитич ни при каких обстоятельствах не забывал о нем.

Именным, объявленным в Сенате, Указом Петра I от 12 декабря 1718 года предусматривалось создание Берг- и Мануфактур-коллегии, в ведение которой отдавались «рудокопные заводы и все прочие ремесла и рукоделия и заводы оных и размножение, при том же и артиллерия»¹. Начальник Татищева Я. В. Брюс был назначен ее президентом. Василий Никитич остался в его распоряжении. Указом от 10 декабря 1719 года была создана Берг-коллегия как самостоятельное правительственное учреждение, ведающее горным делом². Весной 1720 года Берг-коллегия направила Татищева на Урал с заданием «в Сибирской губернии, на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить». Пробыл Василий Никитич в этом крае полтора года, за которые успел изучить основы горного дела, ознакомиться с состоянием местной горной промышленности, разработать и частично осуществить меры по ее совершенствованию и строительству новых заводов, собрать коллекцию полезных ископаемых, открыть при Алапаевском заводе начальную школу для обучения чтению и письму и училище, в котором преподавались арифметика, геометрия, горное дело. Он перенес Уктукский завод на реку Исеть, «понеже здешнее место стало по середине всех заводов», и тем самым основал новое поселение, которое назвал в честь супруги Петра I Екатерины Екатерининском. Это поселение положило начало городу Екатеринбург.

Пребывание на Урале позволило Татищеву обнаружить и приобрести большое количество старинных книг и документов. Самым ценным его приобретением стал список Несторовой летописи, сильно отличавшийся своим содержанием от того, который находился в государственной библиотеке.

Деятельность Татищева на Урале, в полной мере соответствовавшая государственным интересам, шла вразрез с частными интересами местного предпринимателя Акинфия Никитича Демидова

---

¹ Указ от 12 декабря 1718 г. «Об управлении во всех Коллегиях и в Губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между Коллегиями» // 1-е Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Т. V. № 3255.

² Указ от 10 декабря 1719 г. «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном деле о рудах и минералах» // 1-ПСЗРИ. Т. V. № 3464.

(1678—1745), владельца более двух десятков горных заводов. В то время еще был жив его отец Никита Демидович Демидов (1656—1725), пользовавшийся особым благорасположением со стороны царя Петра. Строительство флота и вооружение армии требовало много меди и железа. Демидовские заводы давали большую часть металла, причем самого высокого во всей Европе качества и по весьма низким ценам¹. Петр неоднократно самолично обращался с письмами к Демидовым² и им разрешил непосредственно писать к себе. Кроме того, Демидовы пользовались особым покровительством со стороны приближенных к государю сановников — в первую очередь А. Д. Меншикова. Все это позволяло им устанавливать в своей промышленной империи порядки, не соответствовавшие законодательству империи Российской, и не подчиняться должностным лицам, представлявшим государственную власть на Урале.

В этих условиях меры, предпринимавшиеся Татищевым по оживлению работы существовавших казенных заводов и строительству новых, его попытки ограничить произвол Демидова, заставить заводчика платить в казну установленные законом денежные сборы не могли не породить конфликта между ними. Акинфий Никитич применил в борьбе с Василием Никитичем все, на что был способен: клевету, угрозы, шантаж, подкуп, но успеха не добился. На помощь своему сыну приезжал на Урал и сам Никита Демидов, являвшийся официальным владельцем находившихся в его управлении горных заводов. Пытаясь уладить конфликт миром, он предложил Татищеву довольно большую денежную сумму, но тот взятки не принял. Тогда Демидовы решили обратиться за помощью к Петру I.

Весной 1722 года Никита Демидович имел беседу с государем, во время которой пожаловался на действия Татищева на Урале. Василий Никитич как раз приехал в это время по делам в Петербург, и

---

¹ Цену на продукцию своих металлургических заводов Демидовы могли снижать почти вдвое по сравнению со своими европейскими конкурентами, поскольку почти не платили налогов и очень скудно оплачивали труд своих работников, многие из которых были беглыми каторжниками или крепостными крестьянами.

³ В августе 1722 г. Петр I, находясь в Персидском (Каспийском) походе, писал на Урал: «Демидыч! Я заехал zelo в горячую сторону, велит ли Бог свидетелься? Для чего посылаю тебе мою персону: лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию серебряную руду». «Персоной» царь Петр называл свой миниатюрный портрет в золотой оправе с бриллиантами, которым награждал тех, кто отличился выдающимися заслугами перед государством в военных или гражданских делах.

Петр I счел необходимым выслушать и его. Поняв, что конфликт между Татищевым и Демидовыми не простой и очень вредный по своим последствиям для развития уральской горной промышленности, царь принял решение передать управление казенными медными и железными заводами коменданту и начальнику Олонецких горных заводов голландцу по происхождению генерал-майору Вилиму Ивановичу (Георгу Вильгельму) Геннину (1676—1750), поручив ему одновременно и разобраться в существовании указанного конфликта.

В мае 1722 года В. И. Геннин отправился на Урал с государственной инструкцией от 29 апреля 1722 года, в которой ему поручалось заводы «во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение», а также «розыскать между Демидовым и Татищевым, также и о всем деле Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в Берг-коллегию и к Нам»¹.

Василий Никитич также отправился в июле на Урал, а вдогонку ему было послано распоряжение Берг-коллегии: «Капитану Татищеву быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства... ему до окончания того дела быть не надлежит».

1 декабря 1722 года Вилим Геннин встретился с Никитой Демидовым и потребовал от него письменно изложить все жалобы на капитана Татищева. Когда же тот стал отказываться это сделать, утверждая, что желает помириться с Татищевым, генерал заявил ему, что без воли его величества принять мировой челобитной не может, так как прислан не мирить, а розыск учинить. Если же Демидов откажется от подачи жалобы, то «всяк будет мнить, что он виноват» и на Татищева «жалобу приносил напрасно». В результате Никита Демидов вынужден был изложить обвинения в адрес Татищева на письме. Все они сводились, как оказалось, к тому, что по распоряжению Татищева были сооружены заставы на дорогах, препятствовавшие перевозке продукции демидовских заводов, и отнята часть устроенной Демидовым пристани на реке Чусовой (на территории земельных владений казны). Эти действия Татищева, нарушавшие интересы заводчиков Демидовых, были вполне законны. В конце 1722 года Берг-коллегия получила письменную жалобу Никиты Де-

---

¹ Инструкция генерал-майору Геннину от 29 апреля 1722 г. «Об исправлении медных и железных заводов» // 1-ПСЗРИ. Т. VI. № 3986.

мидова и тем самым возникло официальное основание для проведения розыскных действий¹.

Тщательно исследовав сложившуюся в горной промышленности Урала обстановку и собрав сведения о деятельности Татищева, генерал Геннин возвратился в феврале 1723 года в Санкт-Петербург и подал государю рапорт, в котором следующими словами описал суть конфликта между Татищевым и Акинфием Демидовым: «Демидов мужик упрям... до сего времени никто не смел ему слова выговорить, и он здесь поворачивал, как хотел. Ему не очень мило, что Вашего величества заводы станут здесь цвель, для того, что он мог больше своего железа запродавать, а цену положить, как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не на Ваши. А понеже Татищев по приезде своем начал прибавливать, или стараться, чтоб вновь строить Вашего величества заводы, и хотел по Горной привилегии поступать о рубке лесов и обмежевать рудные места порядочно, и то ему (Демидову. — *В. Т.*) також было досадно и не хотел того видеть, кто ему о том указал. И хотя прежь сего, до Татищева, Вашего величества заводы были, но комиссары, которые оными ведали, бездельничали много, и от заводов плода почитай не было, а мужики от забалованных Гагаринских комиссаров² разорились, и Демидову от них помешательства не было, и противиться ему не могли, и Демидов делал, что хотел, и чаю ему любо было, что на заводах Вашего величества мало работы было, и они запустели. Наипаче Татищев показался ему горд, то и старик не залюбил с таким соседом жить, и искал как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить, чтоб Вашего величества заводам не быть».

Генерал сообщал все это, хорошо зная о том, как сильно был царь Петр благорасположен к Демидовым. Поэтому постарался отвести от себя какие-либо подозрения в пристрастности к тому, кого оправдывал. «Я оного Татищева, — заявлял он, — представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или б чьей ради

---

¹ Президент Берг-коллегии Я. В. Брюс был с самого начала конфликта между Татищевым и Демидовым уверен в правоте своего подчиненного, о чем свидетельствуют следующие его слова из письма к Никите Демидову: «Господин Демидов! Известен я, что вы жалобу приносите на капитана от артиллерии Татищева, будто он вам некоторые обиды кажет. И вы в том оберегитесь, чтоб было не напрасно».

² Имеются в виду представители администрации бывшего губернатора Сибири князя Гагарина, казненного в 1721 году за казнокрадство.

просьбы; я и сам его рожи калмыцкой не люблю, но видя его в том деле весьма права и к строению заводов смышленна, разсудительна и прилежна». В конце своего рапорта генерал Геннин просил государя: «Пожалуй, не имей на него, Татищева, гневу и выведи его из печали, и прикажи ему здесь (на Урале. — *В. Т.*) быть обер-директором или обер-советником».

В первой половине июля 1723 года Сенат, рассмотрев жалобу Демидова на Татищева и обстоятельства конфликта между ними, описанные в рапорте Вилима де Геннина, полностью оправдал Татищева. Сенаторами было принято решение у Никиты Демидова за то, что «не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но, презирая указы, дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать, вместо наказания взять штраф 30 000 рублей»¹. Кроме того, заводчику было вменено Сенатом в обязанность возместить Татищеву все убытки, которые он понес в ходе следствия, выплатив в его пользу 6000 рублей.

В декабре 1723 года Татищев прибыл с Урала в Санкт-Петербург, чтобы представить императору проекты В. И. Геннина по совершенствованию горной промышленности. Петр I принял Татищева в январе 1724 года, государь был очень приветлив и долго говорил с ним о науках, о развитии в России образования, об учреждении Академии наук.

В июне 1724 года Татищев был назначен сенатским указом на должность советника Берг-коллегии, но на Урал ему ехать не пришлось. Петр I решил отправить способного чиновника в Швецию с поручением «смотреть и уведомиться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оного государства» и одновременно изучать шведскую организацию горного и монетного дела, работу мануфактур, подыскивать и нанимать искусных мастеров для службы в России². В ноябре 1724 года Татищев снова покинул Санкт-Петербург.

---

¹ Сумма штрафа была огромной даже для Демидовых, поэтому Петр I дал им отсрочку в его выплате. После смерти же государя покровительствовавший Демидовым А. Д. Меншиков отменил, с согласия генерал де Геннина, не желавшего портить отношений со всесильным в ту пору временщиком, решение Сената о наложении на Никиту Демидова штрафа.

² Сам Татищев об этой поездке в Швецию написал: «1724-го в ноябре послан во Швецию для некоторых секретных дел» (*Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. М., 1994. С. 349.*)

Первые два месяца пребывания в Швеции Василий Никитич болел, когда же выздоровел, пришло известие о смерти государя. Взошедшая на престол Екатерина I не стала отзывать Татищева из Швеции, и он решил несмотря ни на что выполнить возложенные на него Петром I поручения. Татищев осмотрел шведские горные заводы и рудники, достал чертежи и планы, по которым они организовывались, договорился с местными инженерами и мастерами о направлении к ним на выучку молодых людей из России.

Одновременно он продолжал свои исторические изыскания: собирал в Швеции материалы по древней русской истории, покупал иностранные книги¹ и манускрипты, беседовал с различными шведскими учеными, выведывая у них необходимые для организации горного дела научные сведения.

По возвращении в начале мая 1726 года в Россию В. Н. Татищев был восстановлен в должности советника Берг-коллегии, но благоволившего к нему Я. В. Брюса в этом ведомстве уже не было: он оказался неугоден Меншикову, заправлявшему делами государства от имени императрицы Екатерины I, и был уволен с поста президента. Атмосфера, сложившаяся внутри Берг-коллегии после ухода Брюса, была неприятной для Татищева. Но, к счастью, служить ему здесь пришлось недолго. 14 февраля 1727 года императрица Екатерина I подписала указ о направлении Татищева на службу при Московском монетном дворе. 7 марта 1727 года для управления монетными дворами была учреждена Московская монетная контора. Во главе ее стал Московский губернатор А. Л. Плещеев. В состав конторы был включен наряду с И. А. и П. И. Мусиными-Пушкиными также В. Н. Татищев.

Пребывание Татищева в Москве благоприятно сказалось на его занятиях русской историей. Он сошелся здесь с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, в библиотеке которого было много древних рукописных книг, в том числе и летописей. После ареста князя в 1737 году большая их часть была растащена, самые ценные из них оказались в библиотеке у Бирона и пропали навсегда. В круг людей, с которыми Татищев общался в конце 20-х годов, входили

---

¹ Татищев купил здесь, в частности, изданное в Гамбурге в 1696 г. сочинение А. Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию», книгу шведской королевы Ульрики Элеоноры «О формах правления» (1719), 19 томов немецкого периодического издания XVII—XVIII вв. под названием «Европейское обозрение».

Антиох Кантемир, старший брат которого был женат на дочери Д. М. Голицына, и Феофан Прокопович. Василий Никитич обсуждал с ними свои философские произведения, а также написанные им в то время главы «Истории Российской». В московский период своей государственной деятельности Татищев начал писать самое значительное из своих философских трудов сочинение — «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».

В ночь с 18 на 19 января 1730 года умер молодой российский император Петр II. Верховный тайный совет¹, воспользовавшись тем, что взрослых наследников императорского престола не существовало, взял решение вопроса о новом императоре в свои руки. Рассмотрев возможные кандидатуры на императорский трон², «верховники» пришли к мнению о том, что необходимо пригласить на него младшую дочь брата и соправителя³ Петра I Иоанна Алексеевича курляндскую герцогиню Анну Иоанновну. Данное мнение было поддержано подавляющим большинством членов Сената, Синода, коллегий и генералитета.

Сделав выбор в пользу Анны Иоанновны, Верховный тайный совет одновременно решил, что она должна будет подписать перед своим воцарением документ с некими условиями, ограничивавшими ее власть. Первоначальный вариант этого документа, названного сначала просто «пунктами», а потом «кондициями», был выработан 19 января. Текст его был отвезен к Анне Иоанновне вместе с письмом, в котором «верховники» сообщали ей о смерти Петра II, а также о том, что они вместе с «духовного и всякого чина» светскими людьми «заблагорассудили российский престол вручить» ее императорскому величеству, а каким образом ее величеству «прави-

---

¹ В его состав входили в то время: канцлер граф Г. И. Головкин, вице-канцлер барон А. И. Остерман, князь Д. М. Голицын, князья А. Г. и В. Л. Долгоруковы. На заседании, собравшемся сразу после кончины Петра II, в состав Верховного тайного совета были включены генерал-фельдмаршалы князья В. В. Долгоруков и М. М. Голицын). Таким образом, Верховный тайный совет состоял с 19 января 1730 г. из семи человек.

² В числе таких кандидатур «верховниками» рассматривались: невеста умершего императора Екатерина Долгорукая и трехлетний внук Петра I, сын его дочери Анны и Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, Петр (ставший впоследствии императором Петром III). Именно Анне Петровне должен был отойти императорский трон, согласно завещанию Екатерины I, в том случае, когда Петр II умирал при отсутствии наследника, но Анна умерла в 1728 г.

³ С конца мая 1682 до конца января 1696 г.

тельство иметь, тому сочинили кондиции». В конце письма «верховники» всепокорно просили Анну Иоанновну «оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды, в Москву, ехать и российский престол и правительство воспринять»¹.

25 января Анна Иоанновна подписала привезенные ей «Кондиции», начертав на представленном ей тексте слова: «Тако по сему обещаю без всякого изъятия содержать. Анна». Письмом от 28 января Анна Иоанновна сообщила Верховному тайному совету о решении «принять державу» и о том, что подписала своей рукой, какими способами будет вести правление. На следующий день она отправилась в Москву.

Получив 30 января известие о том, что Анна Иоанновна согласилась вступить на престол и приняла предложенные ей условия правления, «верховники» приступили ко второй части своего плана — к выработке принципов, закрепляющих новый порядок осуществления монархической власти в России.

Петр II умер буквально накануне своего бракосочетания с княжною Екатериной Алексеевной Долгорукой². На предполагаемые торжества по случаю этого события в Москву съехалось множество гостей — дворян и купцов из различных мест России. «Верховники» понимали, что без опоры на широкие дворянские круги их замысел ограничения самодержавной власти потерпит неудачу. Поэтому они не скрыли своих намерений от собравшихся в Москве дворян. Естественно, что знали об этих намерениях и высшие духовные и светские должностные лица, не входившие в Верховный тайный совет. После десятилетий жестокого произвола, чинившегося Петром I и приближенными к нему вельможами, бóльшая часть дворянства не могла не относиться сочувственно к попыткам обуздать произвольные действия верховной государственной власти и установить гарантии безопасности личности и собственности.

«Кондиции», предложенные Анне Иоанновне к подписанию «верховниками», отвечали интересам не только аристократии, но и всего дворянства. В исторической литературе приводятся различные варианты этого документа, но все они содержат обещание императрицы не лишать дворянина жизни, звания, имущества и чести

---

¹ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. Кн. 10. М., 1963. С. 202.

² Данное бракосочетание должно было состояться днем 19 января. Петр II скончался в самом начале указанных суток — в половине первого ночи.

без суда¹. Кроме того, в «Кондициях» предусматривалось, что по таким вопросам, как объявление войны и заключение мира, обложение подданных новыми податями, производство в «знатные чины, как в стацкие, так и в военные, сухопутные и морские выше полковничья ранга», в придворные чины, пожалование вотчин и деревень, новая императрица должна принимать решение только по совету и с согласия Верховного тайного совета². В ведении последнего должны были находиться в соответствии с «Кондициями» гвардия и прочие войска. Однако для установления новой формы правления подобного документа было недостаточно.

2 февраля 1730 года члены Сената, Синода и генералитета были приглашены от имени Верховного тайного совета в назначенное на следующий день (то есть 3 февраля) собрание. В этом собрании были зачитаны письмо Анны Иоанновны от 28 января и подписанные ею «способы», которыми она свое правление вести желает, то есть «Кондиции»³. По словам историка С. М. Соловьева, во время указанного собрания «князь Алексей Михайлович Черкасский потребовал на словах, чтоб ему и другим позволено было подать мнения о новом государственном устройстве. Верховники согласились, исполняя этим свое прежнее обещание»⁴.

¹ «У шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать», — говорится в варианте «Кондиций», приведенных в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (кн. 10. М., 1963. С. 202) и в книге Д. А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880. С. 17—18). «У шляхетства чинов, деревень и земель без суда не отнимать», — такая формулировка дана в тексте, опубликованном в «Памятниках новой русской истории» (т. 1. СПб., 1871. С. 3). В варианте «Кондиций», приведенных в донесении французского посланника в России Маньяна в Париж, рассматриваемый пункт был изложен следующим образом: «Ни у кого из дворян не может быть отобрано имущество без ясного доказательства его вины» (цит. по: *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 48).

² См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 202—203; Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 167—170.

³ Указанное письмо было привезено в Санкт-Петербург 2 февраля генерал-майором Михаилом Леонтьевым. Об этом говорится во вступительной части «Формы присяги».

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 208. С. М. Соловьев в качестве даты собрания, в котором были оглашены письмо Анны Иоанновны и подписанные ею «Кондиции», называет 3 февраля. В современных работах, посвященных событиям 1730 г., указанной датой считается почему-то 2 февраля (см.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 178; *Плотников А. Б.* «Продолжение» Кондиций и последний политический проект Верховного тайного совета

Выработка проекта более обширного, более конкретного политического и правового акта, призванного закрепить ограничение самодержавной власти, началась в конце января и проходила вплоть до 25 февраля. Помимо «верховников» активную работу в этом направлении вели многие лица, представлявшие различные круги дворянства от крупного до мелкопоместного. Проекты, записки, просто мнения шли потоком в Верховный тайный совет¹.

В разработке одного из проектов принял по предложению шляхетского кружка, возглавлявшегося князем А. М. Черкасским, и В. Н. Татищев. По некоторым свидетельствам, Василий Никитич уже 23 января «читал кое с кем» записки о шведской форме правления, встречался с посланником короля Швеции и просил у него постановления рикстагов, обещая хорошо заплатить за эти документы. Этот факт показывает, что он был сторонником ограничения самодержавия в России и довольно решительного. Правда, после того, как ему стало известно, что российский императорский престол предложен Верховным тайным советом Анне Иоанновне — дочери царя Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны, при дворе которой он был стольником, его желание поддерживать такие планы должно было ослабеть.

Составленное Татищевым в 1730 году «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным», конечно, не выражало в полной мере заветных его мыслей по данному вопросу. Татищев стремился в этом документе облечь в письменную форму то, с чем были согласны все члены кружка князя Черкасского или по крайней мере большинство их². Да и писалось названное «разсуждение» уже после того,

---

в 1730 г. Верховники за изучением предложений «знатного шляхетства» // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 225). На самом деле 2 февраля Верховный тайный совет лишь объявил об этом собрании, которое предложил созвать *на другой день*.

¹ Сохранились тексты около 20 более или менее крупных проектов ограничения в той или мере произвола самодержавной власти, подписанных группами дворян. В общей сложности около одной тысячи представителей дворянского сословия поставили свои подписи под такими проектами. См. некоторые из этих проектов в издании: Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 170—177.

² «Сии пункты по два раза в немалых собраниях шляхетства читаны и доплавная, я в доме Василия Новосильцова февраля 4 числа 1730 подписали», — говорилось в «разсуждении» после изложения всех предложений по новому устройству верховной государственной власти. Далее шел перечень фамилий подписавших до-

как попытки ограничить самодержавие провалились. Однако компромиссный характер содержащихся в нем предложений был вполне в духе мировоззрения Татищева. В «разсуждении», с одной стороны, выражалось неприятие слишком решительного ограничения самодержавия, при котором аристократия становилась бы властвовавшей силой. «Аристократия нас довольно вредом приключенным научила»¹, — заявлял Татищев, ссылаясь при этом на конкретные исторические примеры². С другой стороны, неприемлемым объявлялось в рассматриваемом документе сохранение самодержавной власти в прежнем ее объеме и на прежнем основании. В нем все же проводилась идея ограничения самодержавия, пусть и в очень осторожной, завуалированной форме. «Государыня императрица, — говорилось в «разсуждении», — хотя мы ее мудростию, благонаравием и порядочным правительством в Курляндии довольно уверены, однако ж как есть персона женская, к так многим трудам неудобна, пачеже ей знание законов недостает, для того на время, доколе нам всевыший мужескую персону на престол дарует, потребно нечто для помосчи ее величеству вновь учредить, но каким порядком, то, довольно третияго дня разсуждая в великом собрании, положили следующее.

1. Быть при ее величестве в Вышнем правлении, Сенате или Совете 21-й персоне, в котором нынешний Верховный совет останется.

2. Чтob оной делами внутренней економии отягосчен не был, другое правительство учредить во сте персонах, которым по третям года третией части в правлении оставятся, а две части могут в домех своих управлять. Но в каждой трети в конце, то есть в декабре, апреле, августе или в начале, в генваре, мае и сентябре, для разсмотрения важных дел кождогодно собираться или когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя или другое так великое

кумент — всего 288 (*Татищев В. Н.* Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным // *Татищев В. Н.* Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 151).

¹ *Татищев В. Н.* Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным. С. 148.

² «Как скоро великие князья детей своих равно стали делить и оные удельные, не повинуюся великим князем, ввели аристократию, а потом несогласиами друг друга разорjali, и зделались великие князи безсильны, тогда татара, нашед, всеми обладали, литовские бывшею под властию многую часть от государства отторгнули. И так пребывало государство в рабстве татарском более 200 лет» (там же).

дело, то по повестке всем съезжаться и не более месяца общее собрание продолжать»¹ и т. д. — всего десять пунктов, которые предлагалось рассмотреть собранием из 100 достойных людей, избранных всем шляхетством².

Утром 25 февраля 1730 года делегация, возглавляемая князем А. М. Черкасским, подала Анне Иоанновне в присутствии членов Верховного тайного совета, Сената, генералитета и нескольких сотен простых дворян петицию, удостоверенную подписями 87 человек. Текст петиции зачитал В. Н. Татищев. Среди лиц, подписавших данный документ, были, помимо князя Алексея Черкасского, также князья: Петр Черкасский, Борис и Григорий Юсуповы, Никита Трубецкой, Иван Борятинский, Данило Друцкой, Андрей Шаховской, графы: Иван и Михайло Головкины и Матвеев. В петиции выражалась благодарность новой императрице за то, что она изволила «представленные от Верховного Совета пункты подписать» и после этого говорилось: «Однако же, Всемилостивейшая Государыня, в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущаго безпокойства, из которого только неприятелем Отечества нашего польза быть может, и хотя мы, с благоразсудным разсмотрением написав на оные наше мнение, с подобающею честью и смирением Верховному Тайному Совету представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствия всего Государства по оному, яко по большему числу голосов, безопасную Правления Государственного форму учредить, однако же, Всемилостивейшая Государыня, они еще о том не разсудили, а от многих и мнений подписанных не принято, а объявлено, что того без воли Вашего Императорского Величества учинить невозможно»³. Далее в петиции содержалась просьба к императрице разрешить «собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий разсмотреть и все обстоятельства изследовать, согласным мнением по большим голосам форму Правления Государственного сочинить»⁴ и представить к утверждению ее величеству.

¹ *Татищев В. Н.* Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным. С. 150.

² Там же. С. 151.

³ Петиция депутации дворянства об изменении формы правления (подана А. М. Черкасским) // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. С. 178.

⁴ Там же. С. 179.

Выслушав петицию, Анна Иоанновна подписала ее. И в этот момент из толпы присутствовавших в зале офицеров-гвардейцев раздался крики: «Не хотим, чтоб государыне предписывались законы, она должна быть такою же самодержицею, как были все прежние государи». Анна Иоанновна стала успокаивать их, но гвардейцы опустили перед ней на колени и закричали: «Государыня, мы верные подданные вашего величества; мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе вашего величества; но мы не можем терпеть, чтоб вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев»¹. Видевшие эту сцену податели петиции выразили желание написать новый ее вариант и попросили Анну Иоанновну принять их еще раз в этот же день, после обеда.

За короткое время была составлена новая петиция в адрес императрицы. Ее подписало уже 150 человек. Дворянство обращалось к Анне Иоанновне в данной петиции со следующими словами: «Когда Ваше Императорское Величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно, для лучшего утверждения и пользы отечества нашего, сего числа подписать, недостойных себе признаем к благодарению за так превосходную Вашего Императорского Величества милость. Однакож усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарства всеподданнейше приносим и всепокорнейше просим всемилостивейше принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к Вашему Императорскому Величеству от Верховного Совета и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить»².

После того, как чтение петиции было закончено, императрица, притворившись удивленною, спросила: «Как! Разве пункты, которые мне поднесли в Митаве, были составлены не по желанию целого народа?» Обвинив «верховников» в обмане, она распорядилась принести к ней текст «Кондиций» и демонстративно его изорвала.

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 218. См. также донесение французского агента де Бюсси от 26 февраля 1730 г., опубликованное в издании: Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 68.

² Петиция депутации дворянства о восстановлении самодержавной формы правления (подана Трубецким) // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. С. 181.

«Верховники» потерпели неудачу *не потому, что не нашли достаточной поддержки со стороны русского дворянства своему замыслу ограничить произвол верховной государственной власти*, но по той причине, что не сумели убедить дворян в действительном наличии у них такого замысла. Как ни парадоксально, дворяне, поддержавшие «верховников», и те, кто «всемилодивейше» просил Анну Иоанновну принять «самодержавство» таким, каковое имели ее «преславные и достохвальные предки», руководствовались в своих действиях *одинаковым мотивом* — те, и другие боялись произвола верховной государственной власти. Не случайно в первой из петиций, представленной Анне Иоанновне дворянами 25 февраля 1730 года, недвусмысленно говорилось о реформе государственного строя России. О государственных преобразованиях шла речь и в дворянских проектах, представлявшихся в Верховный тайный совет. Расхождение между «верховниками» и массой простых дворян заключалось лишь в том, что первые считали, что опасность произвола со стороны верховной государственной власти сильнее в случае, когда данная власть находится в руках одного лица, вторые же полагали, что произвол коллегиальной верховной власти хуже произвола одного лица¹.

Участие В. Н. Татищева в кружке князя Черкасского, поддержавшего самодержавные устремления Анны Иоанновны, поначалу благотворно сказалось на его карьере. Ему было поручено исполнять почетную должность обер-церемониймейстера при коронации новой императрицы. В день же самой коронации, 28 апреля 1730 года, Василий Никитич был возведен в чин действительного тайного советника. Ему было пожаловано имение с тысячью душ.

До переезда царского двора из Москвы в Санкт-Петербург Татищев несколько раз приглашался государыней на беседы. Анна Иоанновна просила его написать историю царствования Петра I. Василий Никитич отказался выполнить эту просьбу, сказав, что правда многим не понравится, а писать неправду ему не хочется. Он обсуждал также с императрицей план учреждения «Академии ремесел» в составе четырех отделений: архитектуры, механики, живописи и скульптуры. И Анна Иоанновна склонялась поддержать

---

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Политические и правовые идеи проектов ограничения самодержавной власти в России 1730 года // Проблемы теории права и государства, истории политико-правовой мысли: Сборник работ учеников, друзей, коллег профессора О. Э. Лейста. Алматы, 2005. С. 238—251.

его, но Генрих Иоганн Остерман, завоевавший доверие императрицы предательством «верховников», убедил ее величество, что деньги будут потрачены в данном случае напрасно.

Из множества проектов Татищева, направленных на совершенствование государственного управления и стимулирование развития науки и образования в России, Анну Иоанновну по-настоящему заинтересовало только его предложение принять срочные меры к исправлению денежной системы. Финансы Российской империи находились в плачевном состоянии. Инфляция намного превышала разумные пределы. Василий Никитич советовал императрице в первую очередь провести изъятие из оборота старых неполноценных серебряных монет с тем, чтобы переплавить их на монеты установленной нормы. Анна Иоанновна согласилась на эту меру.

В июне 1730 года Татищев был назначен на место «главного судьи» Монетной конторы. Осуществление скупки у населения старых серебряных монет он решил возложить на группу деловых людей, полагая, что только личная заинтересованность исполнителей данной меры позволит быстро ее провести. В сентябре 1731 года эта компания заключила с казной контракт, по которому обязалась за определенную долю прибыли скупить у населения указанные монеты.

Осуществление данной операции заняло два года. В результате ее казна получила 13 500 рублей прибыли, а частная компания более 82 000. Все прошло в соответствии с заключенным контрактом, но один из участников компании, рассорившись со своими товарищами, подал руководителю Монетной конторы Михаилу Головкину донос, в котором поведал о многочисленных злоупотреблениях, которые допускались компанейщиками и чиновником Монетной конторы Татищевым.

Доносу немедленно был дан ход. Невыгодность проведенной операции для казны была слишком очевидной. С другой стороны, Татищев еще в 1731 году рассорился с любимцем Анны Иоанновны Эрнестом-Иоганном Бироном. Не сложилось у него нормальных отношений и с Михаилом Головкиным, который был почти на двадцать лет моложе его и мало что смыслил в монетном деле. В марте 1733 года Татищев был отстранен от должности «главного судьи» Монетной конторы и предан суду «за послабление компанейщикам». Его ждала суровая расправа, но Анна Иоанновна проявила милость и прекратила заведенное в отношении него уголовное дело. Однако в Москве Татищев не остался.

На Урале освобождалось место управляющего казенными заводами. Анна Иоанновна решила удовлетворить просьбу Вилима Геннина об отставке с этой должности, а Татищев, как человек уже занимавшийся этим делом, являлся лучшей ему заменой.

23 марта 1734 года Анна Иоанновна издала на имя действительного статского советника Татищева инструкцию, в которой предписала ему «ехать по первой полой воде, не мешкая» на Урал принимать дела у генерал-поручика Геннина. В 22 пунктах инструкции было подробно расписано, что надлежало делать новому управляющему уральской промышленностью¹. «Иметь тебе к размножению и пользы и прибыли Нашей крайнее прилежание», — говорилось в этом документе. Помимо строительства новых казенных заводов, Татищев должен был принять меры, «чтоб порядок канцелярский был добрый», понуждать геодезистов «к сочинению всей Сибири исправных ландкарт» и надзирать за их работой, присылать составленные ландкарты к императрице, «приобщая обстоятельное географическое описание». Пункт 10 государевой Инструкции гласил: «Тако ж Демидову и прочим в размножении их заводов, колико без ущербa размножению казенных заводов учинено быть может с прилежнoстию, им возмочь». При этом Татищев был обязан «иметь смотрение над всеми партикулярными заводами». Он должен был проследить, дабы частные предприниматели «по надлежащему строили и размножали новые заводы», чтобы «медь и железо делали как наилучше возможно, а негодного б железа и нечистой меди в продажу и отпуск не употребляли».

Инструкция предоставляла новому управляющему уральской промышленностью право принимать решения по многим важным вопросам без согласования с Сенатом и Кабинетом. Ему рекомендовалось советоваться лишь с Казанским и Сибирским воеводами.

Приняв в начале октября 1734 года дела от Вилима Геннина, Татищев поехал по Уралу осматривать заводы. Он хорошо понимал, насколько сложными бывают на практике взаимоотношения представителей государственной власти с частными заводчиками. Поэтому первые свои усилия в новой должности направил на выработку точных правил и процедур, способных урегулировать ведение горного дела.

---

¹ Инструкция от 23 марта 1734 г. действительному статскому советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую губернию *для смотра за прежними горными заводами и для учреждения новых* // 1-ПСЗРИ. Т. IX. № 6559.

9 ноября 1734 года Татищев принял со своими советниками решение об устройстве на Урале «особливой конторы и приказа» для отправления «судных и розыскных дел», осуществления разбирательств по «земским крепостным и полицмейстерским делам». Подобное учреждение существовало здесь с 1723 по 1727 год. 2 января 1736 года Татищев решил открыть Контору земских и юстицких (судных) дел.

Татищев с самого начала предполагал, что все подобные учреждения будут действовать на основе Уложения 1649 года и принятых после него новоуказных статей, регламентов, уставов, инструкций и других законов Российской империи. Поэтому он в первый же год своего пребывания на Урале постарался закупить на выделенные казной деньги достаточное количество «книг указов печатных» и произведений иностранных юристов по горному законодательству¹. Кроме того, Василий Никитич передал в Канцелярию главного правления сибирскими горными заводами немало законодательных актов из своей личной библиотеки. В ней имелись почти все печатные издания российских законов периода правления Петра I. С 1714 года Татищев собирал указы, касавшиеся горных дел, — причем собирал в двух экземплярах, как будто предчувствуя свое будущее уральское поприще. В результате Контора земских и юстицких дел была вполне обеспечена законодательными актами, необходимыми для отправления правосудия: в ее распоряжении имелись, например, такие документы, как Соборное уложение, Табель о рангах 1722 года, Наказ губернаторам и воеводам 1728 года, Регламент Камор-коллегии 1731 года, копии с «пополнительных указов» и др.

Пункт 18 полученной Татищевым от императрицы Анны Иоанновны Инструкции предписывал ему «в случившихся между промышленниками распрях по указам, правильной и непродолжительной суд и расправу чинить». Но при этом новому начальнику над сибирской промышленностью разрешалось в случае отсутствия в действующем законодательстве норм, необходимых для судебного разбирательства споров между заводчиками, выступить самому в

---

¹ Татищевым были куплены, в частности: изданная в Дрездене в 1698 г. книга немецкого правоведа Себастьяна Спана «Зерцало горных прав (Speculum Juris Metallici oder Berg-Rechts Spiegel)», напечатанное в 1710 г. в Лейпциге произведение Христофора Герттвига «Новая и полная горная книга (Neues und vollkommenes Berg-Buch)».

качестве их разработчика. «А понеже о том еще обстоятельных и довольных уставов, за новостию того дела, не имеется, а впредь без того миновать не возможно, — говорилось в Инструкции, — того ради, по рассмотрению надлежащих указов, и по причине приключившихся или впредь чаемых распрь между заводчиками и мастерами, в делах, к заводам принадлежащих, сочинить устав, к которому для совета созвать самих промышленников или прикащиков, и оной прислать к Нам для рассмотрения; також и впредь ежели на которое дело ясных указов не будет или обстоятельство дела с указами не согласуют: то вам поступать по тому же»¹.

Действуя в полном соответствии с этим пунктом Инструкции, Татищев вскоре после приезда на Урал приступил к составлению Горного устава. Он собрал в Екатеринбурге частных промышленников и приказчиков и поделился с ними своим замыслом, попросив их высказывать свои мнения, причем совершенно свободно: «Всяк имеет волю свое мнение объявить, колико ему бог в том знания уделил, и при том остаться доколе или тот, или другой, познав лучшую истину, первое переменит; я же вам всем по моей должности и по крайнему разумению служить и моим советом помогать желаю»².

Составленный В. Н. Татищевым проект Горного устава вносил новый дух в систему управления уральской горной промышленностью. В учреждении, носившем прежде немецкое название «Обербергамта» и переименованном Татищевым в «Канцелярию главного правления сибирскими горными заводами»³, устанавливался коллегиальный порядок принятия решений. Противопоставляя его порядку, обыкновенно существовавшему в его время в коллегиях,

¹ 1-ПСЗРИ. Т. IX. № 6559.

² Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 489.

³ Татищев заменил немецкие слова на русские в названиях не только заводских учреждений, но и в наименованиях должностей, а также технических сооружений и механизмов. Эту замену он объяснял следующим образом: «Усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в строении заводов все чины и работы, якоже и снасти, по-немецки названы, которых многие не знали и правильно выговорить или написать не умели, сожалея, чтобы слава и честь отечества и его труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе неподлежащие в размножении заводов честь привлекать, еще же из того и вред усмотря, что незнающие тех слов впадали в невинное преступление, и дело во опущении, яко полномочный, все такие звания оставил, а велел писать русскими» (цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 493).

Татищев писал: «В некоторых тому подобных *собранных правлениях*, не весьма уставу следуют, яко главные, прежде выслушать нижних голосов, свое мнение объявляют, для которого иногда нижние за почтение, из маности или за страх, истинное свое мнение и сущую надлежность не объявля, оставляют и оному неправильному соглашают и последуют, а потом, когда к суду позваны бывают, тем отговариваются, что не они большие; другие же коварно при даянии голосов весьма молчат, и когда протокол к закреплению придет, тогда, показывая себя, начинают спорить и новые доводы показывать, чрез что в делах токмо делают продолжение; некоторые же по закрепе дерзают противу порядка из домов своих протесты присылать или протоколисту отдают, ища токмо других невинно опорочить»¹.

Татищев осуждал в своем уставе злоупотребления, допускавшиеся судьями, считая главным их прегрешением осуждение невинных по злобе или за взятки. «Некоторые судьи, — говорилось в татищевском уставе, — забыв страх божий и вечную души своей гибель и презрев законы, многократно по злобе или кому дружа, а наипаче проклятым лихоимством прельстяся или кто глупым и нерассудным свирепством преисполняя, людей неподлежаще на пытки осуждают и без всякой надлежавшей причины неумеренно и по неколику раз пытаются; некоторые же до смерти пытаются, и на смерть или к лишению чести без всякого к тому надлежавшего доказательства осуждают»². В соответствии с нормами устава земский судья не мог назначать пытки обвиняемому, не поставив в известность главное заводское правление и не получив от него согласия на них. Приговор к смертной казни должен был, согласно уставу, выноситься только в присутствии всех членов Канцелярии главного правления.

В августе 1735 года разработанные Татищевым проекты Горного устава и других законов, регулирующих деятельность промышленников, были одобрены собранным им в Екатеринбурге съездом уральских заводчиков и их представителей. Однако императрица Анна Иоанновна по совету Э. И. Бирона отклонила татищевский проект Горного устава. Не получивший официального утверждения верховной государственной власти, этот устав тем не менее счи-

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 490.

² Цит. по: там же.

тался действующим среди уральских промышленников вплоть до конца XVIII века. Изданный в 1739 году Берг-регламент не мог его заменить: он состоял всего из 22 статей и регулировал, главным образом, вопросы статуса и деятельности Генерал-Берг-директориума, открытия новых рудников, налогообложения частных заводов¹.

Э.-И. Бирон, конечно, был уязвлен тем, что Татищев переименовал на Урале немецкие названия учреждений, должностей и механических устройств на русские, добившись разрешения на такую перемену от императрицы. Василий Никитич знал это: в одном из своих писем он писал, что Бирон «так сие за зло принял, что не однажды говаривал, якобы Татищев главный злодей немцев»². Но вместе с тем он понимал, что противодействие Бирона его проектам совершенствования управления уральской промышленностью выражало появившийся у временщика интерес к этой доходной отрасли государственного хозяйства.

Летом 1735 года на горе Благодать, расположенной рядом с Верхней Турой, были открыты богатейшие месторождения железа. Татищев сразу, как узнал об этом открытии, принял решение построить здесь новые казенные заводы и составил документ о закреплении за государством права разрабатывать недра горы. Когда эти сведения дошли до Акинфия Демидова, он бросился к Татищеву и предложил тому взятку в 3000 рублей за уступку ему гороблагодатского месторождения. Подобные предложения сделали Татищеву и другие заводчики, в частности, братья Осокины. Но Василий Никитич отказался принять щедрые подношения и отвел частным заводчикам лишь несколько участков богатой железной рудой горы. Почти всю разработку горы Благодать стали вскоре вести построенные по инициативе Татищева Кушвинский и Верхнее-Туринский казенные горные заводы.

В сентябре 1735 года Василий Никитич написал Анне Иоанновне: «Сего сентября 5 числа ездил я отсюда (из Екатеринбурга. — *В. Т.*) на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал: оная гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст по 100 и более; руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом в длину более 200 сажен, поперек на полдень сажен на 60; раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная од-

¹ См.: Берг-регламент от 3 марта 1739 г. // 1-ПСЗРИ. Т. X. № 7766.

² Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 493.

ним камнем в глубину; надеюсь, что и во многие годы дна не дойдем. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открывалось, тем же и вашего величества имя¹ в ней в бессмертность славиться имеет»².

В дополнение к этому в Архангельской губернии (в Лапландии) были обнаружены богатые залежи руды, из которой можно было выплавлять медь. Бирон решил взять разработку гороблагодатского месторождения железа и лапландских залежей серебра под свой контроль. Летом 1736 года он принял на службу целую группу немецких специалистов по горному делу во главе с бароном Куртом Александром фон Шёмбергом. 4 сентября императрица Анна Иоанновна подписала Указ, в котором говорилось: «Понеже Саксонский Обер-Берг-Гаумтман и Королевско-Польского Камергер Барон Шемберг принят на службу Нашего Императорского Величества, в чине Генерал-Берг-Директора, которому всемилостивейшее указали Мы: 1. Правление горных и рудокопных дел и заводов поручить, и следовательно, оные дела от Коммерц-Коллегии весьма отрешить, и особливый о том Департамент под главною его дирекциею учредить. 2. Оное порученное ему правление впредь называть Генерал-Берг-Директориум, которому непосредственно зависеть от Высочайших наших повелений, и в прочем иметь все преимущества, которыми прежняя Берг-Коллегия пользовалась и прочия Коллегии пользуются. 3. Понеже помянутому Генерал-Берг-Директору Шембергу, яко Президенту Генерал-Берг-Директории, правление всех в Государстве горных и рудокопных дел поручено, то и Действительному Статскому Советнику Татищеву, сколько до порученных ему Сибирских заводов касается, равно как прочим заводам, быть под ведомством его же Шемберга»³.

Став во главе горной промышленности России, Шёмберг разослал по заводам вопросник из 17 параграфов, с помощью которого надеялся получить хоть какие-нибудь сведения о российском гор-

¹ Татищев намекает здесь на то, что имя Анна означает Благодать.

² Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 489.

³ Указ от 4 сентября 1736 г. «О именовании Правления горных и рудокопных дел Генерал-Берг-Директориумом, с присвоением ему преимуществ прежней Берг-Коллегии и прочих Коллегий; о награждении за отыскания руд или за приискание к рудокопному строению способных мест и дозволении таковым объявителям заводить самим рудокопные заводы» // 1-ПСЗРИ. Т. IX. № 7047.

ном деле¹. Содержание вопросника показывало, что иностранец ничего не знал о том, как развивалась в России горная промышленность и какими особенностями она отличалась. Впрочем, поставлен он был Бироном на должность президента Генерал-Берг-директории не с целью способствовать развитию данной отрасли государственного хозяйства, но для того, чтобы организовать поступление доходов с горных заводов в личное распоряжение Бирона. Естественно, что Татищев мог только мешать этому грабежу иностранцами государственной казны. Поэтому Бирон и его поделщик Шёмберг постарались удалить честного русского чиновника от управления уральскими горными заводами. Для этого они вступили в союз с частными заводчиками Демидовым² и Строгановым. Те написали жалобы на Татищева, этим жалобам Бирон дал ход — в результате Анна Иоанновна приняла решение отстранить Татищева от руководства сибирской промышленностью. Вскоре представился случай сделать это в мягкой форме. 14 апреля 1737 года умер Иван Кириллович Кириллов (1689—1737) — начальник Оренбургской экспедиции, организованной в 1731 году в целях освоения Оренбургского края. И Анна Иоанновна своим рескриптом от 10 мая 1737 года назначила Татищева на его место. Как бы желая осветлить проявленную по отношению к нему черную неблагодарность, государыня объявила: «Мы на ваше вечное радение и доброе искусство всемилостивейшее полагаемся, и что вы в оной комиссии тщательнейшие свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей к вам высочайшей милости и действительном награждении всегда обнадежены быть можете, яко же и ныне в знак того вас в наши тайные советники жалуем»³.

Получив новое назначение, Татищев формально остался в прежней должности и продолжал считаться начальником над сибирскими заводами до 5 марта 1739 года. В этот день императрица

¹ Рожков В. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. С. 160.

² Акинфий Демидов предоставил Шёмбергу один из своих домов.

³ Об этом своем назначении Татищев писал: «В 1737-м над чаяние и желание мое пожалован тайным советником и с должностию генерала-поруччика определен к военной команде в Оренбургскую экспедицию, ис которого вида, что уже к докончанию способа не достанет, всю мою библиотеку, состоящую более 1000 книг, для пользы заводских школ (которые трудом моим учреждены и в доброй порядок приведены были) оставил» (*Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. С. 349*).

утвердила резолюцией «учинить по сему» доклад Шёмберга, в первом пункте которого говорилось: «Когда уже, по силе от Высокосительного Кабинета представленных и Всемиловейшее апробованных пунктов, касающихся до нового учреждения горных дел; Ее Императорское Величество Всемиловейшее повелеть изволила казенные заводы отдать партикулярным людям, то следовательно, и драгоценные Горные Канцелярии в Сибири и тамошних местах потребно отставить; а понеже Господин Тайный Советник Татищев, по Именному Ее Императорского Величества указу, содержит команду над Сибирскими и в тамошних местах лежащими, как казенными, так и партикулярными заводами; того ради, она команда у помянутого Господина Тайного Советника Татищева без Именного ж Высочайшего указа взята быть не может»¹.

* * *

Подоплека такой перемены в карьере не была тайной для Татищева. Раскрывая ее, он писал в 1745 году: «Берг-директориум учинено в 1736 году вместо Берг-коллегии; когда Бирон вознаменился оный великий государственный доход похитить, тогда он, призвав из Саксонии Шемберга, который хотя и малого знания к содержанию таких великих казенных, а паче железных заводов не имел и нигде не видел, учинил его генералом берг-директором с полною властью, частью подчиняя Сенату, но потом видя, что Сенат требует о всем известия и счета, а Татищев, которому все сибирские заводы поручены были, письменно его худые поступки и назначение представил: тогда, оставя все учиненные о том комиссии представления, все заводы под именем Шемберга тому Бирону с некоторыми темными и весьма казне убыточными договорами отдал»².

Удалив Татищева с Урала, Бирон с Шёмбергом развязали себе руки. Им было теперь легче осуществить свой замысел приватизации государственных заводов, успешно и с большим доходом для казны разрабатывавших гороблагодатское месторождение железных руд. Анна Иоанновна согласилась на передачу этих заводов создан-

---

¹ Высочайшая резолюция на доклад Генерал-Берг-Директора фон Шемберга «Об уничтожении Горных канцелярий в Сибири...» // 1-ПСЗРИ. Т. X. № 7768.

² Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1. С. 144—145.

ной ими частной компании не сразу. Она решила, что данный вопрос необходимо сначала обсудить с приближенными сановниками. 31 мая 1738 года императрица именным, данным Сенату, Указом учредила при Генерал-Берг-директориуме особую комиссию для разрешения вопроса: «как выгоднее содержать горные заводы, казною ли или частными людьми». В ее состав были включены: действительный статский советник барон Шафиров, обер-шталмейстер князь Александр Куракин, тайные советники граф Михаил Головкин и граф Мусин-Пушкин. В задачу названных лиц вменялось обсудить поставленный вопрос и подать императрице свое мнение. Комиссия, как ей было предписано, немедленно приступила к работе. Она признала вполне выгодным в целом для государства содержание горных заводов частными лицами, но отказалась поддержать просьбу Шёмберга о передаче ему казенных гороблагодатских заводов. Иностранец утверждал, что для казны от этих заводов нет никакой прибыли, но Татищев оценивал их как очень выгодные для государства предприятия. Он сообщил комиссии, что Кушвинский завод производил в бытность его на Урале 290 000, а Верхне-Туринский — 140 000 пудов железа, на них работало 600 человек и они давали государству 50 000 рублей прибыли в год¹. В результате комиссия представила в Кабинет мнение о том, чтобы гороблагодатских заводов «Шембергу не отдавать», так как «он, Шемберг, только будет рачить об одной своей партикулярной, а не о Государственной прибыли и пользе»².

Столь неблагоприятное мнение комиссии о Шёмберге не помешало, однако, Бирону убедить Анну Иоанновну передать государственные гороблагодатские заводы в распоряжение барона. 3 марта 1739 года императрица подписала Привилегию Генерал-Берг-Директору Курту Александру фон Шёмбергу «Об учреждении Горной компании для разработки руд, отысканных у речки Русенихи и в Верхотурье в горе, называемой Благодатью»³. Согласно пункту 8 это-

---

¹ См.: Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № 4 (апрель). С. 457.

² Я привожу это мнение по пересказу, изложенному в определении Сената от 25 июня 1742 г. «Об отобрании по силе указа 7 апреля сего года у барона фон Шемберга Гороблагодатских и в Лапландии горных заводов...» // 1-ПСЗРИ. Т. XI. № 8571 (СПб., 1830. С. 616).

³ 1-ПСЗРИ. Т. X. № 7767.

го документа иностранцу было дозволено платить в казну с выплавленной меди не одну десятую долю, как это предписывалось всем русским заводчикам в высочайше утвержденном в тот же день Берг-регламенте, но лишь «по одному рублю с каждого пуда» — удивительная даже по тем временам щедрость!

Но Шёмбергу столь большой выгоды оказалось недостаточно. После восшествия на российский императорский престол дочери Петра I Елизаветы¹ сенаторы решили расследовать аферу Бирона—Шёмберга с приватизацией государственных заводов. И выяснилось, что эти иностранцы оказались не только аферистами, но и обыкновенными лихоимцами. Организовать как следует работу подаренных им Анной Иоанновной государственных заводов они не сумели, поэтому запустили руки в казну. По подсчету Татищева, Бирон и Шёмберг за два года своего разгула на Урале похитили более 400 000 рублей государственных денег². Факт хищения Шёмбергом денежных средств из казны был официально признан актами Сената.

Высочайше утвержденным докладом Сената от 7 апреля 1742 года было ликвидировано учреждение, носившее название «Генерал-Берг-директориум», вместо него были восстановлены Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия. В этом же докладе было заявлено: «А ныне в Сенате из дел усмотрено, что от помянутого Генерал-Берг-Директора, чрез точное поручение в ведомство одному тому Шембергу, всех горных и рудокопных дел, не токмо казенная польза последовала, но сам он Шемберг, за взятое казенное железо, уже по прошествии довольного за сроком времени великою суммою должен, а сверх того, на нем же, Шемберге, казенных денег надлежит взыскать не мало же»³.

18 мая 1742 года барон фон Шёмберг подал довольно резкую в выражениях челобитную в Сенат. В ответ сенаторы вынесли 25 июня того же года определение, в котором приказали: «Оное его, Шемберга, челобитье, яко не токмо к оправданию его служащее и неосновательное, но еще и по немало внесенным в том противным экс-

¹ В XVIII в. это имя писали и произносили как Елисавета.

² См.: *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 2. С. 22.

³ Высочайше утвержденный доклад Сената от 7 апреля 1742 г. «О бытии вместо Генерал-Берг-Директориума по прежнему Берг и Мануфактур-Коллегиам, каждой особо» // 1-ПСЗРИ. Т. XI. № 8543.

прессиям, отставить (т. е. отклонить. — *В. Т.*)»¹. В обоснование своего решения сенаторы привели факты, которые выставляли Шёмберга в качестве настоящего уголовного преступника. Так, они указали, что руды в Лапландии были открыты не Шёмбергом, но архангелогородцами Ерофеевым и Мырцовым, которые «тогда ж и просили, что они заводы заведут своим коштом и вольными работными людьми компаниею, и объявляли к тому заведению сумму довольную, Гороблагодатские же заводы построены немалым казенным иждивением, а именно, издержано на оное 42.159 рублей, которые деньги при отдаче ему тех заводов он, Шемберг, заплатит обязался еще в 739 году, но и не токмо всей той суммы не заплатил, но и ничего не уплатил; а по данной ему особливо на те заводы 739 года привилегии повелено, и по поданному от него самого в 738 году, Марта 19 дня доношению, он с будущего года платит в казну с Гороблагодатских заводов, по 6.000 рублей в год, а в Лапландии с каждого пуда изготовленной меди по рублю..., также за содержание при заводах пива, вина, табаку и за приписных к тем заводам людей, которых отдано более полутрети тысячи душ, подушные деньги и прочие доходы в казну платить обязался; а по поданной из Берг-Коллегии ведомости показано, что с Лапландских заводов никакого в казну платежа с начала не бывало и поныне нет, да и плавки де меди не было, а о Гороблагодатских заводах и о платеже положенных в казну доходов и известия нет, и от него барона Шемберга не показано». При расследовании аферы Шёмберга сенаторы установили, что он вместо того, чтобы тратить на содержание находившихся в его владении заводов собственные деньги, брал несколько раз средства из казны — в большинстве своем деньгами, но частью железом. В результате Сенат постановил взыскать с иностранца-лихоимца 134 944 рубля немедленно, а 99 635 рублей 77 копеек по истечении 1742 года, если он предоставит надежную гарантию выплаты этих денег.

На основании действовавших законов — принятых Петром I указов, в соответствии с которыми предписывалось отбирать заводы у незначительных заводчиков, неспособных наладить их работу и

---

¹ Высочайше утвержденное определение Сената от 25 июня 1742 г. «Об отобрании по силе указа 7 апреля сего года у Барона фон Шемберга Гороблагодатских и в Лапландии горных заводов и сальных и китоловных промыслов, и об управлении оных от казны, доколе явятся желающие взять их в содержание» // 1-ПСЗРИ. Т. XI. № 8571.

получать от этого прибыль, содержащих свои предприятия не так, как предусмотрено привилегией, сенаторы приняли решение: «Того ради вышеписанные Гороблагодатские и ту гору Благодать, и в Лапландии горные заводы и сальные и китоловные промыслы... от него Барона фон Шемберха отобрать в немедленном времени, и содержать оные, пока в содержание охочим к тому надежным людям с приращением казенной прибыли отданы будут, казенным коштом, имея при том Берг и Коммерц-Коллегиям доброе и прилежное старание, чтоб оные, не токмо упущены, но и с приращением казенной прибыли содержаны были». Одновременно сенаторы решили доложить ее императорскому величеству, что по силе Указа от 10 января 1721 года имение Шёмберга и письма его, кои есть в России, надлежит все запечатать, «а его, Шемберха, взять под караул и спрашивать: не утаил ли он где каких своих имений, и кому не роздал ли под образом займа или каких сделок и в долги, и в купечество, и кому именно, и когда, и сколько».

* * *

Служба Татищева в качестве начальника Оренбургской экспедиции продолжалась два года. Тем не менее Василий Никитич многое успел: установил соответствующие своей натуре порядки в администрации экспедиции, организовав коллегиальную систему принятия решений и наладив делопроизводство. Повел решительную борьбу со злоупотреблениями чиновников по отношению к местному населению, приступил к организации школ для обучения местных жителей русской грамоте. Оказавшись в новом регионе Российской империи, Татищев стал изучать его географию, составлять карты. 1738 год был для него периодом интенсивных научных занятий. Он подготовил к печати открытый им в 1734 году Судебник Ивана IV, написал еще одну часть главного своего труда «Истории Российской».

Между тем открытое противодействие Татищева затеянной Бироном и Шёмбергом приватизации государственных горных заводов даже после того, как он был отстранен от руководства сибирской промышленностью, вызвало ответную реакцию временщика. Он нашел недовольных Татищевым в администрации Оренбургской экспедиции, а таковых найти было нетрудно — Василий Никитич был беспощаден к взяточникам, казнокрадам, садистам, измывавшимся над местным населением, — и сфабриковал с их помощью

обвинения против него. В Петербург потоком пошли доносы на негодного Бирону русского государственного деятеля.

Василий Никитич находился с января 1739 года в Санкт-Петербурге, он знал о том, что над его головой опять собирается гроза, но спокойно продолжал заниматься своими делами, надеясь, что все обойдется обыкновенными раскатами грома.

27 мая 1739 года Кабинет распорядился создать следственную комиссию для разбора выдвинутых против Татищева обвинений, спустя два дня обвиняемый был отстранен от должности начальника Оренбургской экспедиции и взят под домашний арест. Ситуация возникла весьма забавная: почти все чиновники, обвинявшие Татищева в «непорядках, нападках и взятках», сами находились под следствием по обвинению во взяточничестве и других злоупотреблениях по службе. Самым главным обличителем был среди них полковник Тевкелев. Бирон, получив от него донос на Татищева, пригласил его в Петербург. На его показаниях следственная комиссия, возглавлявшаяся давним недоброжелателем Татищева Михаилом Головкиным, и построила свои обвинения¹.

Отвести их Татищеву помогла установленная им в администрации Оренбургской экспедиции коллегиальность руководства. Ему без труда удалось доказать, что ни одного серьезного решения он не принимал без совета с другими должностными лицами и согласия их на эти решения. Отвергая обвинения во взяточничестве, Василий Никитич отвечал комиссии: «Мои дела свидетельствуют, что я, будучи при заводах, если б хотел наживать, мог сто раз более, нежели все неправо показанные на мне взятки, тамо получить. Как свидетельствуюсь моими всеподданнейшими доношениями и доказательствами, что Демидов за гору Благодать, прежде нежели другой кто об ней знал 3000 рублей принося просил, чтоб я по данной мне инструкции ему отдал; Осокин о той же просил и генерал-берг-директориум (т. е. Шёмберг. — *В. Т.*) на то соизволили, за которое если бы я хотел безсовестен быть, не пожалел бы он десяти тысяч, и мне было с генерал-берг-директориумом согласовать нетрудно».

Несмотря на то, что обвинения против Татищева рассыпались одно за другим, следственная комиссия не прекращала против него

---

¹ Записку графа М. Г. Головкина об обвинениях полковника Тевкелева в адрес Татищева см. в издании: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 658—659.

дела. Этот факт со всей очевидностью свидетельствовал, что главный двигатель обвинительного процесса против Татищева Эрнест-Иоганн Бирон стремился во что бы то ни стало осудить его. Главная вина Татищева перед Бироном и другими иностранцами, окружившими российский императорский престол, заключалась в том, что он всегда оставался русским и потому мешал им беззастенчиво и беспрепятственно грабить Россию. По словам С. М. Соловьева, Татищев был в то время «главным представителем Новой России, новорожденной русской науки, русский человек, которого усердие и услуги императрице и ее власти были бесспорны; бесспорен был его горячий патриотизм — и его опала могла быть приписана только ненависти немцев к русской знаменитости или выказавшейся в чем-нибудь вражде русского патриота к ненавистному владычеству иноземцев»¹.

Репрессии Бирона обрушились и на братьев Василия Татищева. Иван Никитич, занимавший должность воеводы Исетской провинции Оренбургского края, был в августе 1739 года вызван в Военную коллегию: на него также поступил донос и автор был тот же — полковник Тевкелев. В сентябре 1740 года старшего брата Василия Татищева отстранили от должности и отдали под следствие. Обвинения в его адрес оказались в такой же степени безосновательными, как в отношении Василия Никитича. В 1741 году дело по обвинению Ивана Никитича прекратили, а его самого отпустили со службы в отставку. Никифор Никитич Татищев оказался негодным к военной службе: у него плохо действовали левые рука и нога. Поэтому Василий Никитич подыскал ему место комиссара по финансовым делам в Оренбургской экспедиции. Его младший брат был честным человеком, поэтому это назначение было вполне оправданным. На основании доноса полковника Тевкелева (опять его) Никифор Никитич был уволен со службы 3 апреля 1739 года, несмотря на то, что никаких злоупотреблений в его деятельности обнаружено не было.

Смерть Анны Иоанновны, последовавшая 17 октября 1740 года, ничего не изменила в положении Татищева, поскольку Бирон остался на вершине власти — он стал регентом при двухмесячном императоре Иване Антоновиче. 9 ноября 1740 года Бирон был арестован, а регентшей стала мать ребенка-государя племянница Анны

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 659.

Иоанновны Анна Леопольдовна. Василий Никитич попытался добиться от Сената включения в состав следственной комиссии людей, настроенных по отношению к нему более доброжелательно, но сенаторы не стали рассматривать его прошение. Иностранцы, для которых Татищев был кость в горле (банально звучит, но в данном случае лучше не скажешь), все еще сохраняли свои позиции у российского императорского трона. Старый враг Татищева Генрих Иоганн Остерман уговорил Василия Никитича повиниться, но даже после этого дело против него прекращено не было.

И только 31 июля 1741 года статус Татищева немного проявился: с подачи Остермана Анна Леопольдовна назначила его в Калмыцкую комиссию мирить кланы калмыцких феодалов, развязавших междоусобную войну. 17 августа Василий Никитич выехал в Поволжье, не имея при себе сколько-нибудь четких инструкций, устанавливающих объем его властных полномочий. Более того, формально он оставался подследственным: комиссия, разбиравшая обвинения в его адрес, так и не была распущена.

25 ноября 1741 года в результате нового дворцового переворота на императорский престол взошла Елизавета Петровна. Татищев, не зная еще об этом событии, 29 ноября обратился к Остерману с докладом о выполнении Калмыцкой экспедицией всех возложенных на нее задач. Вместо награды просил уволить его в отставку с государственной службы. «Воистину, я уже и малейшие трудности сносить, по моей старости и слабости, не в состоянии», — жаловался он. Но в декабре к Татищеву прибыл из Петербурга офицер с известием о том, что воцарилась дочь Петра I, что Михаил Головкин арестован, а Иван Черкасов и Алексей Бестужев, с которыми Василий Никитич был в дружбе, в великой милости у новой государыни¹, и его настроение переменялось на противоположное. В ответном послании Елизавете Петровне он искренне радовался переменам: «Присланный от Вашего Имп[ераторского] Величества капитан Приклонский объявил мне словесное Вашего Имп[ераторского] Величества всемилостивейшее о мне, недостойном рабе Вашем, напоминание. А понеже я чрез так многие годы за мои верные и раде-

---

¹ Иван Черкасов был пожалован императрицей Елизаветой Петровной в действительные статские советники и восстановлен в должности секретаря, которую занимал при Петре I. Алексей Петрович Бестужев (Бестужев-Рюмин) был назначен ведать иностранными делами в должности вице-канцлера, в 1744 г. он станет канцлером.

тельные к их величествам и государству службы от злодеев государственных тяжкое гонение и разорение терпел и в таком отчаянии находился, что ничего, кроме крайней гибели, ожидать не мог; ныне же нечаянно яко во тьме сидячего оставший свет Петра Великого паки на меня воссиял и единою печаль и страх отрешил: того ради наипаче сего Вашего Императорского Величества показанную ко мне, недостойному, милость чувствуя, хотя возблагодарить и заслужить до гроба моего не могу, но только прошу всещедрого бога, да умножит лет живота Вашего Императорского Величества и утвердит престол в наследии Петра Великого в бесконечные веки неподвижно»¹.

Василий Никитич надеялся, что императрица Елизавета Петровна продолжит отцовскую политику, и его злоключения на государственной службе отныне закончились. Однако его надежды на лучшее опять не сбылись. Он не был возвращен в столицу. Более того, 15 декабря 1741 года к его обязанностям по Калмыцкой комиссии была добавлена должность Астраханского губернатора.

Татищев воспринял свое назначение на эту должность как новое наказание. В феврале 1742 года он писал Ивану Черкасову: «По воле Ее Императорского величества, хотя и без объявления вины, в сие узилище я определен, где и чрез несколько дней, рассматривая с прилежанием, вижу, что сия губерния так разорена, как недовольно сведучей поверить не может, понеже люди разогнаны, доходы казенные растеряны или расточены, правосудие и порядки едва когда слыханы, что за так великим отдалением и недивно. Причина же сего есть главная что неколико губернаторов сюда вместо ссылки употреблялись и, не имея смелости, или ничего, или боясь кого по нужде, неправильно делали, а, может, и то, что, не имея достаточного жалованья, принуждены искать прибытка, невзирая на законы; особливо здешняя канцелярия более от того беспорядочна, что секретарям и подьячим дел таких, от которых достаточный доход иметь можно, мало, а жалованья нет, то принуждены коварствами и беспорядками доставать; купцы сильнейшие чем более торгуют или от чего им великое обогащение, как токмо от хищения казенных и разорения бессильных, они же, не желая к защищению их, как мню, не скупю предстателей закупили, то и видя их непорядки, нужно губернатору смотреть сквозь пальцы, опасаясь, чтоб

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. М., 1963. С. 323.

и за верность, как я в том искусился и так равномерно о себе рассуждаю, что и от меня Ее импер[аторское] Величество и сия губерния пользы видеть не могут, ибо мне, не имея надежды и смелости, более прежде бывших трудиться невозможно»¹.

Сообщая в Петербург о невозможности в сложившихся в Астраханской губернии условиях исполнять должность губернатора, Татищев тем не менее старался превозмочь обстоятельства и делал все, что мог сделать, для улучшения состояния вверенной ему в управление территории. Он попытался упорядочить рыбный промысел, наладить производство шелка, разведение хлопка. Благодаря ему в Астраханской губернии оживилась торговля, стали развиваться ремесла. Одновременно он строил на Волге выше Астрахани крепость Енотаевск, в которой намеревался разместить военный гарнизон для защиты местного населения. Им предпринимались меры к возрождению русского флота на Каспии: в Казани по его заказу началось строительство нескольких кораблей. Все это и многое другое, служившее пользе России, Татищев делал, не получая никаких наград, терпя, как и прежде, оскорбления и различного рода притеснения. Естественно, что в этих условиях в нем все сильнее становилось желание навсегда оставить государственную службу. В декабре 1743 года Василий Никитич писал Ивану Черкасову: «Ныне, видя себя в крайней горести, принужден вас, моего государя, яко надежного благодетеля, просить, чтобы меня отсюда взять и, если я ни к какой услуге не гожусь, в дом отпустить, ибо от клевет ненавидящих никакого полезного дела начать, ни прилежно на поступки подчиненных смотреть и от продерзостей удерживать не можно, терпеть же видимые беспорядки и вреды, мнится мне, против должности и присяги моей. С великою мне горестью слышу рассеянные на меня от моих злодеев сущие клеветы, якобы я персидских денег ни в казну, ни другим купить не допускал, а купил на себя многие тысячи; другое, якобы я с английским капитаном Элтоном, который в Персии, общий торг имею; третье, якобы я у пойманной мною ханши Джинны (вдовы Дундук-Омбо) насильно шубу соболью отнял»².

Государственная деятельность Татищева была подобна длительной военной кампании, в которой противники его постоянно менялись, но их военные действия против него оставались неизменными по своей жестокости. В одном из своих писем к Ивану Черка-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 326—327.

² Цит. по: там же. С. 328—329.

сову Василий Никитич взялся подводить итоги своей службы в Калмыцкой комиссии и в должности Астраханского губернатора да вольно иль невольно впал в воспоминания о прошлых своих злоключениях. «Что моей здесь горести и едва сносной трудности принадлежит, — писал он из Астрахани в конце 1744 года, — то я воистинно рад бы как можно [быстрее] отсюда освободиться, ибо вижу, что, хотя много трудился и верную услугу мою показал, яко вся Калмыцкая комиссия, в персидских, кабардинских, салтонутских и киргизских делах столько сделал, чего более требовать не могли, и в указах вижу, чего не надеялись; внутренние же: канцелярию весьма в лучший порядок привел, дела трудные, чрез много лет тянувшиеся, по крайнему разумению, не лстяся ни на какие посулы, по правости и законам перевершил, обиженных прилежу оборонить, и воров, и разбойников надлежаше осудил, здешнему городу многие пользы открыл и показал, доходы казенные умножил и тягостные народу или вредительные частью отставил, частью и рассмотрению представил, но за все оное не токмо награждения не вижу, но и надежды не имею, паче же от злодеев горестное оклеветание и поношение терплю, и, мой труд другим приписав, награждение и милость у ее величества исходатайствовали, мне же и жалованья дать не хотят. Ваше превосходительство довольно зная прежние мои приключения, сколько я терпел и, несмотря на злость сильных и чинительные мне препятства, верно государю и государству служить прилежал: 1) Демидов чрез адмирала графа Апраксина так меня пред его величеством (Петром В.) оклеветал, что все думали о моей гибели, но я, ведая мою правду, надеясь, что его величество сам дело внятно рассмотрит и неправую клевету наказать не оставит, смело поступал и, оправдався, большую его величества милость получил. 2) По смерти его величества сколько Меншиков за вымышленные им вредительные деньги на меня озлобился, что в ссылку послать указ в Сенат записал, но, устыдясь сам, и милостью ее величества тогда я избавился, яко невинный. 3) Долгорукие перво с вами в ссылку послать определили; потом, как они вознамерились честь государя и целость отечества разрушить, которым я, сильно воспротивясь, с прочими удержал, они, мне виселицу и плаху суля, сами посрамились. 4) Бирон, ища себе ненадлежащей власти и силы, вздумал, что я ему в том, яко же и в похищении великого от сибирских заводов дохода, препятствовать буду, разными образы искал меня губить, перво ссоривал с Черкасским, Салтыковым и Головкиным, что всем было известно; но, видя, что недостаточно, прину-

дил на меня плутов бить челом и незаконно судить велел, дважды без всякой вины под караулом держали; но бог по невинности моей меня избавил. Ныне Долгорукий, вспомня ту злобу, смертельно меня обидит, поносит и бранит и может что и ее величеству клеветает; токмо я не ужасаюсь, ведая, если б я его злобу ему явно истолковал, то как он, так и другие со стыдом принуждены были меня в покое оставить»¹.

Что бы ни говорили о российских бедах, сколько бы их ни называли: по-настоящему и всерьез одна у России беда — невозможность для честного человека безнаказанно служить своему Отечеству. Любый человек (какого бы звания и должности, каких бы способностей и характера он ни был), если делает он государственное дело так, как положено, если действует в интересах общества и государства, неизбежно сталкивается с ожесточенным противодействием, постоянно встречается со злобой и клеветой, подвергается гнусным оскорблениям и нападкам.

Василий Никитич Татищев сполна испытал это на себе. «Что же верности и ревности в службе государю и государству принадлежит, — писал он в своей «Духовной», — то весьма верно, ибо верно служащие как милости и награждения получают, так великим опасностям и горести подвержены, для того у всех плутов, хищников и прихотью преисполненных ненависть, оклеветание и гнев претерпевают»².

3 апреля 1745 года в Сенате был рассмотрен доклад следственной комиссии по делу Татищева, заведенному еще при императрице Анне Иоанновне. Все приведенные в докладе обвинения основывались лишь на доносах его недоброжелателей, и Татищев без труда отвел их еще во время следствия. Тем не менее сенаторы приняли решение взыскать с него те суммы, которые в доносах были объявлены взятками или ненадлежащим образом израсходованными казенными деньгами. Обер-прокурор Сената Иван Брылкин протестовал против этого решения, заявив, что имеет «сумнительства: 1) присужденные комиссиею ко взысканию с прочих деньги взыскать велено с одного Татищева, а те люди на него по нескольким пунктам не доказали; 2) вина ему отпущена по милостивым указам

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 330—331.

² Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С. 141.

1741 и 1744 годов»¹. Но сенаторы проигнорировали это мнение. Василий Никитич также протестовал против сенатского решения, но и его протест был оставлен без рассмотрения.

21 мая канцлер Алексей Бестужев предложил Елизавете Петровне отставить Татищева от должности Астраханского губернатора, поскольку тот сам просит об этом и не в состоянии из-за ссоры с наместником Калмыцкого ханства вести калмыцкие дела. Императрица согласилась с такими доводами, в преемники Татищеву она наметила обер-прокурора Сената Ивана Брылкина. Но указ об этой перемене обещала подписать после того, как пройдут торжества по случаю бракосочетания великого князя Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны.

Свадьба наследника престола состоялась 21 августа 1745 года, и после празднеств, продолжавшихся десять дней, был издан указ об освобождении Василия Татищева от должности Астраханского губернатора. В указе ничего не говорилось о его статусе и местожительстве. Но Иван Черкасов передал письмом совет Василию Никитичу жить либо в Симбирске, либо в симбирской деревне сына и ни в коем случае не появляться в Петербурге. Таким было не выраженное в указе пожелание государыни.

К середине ноября 1745 года Татищев окончательно освободился от бремени губернаторства и переехал в принадлежавшее его сыну Евграфу имение в селе Тетюшское, которое располагалось в Казанской губернии в 35 верстах от Симбирска². Отсюда Василий Никитич написал 27 декабря письмо Ивану Черкасову, в котором раскрыл свои тогдашние настроения: «О себе вам доношу: из Астрахани выехал я 17 ноября, а сюда, в симбирскую сына моего деревню, прибыл 22 декабря, и хотя мне дом приготовлен был в Симбирске, который я, будучи в Самаре, для приезда построил, но, избегая от людей беспокойства, рассудил жить здесь; однако ж и тут хотя

¹ *Татищев В. Н. Духовная* // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 334.

² В настоящее время село Тетюшское входит в Ульяновский район Ульяновской области (в Татарстане же находится городок Тетюши). Первоначальное название села — Тетюшская слобода. Оно было основано 50 казаками, поселившимися здесь в 1649 году со своими семьями для «станичной службы». В 1695 г. казаки были отсюда переселены в г. Азов, а их земли перешли к стольникам Нарышкиным. С 1700 г. землями села Тетюшское стала владеть сестра царя Петра Алексеевича великая княжна Наталья Алексеевна. У нее их приобрел Василий Никитич Татищев. От него эти земли перешли к сыну Евграфу, а затем и к внуку Ростиславу Евграфовичу.

благодарю бога, что в своем доме и от дел приказных досад не вижу, но другие не меньше досады наносят, во-первых, что такую трудную ездую болезнь паки отяготила, и для пользования не токмо доктора, но лекаря достать не могу; второе, хотя здесь недалеко драгуны на квартирах стоят, но разбои в самой близости чинятся: за пять дней до моего приезда близ моей деревни разбили завод винный, где вблизи стоял капитан с ротою, но никакого взыскания не учинил, и если сие для великой здесь в житах дороговизны происходит, то к весне, бесспорно, гораздо оных умножится, понеже многие крестьяне чем сеять не имеют. Третье, многие купцы и шляхетство, яко же и прочие, по знаемости приезжая, в разговорах с великою горестью и слезами приносят жалобы на воевод, полицеймейстеров, поставленных для искоренения воров по Волге и по винтер-квартирам офицеров и рядовых, и хотя я от них молчанием и рассуждениями причин отхожу, но по ревности моей к пользе отечества не могу без горести остаться, а паче видя, что за отдалением бедные люди скоро справедливости сыскать не могут, доходы же государственные невидимо умаляются, и притом, как вспоминаю намерение Его Импер[аторского] Величества (Петра В.) о учреждении коллегии государственной экономии, чрез которую надеялся правосудие восстановить, а наглые немощных обиды и коварные ябеды пресечь, доход государственный без отягощения народа умножить и расход по достоинству и потребности уравнивать, чтоб войско жалованьем и прочим удовлетворять, а народ оному разорять способы и случаи пресечь, рассмотрение по пределам, где какие подданным пользы умножить, а вреды отвратить; о училищах, чрез которые б во всех обстоятельствах рассуждениями государству пользы приносились. Сие сначала, мнится, князь Яков Федорович сочинял, потом граф Брюс с Фиком и старым Любрасом изъяснял и дополнял, что я у него с немецкого на русский переводить давал. Начало оного было письмо в поллисте и на многих местах приписывано рукою его величества, токмо мне оного, кроме заглавия, читать не давал, а из перевозенных, может, нечто у меня осталось, все же оное, к великому государственному сожалению, кончиною его величества не токмо яко еще неизвестное угасло, но паче то сожалеательно, что весьма государству полезные дела, которые уже при Его Величестве в действо произведены были, по нем разными образы уничтожены и пременены, так что горшие коварства и ябеды в судах, а немощных от сильных обиды и разорения происходить начали было, что всякому верному подданному вспомнать не безгоре-

стно, ибо Ее Импер[аторскому] Величеству неудобно о всем том ведать. Для избежания таких в отдалении горестных обстоятельств намерен я весною, если жив буду, переехать в дмитровскую деревню, которая от Москвы 50 верст, где я надеюсь всех тех тягостей и недовольств избежать; токмо прошу вас, государя моего, дать мне знать, не будет ли то противно: хотя в указе, где мне жить, точно не написано, но ваше было рассуждение, чтоб мне здесь жить»¹.

К весне 1746 года Татищев получил из Петербурга разрешение поселиться в своей деревне Болдино, располагавшейся в Дмитровском уезде (в настоящее время Солнечногорский район Московской области). В мае месяце Василий Никитич был уже там. Начался последний период его жизни.

Правительство не оставило отставленного от государственной службы Татищева без внимания, но приставило к нему двух солдат для надзора. Опальный сановник и ученый фактически находился под домашним арестом. Об этом не знали его знакомые в Петербурге, с кем он вел переписку. В апреле 1746 года секретарь Петербургской Академии наук И. Д. Шумахер, прослышав от кого-то, что Татищев собирается в Петербург, пригласил его зайти к нему — Василий Никитич отвечал: «Оное неправо, понеже я весьма болен и к езде дальней возможности» не имею, разве особое повеление понудит»².

Главной заботой Татищева в болдинские годы жизни была «История Российская», которую он стремился завершить, несмотря на физическую слабость и болезни, и подготовить к печати. В декабре 1748 года Василий Никитич отослал в Петербург Шумахеру предисловие к своему труду — «Предъизвещение о истории общестественное и собственно о русской» вместе с примечаниями. Он попросил передать все это М. В. Ломоносову и поручить ему написать посвящение к печатному изданию «Истории Российской».

Михайло Васильевич подготовил текст посвящения и передал его вместе с письмом Шумахеру для пересылки Татищеву. В письме, датированном 27 января 1749 года, он писал: «Милостивый государь Василий Никитич! Письмо, чрез которое ваше превосходи-

¹ Цит. по: *Татищев В. Н. Духовная* // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 334—336.

² Цит. по: *Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России* // Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. М., 1994. С. 31.

тельство изволили мне объявить об удостоении меня вашего снисходительства, принесло мне немалую радость, ибо, кроме того, что особою вашего превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю. Сие желание паче моего чаяния ныне исполнилось, и сообщенное мне от вашего превосходительства предызвещение о «Российской истории» и прочие ваши примечания, от г. советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостью об успехах, которые ваше превосходительство в российской истории имеете».

В конце мая 1750 года Татищев завершил работу над первой частью своей «Истории Российской» и готовился отослать ее в Академию наук. 30 июня он сообщил И. Д. Шумахеру: «Я вам, государь мой, доносил от 10 числа иуния, что моя История первая часть доканчивается и уже, кроме посланных к вам глав, набело переписана, и намерен послать, токмо ожидаю от вас на оное мое письмо ответа, без которого послать не могу. Рассмотрение же оной намерен поручить господину профессору Миллеру, яко человеку, весьма к тому достаточному. Вторую часть зачали набело переписывать, ибо оную також докончал, осталось неколико примечаний рассмотреть. А всея второй части до 60 тетрадей, и оной часть при первой пошлю, понеже первая во многом на вторую ссылается, и без того, мню, к рассмотрению не весьма ясно. И чтоб сим поспешать, сочинение росписи алфаветической оставил на труд Академии»¹.

Смерть Татищева, последовавшая спустя две недели — 15 июля 1750 года, — не позволила ему осуществить планы, упомянутые в приведенном письме к Шумахеру. По преданию, источником которого является Ростислав Евграфович Татищев, за два дня до смерти Василий Никитич почувствовал ее приближение. Сев на коня, он отправился с внуком на кладбище, в сопровождении священника прошел к могилам своих предков и выбрал место для себя. Нанял мастеровых копать могилу, пригласил священника прийти к себе на следующий день. После этого возвратился в свой дом. Там его ждал курьер от императрицы Елизаветы Петровны с указом о том, что он найден невиновным, и орден Александра Невского в награду за службу. Татищев ордена не принял, отослав его обратно с ку-

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 297—298.

рьером и с благодарственным письмом государыне за проявленную щедрость¹.

В своей «Духовной» — завещании-наставлении сыну — Василию Никитичу выразил желание, чтобы похороны его были по-христиански скромными. ««О погребении моем не могу более завещать, как едино, дабы в том месте, где меня смерть постигнет, без великих чинов и убранств по закону христианскому погребсти. И сие не для сожаления денег моих, но паче бояся, дабы великолепие такое, как обычай есть, не причлося к тягости грехов моих тяжких»². В качестве последнего своего пристанища он выбрал погост Христо-Рождественской церкви, построенной на средства его предков и располагавшейся в 2 верстах от его родной деревни и в 11 верстах от села Солнечная гора (в настоящее время г. Солнечногорск в 65 км от Москвы). На могилу ему был поставлен небольшой белого цвета памятник из простого известкового камня. На боковой стороне изголовья в круглом медальоне написали: «Родился Василий Татищев в 1686 году Апреля 19-го дня. Вступление в службу 1704 году. Происхождение чинов». На правой боковой стороне также в медальоне продолжили: «и в полковники артиллерии 724 году, в Берх и в монетной главным судьей 730 году, обер-церемоний мастер 732». И наконец, на левой стороне и тоже в медальоне: «Генерал Берга-мейстер 732; тайный советник и в том чину был в Оренбурге и в Астрахани губернатором и в том чину 1750 году скончался июля 15 дня»³.

Василий Никитич Татищев был женат на Анне Васильевне Андреевской. В 1715 году у них родилась дочь Евпраксия⁴, а спустя два года — сын Евграф. Евграф Васильевич Татищев (1717—1781) в 1736 году окончил четырехлетний курс обучения в Корпусе Кадетов Шляхетских Детей⁵ с аттестатом, в котором отмечалось, что он «имеет начало в геометрии, говорит и пишет твердо по-немецки, учил историю и географию, рисует отчасти, искусен в верховой езде, фехтовании и танцовании». Государственную службу он начинал так

¹ См.: Романов С. И. Могила историка Татищева // Русская старина. 1879. Т. 26. № 11. С. 541.

² Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 136.

³ Романов С. И. Могила историка Татищева. С. 542.

⁴ Евпраксия Васильевна Татищева (1715—1769) вышла замуж за Михаила Степановича Римского-Корсакова. Вторым браком она сочеталась со Степаном Андреевичем Шепелевым.

⁵ С 1743 г. это учебное заведение носило наименование «Сухопутный кадетский корпус», с 1767 г. — «Императорский Сухопутный Шляхетский кадетский корпус», с 1800 г. — «Первый кадетский корпус»).

же, как когда-то его родитель — в драгунском полку. В 1741 году Евграф Татищев был произведен в чин секунд-майора и прикомандирован к Калмыцкой экспедиции, которую возглавлял его отец. 18 декабря 1758 года он был возведен в чин полковника, а 25 декабря 1764 года перешел в гражданскую службу с переименованием в статские советники. Последние годы своей жизни Евграф Васильевич прожил в Москве в собственном доме на Петровском бульваре. Здесь его посетил в конце 70-х годов великий князь Павел Петрович.

Сын Василия Никитича был трижды женат: первым браком на Прасковье Михайловне Зиновьевой, вторым — на Наталье Ивановне Черкасовой, третьим — на Аграфене Федотовне Каменской. У Евграфа Васильевича было от них десять детей: Ростислав Евграфович Татищев (1742—1820), Анна Евграфовна (1752—1835), Александра Евграфовна (1759—1795), Алексей Евграфович Татищев (1760—1832), Никита Евграфович (1763—1786), Екатерина Евграфовна (1763—1793), Василий Евграфович (1766—1827), Прасковья Евграфовна (1767—1841), Михаил Евграфович (1771—1791), Елизавета Евграфовна (1772—1837).

* * *

Политические и правовые взгляды В. Н. Татищева нашли свое отражение, главным образом, в таких произведениях, как: 1) «История Российская» (особенно глава 45 части первой — «О древнем правительстве русском и других в пример»¹; 2) трактат под названием «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», написанный в 1734 году и впервые опубликованный лишь в 1887 году²; 3) записка «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», составленная после 25 февраля 1730 года³; 4) написанная не позднее

¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. С. 359—370.

² *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указаниями Н. А. Попова. М., 1887. См. также: *Татищев В. Н.* Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 51—132. (Данный трактат по-разному называется в различных публикациях, здесь приводится его оригинальное название.)

³ Данная записка была впервые опубликована М. Н. Погодиным в 1859 г. См.: Утро. Литературный сборник. СПб., 1859. С. 369—379. См. также: *Татищев В. Н.* Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 146—152.

15 марта 1744 года записка «Напомнение на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств» (особенно ее раздел «О порядках и законах к приобретению пользы и отвращению зла»). Указанная записка представляет собой ответ Татищева на рожденный в стенах Сената в 1743 году проект нового административно-территориального устройства России¹; 5) записка-наставление сыну Евграфу под названием «Духовная», составленная в 1734 году²; 6) Комментарии к Судебнику 1550 года и к царским указам XVI—XVII веков³.

Значительная часть литературного и научного наследия В. Н. Татищева оказалась утраченной по вине его сына Евграфа Васильевича, который проявил редкое равнодушие к творчеству отца. Есть даже основания полагать, что он сознательно по какой-то причине уничтожил часть отцовских рукописей⁴.

Представления В. Н. Татищева о государстве и праве, его правовые знания формировались на основе опыта его государственной деятельности, научных исследований в области истории и под большим влиянием произведений античных философов и ряда современных ему западноевропейских мыслителей. В частности, Татищев высоко оценивал немецкого философа Христиана Вольфа, который, по его мнению, «лучше протчих, т. е. кратко и внятно», описал

---

¹ Данное сочинение впервые опубликовано М. Н. Погодиным в 1859 г. См.: Утро. Литературный сборник. СПб., 1859. С. 379—388. См. также: *Татищев В. Н. Избранные труды по географии России / Под редакцией и со вступительной статьей А. И. Андреева. М., 1950. С. 198—206.*

² Впервые эта записка-наставление была опубликована в 1773 г. См.: Духовная тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. СПб., 1773. Вторым изданием она вышла в свет в 1885 г. Кроме того, было два издания ее на французском языке (в 1858 и в 1860 гг. в Париже) и одно на английском (в 1860 г. в Париже). См. также: *Татищев В. Н. Духовная моему сыну. СПб., 1896; Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 133—145.*

³ Комментарии В. Н. Татищева к Судебнику 1550 г. и к царским указам XVI—XVII вв. были впервые изданы в 1768 г. См.: Законодательные памятники XVI и XVII столетий, собранные Василием Никитичем Татищевым и изданные академиком Г. Ф. Миллером в 1768 году, вместе с примечаниями, к памятникам этим, В. Н. Татищева и приложением письма Царя Иоанна IV-го Васильевича к Архиепископу Казанскому Гурию. М., 1905.

⁴ См. об этом: *Кузьмин А. Г. Татищев. С. 327—329. См. также: Астраханский В. С. К вопросу о судьбе библиотеки и архива В. Н. Татищева // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 89—94.*

то, что касается «до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных». Выделял он также трактаты Самуила Пуфендорфа и Гуго Гроция. К произведениям же известных в ту пору в Европе мыслителей Никколо Макиавелли («Государь»), Томаса Гоббса («Левиафан»), Джона Локка («Два трактата о правлении») и другим подобным им Татищев относился весьма критически: считал, что они «более вредительные, нежели полезные», что в них нерассудные и странные, «с мудростию и пользою государства несогласные рассуждения произносятся, а некоторые, с великим их собственным вредом, на непристойное дерзнули».

Ряд аргументов для своих выводов о характере человеческих обществ, государственной власти и законах Татищев черпал в Священном писании. При этом он, судя по воспоминаниям современников, не относился к числу людей твердых религиозных убеждений. Некоторые из тех, кто знал Татищева, считали его даже человеком не вполне православной веры. Подобные оценки религиозных воззрений Татищева основывались в значительной мере на слухах, распространявшихся его недоброжелателями¹, но в некотором смысле они отражали в искаженной форме критическое отношение Татищева к священникам и Священному писанию², а также прису-

¹ В своей «Духовной» Татищев признавался: «Я хотя о боге и правости божественного закона никогда сомнения не имел, ниже о том единою с кем в разговор или прение вступал, но потому что я некогда о избытках, законами человеческими в тягость положенных, говаривал, от несмысленных и безразсудных, не ведущих божиего закона, токмо человеческия уставы противу заповедания Христова чтущих, не токмо за еретика, но и за безбожника почитан и немало невинного поношения и бед претерпел, токмо доднесь благодатию божиею и великодушием, презрев такие клеветы и злонамерения, их терпеливостию преодолел...» (Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 137—138).

² Феофан Прокопович описал в предисловии к своему произведению «О книге Соломоновой, нарицаемой Песнь Песней» случай, когда Татищев проявил, по его мнению, явное неуважение к Священному писанию. Услышав во время одного из разговоров фразу из Соломоновой «Песни Песней», Василий Никитич, повернувшись в сторону, по словам Феофана, «ругательно усмехнулся». А когда его попросили сказать, что ему на мысль пришло, то услышали следующий ответ: «Удивлялся я, чем побужденные не токмо простые невери, но и сильно ученые мужи, возмечтали, что песнь песней есть книга священного писания и слова Божия? А по всему видно, что Соломон разжигался похотью к невестке своей, царевне египетской, сие писал, как то у прочих, любовью зжимых, обычай есть: понеже любовь есть страсть многоречевая и молчания нетерпящая, чего ради во всяком народе ни о чем ином так многие песни не слышаться, как о плотских любезностях». Данный ответ Татищева настолько возмутил Феофана Прокоповича, что он решил написать книгу для опровержения столь вольнодумного толкования «Песни Песней».

щую ему веротерпимость. Татищев считал, что религиозные распри «не от кого более, как от попов, для их корысти, а к этому от суевренных ханжей, кои от несмысленных набожников происходят, между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто не касается, и ему все равно Лютер ли, Кальвин ли или язычник с ним в одном городе живет или с ним торгует, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав».

Говоря о полезности веротерпимости, Татищев исключал, правда, из перечня религий, к которым следует относиться терпимо, иудаизм. Но в этом выражалось его отрицательное отношение более к иудеям, чем к их вере. В России, отмечал он, «едины жидаы от Владимира до днесь не терпятя, но и те не для веры, но паче для их злой природы, обманов и коварств, чрез которых многие разорения тайно христианам прилучаются».

В своих политических и правовых взглядах Татищев исходил из того, что никакое человеческое сообщество, малое или великое, «без начальства и власти быть не может»¹. Он выделял четыре типа таких сообществ («сообществ» — по его терминологии): *первое* — «супружество», «когда муж и жена, свободные для общей их пользы, согласятся в сочетание»; *второе* — «родовое», то есть «сообщество» родителей и детей; *третье* — «домовное» или «хозяйское», в котором соединяются на основании договора господин и слуги; *четвертое* из выделявшихся Татищевым «сообществ» представляет собой государство, которое возникает из объединения «домовных» сообществ и выступает, в свою очередь, в различных формах.

Первую из этих форм Татищев называл «*гражданством*» или «*правлением гражданским*», признавая данное название синонимом греческому слову «политиа». По его мнению, «гражданство» могло существовать лишь в малых селениях и предполагало совместное решение вопросов управления и суда «общим согласием» всех хозяев домов. После того как селения стали многолюдными, люди вынуждены были данное правление переменить, «а выбрав неколико способнейших, к правлению определить, им полную власть повелевать и учреждать поручили, протчия же все в подвластии и послушании остались»². Эту форму правления Татищев вслед за древнегреческими философами определил как аристократию. В дальней-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. С. 361.

² Там же. С. 361—362.

шем описании эволюции государственных форм он также следовал представлениям античных мыслителей. Несогласие между правившими и проистекающие отсюда «медление и вред» в решении общих дел породили, по его словам, нужду в избрании «единого способнейшего и достойнейшего к правлению, которому всю власть поручили, дабы он о пользе общей прилежал, а подданные всенародно обесчались повелению его исполнять»¹. Так появилась монархия.

Как и древнегреческие философы, Татищев называл упомянутые формы правления правильными («порядочными») и допускал возможность их вырождения в неправильные: политии — в демократию или охлократию, аристократии — в олигархию, монархии — в тиранию. Он соглашался с ними также в том, что «лучшую пользу представляют» «смешанные правительства», сочетающие элементы различных форм правления. В трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев называет такие власти «чрезвычайными», которые, по его словам, «суть весьма разных состояний, яко негде имеется государь, но без совета знатных ничего делать не может»².

Вопрос о том, какая форма правления является наиболее соответствующей общей пользе того или иного народа, должен был решаться, по мнению Татищева, с учетом географического места его обитания, размера территории, на которой он проживает, его просвещенности. Так, по его словам, «в единственных градах или весьма тесных областях», где всем хозяевам домов можно быстро собираться, «демократия с пользою употребиться может, а в великой области уже весьма неудобна». В областях, хотя и состоящих из нескольких городов, но от нападений неприятельских хорошо защищенных, расположенных, например, на островах, может, аристократическое правление быть полезно, особенно если народ просвещен и законы соблюдает без принуждения, «тамо так острого смотра и жестокого страха не требуется». Что же касается великих и обширных по территории государств, «для многих соседей завидующих», то они, отмечал Татищев, не могут управляться ни демократически, ни аристократически, «особливо где народ не до-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российской. Часть первая. С. 362.

² Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 119.

вольно учением просвящен и за страх, а не из благонравия или познания пользы и вреда закон хранит, в таковых не иначе, как самоили единовластие потребно».

Для России своего времени Татищев считал наилучшей формой правления монархию. К этому выводу его приводили не только вышеизложенные чисто умозрительные суждения, но и анализ русского исторического опыта, из которого, по его словам, «всяк может видеть, сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалается и гниет».

Татищев признавал идею божественного происхождения верховной государственной власти. В «Духовной» — в отеческом завещании-наставлении к своему сыну — он писал: «В службе государю и государству должен ты быть верен и прилежен во всяком положении на тебе деле, так о пользе общей, как о своей собственной, прилежать и государю, яко от бога поставленной над тобою власти, честь и повиновение отдавать»¹ (курсив мой. — В. Т.).

Однако в трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» и в первой части «Истории Российской» Татищев утверждал, что государство возникает вследствие заключения договора, посредством которого «для защищения своего от нападения сильного» многие люди «общего благополучия единомышленно искать и от насилия защищать обяжутся». По его мнению, такой договор заключается в силу действия естественного закона. В соответствии с данным законом человек рождается вольным существом. «Воля по естеству человеку толико нужна и полезна, — подчеркивал Татищев, — что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ей достойно, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить не благонадежен»². Однако так как, по природе своего естества, «человек всякой на все не есть способен, но требует от других помощи и милости, так нужно ему взаимно за требуемое от другаго благодеяние и милость показать. Но дабы обоим было известно и благонадежно, того ради нужно есть им между собою договор учинить»³. По этому договору воля человека подчиняется общей воле, общее благополучие собствен-

¹ Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 140.

² Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 121.

³ Там же.

ному благополучию каждого отдельного человека предпочитается. Иначе говоря, «воле человека положена узда неволи для его же пользы».

Главной целью всякой науки В. Н. Татищев считал познание человека. В составленном в форме диалога трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» он выразил эту мысль следующим образом:

«Вопрос: ...Благоразумный человек и в убожестве довольнее, нежели глупый в богатстве и чести, но я вас прошу прежде мне сказать, что есть наука.

Ответ: Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать»¹.

Юриспруденцию Татищев ставил на второе место в иерархии наук. Первой и высшей наукой он называл богословие, под которым понимал «знание о боге, его премудрости, всемошности, еже единственно к будущему блаженству нас ведет и пр.». При этом Татищев отмечал, что «не может никакой богослов мудрым назваться, ежели он не знает древних дел божеских, объявленных нам в письме святом, яко же когда, с кем, о чем в догматах или исповедании прение было, чим что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви некоторые уставы или порядки пременены, отставлены и новые введены»².

Юриспруденцию Татищев определял в качестве науки, «которая учит благонравию и должности каждого к Богу, к себе самому и другим, следственно, к приобретению спокойности души и тела». «Но не может никак юрист мудрым назван быть, если не знает преждних толкованей и преней о законах естественном и гражданском. И как может судиа право дела судить, если древних и новых законов и причин пременениям неизвестен, для того ему нужно история о законах знать»³, — писал он.

Основание положительных законов, применяемых судьями, Татищев видел, в соответствии с господствовавшим в то время правосознанием, в естественном законе. «По закону естественному, — отмечал он, — хотя точно не судят, но законы и разсуждения на нем нам более основываются, и для того все законы гражданские, которые из естественнаго свое основание имеют и к оному ближе, те

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 51.

² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российской. Часть первая. М., 1994. С. 80.

³ Там же.

как людям подзаконным внятнее и памятнее, так судиям к разсуждению и решению дел способнее, ябедникам же и душевредным пронырцам меньше способов к коварствам оставляют»¹.

Признавая, что самодержцы «никаким законам не подлежат и никаких правил хранить (в смысле «соблюдать». — В. Т.), кроме божественных не должны», и что «законоиздание» состоит «единственно во власти монаршеской, Татищев полагал все же, что при издании законов необходимо следовать определенным принципам. По его мысли, государь должен руководствоваться при «законоиздании» стремлением «к пользе общей и справедливости». Государи могут, допуская он, в случае, когда «для тягости труда не всегда к тому время имеют», а также «от любви отеческия к подданным, храня пользу оных» доверить сочинение законов людям «довольно в законах искусным и отечеству безпристрастно верным». Однако при этом сочинителям законов необходимо, считал Татищев, соблюдать следующие правила: 1) чтобы закон был понятен, писать его следует «без витийства и красноречия» и на таком языке, на котором большая часть народа говорит; 2) чтобы закон положительный соблюдался, должно при его составлении «на закон естественный взирать, дабы то что оным зло разумеется, то б и в гражданских за добро не почиталось». «Воздаяния за добро и злодеяния чтоб умеренные и делам достойные предписаны были, ибо неумеренные казни разрушают тем закон, что от сожаления принуждены будут наказания уменьшать и закон сами судии нарушат, а у подданных бесстрашие родится»²; 3) чтобы законы один другому ни в чем не противоречили, дабы «как судящие, так и судящиеся не имели случая законы по своим прихотям толковать и тем коварством законы скрытно нарушать»³; 4) чтобы всякий закон немедленно всем объявлялся и становился известным, «ибо кто, не зная закона, преступит, тот по закону оному осужден быть не может»⁴; 5) «хранить обычаи древние». При этом Татищев признавал, что «пременением древних обычаев иногда немалой вред наносится». Отсюда им делался вывод, что там, где «польза общая требует, тамо не нужно на древность и обычаи смотреть, токмо притом надобно, чтоб причины понуждающие внят-

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 124.

² Там же. С. 125.

³ Там же.

⁴ Там же.

но изъяснены были»¹. В случаях же, когда перемена вредных обычаев может вызвать возмущение народа, Татищев советовал проводить такую перемену постепенно².

В. Н. Татищев придавал большое значение обучению праву при воспитании юношей. Он писал своему сыну в завещании («Духовной»): «Весьма же нужно тебе поучаться и о светских науках, в которых нужнейшее — право и складно писать... Необходимо нужно есть знать законы гражданские и воинские своего отечества, и для того, конечно, во младости надобно тебе Уложение и Артикулы воинские, сухопутныя, морския неоднова, а некогда и печатные указы прочитати, дабы как скоро к какому делу определишься, мог силу надлежащих к тому законов разуметь; наипаче же об оном по причине собственных своих и посторонних дел с искусными людьми разговаривать и поряткам, яко же и толкованию законов, не меньше же и коварствы ябедническия познавать, а не делать научиться, что тебе к немалому щастию послужит»³.

Особенно необходимо, полагал Татищев, учиться праву шляхетству. «Первое, понеже шлихтич всякой по природе судия над своими холопи, рабами и крестьяны, а потом может по заслуге чин судии нести яко в войске, тако и в гражданстве. Другое, что едва обходимое ль, чтоб он сам суда или приказного дела избежать мог и если не собственною своею, то своих причиною привлечется, и для того ему необходимо нужно законы знать». Признавая, что всех законов «наизусть вытвердить и в памяти сохранить неудобно», Татищев заявлял, что «однако ж главные должности из законов нужно со младенчества учить, яко: 1) должность к государю; 2) должность к своему государству; 3) к родителям и единокровным; 4) к своим домовным, яко жене, детям и домочадцам; 5) к протчим лю-

¹ *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 125—126.

² Краткую формулировку приведенных правил Татищев дал в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском». По его словам, «что же в сочинении законов хранить должно, оное в краткости в том состоит, чтоб было не противное божеским и ко исполнению всем возможное, чтоб было тем языком, которым те подзаконные говорят, к тому точно и ясно написано, особливо в законех, и никакие иноязычные слова и витийственные речения негодны, чтоб наказания по состоянию преступления были довольно умеренные, понеже неумеренные наказания сами разрушают закон...» (*Татищев В. Н.* Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 283).

³ *Татищев В. Н.* Духовная // Татищев В. Н. Избранные сочинения. С. 138.

дям...»¹. Когда же шляхтич «в возраст придет», то ему необходимо, утверждал Татищев, запомнить и в памяти своей иметь «должности и порядки, принадлежащие до судии и судящегося», и особливо «форму суда». Кроме того, ему следует и «закона естественного правила учить»².

Знание сути законов Татищев считал необходимым качеством для любого судьи. «Хотя уставов или законов у нас много, — отмечал он, — да если бы и еще их столько ж на разные приключения сделать, однако ж никак невозможно, чтоб какое обстоятельство не находилось, которое точно во всех тех законех написано не сыщется. И для того не знающие основания законов часто во мнениях погрешают или дело волочат, а ученому легко дознаться и по законам решить то же самое удобно»³. По словам Татищева, «если судия есть в правилах, принадлежащих тому, неученой, то, кроме пристрастия, незнанием тяжко погрешить и закон божий, яко же и волю законодавца, нарушить может». «Всякого судии, — писал он, — есть должность в недостатке какого-либо закона вновь сочинять таким порядком, что когда он от коего-либо высшего суда, яко градской от губернатора, губернии от Юстиц-коллегии, а она от Сената требует на сумнительство решения, тогда оному повинно мнение представить. Но если он в правилах законов неучен, то паки правильно и порядочно оно мнения сочинить не может. И тако, неученой судия будет подобен безразумной машине, которая ничего собою в себе исправить не может и за неудобностию к надзиранию устроившего часто вместо пользы вред приносит»⁴.

В основу главного своего произведения — «Истории Российской» — В. Н. Татищев положил сведения, извлеченные из летописей. Он и представлял его как «собрание из древних русских летописцев». Большая часть рукописных летописей, изложенных Татищевым в «Истории Российской», не сохранилась. По этой причине позднейшие историки (в первую очередь Н. М. Карамзин) сомневались в достоверности сообщенных им сведений. В настоящее время добросовестность Татищева не подвергается сомнениям. Он не придумывал ни событий, ни действующих в русской истории лю-

¹ *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 128.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 129.

дей, ни документальных источников, откуда черпал о них известия. Излагая раннюю русскую историю, Татищев исправлял, правда, старинные имена и названия, переводя их на более современный язык.

Публикация «Истории Российской» В. Н. Татищева началась только при Екатерине II. В 1768 году академик и начальник Главного московского архива Министерства иностранных дел Г. Ф. Миллер подготовил к изданию первую часть первой книги этого труда русского историка. Она была напечатана в типографии Императорского Московского университета. В следующем году вышла в свет вторая ее часть, также подготовленная к печати Миллером. В 1773 году появилась вторая книга «Истории Российской». В 1774 году — третья¹. Четвертая книга «Истории Российской» Татищева была напечатана по особому повелению императрицы Екатерины II и на средства Кабинета Ее Императорского Величества в 1784 году в Санкт-Петербурге в типографии Вейтбрехта². Рукопись пятой книги «Истории Российской» была куплена историком М. П. Погодиным в 1841 году на аукционе по продаже библиотеки вологодского купца И. П. Лаптева. В 1848 году она была издана Обществом истории и древностей Российских при Московском университете под редакцией профессора О. М. Бодянского³. Обнаруженные и опубликованные книги главного исторического труда Татищева доводят изложение событий русской истории до 1577 года. Татищев же имел намерение довести «Историю Российскую» до конца XVII столетия и в конце 40-х годов был готов писать даже историю Петра I, при условии если бы императрица Елизавета Петровна дала ему такое поручение и предоставила доступ к архивным материалам.

---

¹ История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Книга первая. Часть первая. М., 1768. — [12], XXVIII, 1—224 с. Книга первая. Часть вторая. М., 1769. — [4], 225—600 с. Книга вторая. М., 1773. — [8], 536 с. Книга третья. 1774. — [6], 530 с.

² История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Книга четвертая. СПб., 1784. — [2], 595 с.

³ История Российская, соч. Василья Никитича Татищева. Книга Пятая, или, по Сочинителю Древней Летописи Руской Часть Четвертая, открытая и сообщенная М. П. Погодиным, с предисловием О. Бодянского. М., 1848.

Среди материалов, с которыми Татищев сталкивался в процессе работы над «Историей Российской», были и сборники правовых норм. Первым из них историком был найден Судебник 1550 года. Василий Никитич приобрел его у Бартенева, предком которого являлся казначей в доме Александра Никитича Романова по имени Бахтеяр. Этот Судебник, рассказывал он впоследствии о своей находке, представлял собой «вещь дивную», его текст был вырисован «хотя и древним, но чистым начертанием, прописан по всем статьям золотом и переплетен в золотой бархат с серебряными застежками»¹. Татищев датировал данную рукопись временем не позднее 1610 года. В 1734 году он подарил ее Анне Иоанновне. Копия же текста Судебника, объемом в 48 листов, была им отдана на хранение в библиотеку Петербургской Академии наук.

В 1737 году Татищев обнаружил в составе Новгородской первой летописи младшего извода «Русскую Правду». Видимо, тогда и появилась у него мысль создать собрание русских законов.

Первый вариант такого собрания он подготовил в 1738 году. В него были включены, по его собственным словам: «1) Русская Правда или Право, которой от кого и когда издан неизвестно, однако ж есть между всеми древнейший, токмо оной новгородцем дан в 1019-м году. 2) То же именование имеет, сочинен повелением великаго князя Ярослава, в присутствии детей его Изяслава и Святослава, с приобщением неколкоких знатных людей 1036 году. 3) Судебник царя Иоанна Васильевича, каков он в заседании со братею своею, родным Юрьем Васильевичам да двоюродным Владимиром Андреевичем, с несколькими бояры в 1550-м году издан. 4) Указы дополнительные как его собственные, так по нем сына его царя Федора Иоанновича и Бориса Федоровича по 1602 год».

В начале 1739 года Татищев привез свое собрание русских законов в Санкт-Петербург с намерением его издать. И. А. Корф предложил тексты этих законов в «Собрание русских древностей сообщить». 14 января 1740 года Василий Никитич отослал рукопись подготовленного им к печати собрания законов И. Д. Шумахеру. Но она так и не была издана.

В ноябре 1749 года Татищев получил из Петербургской Академии наук просьбу изготовить копию Русской Правды для Штру-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Избранные произведения. М., 1996. С. 39, 278.

бе де Пирмона, пытавшегося составить краткое наставление по русскому праву — так называемый «Compendium juris ruthenici». Василий Никитич взялся за копирование текстов древнерусских законов. «Не имея способного писца, принужден был сам оные переписать», — сообщал он Шумахеру. При этом историк благодарил правителя академической канцелярии за эту просьбу, побудившую его снова обратиться к собранию русских законов и тем самым их тексты «внятнее понять, рассмотреть и обстоятельнее изъяснить»¹.

К началу 1750 года Татищев составил новую редакцию собрания законов, переработав их тексты и примечания к ним и добавив отысканные со времени первой редакции указы. Отослав в январе эту рукопись в Академию наук, он продолжил работу по собиранию указов. 14 февраля 1750 года Татищев сообщил Шумахеру, что старых законов еще много в домах и архивах имеется, и потому он попросил своих приятелей, чтобы они, списав тексты, присылали их ему. 6 марта Василий Никитич известил Шумахера, что он «Ныне есче многие к тому указы собрал».

В «Предъизвещении» к новой редакции своего труда, озаглавленного как «Собрание законов древних русских, для пользы всех любомудрых собранные и неколико изтолкованные тайным советником Василием Татисчевым», Василий Никитич развил высказанную им еще в предисловии к первой редакции мысль о том, что русские имели письменные законы задолго до времени Ярослава Мудрого. Он отметил, в частности, что «древний закон, о котором хотя преподобный Нестор, историк русский, сказует, что Ярослав I дал закон новгородцом, поп новгородский Иоанн, жившей во время Ярослава II-го и сына его Александра I-го и Невского проименованного, точно оной в своей истории положил, и Авраамий Ростовский хотя нечто с разностию в его летопись внес, обаче многие обстоятельства достаточно уверяют, что сей закон за неколико сот лет до Ярослава сочинен. 1) Олег I в договоре з греческими императоры за убивство человека, за бой и пр. говорит по закону русскому платить, и число оное в сем законе точно находится; на другом месте говорит, старобытная Правда русская, а сей не имянован закон, но Правда русская. 2) Иоаким о Гостомысле сказует, правосудием всюду прославляется; потом о Рурике говорит, что, прилежа о суде

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 291.

и расправе и чтоб оное всюду равно исправлялось, определил по пределам князей, и хотя о законе письменном не упоминает, однако ж без письменного закона быть у всех равное не могло. Следственно сей закон тогда уже был и для оного Олег старобытным именовал. 3) В нем цену или счисление достоинства скотом именуется, что уже и во время Ольгово во употреблении не было, но именовали скурою или кожами. 4) Наречие и обстоятельства, в нем положенные, в историях древнейших Иоакима и Нестора не употребляемы; следственно, оный задолго до Рюрика сочинен»¹.

Занимая с октября 1734 года и до мая 1737 года должность главного начальника горных заводов Сибири, В. Н. Татищев имел возможность ознакомиться с практикой применения в местных судах действующего законодательства. В конце 1736 года он узнал, что в Санкт-Петербурге готовится к печати новое издание Соборного уложения. 30 декабря им было написано по поводу данного события обширное письмо секретарю Академии наук И. Д. Шумахеру. «Это в высшей степени нужное и полезное дело, так как повсюду в Уложении чрезвычайная нужда, так что его нельзя купить даже за тройную цену; поэтому судьи часто по неведению ошибаются, а просители вовлекаются в более тяжелые тяжбы»², — сообщал Василий Никитич. При этом он высказывал мнение, что если будет напечатано 2000 экземпляров Уложения, то они «в короткий срок будут разобраны, особенно если их разослать в разные провинции. Однако же если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений».

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Избранные произведения. М., 1996. С. 39, 277.

² Василий Никитич Татищев. Записки. Письма: 1717—1750 гг. М., 1990. С. 214.

³ В своем сочинении «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» В. Н. Татищев писал об этом недостатке Соборного уложения следующее: «Оное, как видно, при сочинении надмерно спешили или к сложению искусного секретаря не доставало, что некоторые случаи равного состояния в разных главах или статьях разногласны; другие надмерно кратки и темны, так что с трудом сущую силу их разуместь можно; иные непотребным многоречием наполнены, чрез что судиям есть немалое сумнительство, а судящиеся коварно оными наносят затруднение и дела продолжают; многих же нужных обстоятельств точно не положено, и затем оно само собою недостаточно» (Татищев В. Н. Избранные сочинения. С. 127).

В числе таких «несовершенств и неисправностей» Соборного уложения В. Н. Татищев называл: 1) необъясненные различия в написанном об одинаковых вещах, вследствие чего судьи могли «легко применить одно вместо другого»; 2) наличие ссылок на другие статьи, в которых по вопросам, которые должны в них разъясняться, на самом деле ничего не написано; 3) сохранение в тексте Уложения статей и даже целых глав, которые уже не действуют; 4) отсутствие в Уложении множества важнейших правовых норм, введенных в действие отдельными указами, и т. д.³

Указав на недостатки Соборного уложения, Татищев изложил в письме к И. Д. Шумахеру ряд предложений по их исправлению. Так, он предложил имеющиеся в его тексте похожие нормы «отметить на полях, чтобы всякий мог легко найти их». По его словам, «если что-нибудь отменено или изменено другими указами, то следует отослать к этим указам; если последние не напечатаны — напечатать во второй части». Кроме того, Татищев посоветовал вставить в текст Соборного уложения отсутствующие в нем нормы из действующих законодательных актов. Сознвая, что дополнение текста Соборного уложения новыми правовыми нормами весьма сложная операция, предполагающая согласование их с уже имеющимися нормами, он предложил напечатать новые статьи в приложении или же собрать их воедино и издать отдельным томом, дополняющим основной текст Уложения¹. Данные предложения не были приняты. Напечатанное в 1737 году второе издание Соборного уложения повторило все указанные Татищевым недостатки первоначального его издания.

Татищев предлагал внести в текст Соборного уложения некоторые дополнения конституционного характера. Он советовал, например, предусмотреть в предисловии, помимо правомочия монархов издавать законы, а также по своему усмотрению объявлять их, устанавливать новые, исправлять или отменять старые, право подданных подавать законопроекты. При этом, считал Татищев, им необходимо «знать сущность естественного права, так как основанные на нем постановления не так легко допускают изменения или возможность иного их толкования».

Приведенные высказывания В. Н. Татищева свидетельствуют о том, что он обладал обширными познаниями в области юрис-

¹ *Василий Никитич Татищев*. Записки. Письма: 1717—1750 гг. С. 215—216.

пруденции и хорошо понимал главные закономерности правотворчества. Его же комментарии и просто замечания к различным статьям Судебника 1550 года, мысли, которые он высказывал по поводу Соборного уложения 1649 года, и особенно его предложения о внесении поправок в текст этого свода выдают в нем высококвалифицированного правоведа. Имя Василия Никитича Татищева должно занять достойное место в истории русской юриспруденции.

Императрица Екатерина II

(1729—1796)

РАССКАЗЫВАЯ о российских правоведах второй половины XVIII века, невозможно умолчать об императрице Екатерине II. Она должна быть причисленной к их плеяде уже как автор знаменитого «Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового уложения». Изданное в 1767—1780 годах не только на русском¹, но и на латинском², немецком³, французском⁴,

---

¹ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения [СПб]: Печатан при Сенате, [1767]; Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения [СПб]: Печатан при Сенате, [1768].

² *Instructio Coetui ad condendam ideam noui legum Codicis conuocato, plenaque ad id donato potestate* // Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. В Санкт-петербурге при Императорской Академии наук. 1770 года. В этом издании текст Наказа напечатан параллельными колонками одновременно на русском, латинском, немецком и французском языках.

³ Ея Императорскаго Величества Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Ihrer Kaiserlichen Majestät Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetz-Buche verordnete Commission. Moscau: In der Kaiserlichen Universitäts-Buchdruckerey, 1767 (параллельные тексты на русском и немецком языках); Katharina der Zweiten Kaiserin und Gesetsgeberin von Russland Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetsbuche verordnete Commission. Riga und Mietau, 1768; Katharina der Zweiten Kaiserin und Gesetsgeberin von Russland Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetsbuche verordnete Commission // Haigold I. Neuverandertes Russland. Riga und Mietau, 1769. S. 247—510; Ihrer Kayserlichen Majestät Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetzbuche verordnete Commission. Frankfurt und Leipzig, 1769.

⁴ *Instructions adressées par Sa Majesté l'Imperatrice de toutes les Russies, a la Commission établie pour travailler a l'execution du projet d'un nouveau code de loix. Traduit de l'allemand. Yverdon, M.DCC.LXIX (1769); Instructions donnée par Catherine II Impératrice et Législatrice de toutes les Russies, a la commission établie... pour travailler a la redaction d'un nouveau Code de Loix. Traduite en François. Nouvelle edition, augmentée. Lausanne, 1769.*

итальянском¹, английском², греческом³, голландском⁴ и польском языках⁵, это произведение приобрело общеевропейскую известность. Его содержание показывает, что Екатерина II не стояла в стороне от процессов, происходивших во второй половине XVIII века в духовной сфере европейского общества. Она была не только императрицей, но и мыслителем, и писателем. В ней воплотился характерный для русского общества того времени тип не только властителя, но и культурного деятеля.

Жизнь Екатерины II описана во множестве книг. Статьи о ней присутствуют почти в любой гуманитарной энциклопедии. Это избавляет меня от необходимости представлять в данном очерке полную биографию императрицы и позволяет ограничиться несколькими замечаниями на тему ее жизни.

София-Фредерика-Амалия-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, ставшая в России Екатериной Алексеевной, родилась 21 ап-

¹ Instruzione emanate da Caterina Seconda, Imperatrice e legislatrice di tutta la Russia stante la commissione stabilita da questa sovrana per la riduzione di un nuovo codice delle leggi tal quale è stata impressa in Russia, e in Alemagna, e in Francia. Tradotta nuovamente dal Francese in lingua Toscana. Firenze, 1769; Istruzioni di S. M. C. Caterina II I. d. R. alla deputazione... Pisa, 1769.

² The Grand Instructions to the commissioners appointed to frame a new code of laws for the Russian Empire: composed by Her Imperial Majesty Catherine II, Empress of all the Russias; to which is prefixed a description of the manner of opening the commission with the order and rule for electing the commissioners, translated from the original in the Russian language by Michael Tatischeff and published by permission. London, M.DCC.LXVIII (1768). Профессор Пенсильванского государственного университета У. Э. Батлер сообщил мне, что существует еще один перевод екатерининского Наказа на английский язык: он был осуществлен в 1767 г. Его рукопись, приобретенную библиотекой Конгресса США в 1942 г. из коллекции выдающегося библиофила сэра Томаса Филлипса (*Sir Thomas Phillipps*, 1792—1872), идентифицировал сотрудник этой библиотеки Роберт Аллен (Robert V. Allen). В ней отсутствуют переводы написанных к началу 1768 г. 21-й и 22-й глав Наказа. Кто выполнил перевод, неизвестно, но, по мнению, профессора Батлера, им был скорее всего лорд Макартни, являвшийся до лета 1767 г. послом Англии в России.

³ Eisegésis tēs Autokratōrikēs Megaleiotētos Aikaterinas 2. pros tēn epitachthesian epitropian epī te ekthēsei tou provlēmatos henos nearou nomikou kōdikos, metafraseisa eis tiō koiniō niō Ellēnōn dialēktōn hypo ierodiakono Eugeniou Voulgareōs (Наказ Ея Императорскаго Величества Екатерины II учрежденной Комиссии о составлении проекта новаго уложения, переведенный на общий нынешний Греческий язык иеродьяконом Евгением Вулгаром). СПб.: в типографии Академии наук, 1771.

⁴ Instruction gegeven door Katharina de II. Dienende tot eene handling van de commissie... Amsterdam, 1769.

⁵ Ordynacya S. Y. N. Katarzyny II, I. C. R. dana w roku komisyyi zebraney... Warsaw, 1780.

реля 1729 года в г. Штетине (Померания) в семье Христиана-Августа, принца Ангальт-Цербстского, который был в то время комендантом Прусского короля и командиром пехотного полка. Ее мать — Иоанна-Елизавета — была принцессой Шлезвиг-Голштинской. Первые четырнадцать лет будущая российская императрица прожила в Германии. В 1744 году она прибыла в Россию и 21 августа 1745 года была обвенчана с наследником российского императорского престола великим князем Петром Федоровичем.

Двоюродный брат Иоанны-Елизаветы Карл-Фридрих, герцог Голштинский, племянник Карла XII, был женат на старшей дочери Петра I Анне и являлся отцом Петра Федоровича. Таким образом, Екатерина Алексеевна приходилась своему супругу троюродной сестрой. Родной брат ее матери Карл, епископ Любский в 1726 году был помолвлен с цесаревной Елизаветой, но до свадьбы умер. Если бы этому браку суждено было состояться, его племянница София-Фредерика-Амалия стала бы родственницей Елизавете Петровне. Правда, вряд ли дочь Петра I взойшла бы тогда на российский императорский престол. А если бы этого на самом деле не случилось, то вряд ли и София-Фредерика-Амалия имела в России то блестящее будущее, которое ей в действительности выпало.

В феврале 1778 года Екатерине Алексеевне предстояло в течение двух недель посетить одиннадцать балов-маскарадов, да еще несколько торжественных обедов и ужинов. Ее величество написала об этом барону Фридриху Гримму¹, с которым состояла в постоянной переписке, заметив в шутку: «Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию; я сказала, чтоб торопились, так как хочу иметь удовольствие самой исправить ее; в ожидании, я, для забавы, сама начала составлять свою эпитафию»². Начертанная веселонравной императрицей шутивая эпитафия имела следующий вид: «Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля 1729 года. В 1744 году она прибыла в Россию, чтоб выйти замуж за Петра III. Будучи 14 лет, она составила себе тройной про-

¹ Гримм Фридрих Мельхиор (*Grimm Friedrich Melchior*, 1723—1807), немецкий публицист и дипломат. С 1774 г. и до самой смерти Екатерины II в 1796 г. вел с ней переписку, выполнял различные дипломатические поручения, был ее комиссионером государыни при покупке произведений искусства. Письма Екатерины к барону Гримму — уникальный материал для понимания ее мировоззрения.

² Сборник Императорского Русского исторического общества (далее: ИРИО). Том 23. СПб., 1878. С. 77.

ект — понравиться мужу, Елизавете и нации. Она ничего не упустила, чтоб иметь успех. Восемнадцать лет скуки и уединения доставили ей возможность прочесть много книг. Достигнув трона, она стремилась к добру и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и достаток. Она охотно всем прощала и никого не ненавидела; снисходительная, с которой легко жилось, веселая по природе, республиканской души и доброго сердца, она имела друзей; труд был ей легок; общество и искусство ей нравились».

* * *

Императрица Екатерина II — одно из самых любопытных явлений русской истории XVIII века. Взойдя на царский трон незаконно, в результате государственного переворота, она своей государственной деятельностью, направленной на служение интересам России, сумела внушить современникам, что заняла это высокое место вполне по праву, что титул российской императрицы именно для нее и был предназначен.

Немка по происхождению, она сумела стать в России более русской, чем многие из русских. «Я тысячу раз говорила вам, что я годна только для России»¹, — писала Екатерина в одном из своих писем к барону Ф. М. Гримму. Какого-то иностранного принца, состоявшего на службе в России около года, она с полной серьезностью строго спросила: «Вы, надеюсь, уже стали русским?»

Окружив себя целой плеядой талантливых государственных деятелей, она как личность не поблекла в этом окружении и оставалась на протяжении всего своего царствования самой яркой звездой в сфере русской политики. Талантливейшего из своих сановников — светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического — Екатерина II сделала фактически своим соправителем, отдав ему в полномочное распоряжение все государственные дела, касавшиеся южной части Российской империи².

¹ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9. С. 37.

² Екатерина II неоднократно признавалась в том, что считает Потемкина умнее себя. В связи с этим любопытно, что Григорий Александрович стал единственным фаворитом императрицы, с которым она осмелилась связать себя брачными узами, пусть и тайными. На факт существования этих священных уз между Потемкиным и Екатериной с июня 1774 г. недвусмысленно указывает содержание личной их переписки. «Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милый, цалую и обнимаю душою и

По мнению В. О. Ключевского, государственная деятельность Екатерины способствовала значительному материальному прогрессу Русского государства: его население почти удвоилось за 34 года ее царствования, сумма государственных доходов выросла более чем в четыре раза. Однако, приводя эти факты, историк отмечал, что правление этой императрицы имело и ряд негативных последствий. Ее политика привела к усилению этнической и классовой розни в Российской империи¹. В среде русского дворянства, на котором лежало основное бремя управления страной, в екатерининскую эпоху получили широкое распространение абстрактные догматы западноевропейской просветительской философии. В результате типичный русский дворянин превратился к концу XVIII в. в странное явление — «усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, — все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела... Таким образом, живые насущные интересы не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, [как] на случайно родившегося в России француза»².

Ее торжественно величали «законодательницей», и она действительно была законодательницей. И не только в силу своего императорского титула. Екатерина II являлась не фиктивно, но фактически автором многих законов, исходивших от ее величества. Особенно часто ей приходилось писать тексты указов в течение первых двух лет своего правления. А в 1775 году она собственноручно начертала такое обширное законодательное установление, как «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи»³. 29 ноября 1775 года Екатерина сообщала в письме к барону Гримму:

телом, му[ж] доро[гой], — писала Екатерина Потемкину летом указанного года. Весной 1776 г. императрица слала своему тайному супругу следующую записку: «Mon mari m'a dit tantôt (Мой муж сказал мне только что): «Куды мне ийти, куды мне деваться? Mon cher et bien aimé Eroux, venés chez moi, Vous serés reçu a bras ouverts (мой дорогой и горячо любимый супруг, придите ко мне: вы будете встречены с распростертыми объятиями)». (Екатерина II и Г. А. Потемкин: личная переписка. 1769—1791. М., 1997. С. 31, 94).

¹ См.: Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 5. М., 1989. С. 163.

² Там же. С. 167.

³ См.: Законодательство Екатерины II. В 2-х томах. Т. 1. М., 2000. С. 380—469.

«Я ужасно много исписала бумаги. Последние мои учреждения от 7-го ноября заключают 250 печатных страниц, в четвертую долю листа, но зато, клянусь вам, это мое лучшее произведение, и в сравнении с этим трудом Наказ мой представляется мне в сию минуту не более как пустой болтовней»¹.

Екатерина II имела намерение издать законы конституционного характера, закрепляющие основополагающие принципы существовавшего в России самодержавного правления. Тексты таких законов она предполагала писать собственной рукой. Первым среди них должен был стать, по ее мысли, манифест о престолонаследии. И Екатерина II пыталась самолично начертать его проект. Об этом свидетельствует сохранившийся отрывок этого установления:

«Божиею милостию, мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр. Чудный промысл о нас Всевышняго, который вручил нам самодержавство сей империи образом человеческим предведением непостижимым, заставляет нас нередко помышлять о исполнении бремени на нас Творцом всея твари наложеннаго. Испытав сердце наше, нашли мы во глубине онаго твердое и всегдашнее желание исполнять первую статью Наказа, даннаго нами комиссии о составлении проекта новаго уложения. Сия статья гласит тако: закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно. Из сего правила выходить должны все части законодательства нашего, которому мы с 1766 года благополучное начало положили открытием комиссии об уложении; но первый и начальный закон сего самодержавнаго владычества должен, по существу своему, дан и начертан императорскою нашею рукою, то есть неколебленность престола и твердость в наследии онаго. Не токмо российския летописи и истории, но и всех прочих в свете государств книгохранительницы наполнены великих всенародных бедствий, кои происходили от колебленности престола и наследства даже до того, что государства были от того подвержены разделению на части и, наконец, самому варварскому нашествию и игу и совершенному истреблению. Таковой пример живее прочих представляет нам Греческая восточная империя, которой бедствия церковь наша, по единоверию нашему, и ныне оплакивает. Описав причины предпринимаемаго нами узаконения, приступим ныне наискорее к твердому онаго положению и для того

¹ Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9. С. 25.

повелеваем, узаконяем и хотим самодержавною нашею властью следующей статьи:

1) Называть сей закон императорскою статьею Екатерины Второй.

2) Императорской престол не может быть порожен.

3) По смерти моей, сын мой наследует.

4) По сыне моем, если старшему сыну его двадцать один год миновало, то сей старший сын наследует; если же он менее двадцати лет с годом, то короновать мать его, пока да царствует во всю жизнь ея; ибо от малолетства самодержца империи бы было опасно.

5) Если бы мужское колено пресеключь, то старшая дочь»¹.

* * *

Именно стремление императрицы Екатерины установить основополагающие принципы для российского самодержавного правления и всего действовавшего в России законодательства вызвало к жизни **«Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения»**. Появление этого документа сама она описывала следующим образом: «В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров не единообразные, ни об единой вещи установленные правила, законы же по временам сделанные, соответствующие сему умов расположению, многим казались законами противуречащими; и требовали и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок. Из сего, у себя на уме и вывела заключение, что образ мыслей вообще, да и самой гражданской закон не может получить поправления иначе, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вещей вообще правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать и потом писать Наказ Комиссии Уложению, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, последуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья, [и с желанием] довести империю до вышней степени благополучия всякого рода, людей и вещей, вообще всех и каждого особенно»².

¹ Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 384—385.

² Записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907. С. 544.

Екатерина начала работу над текстом «Наказа» в январе 1765 года. 30 июля 1767 года он был опубликован. Документ состоял из 526 статей, распределенных по 20-ти главам. В первые месяцы 1768 года к ним были добавлены 21-я и 22-я главы. Материал для своего произведения российская императрица брала в сочинениях французских философов Ш. Монтескье и Ф. Кене, итальянского мыслителя Ч. Беккариа, немецких мыслителей баронов Бильфельда и Й. Х. Готтлоба фон Юсти, русского правоведа С. Е. Десницкого.

Наиболее масштабное заимствование было сделано из трактата Монтескье «О духе законов» — 294 статьи «Наказа» были составлены на материале данного труда. Екатерина II сама признавалась (в письме к философу Д'Аламберу) в том, что при написании своего трактата «обобра» Монтескье на пользу своей империи¹.

Сопоставление содержания «Наказа» с текстом произведения «О духе законов» показывает, что Екатерина II заимствовала у Монтескье отдельные фразы, определения, идеи, но не доктрину монархической власти. Французский философ описывал природу монархического правления (гл. 4 кн. II трактата «О духе законов»), имея в виду сословно-представительную монархию. В его представлении настоящая монархия — это правление одного лица «посредством основных законов», необходимо предполагающих существование «посредствующих каналов, по которым движется власть». Эти каналы составляют, по мнению Монтескье, сословия духовенства, дворянства, горожан. Они выступают в качестве не только проводников власти монарха, но и сил, ограничивающих ее. «Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое», — утверждал Монтескье.

Екатерина II повторила в своем «Наказе» изречение французского мыслителя об основных законах, предполагающих каналы или протоки, по которым протекает власть, но при этом добавила к нему два слова. «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, *сиречь правительства*, чрез которые изливают-

---

¹ В своих записках Екатерина отметила, что «напала на “Дух законов” Монтескье» зимой 1754 г. После рождения великого князя Павла будущая российская императрица оказалась предоставленной сама себе. Это свободное время она использовала для чтения различных исторических и философских книг (Вольтера, Барониуса, Тацита, Монтескье и др.). См.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 366.

ся власть Государева» (ст. 20)¹ (курсив мой. — В. Т.). Добавлением слов «сиречь правительства» Екатерина II существенно изменила конструкцию монархической власти, представленную Монтескье. Посредствующими для власти монарха каналами или протоками в «Наказе» названы были «правительства», то есть административные учреждения. Монархическая власть предстала в произведении российской императрицы имеющей свое продолжение не в сословиях, а в бюрократии. Именно такая монархия существовала на практике в России. Административная реформа Петра I и такие его акты, как «Табель о рангах» и «Духовный регламент», создали фундамент бюрократической монархии в России, в которой сословия дворянства и духовенства теряли свой прежний характер и фактически выступали в качестве составных частей бюрократии. В своем «Наказе» Екатерина II завершала юридическое и идеологическое оформление этой бюрократической монархии.

В конструкции монархической власти, представленной в трактате Монтескье, ограничением данной власти и соответственно гарантией от превращения ее в деспотическую служили прерогативы сословий. *В доктрине самодержавной власти, развитой в «Наказе» Екатерины II, ограничением этой власти мыслились пределы, установленные ею самой.* Об этом прямо говорилось в статье 512 названного документа: «Правда, есть случаи, где власть должна и может действовать безо всякой опасности для государства в полном своем течении. Но есть случаи и такие, где она должна действовать *пределами*, себе ею ж самою положенными»².

Главным среди таких ограничительных «пределов» являлась, в представлении Екатерины II, цель, к которой обязывался стремиться при осуществлении своей власти самодержец. «Какой предлог самодержавного правления? — вопрошает императрица в ст. 13 «Наказа» и отвечает: «Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большего ото всех добра». «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя», — заявляет она в ст. 15 рассматриваемого произведения.

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийскія, даннй Комиссіи о сочинении проекта новаго уложенія. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1770 года. С. 12.

² Там же. С. 332.

Самодержавная власть ограничивалась в «Наказе» также тем, что самодержец устранился от непосредственного управления всеми государственными делами. По мнению Екатерины II, он должен был воздержаться и от того, чтобы судить, «по чему и надлежит ему имети других особ, которые бы судили по законам» (ст. 149)¹. «Существо правления» составляют, согласно «Наказу», «власти средние, подчиненные, и зависящие от верховной» (ст. 18). Государь же объявлялся здесь по своей сущности *источником* «всякой государственной и гражданской власти» (ст. 19)². Ему прилично, по смыслу статьи 510 «Наказа», довольствоваться только «главным надзиранием» за деятельностью правительственных органов.

«Наказ» предусматривал, что самодержавная власть осуществляется преимущественно путем издания на основе «благоизволения» государя общих законов. Однако и в законотворчестве «Наказ» налагал на самодержца определенные ограничения. «Надобно иметь хранилище законов»³, — провозглашала Екатерина в статье 22 «Наказа». Это учреждение могло пребывать, по ее мнению, только при «государственных правительствах». В задачу «хранилища законов» императрица вменяла наблюдение за тем, чтобы «воля Государева» находилась в соответствии «с законами во основание положенными и с государственным установлением» (ст. 28)⁴. Это предписание «Наказа» означало, что самодержец обязан был в своем законотворчестве согласовывать издаваемые законодательные акты с ранее изданными основополагающими законами. Екатерина II выражала надежду, что подобные правила «возбранят народу презирать указы Государевы, не опасаяся за то никакого наказания, но купно и охранят его от желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей» (ст. 29)⁵.

Принцип законности выступал в «Наказе» в качестве важнейшего свойства представленной в нем конструкции самодержавной власти. Такие общественные явления, как равенство, вольность, безопасность граждан и т. п., увязывались Екатериной II с соблюдением законов. При этом, однако, принцип законности не сочетался в «Наказе» с признанием субъективных прав граждан. Законы

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 90.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 16, 18.

выступали здесь в качестве инструмента обеспечения исключительно *государственных* или *общественных* интересов.

Так, гражданские законы представлялись в «Наказе» лучшим средством исправления пороков, воспитания граждан. «Книга добрых законов не что иное есть, как недопущение до вредного своевольтва причинять зло себе подобным»¹, — говорилось в статье 246 этого документа. Глубинный, философский смысл законности как общественного явления императрица Екатерина видела в поддержании такого общественного порядка, при котором обуздываются дурные свойства людской природы и поощряются добрые людские качества.

Одним из главных средств предупреждения преступлений она считала распространение просвещения (ст. 245) и поощрение людской доброты. «Еще можно предупредить преступление награждением добродетели», — заявляла Екатерина в статье 247 «Наказа».

Екатерина II отождествляла власть государя-законодателя с властью отца, заботящегося о своих детях. В законах, подчеркивала она, «содержится не наука, предписывающая правила человеческого уму, но простое и правое разсуждение отца о *чадах* и домашних своих пекущегося» (ст. 452)².

Подобные представления о роли закона вполне соответствовали идеологии «просвещенного абсолютизма». Не противоречила данной идеологии и выраженная в «Наказе» идея божественного происхождения самодержавной власти. Признанием титула государя «Богом данным званием» (ст. 625) Екатерина II подтверждала свои сентенции о том, что главное назначение самодержавной власти заключается в содействии благополучию подданных, получению ими «самого большого ото всех добра». «Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно»³, — говорилось в статье 1 «Наказа». Принимая верховную власть от Бога, самодержец обязывался тем самым строго соблюдать этот «Закон».

Заявляя о необходимости бороться с правонарушениями посредством воспитания и поощрения доброты в людях, Екатерина II вместе с тем декларировала и применение с этой целью различных наказаний. При этом она не считала смертную казнь эффективным средством предупреждения преступлений. «Смерть злодея слабее

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийскія, даный Комиссіи о сочинении проекта новаго уложенія. С. 174.

² Там же. С. 294.

³ Там же. С. 2.

может воздержаться беззакония, нежели долговременный *пример* человека, лишенного своей свободы для того, чтобы наградить работу свою чрез всю его жизнь *продолжающуюся* вред им сделанный обществу»¹, — писала императрица в «Наказе» (ст. 212). По ее мнению, смертная казнь допустима только в одном случае, а именно: когда преступник, будучи лишен свободы, «имеет еще способ и силу, могущую возмутить народное спокойство» (ст. 210)². Подобный случай, указывала Екатерина II, имеет место лишь тогда, когда народ теряет или возвращает свою свободу, то есть во время безвластия, «когда самые беспорядки заступают место законов». «А при спокойном царствовании законов, — продолжала она, — и под образом правления соединенными всего народа желаниями утвержденным, в государстве противу внешних неприятелей защищенном и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках Самодержца, в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лет государствования Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания» (ст. 210)³. Итоговый же вывод Екатерины II из ее высказываний о смертной казни гласил: «Самое надежнейшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан» (ст. 222)⁴.

Приведенные идеи о бессмысленности применения смертной казни в качестве средства борьбы против беззакония и даже некоторые выражения указанных идей Екатерина II позаимствовала из произведения Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях»⁵. Правда, она внесла в них ряд существенных поправок. Одна из них довольно любопытна.

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, даный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 148, 150.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Чезаре Беккариа (1738—1794), итальянский правовед. Книга «О преступлениях и наказаниях» впервые вышла в свет на итальянском языке в г. Ливорно летом 1764 г. В конце 1765 г. она была издана в Париже в переводе на французский язык. На русском языке данная книга появилась только в 1803 г. (См.: *Беккариа. Рассуждение о преступлениях и наказаниях. Переведено с итальянского языка на французский Андреем Мореллетом, и с оного на Российской, Дмитрием Языко-*

Ч. Беккариа допускал смертную казнь в *двух* случаях — во-первых, когда преступник, даже лишенный свободы, обладает «такими связями и таким могуществом, что это угрожает безопасности нации и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления»¹; и во-вторых, когда смертная казнь преступника «будет действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления»². В этом последнем случае смертная казнь, по мнению Беккариа, «может считаться справедливой и необходимой».

Российская императрица полагала смертную казнь дозволенной, как было отмечено, только в одном случае — в первом из названных итальянским правоведом. То есть в отрицании этого жестокого наказания Екатерина II шла дальше Ч. Беккариа.

В представлении Екатерины II законность предполагала состояние защищенности человека от произвола других людей. Именно такой взгляд на законность императрица выражала в статье 153 своего «Наказа». «Нет ничего опаснее, — отмечала она, — как общее сие изречение: *надлежит в разсуждение брать смысл или разум закона, а не слова*. Сие не что иное значит, как сломити преграду противящуюся стремительному людских мнений течению... Всякий человек имеет свой собственный ото всех отличный способ смотреть на вещи его мыслям представляющиеся. Мы бы увидели судьбу гражданина прменяемую переносом дела его из одного правительства во другое, и жизнь его и вольность на удачу зависящую от ложного какого рассуждения или от дурного расположения его судии. Мы бы увидели те же преступления наказуемые различно в разные времена тем же правительством, если захотят слушаться не гласа непрменяемого законов неподвижных; но обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований»³.

вым. С присовокуплением примечаний Дидерота и переписки сочинителя с Моллетом. Печатано по Высочайшему Его Императорского Величества повелению. В Санктпетербурге, при губернском правлении. 1803). В начале 1767 г., в разгар своей работы над «Наказом», императрица Екатерина II предлагала Ч. Беккариа приехать в Россию на постоянное местожительство, но итальянский правовед после некоторых размышлений и советов с друзьями отказался принять это лестное для него предложение.

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Биографический очерк и перевод проф. М. М. Исаева. М., 1939. С. 316.

² Там же. С. 317.

³ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, даный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 92, 94.

Приведенную мысль Екатерина так же, как и многие другие идеи своего «Наказа», заимствовала у Чезаре Беккариа¹. Но тот факт, что российская императрица включила эти идеи в документ, призванный служить руководством для комиссии по составлению нового уложения, свидетельствует, что она полностью соглашалась с ними.

Екатерина II составляла «Наказ» прежде всего для Комиссии, предназначенной сочинить новое уложение. В связи с этим она включила в его текст целый ряд практических рекомендаций относительно того, как писать законы. Вот некоторые наиболее примечательные из них.

Статья 448 — «Всякий закон должен написан быть словами разумительными для всех, и при том очень коротко; чего ради, без сомнения, надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона»².

Статья 452 — «Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими наполнены: они сделаны для людей посредством разума, равномерным образом как и для остроумных»³.

Статья 453 — «Надлежит, чтобы в законах видно было везде чистосердечие: они даются для наказания пороков и злоухищрений; и так надобно им самим заключать в себе великую добродетель и незлобие»⁴.

Статья 454 — «Слог законов должен быть краток, прост; выражение прямое всегда лучше можно разуметь, нежели околичное выражение»⁵.

Статья 455 — «Когда слог законов надут и высопарен, то они иначе не почитаются, как только сочинением, изъясляющим высокомерие и гордость»⁶.

Статья 458 — «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать, следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли»⁷.

¹ См.: Беккариа Ч. Указ. соч. С. 209—210.

² Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, даный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 290, 292.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 294, 296.

⁷ Там же. С. 296, 298.

Статья 459 — «Надлежит убегать выражений витиеватых, гордых или пышных, и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтоб легко можно было понять вещь законом устанавливаемую»¹.

Статья 460 — «Так же надобно беречься, чтобы между законами не были такие, которые не достигают до намеренного конца; которые избыточны словами, а недостаточны смыслом; которые по внутреннему своему содержанию маловажны, а по наружному слогу надменны»².

Приведенные статьи «Наказа», посвященные технике законотворчества, Екатерина II в значительной мере заимствовала из произведения Шарля Монтескье «О духе законов». Так, статья 452 имеет своим источником следующее высказывание французского философа: «Законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначаются для людей посредственных и содержат в себе искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства»³. Вместе с тем императрица обобщила в указанных статьях «Наказа» опыт законотворчества своих предшественников на царском троне. Давая рецепты написания законов, она ссыалась на памятники русского права (Воинский артикул Петра I, Уложение царя Алексея Михайловича), указывала на способ изложения их правовых норм как на образец, которому надлежит следовать составителям законов. «Слог Уложения блаженныя памяти Царя *Алексея Михайловича*, — отмечала императрица, — по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из оного выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем внятны и самому посредственному уму» (ст. 457)⁴. Во второй половине XVIII века юридическое образование и научная юриспруденция в России только зарождались⁵. Знание законов, навыки обращения с ними приобретались российскими законоведами, как правило, непосредственно из практики их применения. Какие-либо учебники, даю-

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 298.

² Там же.

³ Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. С. 501.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ См.: Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции во второй половине XVIII века // Законодательство. 2006. Статья первая. № 8. С. 83—89. Статья вторая. № 9. С. 86—91. Статья третья. № 10. С. 85—90. Статья четвертая. № 11. С. 86—91. Статья пятая. № 12. С. 76—81.

щие знания в области российской юриспруденции, разъясняющие смысл тех или иных институтов российского права, обучающие правилам составления и применения законов, отсутствовали. Те, кто желал получить теоретические знания о праве, вынуждены были поэтому обращаться к трудам западноевропейских правоведов.

Императрица Екатерина штудировала «Комментарии к законам Англии» Уильяма Блэкстоуна¹. «Блакстон не присылал мне своих записок, — писала она 4 августа 1776 года в письме к барону Гримму, — а между тем он один уже два года имеет честь быть читаем ее величеством, и его записки со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель предметов и мыслей»². По распоряжению ее величества русский правовед, профессор Московского университета С. Е. Десницкий, обучавшийся юриспруденции в университете г. Глазго и знакомый с терминологией английского права, перевел произведение У. Блэкстоуна на русский язык. В 1780 году этот перевод был напечатан в Москве, в университетской типографии, под названием «Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по всевысочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского».

Восхищаясь произведением английского правоведа, Екатерина вполне сознавала, что описанные им правовые институты неприменимы в условиях России. «Я ничего не делаю из того, что имеется в его книге; но это мои нитки, которые я разматываю по своему»³, — заявляла она.

Подобным образом российская императрица смотрела и на правовые идеи французских мыслителей. В 1774 году она говорила в беседе с гостившим у нее Д. Дидро: «Я вполне понимаю ваши великие начала: только с ними хорошо писать книги, но плохо действовать. Вы имеете дело с бумагой, которая все терпит, а я, бедная императрица, имею дело с людьми, которые почувствительнее и пощекотливее бумаги».

В течение 1765—1766 годов, во время своей работы над Наказом комиссии о сочинении проекта нового уложения, Екатерина II получила огромное количество различных поучений от немецких про-

---

¹ Блэкстоун Уильям (*Blackstone William*, 1723—1780), английский правовед. Первое издание его четырехтомного труда “*Commentaries on the Laws of England*” вышло в свет в 1765—1769 гг.

² Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9. С. 31—32.

³ Там же.

фессоров-правоведов относительно составления свода законов. Ознакомившись с этими поучениями, императрица выдала следующее предписание депутатам указанной комиссии: «Нет опаснее для сочинения сей большой работы и совершения оной, как мнения полуученых людей, из числа которых не выключается профессор М., профессор Ш. и господин К. со всею немецкою полуученою братиею. Ибо сии люди, мешая тень, наведенную дурным и жестоким узаконением на характер нации, с действительным характером оной, весьма ошибаются во всех своих о нации и ее положении рассуждениях. И действительно, лучше иметь дело с незнающими, но умными людьми, нежели с такими, кои имеют косые предрассуждения, вовсе противные моим принципиям и умоначертанию нации. Итак, весьма прошу быть примечательными, дабы их преудбеждения не произвели импресии, противной моим правилам»¹.

Наделенная от природы сильным практическим умом, Екатерина II стремилась в своей законотворческой деятельности более приноровляться к обстоятельствам, а не к теоретическим догматам — приспособляться к реальным, а не вымышленным людям. В этой связи особый интерес представляет разговор, состоявшийся однажды между Екатериной и статс-секретарем В. С. Поповым². Желая польстить своей императрице, Василий Степанович сказал ей, что не перестает изумляться тому чрезвычайному усердию и ревности, с которыми все исполняют ее повеления и стараются угождать ей. «Это не так легко, как ты думаешь, — отвечала Екатерина, — во-первых, повеления мои не исполнялись бы с точностию, если бы не были удобны к исполнению. Ты сам знаешь, с какою осмотрительностию, с какою осторожностию поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, изведываю мысли просвещенной части народа и по ним заключаю, какое действие указ мой произвесть должен. Когда уже наперед я уверена об общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие видеть то, что ты называешь слепым повиновением, и вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не принаравлено к обычаям, к

¹ Отрывки из сочинения Екатерины II // Русский архив. 1865. Стлб. 1279.

² Содержание этого своего разговора с императрицей Екатериной II Василий Степанович Попов (1745—1822), управляющий канцелярией Светлейшего Князя Г. А. Потемкина и статс-секретарь Ее Величества, описал в письме к Александру I. Данное письмо сохранилось в архиве и было опубликовано в журнале «Русский архив» в 1864 г.

мнению народному, и когда в оном я бы последовала одной своей воле, не размышляя о следствиях. Во-вторых, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокруг меня все делается только мне угодное. Напротив того: это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому¹, сообразно с заслугами, достоинствами, склонностями и привычками, и поверь мне, что гораздо легче делать приятное для всех, нежели чтобы все тебе угождали. Напрасно сего ожидать и будешь огорчаться; но я сего огорчения не имею, ибо не ожидаю, чтобы все без изъятия по-моему делалось»².

Это признание Екатерины II по-своему примечательно. В одной из тетрадей императрицы, в которой она записала свои мысли, касающиеся управления Россией, содержится заметка, подтверждающая подлинность переданного В. С. Поповым. «Дело, которое наиболее сопряжено с неудобством, — пишет Екатерина, — это составление какого-нибудь нового закона. Нельзя внести в это достаточно обдуманности и осторожности; единственное средство к достижению того, чтобы быть осведомленным о хорошей или дурной стороне того, что вы хотите постановить, это велеть распространить слух о том на рынке, и велеть точно известить вас о том, что говорят; но кто скажет вам, какие выйдут отсюда последствия в будущем?»³

Вслед за приведенной заметкой Екатерина записала другую не менее интересную мысль о законотворчестве: «Остерегайтесь, по возможности, издать, а потом отменить свой закон; это означает вашу нерассудительность и вашу слабость и лишает вас доверия народа, разве это будет только закон временный; в этом случае я желала бы заранее объявить его таковым и обозначить в нем, если возможно, основания и время, или, по крайней мере, обозначить в нем срок в несколько лет, по истечении которых можно было бы его возобновить или уничтожить»⁴.

¹ «Я умру от услужливости», — написала однажды Екатерина (Шутливая характеристика придворных // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 663). В этой шутке была большая доля печальной для любого самодержца правды. Властвовать над людьми по своему произволу можно лишь при условии, если люди это позволяют.

² Из письма В. С. Попова к Александру I // Русский архив. 1864. № 4. Стлб. 447—448.

³ Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты. [Особая тетрадь] // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 629.

⁴ Там же.

* * *

Многие из представленных в «Наказе» политических и правовых идей повторяли или предвосхищали то, что уже было выражено или выражалось впоследствии в текстах законодательных актов Российской империи. Это идея служения носителя верховной государственной власти благу и счастьем народа, идея законности, взгляд на закон как на инструмент воспитания, воплощение совести и правды и т. д.

Вступив на императорский престол, Екатерина II торжественно провозгласила свою приверженность к порядку и к законности. Сохранение правосудия она объявила в числе главных задач своего правления. При этом императрица вполне сознавала, насколько трудно будет ей обеспечить исполнение своих обещаний. Вот что писала она 20 сентября 1769 года о внутреннем состоянии Российской империи в 1762 году: «Повсюду народ приносил жалобу на лихоимство, взятки, притеснения и несправедливости разных правительств, а наипаче приказных служителей: все ветви комерции почти отданы были частным людям, на откуп, флот был в упущении, армия в разстройке, крепости развалилися»¹. Сферу же правосудия Екатерина II характеризовала следующими чертами: «1. Неисчислимое множество законов и приказов. 2. Частые изменения, какия делают в одних и тех же законах. 3. Небрежное отношение судей и судов к поддержанию законов. 4. Непринужденность, с которой скрывают от сведения общества ошибки судей и других чиновников на коронной службе»².

К этим недостаткам российской системы правосудия добавлялось другое зло, обнаруженное Екатериной II в первые годы правления, а именно: широко распространенная в России практика составления ложных императорских указов. Императрице пришлось издать по этому поводу 17 марта 1764 года специальный именной указ. В нем констатировалось, что простой народ нередко «обманываем бывал списками ложных от имени ея императорскаго величества и от Сената указов, каковые вымышляются и составляются единственно от злых людей, для приведения онаго в неизвестность и смущение». Для того чтобы истребить данное зло в самом корне и навсегда освободить народ «от всяких впредь подобных

¹ Исторические отрывки // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 641.

² Там же. С. 643.

лжей», Екатерина повелевала Сенату обнародовать, что «отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения, от имени ее императорского величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные, кроме печатных»¹. Именным указом Екатерины II от 11 августа 1764 года было установлено, что печатать указы следует только в сенатской типографии.

Угрозы жестоко карать нарушителей законов, на каковые был очень щедр Петр I, Екатерина II во многом заменила призывами проявлять «человеколюбие», «добронравие», «попечение о благе общем». Тексты некоторых ее законодательных актов выливаются в настоящие проповеди христианской морали. Вот что говорится, например, в «Уставе благочиния или полицейском», изданном 8 апреля 1782 года «для споспешества доброму порядку» и «удобнейшаго исполнения законов»²: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь», «не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь», «в добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимеющему, напой жаждушаго», «блажен, кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее», «с пути сошедшему указывай путь»³. Как ни удивительно, но такого рода наказ Екатерина давала административному органу под названием «управа благочиния или полицейская», состоявшему из городничего, пристава уголовных дел, пристава гражданских дел и двух ратманов (членов городского совета).

Одним из главнейших средств упрочения правопорядка в русском обществе Екатерина II считала воспитание в людях добрых нравов. По ее мнению, законы не должны вызывать у людей страха, в таком своем качестве они мало принесут пользы. В письме к Вольтеру от 14 июля 1769 года российская императрица отмечала: «Наши законы продолжают идти своим порядком; над ними трудятся понемногу» и далее с гордостью утверждала: «Эти законы будут сохранять терпимость; они не будут никого гнать, умерщвлять и сожигать»⁴. Указанным письмом Екатерина стремилась создать у

¹ Законодательство Екатерины II. Том 1. М., 2000. С. 227—228.

² Устав благочиния или полицейской // Законодательство Екатерины II. Том 1. С. 557.

³ Там же. С. 563.

⁴ Переписка Екатерины Великия с Господином Вольтером. Перевел Александр Подлисицкий. Часть первая. М., 1803. С. 56.

авторитетнейшего для всей Европы философа и писателя благостное представление о своей империи¹, однако приведенные слова императрицы о будущих русских законах не были обманом. Ее законодательство действительно оказалось проникнутым началами терпимости и гуманизма.

В статье 12 «Генерал-Прокурорского Наказа при Комиссии о составлении проэкта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать» Екатерина писала: «Одним словом, вся Наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствовании и уменьшении зла и в отвращении той беспечности, коя последует во всем правительстве от привычки и нерадения»².

На Руси во все времена видели в законе выражение совести или, как говаривали в древности — правды. Екатерина II вполне усвоила этот традиционный русский взгляд на закон. Законодательство западноевропейских стран, в котором все подробно, до мельчайших деталей регламентировалось, вызывало у нее отрицательные чувства³. В представлении Екатерины II закон являлся не только способом регламентации поведения людей, не только карой, но и милостью, средством воспитания в душах подданных добрых ка-

---

¹ Так, Екатерина писала о жизни своих подданных: «Впрочем, налоги у нас так умерены, что в России нет ни одного крестьянина, которой бы не ел курицы, когда ему захочется, и что с некоторого времени в иных провинциях предпочитают курицам петухов Индейских». (Переписка Екатерины... С. 56.)

² Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проэкта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать // Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии от сочинении проэкта нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 171.

³ К. Валишевский приводит в своей книге о Екатерине II высказывание Ее Величества о датских законах: «Все здесь предвидено; следовательно, никто сам не мыслит, и все действуют, как бараны. Я предпочла бы бросить в огонь все, что, по вашему выражению, я перевернула вверх дном, нежели создавать прекрасные законы, которые порождают отвратительную породу пошлых и глупых баранов». (*Валишевский К.* Роман императрицы. Екатерина II, императрица Всероссийская. СПб., 1908. С. 336—337.) При этом польский историк ссылается на письмо императрицы Екатерины II к барону Гримму от 18 апреля 1779 г., опубликованное, как он указывает, в томе 23 «Сборника Русского Исторического общества». Я просмотрел данный том, но не нашел в нем письма Екатерины II с указанной датой. Однако о том, что Екатерина действительно была знакома с датскими законами, свидетельствует ее письмо к Гримму от 25 сентября 1779 г., а точнее, абзац, начинающийся со слов «Tenez, les lois danoises n' ont desseché le cerveau...». См.: Сборник ИРИО. Том 23. СПб., 1878. С. 160. (Письма Екатерины II публикуются здесь на том языке, на котором писались, то есть на французском.)

честв. «И так со стороны поставляем милосердие за основание законов и открываем дорогу к достижению правосудия; со стороны же любезных подданных наших ожидаем благодарности и послушания: чрез что сохранится благоденствие, тишина и спокойство государственное», — заявляла императрица в Манифесте от 14 декабря 1766 года.

Примечателен в этом смысле и следующий текст статьи V «Наставления губернаторам» от 21 апреля 1764 года: «Хотя о душевредном лихоимстве и гнусных взятках многими строжайшими указами обнародовано, и МЫ особливо ныне надеемся, что все НАШИ верноподданные, чувствуя матеренское НАШЕ определением достаточного им жалованья милосердие, не прикоснутся к толь мерскому лакомству, прелестному только для одних подлых и ненасытных сребролюбием помраченных душ».

Правление Петра III, унижавшее и оскорблявшее русское национальное достоинство, способствовало обострению у русских людей чувства патриотизма. Именно поэтому, вступая на российский престол, императрица Екатерина громко заявляла о своей любви к русскому народу, приверженности к русскому государству, которое она величала не иначе, как «любезным нашим отечеством». Но было бы несправедливым видеть в этой демонстрации Екатериной своих патриотических чувств только стремление угодить настроениям, господствовавшим в тогдашнем русском обществе. Безусловно, желание угодить русским было в ней предельно сильным и определяло многие ее поступки. Однако приверженность этой немки ко всему русскому — к русским людям, русской культуре, русской истории — являлась искренней¹: *Екатерина была достаточно умна и развита душою, чтобы полюбить Россию по-настоящему и навсегда!*

¹ Одним из свидетельств этой искренности служит то, что Екатерина II всегда с гневом реагировала на отрицательные отзывы о России и русских со стороны иностранцев. В сентябре 1763 г. вице-канцлер А. М. Голицын получил от русского посланника в Лондоне графа А. Р. Воронцова два письма, в которых сообщалось, что в какой-то лондонской газете появилась серия публикаций, направленных против России. Голицын доложил об этих сообщениях из Лондона российской императрице. В ответ Екатерина начертала для посланника Голицына следующую резолюцию: «На сие три способа есть: 1) Завзять автора куда способно и поколотить его, 2) или деньгами унимать писать, 3) или уничтожить, 4) или писать в защищение, а у двора, кажется, делать нечего. И тако из сего имеете выбирать что вам приличнее кажется, а сие пишется к вице-канц.»

Об этой своей любви к чужой стране, ставшей для нее родной, Екатерина II заявляла и в текстах законов. Ее указы и манифесты пронизаны патриотизмом, уважением к русским традициям, к русской истории, гордостью за русский народ, выдержавший самые страшные испытания, какие только могут выпасть на долю какого-либо народа. «Знающим древнюю историю НАШЕГО Отечества довольно известно, что воинство российское, когда еще и просвещение регул военных ему не поспешествовало, войска мужественного имя носило: но видевшим века НАШЕГО настояция уже времена, когда к храбрости его природной дисциплина военная присоединилася, доказательно и неоспоримо, что оружие российское там только славы себе не приобретает, где руки своей не подьмет» — такими словами начинается Манифест о военной дисциплине от 22 сентября 1762 года. В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», утвержденной 21 апреля 1785 года, Екатерина II заявляла: «И сим образом в истинной славе и величестве империи вкушаем плоды и познаем следствия действия нам подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчиваго и сильного российского народа».

Закон был для императрицы Екатерины II прежде всего эффективным инструментом государственного управления. «Наше же утешение и облегчение великаго бремени управления государственнаго будет то, чтобы видеть нам законы в своей силе и почтении, а правосудие в действии»¹, — заявляла она в своем «Манифесте к сочинению проекта нового Уложения», данном 14 декабря 1766 года. Вместе с тем Екатерина II рассматривала закон в качестве формы выражения идей, которые она желала внушить своим подданным. «Снисходительность, примиряющий дух властителя, — писала она в одной из своих заметок, — сделали бы больше, нежели тысячи законов, а политическая свобода одушевила бы все. *Часто лучше внушать преобразования, нежели предписывать*»². Многие законодательные акты, вышедшие из-под руки этой императрицы, представляли собой не только правовые, но также настоящие идеологические, программные документы.

Таким документом являлся, например, «Обстоятельный Манифест о возшествии Ея Императорскаго Величества на Всероссий-

¹ Законодательство Екатерины II. Том 1. М., 2000. С. 155.

² Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 640.

ский Престол» от 6 июля 1762 года¹, написанный собственноручно Екатериной II. Императрица изложила в нем причины, побудившие ее взять в свои руки самодержавную власть и отстранить от императорского престола Петра III, и одновременно с этим провозгласила цели и задачи своего правления, а также принципы, которым намеревалась следовать при осуществлении верховной государственной власти. Екатерина II заявляла, в частности, о том, что не оставит просить Бога «денно и ночью» помочь ей поднять скипетр самодержавия «в соблюдение нашего православного закона, в укрепление и защищение любезного отечества, в сохранение правосудия, в искоренение зла и всяких неправд и утеснений»². Возвещая о своем искреннем и нелицемерном желании доказать прямым делом, сколь хочет она быть достойной любви русского народа, для которого она взошла на престол, императрица давала наиторжественнейшее обещание «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению добраго во всем порядка»³. Посредством этих узаконений Екатерина надеялась, как она признавалась, сохранить единство Российской империи и самодержавной власти, несколько ниспроверженной правлением Петра III, «а прямых вернouserдствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»⁴.

В тексты многих своих законов Екатерина II включала возвышенные сентенции о своем стремлении к народному счастью, к благоденствию подданных, к законности при осуществлении управления. «И понеже наше первое желание есть видети наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться...», — заявляла императрица в Манифесте от 14 декабря 1766 года. «Всегдашния НАШИ и неусыпныя попечения в изобретании средств к приращению благоденствия подданным НАШИМ и к приведению всей НАШЕЙ империи в желанное благосостояние открыли НАМ между прочим и сию неоспоримую истинну, что все целое не может быть отнюдь

¹ Законодательство Екатерины II. Том I. С. 64—69.

² Там же. С. 69.

³ Там же.

⁴ Там же.

совершенно, естли части его в непорядке и неустройстве пребудут» — так начинала Екатерина свое «Наставление губернаторам» от 21 апреля 1764 года.

В статье IV данного наставления говорилось о необходимости соблюдения законности: «Губернатор недремлющим оком в губернии своей взирает на то, чтоб все и каждой по званию своему исполнял с возможным радением свою должность, содержа в ненарушимом сохранении указы и узаконения НАШИ, чтоб правосудие и истинна во всех судебных подчиненных ему местах обитали, и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатых, совести и правды не могла помрачить, а бедность вдов и сирот, тщетно проливая слезы, в делах справедливых утеснена не была...» В этих словах «Наставления губернаторам» выражалась идея равенства всех перед законом, законность связывалась с поддержанием нравственности в русском обществе.

Характеру Екатерининских законов вполне соответствовал и их стиль. Как известно, в Западной Европе содержание правовых установлений выражалось специальным юридическим языком, понятным лишь лицам, изучавшим право. Чаще всего это была латынь, недоступная для понимания основной массе населения. В России же язык права не был узкоспециальным, а по существу совпадал с обыденным, народным языком. С. Е. Десницкий в своей речи «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» отмечал, что «в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений»¹.

Иначе говоря, в России законы излагались на том же самом языке, на котором писались письма или какие-либо литературные произведения. Памятники русского права — это одновременно памятники русской литературы.

Тексты законодательных актов, изданных Екатериной II, дают дополнительное основание для такой оценки русского законодательства. Их чтение доставляет такое же эстетическое наслаждение, как чтение высокохудожественного литературного творения. Составляя тот или иной нормативный акт, российская императрица не просто формулировала правовую норму, но часто одновременно

¹ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII в. М., 1959. С. 162—163.

выражала свою нравственную позицию. Поэтому тексты законов, вышедшие из-под руки Ее Величества, были наполнены возвышенными сентенциями. Екатерина II старалась не употреблять в своих указах бранных слов и запрещала это делать тем, кто составлял указы от ее имени. «Александр Иванович! — обращалась она к генерал-прокурору А. И. Глебову в именном указе от 29 июля 1763 года. — Присланную ко мне челобитную дворянин Прокофей Демидов просил меня, объявляя, что Берг-коллегия в данном ему указе, которой он подлинной при челобитной приложил, напрасно бранными словами сделала ему поношение, называя его душевредником и непримиримую злобу имеющим человеком. Сие подлинно неприлично, чтоб при титуле моем и моим указом кого-нибудь бранить. Буде он виноват, то надлежит его осудить силою закона, и безбранно повелеть учинить указанное исполнение. Разсмотрите вы в Сенате, правильно ли дело его в той коллегии решено, а за неприличную брань, ему в сатисфакцию, сделайте Берг-коллегии выговор, повелев возвратить все разосланные в поношение ему указы. Сверх того во все судебные в государстве места указами из Сената подтвердите, чтоб отнюдь в указах и повелениях никогда брани и слов поносимых употребляемо не было»¹.

* * *

Мысли западноевропейских просветителей о назначении и сущности законов, о способах борьбы с правонарушениями носили во многом сугубо умозрительный характер. На самом деле, строгое следование букве закона часто столь же вредно для общества, как и пренебрежение этой буквой. Законы, безусловно, должны воспитывать в людях добронравие, но прежде всего они должны исполняться.

Российская императрица вполне сознавала все это. Однако умозрительные идеи Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро, принятые Екатериной II и преподнесенные ею русскому обществу в качестве программы своей государственной деятельности, имели в ее глазах одно положительное свойство — *они в целом являли собой некий идеал, о котором можно было долго говорить, к которому можно было стремиться всю жизнь и при этом совершенно не заботиться о его осуществлении.*

¹ Законодательство Екатерины II. Том I. С. 219—220.

Придавая своим законам воспитательную функцию, Екатерина II могла считать свою законодательную деятельность успешной даже в том случае, если изданные ею законы не исполнялись российскими чиновниками. Кто не знает, что воспитание — очень длительный процесс, результат которого весьма отдален во времени даже в том случае, если воспитывается отдельный индивид. Но если воспитанию подвергается целое общество, то очевидно, что результаты его появятся только в следующих поколениях — столетия спустя.

При таких воззрениях на закон и законность, каковые носила в себе Екатерина II, она, издав множество различных законодательных актов, вполне могла считать свою миссию российской императрицы выполненной. При этом действительное состояние дел во вверенной ей империи в части, касающейся правопорядка, было довольно плачевным — правопорядок в русском обществе не стал прочнее за время правления Екатерины II. Однако в любом и самом плохом явлении всегда нетрудно обнаружить что-нибудь хорошее и как-то им утешиться. *«Меня обворовывают так же, как и других, — грустно признавалась императрица в одном из своих писем и тут же добавляла с оптимизмом: — но это хороший знак и показывает, что есть что воровать».*

Иоганн Симон Бекенштейн

(Johann Simon Beckenstein)

(1684—1742)

ВОСЕМНАДЦАТОЕ столетие было в западноевропейском правоведении эпохой господства доктрины естественного права. Ее изучение являлось важнейшей ступенью университетского юридического образования. Соответственно этому и в России ядром научной юриспруденции считалась первоначально совокупность знаний о естественном праве. В университете при Императорской Академии наук, учрежденной 28 января 1724 года и открытой 27 декабря 1725 года, предполагалось в процессе обучения юриспруденции преподавать «право природы и публичное купно с политикою и этикою (нравоучением)»¹. В качестве же главных учебных пособий для усвоения основ научной юриспруденции подразумевалось использовать книги иностранных правоведов, излагавших принципы естественного права. Одну из таких книг, а именно: произведение немецкого правоведа Самуила Пуфендорфа (*Samuel Pufendorf*, 1632—1694) «De officio hominis et civis, juxta legem naturalem, libri duo (О должности человека и гражданина согласно естественному праву, в двух книгах)»² Петр I приказал перевести на русский язык. «Посылаю при сем, — писал он в октябре 1724 года в Святейший Синод, — книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый — о должности человека и гражданина, другой — о вере христианской, но требую, чтоб первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужда быть»³.

---

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Развитие юриспруденции в первой четверти XVIII столетия. Статья третья // *Законодательство*. 2006. № 4. С. 84—89.

² Первое издание данного сочинения вышло в свет в шведском городе Лунд в 1673 г. (*Pufendorfii Samuelis. De officio hominis et civis, juxta legem naturalem, libri duo. Londini Scanogum, 1673*). После этого оно переиздавалось до начала XIX века в различных странах Европы и на разных европейских языках по меньшей мере 150 раз.

³ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 498.

Первые десять глав перевода государь самолично отнес в придворную типографию для печатания. Вышел русский вариант книги «О должности человека и гражданина» уже после смерти Петра I — в 1726 году¹.

При таком понимании научной юриспруденции и характера юридического образования считалось вполне возможным восполнить недостаток ученых-правоведов среди русских людей приглашением в Россию иностранных юристов. Петр I еще в 1715 году велел генералу Адаму Адамовичу Вейде отыскивать за границей и приглашать в Россию «ученых и в правостях искусных людей»².

После учреждения в Санкт-Петербурге Академии наук иностранные правоведы стали приглашаться для преподавания в академическом университете.

Летом 1725 года в российскую столицу прибыл уроженец Вюртенберга, выпускник Тюбингенского университета философ-правовед Христофор Гросс (*Christian Friedrich Gross*, ум. в 1742 г.)³. 1 июля 1725 года он был определен на должность адъюнкта по кафедре нравоучительной философии, 24 ноября 1725 года его назначили на должность экстраординарного профессора по той же кафедре.

14 января 1726 года в Санкт-Петербургской типографии был напечатан каталог лекций академических профессоров: они начались спустя десять дней — 24 января⁴. Таким образом, Петербургская Академия наук официально начала действовать и в качестве учебного заведения.

24 июня 1726 года в Санкт-Петербург прибыл еще один иностранный правовед — Иоганн Симон Бекенштейн (*Johann Simon Beckenstein*, 1684—1742). Контракт, оформлявший условия его приглашения в Россию, был заключен 3 декабря 1725 года. И. С. Бекенштейн состоял в то время при Кенигсбергском университете в

¹ См.: О должности человека и гражданина по закону естественному книги две, сочиненные Самуилом Пуфендорфом, ныне же на Российский с Латинского переведенные, повелением благочестивейшия Великия Государыни Екатерины Алексеевны... благословением же святейшего... Синода. Напечатаны же в Санкт-петербургской Типографии ноября в 17 день 1726 года.

² Высочайшая резолюция от 20 августа 1715 г. «О призыве в Россию Ученых и в Правоведении искусных людей для отправления в Коллегиях дел» // 1-ПСЗРИ. Т. V. № 2928.

³ Дата рождения Христофора Гросса неизвестна.

⁴ См.: там же. С. 169—172.

качестве *doctor legens*, то есть внештатного лектора. В России же ему были предложены должность профессора правоведения в Академии наук сроком на пять лет с жалованьем в размере 800 рублей в месяц и казенная квартира с отоплением и освещением¹.

Преподавательская деятельность Христофора Гросса в рамках Российской Академии наук продолжалась не более двух лет. В течение 1726—1727 годов он читал здесь на латинском языке лекции по «эфике, по книге Пуфендофской, — яже о должности человека и гражданина»², то есть преподавал естественное право, основываясь на книге Самуила Пуфендорфа «О должности человека и гражданина согласно естественному праву, в двух книгах». И вместе с тем готовил письменные сочинения (*theses*) на различные этико-правовые темы, как-то: «О мере добродетелей и злых дел, и может ли каковая изобрестися и с того какого плода чаять...», «О разуме законов, и разности, и о вменении, следующем по законам...», «О разуме права естественного, права языков и права гражданского, и правдивых между ими разделениях» и др.³ В последующие годы Христофор Гросс не читал в Академии лекций, причем неясно, по какой причине: то ли не было студентов, желавших его слушать, то ли сам немецкий профессор просто не желал читать лекции. Ученый секретарь Академии наук, заведующий ее канцелярией и библиотекой, Иоганн Даниэль Шумахер (*Johann Daniel Schumacher*, 1690—1761) писал 14 июля 1729 года президенту Академии наук Л. Л. Блюментросту⁴: «Профессора обязаны читать лекции, а между это только исполняют доктор Бекенштейн, Бернулли и Мейер... Другие даже не помышляют о том»⁵.

В 1731 году Христофор Гросс был назначен на должность секретаря брауншвейг-вольфенбюттель-бланкенбургского двора в Санкт-Петербурге и вследствие этого вышел из состава Академии

¹ См. об этом: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. СПб., 1870. С. 197.

² Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомилинов. Том 1. 1716—1730. СПб., 1885. С. 171.

³ Там же. С. 284.

⁴ С января 1728 г. Л. Л. Блюментрост, занимавший, помимо должности президента Академии наук, также должность личного лекаря российского императора, вынужден был пребывать в Москве, поскольку именно сюда переместилась резиденция Петра II.

⁵ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 199.

наук. Дальнейшая судьба его оказалась трагичной. В 1741 году он помог первому кабинет-министру графу А. И. Остерману составить донесение регентше Анне Леопольдовне об интригах французского посла маркиза де Тротти де ла Шетарди, действовавшего в интересах Елизаветы Петровны. После того, как дочь Петра I взошла на престол, А. И. Остерман был арестован. Среди его бумаг был обнаружен текст указанного донесения, написанного рукою Христофора Гросса. Против бывшего академика было открыто уголовное дело. Однако до суда оно не дошло: 2 января 1742 года Христофор Гросс застрелился.

Иоганн Симон Бекенштейн оказался более деятельным в своей должности профессора Петербургской Академии наук, чем академик Гросс. В соответствии с каталогом лекций от 14 января 1726 года ему надлежало читать лекции по натуральному праву, «правам общим» Германской империи. При этом в каталоге сообщалось, что он «также и о институциях права Юстиниана цесаря, буде слушателям полюбится, тщание иметь будет»¹. В отчете о занятиях академиков в первый год существования Петербургской Академии наук, составленном в августе 1727 года, было отмечено, что Бекенштейн преподавал в указанный период «начало права из установлений..., держася во всем правил натурального права и политики, закон устанавливающие»². И кроме того, он составил «историю права публичного», и «вместо диссертаций или рассуждений академических, по приказу превосходительного господина барона Остермана, толкование и приращение на российское Уложение написал, которые в кратком времени рассуждению его превосходительства предложит...»³.

Принимая приглашение занять должность профессора правоведения в Санкт-Петербургской Академии наук, И. С. Бекенштейн полагал, что она будет организована на таких же началах, как германские университеты. Он испытал большое разочарование, обнаружив, что попал на работу в учреждение, которое, хотя и было заполнено выходцами из Германии, оказалось весьма далеким по своей организации и духу от университета германского типа. Академик Герард Фридрих Миллер (*Gerard Friedrich Miller*, 1705—1783)

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Том 1. С. 170.

² Там же. С. 282.

³ Цит. по: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 197—198.

писал впоследствии в своем сочинении «Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu S.-Petersburg (К истории Академии наук в С.-Петербурге)» о том, что особенно несносным Бекенштейну казалось в Петербургской Академии то, что «здесь не было юридического факультета и никакого предпочтения одной науки перед другой»; что «здесь ученые не принимали какого-либо участия в управлении делами своего общества, а все зависело от произвола президента». По словам Г. Ф. Миллера, когда Бекенштейн «представлял что-нибудь письменно по своей должности или по хозяйственной части, то никогда не подписывал своих бумаг ни на имя президента, ни канцелярии, за которыми он не признавал на то никаких прав, но, по обычаю немецких университетов, обращался к профессорскому собранию следующим образом: «высокоблагородные высокоученые, и пр. господа! Нижеподписавшийся представляет...»¹

Несмотря на то, что И. С. Бекенштейн добросовестно относился к исполнению своих преподавательских обязанностей, лекции его не привлекали к себе внимания студентов. И он сам это открыто признавал. В кратком отчете о своей преподавательской деятельности, составленном в декабре 1732 года, Бекенштейн заявлял: «Из российской нации у меня в обучении никого не бывало, и для того учения никто ко мне не являлся, а некоторые дети от иностранцев, в России рожденные, у меня обучались»². Г. Ф. Миллер утверждал в своем очерке по истории Петербургской Академии наук, что «Бекенштейн был бы очень прилежный и полезный преподаватель, если бы только у него были слушатели»³.

Думается, одна из главных причин, по которой молодые русские люди не шли изучать юриспруденцию к немецкому академику-профессору, таилась в содержании его учебных курсов. «...И обучения мои, — писал Бекенштейн о своих лекциях в Академии наук, — состоят в следующих науках: натуральное право; права общие германской или немецкой империи; описание, как в судах обыкновенно поступать; причем я имел тщание и о лифляндских и

¹ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 198.

² Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Том 2. 1731—1735. СПб., 1886. С. 203.

³ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 199.

эстляндских правах показание чинить; а о российских мне весьма неизвестно. Феодальные права, который я однакоже не окончал, для того, что тому назад больше года, как я взят в юстиц-коллегию, к немецким делам, а затем вступать в другие дела мне уже невозможно было»¹. Очевидно, что лекции такого содержания не могли вызвать интереса даже у тех русских, которые имели большое желание обучиться юриспруденции: слишком оторваны были эти лекции от российского юридического быта.

Характеризуя положение, сложившееся с преподаванием юриспруденции в Петербургской Академии наук, Г. С. Фельдштейн отмечал: «Хотя юриспруденция являлась только одной из сторон научной деятельности Академии, очень скоро, по открытии этого учреждения, последнее стало центром, отражающим довольно полно состояние правоведения в России. Но, культивируемая чуждыми стране людьми, юриспруденция в стенах Академии должна была исключительно сосредоточиться на общих теоретических началах и оставить в стороне обработку русского юридического материала. Вместе с тем, наука в России наталкивалась на дорогу сухого, формального теоретического трактования юридических проблем»².

Число молодых людей, желавших обучаться в Академии наук, было невелико с самого начала ее деятельности. Оно заметно уменьшилось после переезда в январе 1728 года двора молодого императора Петра II в Москву. Вместе с императором из Санкт-Петербурга выехало много знатных семейств. В результате академическая гимназия лишилась большей части своих учеников.

Другим печальным для Петербургской Академии наук последствием переезда императора и его сановников в Москву стала хроническая задержка выплат жалованья академикам. Перестали выдаваться и денежные суммы, необходимые для материального обеспечения научной деятельности Академии, содержания ее библиотеки и Кунсткамеры, на хозяйственные нужды данного учреждения. С января и до ноября 1728 года из казны на нужды Академии наук не было выдано ни копейки. Подобные задержки в выдаче денежных средств на нужды Академии случались и в дальнейшем.

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомянов. Том 2. С. 204.

² *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 61.

Не дождавшись окончания пятилетнего срока работы в Академии, определенного контрактом, И. С. Бекенштейн стал требовать у И. Д. Шумахера разрешения на свое увольнение из Академии. 6 июля 1730 года ученый секретарь доносил Л. Л. Блюментросту: «Г. доктор Бекенштейн опять настаивает на своем увольнении. Так как по контракту он обязан пробыть еще один год, то можно к нему написать, что он получит отставку, между тем мне желательно попытаться расположить его к другим мыслям»¹. 26 января 1731 года И. Д. Шумахер сообщал в Москву президенту Петербургской Академии наук: «Я убедил г. доктора Бекенштейна остаться долее. Однако ему следует прибавить жалованья, чего он действительно заслуживает»². Размер жалованья был увеличен Бекенштейну только в конце 1732 года, после повторной просьбы об этом Шумахера. Но профессор отказался принять прибавку к своему содержанию. В ответе на указ Сената от 1 декабря 1732 года, которым ему было повышено жалованье, Бекенштейн, напомнив, что просил Академию о своем увольнении, заявил: «Тот абшит между другими причинами просил я и для того: надеюсь, что от меня здесь малая происходить может польза, чего ради и дарованный мне к прежнему моему жалованью прибавок принять не хотел»³. Впоследствии Г. Ф. Миллер в своем очерке по истории Петербургской Академии наук вспоминал, что Бекенштейн при каждом случае говорил, что он не заслуживает получаемого им из Академии жалованья, поскольку лишен возможности читать лекции по юриспруденции русским юношам⁴.

С октября 1731 года И. С. Бекенштейн, не слишком обремененный занятиями в Академии наук, стал привлекаться вице-президентом Юстиц-коллегии Г. К. фон Кейзерлингом⁵ к работе в де-

¹ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 198—199.

² Там же. С. 199.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Герман Карл фон Кейзерлинг (*Hermann-Karl von Keyserlingk*, 1696—1765) получил юридическое образование в Кенигсбергском университете и среди его преподавателей там был и доктор права И. С. Бекенштейн. 18 июля 1733 г. барон Кейзерлинг будет назначен президентом Петербургской Академии наук вместо впавшего в немилость к императрице Анне Иоанновне Л. Л. Блюментроста, но пробудет в этой должности недолго — 23 сентября 1734 г. его сменит на посту президента Академии наук с титулом ее «Главного командира» Иоганн Альбрехт Корф (1692 или 1697—1766).

партаменте эстляндских и лифляндских дел. Члены Академии наук не имели соответствовавшего их должности чина в Табели о рангах, поэтому Бекенштейн считался самым младшим по рангу сотрудником коллегии, среди которых были и его ученики. В этом качестве он принужден был первым высказывать свое мнение во время обсуждения какого-либо вопроса. Нисколько не смущаясь, профессор выступал так, будто лекцию читал студентам, подробно разъясняя тонкости рассматриваемого дела.

В первых числах января 1732 года Бекенштейну пришлось участвовать в комиссии, которая была создана в рамках данной коллегии для рассмотрения дела Генриха Фика¹, арестованного 30 декабря 1731 года по обвинению в одобрении замысла членов Верховного тайного совета ограничить самодержавную власть в России. Академик пытался уклониться от сей неприятной обязанности, ссылаясь на то, что он иностранец, и ему не должно быть известно дело, заключающее государственную тайну, что он не принадлежит к Юстиц-коллегии, что он уже подал прошение об увольнении из Академии наук и собирается покинуть Россию — но ему сказали, что дело Фика разбирается по устному повелению Анны Иоанновны, и он не вправе отказаться от участия в нем.

Указанное дело начало рассматриваться 11 января, и Фик на первом же допросе, глядя на Бекенштейна, поблагодарил императрицу за то, что она повелела судить его «немецким судом». Допросив людей, слышавших высказывания обвиняемого о кондициях, предложенных «верховниками» Анне Иоанновне перед ее вступлением на императорский престол, и выслушав показания его самого, комиссия уже 12 января вынесла приговор, лишавший Генриха Фика всех пожалованных имений и назначавший ему вечную ссылку в Сибирь².

В мае 1735 года И. С. Бекенштейн был уволен по своему прошению из Петербургской Академии наук. За добросовестную службу

¹ До своего ареста Генрих Фик занимал должность вице-президента Коммерц-коллегии. В 1718 году он представил Петру I проект создания коллегий, в котором было сказано о необходимости обучения молодых людей из русских для работы в этих учреждениях. Государь начертал против данных слов: «Сделать академию». Теперь один из академиков судил Фика.

² См. подробности дела Фика в издании: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 201—207. После вступления на императорский престол Елизаветы Петровны Генрих Фик будет возвращен из ссылки и награжден следующим чином. Ему возвратят конфискованные имения.

он был в июне представлен И. Д. Шумахером к награждению званием почетного члена Академии, дававшим ежегодное жалованье в сто рублей. Диплом, удостоверявший это звание, был выписан ему 25 октября 1738 года. Последние годы своей жизни И. С. Бекенштейн провел в Кенигсберге, там он, по всей видимости, и умер в 1742 году.

Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон

(Frédéric Henri Strube de Piermont)
(1704—1790)

ФРИДРИХ Генрих Штрубе де Пирмон родился в 1704 году в Ганновере. Юридическое образование он получил в университете города Галле. С 1730 года служил секретарем в германских посольствах в Австрии, Англии и Польше. Затем состоял в качестве личного секретаря при герцоге Бироне.

4 сентября 1738 года президент (по титулу «Главный командир») Петербургской Академии наук Иоганн Альбрехт Корф объявил в академическом собрании о назначении на кафедру, которую занимал ранее Бекенштейн, Ф. Г. Штрубе де Пирмона. В контракте, оформлявшем это назначение, бывший секретарь Бирона был назван «профессором юриспруденции и политики»¹.

К тому времени Ф. Г. Штрубе де Пирмоном было опубликовано несколько работ по вопросам политики и естественного права. Так, в 1732 году вышла в свет в Амстердаме написанная им брошюра о так называемой «Прагматической санкции» — законе Карла VI Габсбурга от 19 апреля 1713 года, посвященном порядку престолонаследия: «L'examen des réflexions d'un patriote allemande au sujet de la garantie de la pragmatique impériale». В том же году и также в Амстердаме была напечатана его брошюра «Recherche de l'origine et des fondements du droite de la nature (Исследование о происхождении и основах естественного права)».

В 1740 году Ф. Г. Штрубе де Пирмон представил в Петербургскую Академию наук новый и значительно более обширный труд на тему о происхождении и основах естественного права — «Recherche nouvelle de l'origine et des fondements du droite de la nature».

---

¹ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Том 1. С. 672.

В том же году он был опубликован в виде отдельной книги общим объемом в 448 страниц. В предисловии к основному тексту данной книги автор признавался, что во время своей учебы в университете города Галле был очень увлечен лекциями Христиана Томазия. Немецкий правовед и философ-просветитель Христиан Томазий (*Christian Tomasius*, 1655—1728) являлся, в свою очередь, последователем Гуго Гроция и Самуила Пуфендорфа.

В феврале 1741 года Ф. Г. Штрубе де Пирмон был назначен секретарем к графу П. Г. Чернышеву, который отправлялся в Копенгаген исполнять функции русского посланника при датском королевском дворе. По этой причине он вынужден был покинуть должность профессора юриспруденции и политики в Академии наук, но ему было обещано, что данное место будет сохранено для него. Перед отъездом из Санкт-Петербурга Ф. Г. Штрубе де Пирмону удалось выпросить себе звание почетного академика, дававшее в то время жалованье в размере 200 рублей в год.

В 1743 году граф Чернышев был переведен на место посланника российской императрицы в Берлине, и Штрубе де Пирмон последовал за ним. В Германии ему пришлось помимо исполнения секретарских обязанностей преподавать юриспруденцию и политику пребывавшему там графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728—1803) — брату фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича Разумовского¹.

21 мая 1746 года восемнадцатилетний К. Г. Разумовский занял пустовавшее до этого более пяти лет место президента Академии наук² и помог своему берлинскому учителю-правоведу возвратиться в это учреждение. 1 июля того же года Ф. Г. Штрубе де Пирмон был определен на должность профессора юриспруденции,

---

¹ Историк С. М. Соловьев писал об этом случае следующее: «У фаворита Алексея Григорьевича Разумовского был младший брат Кирилла. Чтоб сделать молодого человека более достойным того положения, на которое фавор Елисаветы поднял малороссийских мужиков, чтоб дать ему возможность получить серьезное образование, чему в Петербурге было, как видно, много помехи, и дать брату даже средства затмевать и родовитых русских людей, граф Алексей решился отправить его за границу учиться» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 11. С. 569*). Направлен был Кирилл Разумовский на учебу к профессорам Тюбингенского университета, но Ф. Г. Штрубе де Пирмон как преподаватель юридической науки оказался, по всей видимости, лучше их.

² К. Г. Разумовский будет официально являться президентом Петербургской Академии наук почти 52 (!) года — до апреля 1798 года.

а на следующий день и на место конференц-секретаря Академии наук¹. В новом контракте, заключенном с ним, говорилось: «Понеже профессия его (юриспруденция) не такая, в которой частые должно делать изобретения, которые бы вносить можно было в Комментарии (т. е. научные труды Академии наук. — *В. Т.*), того ради вместо того, чтоб надлежало приносить ему в собрание академическое новоизобретенные пиесы, одолжается он содержать в помянутом собрании протокол ученых дел бесперемменно, пока о том новое определение от г. президента учинено будет, и в том совершенно должность секретарскую отправлять, яко то: сочинять все к корреспонденции надлежащие письма на латынском, французском и немецком языке; переводить с одного из сих на другой язык таковые же или же сим подобные пиесы, к должности секретарей принадлежащие. Ежели рассуждено будет за благо в Академии и определено от президента должность секретаря Академии наук положить на кого иного, в таком случае он, профессор Штрубе де Пирмон, обязывается вместо сего снятого труда читать другие лекции, которые Академия наук за благо найдет положить на него»².

Приступая к исполнению обязанностей президента Академии наук, К. Г. Разумовский ясно дал понять академикам, что это учреждение нуждается в реформе. «За необходимо вам объявить нахожу, — заявлял он в первой своей речи перед академиками 12 июня 1746 года, — что собрание ваше такие меры от первого нынешнего случая принять должны, которые бы не одну только славу, но и совершенную пользу в сем пространным государстве производить могли. Вы знаете, что слава одна не может быть столь велика и столь благородна, ежели к ней не присоединена польза. Сего ради Петр Великий как о славе, так и о пользе равномерное попечение имел, когда первое основание положил сей Академии, соединив оную с университетом»³. Далее К. Г. Разумовский обращал внимание академиков на то, что из двух целей, указанных Академии наук ее основателем, достигнута была только одна — ученая. Университетом же Академия так и не сделалась.

¹ Должность конференц-секретаря Ф. Г. Штрубе де Пирмон занимал до 1 марта 1749 г.

² Цит. по: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 676—677.

³ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 11. С. 570.

На достижение этой последней цели — создание в России университета — был направлен «Регламент Академии наук и художеств», утвержденный императрицей Елизаветой Петровной 24 июля 1747 года¹. Данный акт сохранял заложенное при основании Академии соединение ее с университетом, но для того, чтобы это учреждение стало по-настоящему действовать в качестве университета, он отделял обязанности академиков от функций профессоров. Регламент подчеркивал, что академией называется собрание ученых людей. «Сии люди не только о том стараются, чтоб собрать все то, что уже в науке известно, но и далее трудятся в изобретениях поступать. Видно посему, что такие люди заняты беспрестанным трудом, чтоб делать свои примечания, читать книги и вновь сочинять их; чего ради им времени мало остается на то, чтоб обучать других публично. И так определяются особливые академики, которые составляют Академию и никого не обучают, кроме приданных им адъюнктов и студентов, и особливые профессоры, которые учить должны в университете»².

Регламент допускал в случае необходимости привлекать академиков для лекций в университете, но решение по этому вопросу должен был принимать президент Академии. Количество действительных академиков, как и почетных вне государства, ограничивалось десятью. Каждый академик должен был иметь адъюнкта, то есть помощника себе, и оба они обязаны были стараться о том, чтобы адъюнкт мог со временем занять место своего академика. При этом следовало также стараться, чтобы адъюнкты все были из русских.

Регламент признавал, что первоначально Академия не может не состоять по большей части из иностранцев, но на будущее ставил задачей превратить ее в учреждение, состоящее из природных российских людей. Именно для достижения этой цели, отмечалось в Регламенте, к Академии присоединяется другая ее часть — университет.

Согласно статье 38 «Регламента Академии наук и художеств» в университете «лекции имеют быть трех классов: математические, физические и «гуманиора»³. Статья 45 Регламента называла двенад-

¹ ПСЗРИ. Т. 12. № 9425.

² См.: там же. А также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 574.

³ ПСЗРИ. Т. 12. № 9425.

цать наук, которые надлежало преподавать в университете. В их числе были: латинский язык, язык греческий, латинское красноречие, арифметика, «геометрия и прочие части математики», география, история, генеалогия и геральдика, логика и метафизика, физика теоретическая и экспериментальная, «древности и история литеральная». Последними среди университетских наук назывались: «права натуральные и философия практическая или нравоучительная»¹.

Преподавание юридических наук в академическом университете, реорганизованном в соответствии с «Регламентом Академии наук и художеств» от 24 июля 1747 года, было поручено Ф. Г. Штрубе де Пирмону. Для привлечения внимания публики к своим лекциям профессор написал на латинском языке пояснение к ним. В январе 1748 года оно было напечатано на языке оригинала и в переводе на русский язык под названием: «Программа, в которой равную пользу военной и судебной науки показывает; и купно желающим упражняться в основательнейшем учении на свои лекции призывает Фридрих Генрих Штрубе, Императорской академии наук профессор». Автор пытался доказать русским людям, что изучение права является для них более важным делом, чем изучение военной науки. Далее профессор Штрубе де Пирмон сообщал, что при Академии наук существует кафедра юриспруденции и что обязанность преподавать эту науку возложена на него. «А понеже должность сия на меня положена, — продолжал он свое пояснение, — то о точнейшем исполнении оныя крайнее буду иметь рачение. А пока еще не могу пользоваться таким счастьем, чтоб правы и законы Российской империи, которым в рассуждении их справедливости никаких других предпочесть нельзя, иметь в одной книге собранные и надлежащим порядком расположенные (чего желать весьма бы надлежало); то между тем, в публичной аудитории, в определенные часы со всяким прилежанием буду обучать и изъяснять *первые основания натурального и народного права*, ибо сие должно почитать за источник всех прав и законов гражданских, потому что без онаго сих сочинить, разуметь и надлежащим образом употреблять никак невозможно. А как я в то время, которое мне от академических трудов оставаться будет, назначил к наставлению благородного юношества, то я в пользу тех, которые желание имеют учиться тому,

¹ См.: там же. А также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 575.

что принадлежит до отправления при чужих дворах публичных дел, дома учить и изъяснять намерен. 1. *Знатнейших европейских государств и республик состояние, внутреннее их расположение и политическое между ними соответствие.* 2. *Должность и привилегии тех, которые для отправления публичных дел отсылаются в чужие земли с так называемым церемониальным правом, по колику оно касается до таких дел.* 3. *Сочинение писем и речей, особливо в означенных делах случающихся, на французском языке, который ныне при оных больше употребляется.* Того ради всех, которые охоту имеют в помянутых науках пользоваться моим наставлением, с благосклонностью прошу приходиться в мой дом или подать мне другой какой способ, чтобы я им пространнее объявить мог о расположении моего учения»¹. Из приведенных слов видно, что Ф. Г. Штрубе де Пирмон имел намерение устроить у себя на дому специальную школу для подготовки дипломатов из молодых людей знатного происхождения. По замечанию В. Э. Грабаря, эта частная инициатива профессора Российской Академии наук на год опередила аналогичную инициативу известного международника-позитивиста Иоганна Якова Мозера, основавшего в 1749 г. в г. Ганау (Hanau) свою Академию «для подготовки... принцев, графов, кавалеров и других лиц к европейской, особенно к германской государственной мудрости, к обычному ныне европейскому международному праву в мирное и военное время»².

По всей видимости, лекции Штрубе де Пирмона не заинтересовали русских юношей. Этот вывод напрашивается при чтении доношения, поданного им руководству Академии 10 декабря 1748 года. Сообщив в начале его, что во всех чужестранных университетах должность профессора юриспруденции состоит в том, чтобы обучать гражданскому праву (*jus civile*), и что в заключенном с ним контракте ему вменено в обязанность «быть профессором гражданской, и притом публичной и натуральной юриспруденции», Штрубе де Пирмон писал далее: «А понеже в Российской империи гражданского права древних римлян или какого-нибудь другого народа юношеству публично изъяснять неприлично, и следовательно, положенная на меня должность касается наипаче до гражданской

¹ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 677—678.

² См.: Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М.: Зерцало, 2005. С. 110. Академия Мозера, носившая название «Staats- und Canzley-Academie», действовала недолго — до 1751 г.

юриспруденции, поколику она в одних российских правах упражняется; но сей должности совершенно исполнить невозможно, ежели наперед сочинено не будет краткое руководство к российским правам, которое бы как учащие, так и учащиеся во основание их упражнения полагать могли. Итак, сие дело на себя принять осмеливаюсь, ежели токмо во оном я, как для покупки потребных книг и писем, так и для награждения таких людей, от которых нужнейшие при таком сочинении известия получить могу, без помощи оставлен не буду...»¹ Ф. Г. Штрубе де Пирмон выражал, таким образом, мнение, что для русских студентов интересными могли быть только лекции, посвященные российскому праву, и именно поэтому предлагал написать краткое наставление по русскому праву — так называемый «Compendium juris ruthenici».

Руководство Академии наук приняло это предложение Штрубе де Пирмона и добавило к его 860 рублям годового жалованья еще 140 рублей. В феврале 1749 года профессор был уволен от должности конференц-секретаря Академии. В распоряжении президента Академии наук графа К. Г. Разумовского, предписавшем это увольнение, говорилось: «А ходить ему только, яко члену, в историческое собрание и при том излишнее свое время от университета с крайним тщанием и поспешением полагать к сочинению обещаемой от него книги так, как он расположение об оной к г. президенту в Москву прислал, дабы прибавка жалованья ему не вотще употреблена была...»²

В течение 1749 года Штрубе де Пирмон делал выписки из сборников печатных указов русских царей, изучал юридический сборник великого князя Ярослава, сопоставлял Кормчую книгу с Номоканоном. В августе 1749 года им была направлена в канцелярию Академии наук просьба о предоставлении ему следующих сведений, необходимых для написания «Компендиума русского права»: «1. В какой новгородской истории находятся ярославовы законы и имеется ли такая история в академической библиотеке, или можно достать ее где инде? 2. Потребна исправная копия законов великой княгини Ольги и великого князя Владимира из Степенной книги и из других летописцев. 3. Известны ли и имеются ли еще какие другие старинные российские законы, изданные прежде Судебника

¹ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 678—679.

² Цит. по: там же. С. 679.

царя и великого князя Иоанна Васильевича? Потребна исправная копия императорских указов, или жалованным грамотам, данным в пользу чужих вер. 5. Потребна копия с указов, опубликованных о изгнании жидов и иезуитов»¹. Правитель академической канцелярии И. Д. Шумахер поручил извлечь все эти сведения из академической библиотеки в срок до 15 сентября 1749 года.

В дополнение к ним профессор Штрубе де Пирмон получил в начале 1750 года рукопись первой части составленного В. Н. Татищевым «Собрания законов древних русских». Данная рукопись, незадолго перед этим переданная русским историком в библиотеку Академии наук, содержала подготовленный им к печати текст Краткой редакции Русской Правды, разбитый на статьи и снабженный комментариями. 6 февраля 1750 года Штрубе де Пирмон сообщал И. Д. Шумахеру о том, что узнал из комментариев В. Н. Татищева, что «законы великого князя Ярослава находятся в летописи Авраамия Ростовского» и просил правителя академической канцелярии распорядиться, чтобы ее выдали из академической библиотеки его служителю².

Собирая материалы для руководства по русскому праву, Штрубе де Пирмон в то же время вел разработку его структуры. В 1749 году он набросал краткое оглавление своего произведения. В начале 1750 года им было составлено полное его оглавление. Текст последнего сохранился среди бумаг, отражающих историю создания указанного руководства. Он обозначен как «реестр краткого руководства к российским правам, сочиненного г[осподином] профессором Штрубе»³. Содержание руководства разделялось, согласно данному «реестру», на две книги. Первая из них посвящалась общим понятиям права и закона, праву лиц, институтам вещного и обязательственного права, наследованию и суду. Вторая книга была названа «книгой о публичном праве».

Общая часть, с которой начиналась первая книга рассматриваемого руководства, состояла из пяти глав: 1) «О правах и законах вообще», 2) «О различии прав и законов», 3) «О правах и законах сея империи», 4) «О юриспруденции и о способах, как основательно оной научиться» и 5) «О главнейших правилах, при толковании и употреблении прав и законов наблюдаемых».

¹ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 680.

² Там же. С. 681.

³ См.: там же. С. 681—682.

Вторая часть первой книги, в которой шла речь о правовых нормах, касающихся персон, также включала в себя пять глав: 1) «О персонах и о различии их вообще», 2) «О христианских собраниях и о особах духовного чина», 3) «О супружестве и о бракосочетающихся персонах», 4) «О фамилии и о принадлежащих ко одной персонах», 5) «О вольных и невольных людях».

Третья часть посвящалась правовым нормам, касающимся имений. Она делилась на десять глав: 1) «О имении и о праве владения вообще», 2) «О различии имения», 3) «О персонах, которым позволено владеть собственным имением», 4) «О способах к приобретению имения, а особливо о снискании имения собственным старанием», 5) «О ремеслах и торговых промыслах», 6) «О способах, по которым друг от друга получают имение, а особливо о договорах и крепостных делах», 7) «О векселях», 8) «О приданном», 9) «О духовных», 10) «О разделении имения».

В четвертой части первой книги, в которой описывались правила, касающиеся суда, было девять глав: 1) «О судах вообще», 2) «О разных судах Российской империи», 3) «О делах в судах судимых, а особливо о обидах и преступлениях», 4) «О таможенном и вексельном суде и о решении дел по прошениям», 5) «О форме суда», 6) «О решении розыскных дел», 7) «О поступках и о неправдах в судных местах», 8) «О подозрительных судьях и апелляциях», 9) «О полюбовных примирениях и о третейском суде».

Вторую книгу своего руководства по русскому праву Штрубе де Пирмон предполагал составить из двух частей. В первой из них — под названием «О должностях, касающихся до императорского величества» — выделялись пять глав: 1) «О присяжной должности», 2) «О титулах императорского величества», 3) «О челобитчиках», 4) «О великих делах, також о бесчинствах и о бранях в государеве дворе», 5) «О доносах и великих делах».

Вторая часть второй книги — под названием «Об отправлении государственных дел в разных коллегиях, канцеляриях, конторах и прочих судных местах Российской империи, и о принадлежащих туда генеральных должностях, также и о прокурорском чине» — должна была включать в себя всего две главы: 1) «О множестве и разности государственных дел и об отправлении оных в разных коллегиях и прочих судных местах сея империи», 2) «О генеральных должностях».

В процессе написания текста руководства Штрубе де Пирмон внес в предварительно разработанную схему его некоторые изме-

нения. К двум частям второй книги он добавил третью часть — «О военных делах». Раздел «О правах, касающихся до суда» он переместил из первой книги на место четвертой части второй книги.

Из приведенного плана очевидно, что задуманное Штрубе де Пирмоном руководство по русскому праву не могло быть «кратким». В результате осуществления этого плана должен был появиться весьма обширный трактат по русскому праву. Но Штрубе де Пирмон не сумел выполнить задачу, которую поставил перед собой.

В какой-то мере помешал ему сделать это правитель академической канцелярии. Оказывая Штрубе де Пирмону всяческое содействие в его работе над руководством по русскому праву, И. Д. Шумахер одновременно требовал от него постоянных отчетов о результатах данной работы. 11 января 1750 года профессор вынужден был представить в канцелярию Академии наук в качестве отчета о сделанном им незавершенный (черновой) вариант начального раздела своего произведения. Спустя пять месяцев, а именно: 18 июня 1750 года правитель канцелярии потребовал от Штрубе де Пирмона, «чтобы он то, что сочинил, немедленно подал в канцелярию для переводу...»¹. В результате Штрубе де Пирмон поспешил представить в Академию первую книгу своего руководства по русскому праву². До конца 1750 года ее текст был переведен на русский язык переводчиком Василием Лебедевым. Данный перевод так и не был напечатан: его манускрипт, обозначенный как произведение Штрубе «Краткое руководство к российским правам», списанное в 1750 году *in folio* в двух переплетах, был отдан на хранение в рукописный отдел библиотеки Академии наук³.

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Том 10. СПб., 1900. С. 440.

² Г. С. Фельдштейн отмечает в своей книге, посвященной истории науки уголовного права в России, что данный труд «был написан Штрубе по немецки» (Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. С. 123). Любопытно, что большая часть сочинений Штрубе де Пирмона издавалась на французском языке. См.: Батлер У. Э. Международное право в России: Библиография // Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М.: Зерцало, 2005. С. 806.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов приписывал авторство «Краткого руководства к российским правам» правоведу Иоганну Симону Бекенштейну (см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России в XVIII веке. Ч. I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874. С. 185). Это явная ошибка, а скорее всего — просто недоразумение. Авторство Ф. Г. Штрубе де Пирмона в данном случае никаких сомнений вызывать не может.

В январе 1753 года Штрубе де Пирмон представил в канцелярию Академии наук «Гражданских прав часть вторую об отправлении государственных дел в коллегиях и прочих судебных местах Российской империи и о принадлежащих туда генеральных должностях, также и прокурорском чине». Правитель академической канцелярии дал произведению Штрубе де Пирмона, призванному служить руководством при изучении русского права, отрицательную оценку. В протоколе канцелярии было записано: «А что им, г. Штрубе, того руководства сочинено и подано, хранить до времени в канцелярском архиве, понеже при точнейшем рассмотрении оказалось, что она книга сочинена не тем образом, как он обещался и ее назвал, т. е. кратким руководством, ибо в оной ничего более не учинено, как только что под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочаго во всем их пространстве от слова до слова, как напр. весь вексельный устав, весь воинский устав с процессом; большая часть Уложения и указной книги и пр., почему упомянутая его книга к тому намерению, для которого приказано было ему оное сочинять, т. е. российскому юношеству вместо краткого руководства, явилась неспособною и еще меньше того для внесения в оную от слова до слова всего того, что в особливых напечатанных уже книгах содержится, — оную таким образом, как от него подано, в печать произвести за излишне признано...»¹ На основании этой оценки 17 мая 1755 года профессору Штрубе де Пирмону стали выплачивать 140 рублей в дополнение к жалованью, назначенному за подготовку «Compendium juris ruthenicі».

Так завершилась история разработки краткого руководства по русскому праву для студентов академического университета. Ф. Г. Штрубе де Пирмону не удалось в полной мере осуществить свой замысел. Тем не менее его труды в этом направлении не должны быть забыты: они представляли собой *первую попытку научной обработки русского права с помощью догматического метода, хотя и не вполне успешную*.

Основному содержанию своего руководства по русскому праву Штрубе де Пирмон предпослал общую часть, в рамках которой старался прояснить понятия права и закона вообще, дать класси-

¹ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 683.

фикацию прав и законов, показать задачи юриспруденции, ее взаимосвязи с другими науками.

Слово «право» Штрубе де Пирмон определял как выражение сходства «всякого морального или свободного действия со всеобщим человеческим сохранением и благополучием». Слово же «закон» обозначает, по его мнению, «те правила, которые людям в обществе живущим чрез главу того общества даются..., чтоб по ним располагать и вершить все их дела, как чтоб оные со всеобщим сохранением и благополучием согласны были».

Законы различаются, отмечал Штрубе де Пирмон, по трем критериям: «отчасти законодателем, отчасти делами, до которых они касаются, а отчасти и образом, как оные объявляемы бывают». По различию законодателей (законодателей) он делил законы на «естественные (натуральные)», «божеские» и «гражданские». С точки зрения дел, которых законы касаются, должно различать, по мнению профессора, законы «государственные», то есть затрагивающие непосредственно пользу всего государства или его главы, и законы «земские или народные», касающиеся непосредственно «собственной пользы каждого члена общества».

По образу объявления Штрубе де Пирмон различал, с одной стороны, законы, сообщаемые населению в письменном виде, и, с другой стороны, обычаи, которые «за действительные законы почитаются», потому что не только служат государственной пользе, но и главами общества позволяются».

Под «юриспруденцией» Штрубе де Пирмон понимал «науку, которая учит нас, как права и законы точно разуместь и употреблять в делах, до которых оные касаются». По его мнению, чтобы достичь указанной цели, юриспруденция должна использовать достижения «тех частей философии, по которым познаем мы силы человеческого разума и воли». Кроме того, она должна опираться и на историю, «по которой нам известно бывает не токмо состояние и нравы тех земель и народов, которым права и законы даются, но и самое их начало и причины с разными их переменами».

Историческое толкование правовых норм Штрубе де Пирмон считал необходимым условием уяснения русского «гражданского» права. В третьей главе общей части своего руководства по русскому праву, названной «О правах и законах сея империи», он дал обзор источников русского права: договоров Руси с Византией, законодательства великого князя Ярослава Мудрого, Судебника царя

Иоанна Васильевича, Уложения Алексея Михайловича, Новоуказных статей и т. д.

В 1756 году Ф. Г. Штрубе де Пирмон произнес в публичном собрании Санкт-Петербургской Академии наук речь «*Sur l'origine et les changements des lois russiennes*». В том же году она была переведена на русский язык и напечатана в виде отдельной брошюры¹. В начале этой речи он сказал о предпринятой им в конце 40-х — начале 50-х годов попытке кратко изложить историю русского права следующее: «Думал я последовать некоторым писателям, упомянувшим о законах Российской империи. Но тот час увидел, что они сами не имея об них довольного понятия, не могли описать их ясно, почему и подражания недостойны. Того ради должен я был поступать по учиненным собственными моими трудами в наизнаменнейших древностях сего народа изобретениях»². Штрубе де Пирмон имел в виду в данном высказывании иностранных ученых и путешественников, писавших о России и бытовавших в ней порядках. Он мало знал, к сожалению, о трудах по русскому праву Василия Никитича Татищева. Из писем Штрубе де Пирмона видно, что он ознакомился только с татищевским «Собранием законов древних русских», рукопись которого находилась в библиотеке Академии наук.

С 1754 года профессор Ф. Г. Штрубе де Пирмон вынужден был совмещать свои научные занятия с работой в государственных органах. 28 июля указанного года Сенат учредил комиссию сочинения нового уложения. В ее состав были включены генерал-рекетмейстер Дивов, вице-президент Юстиц-коллегии Эмме, главный судья Сысского приказа Безобразов, главный судья Судного приказа Юшков, обер-секретарь Сената Глебов, коллежский асессор Ляпунов, бургомистр Главного магистрата Вихляев, а также профессор Академии наук Ф. Г. Штрубе де Пирмон.

В октябре 1756 года Штрубе де Пирмону было поручено издание газеты Академии наук, которая должна была выходить на французском языке. Убедившись, что роль его в подготовке газеты сводится к функции переводчика, он 7 июня 1757 года заявил об

¹ Слово о начале и переменах российских законов... в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук говоренное Федором Штрубе, сентября 6 дня 1756 года и переведенное на российский язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756.

² Там же. С. 2.

отказе от данного поручения. В ответ на это академическая Конференция приняла 12 сентября того же года решение об увольнении Штрубе де Пирмона из Академии наук. В связи с этим он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, где работал до 1775 года.

Оказавшись вне Академии наук, Ф. Г. Штрубе де Пирмон продолжал издавать труды по юриспруденции, но это были большей частью публикации ранее написанных, но не напечатанных по каким-то причинам работ или же переиздания прежде выходивших в свет произведений. Так, в 1767 году он выпустил книгу «Introduction à la jurisprudence naturelle» с посвящением великому князю Павлу Петровичу. В том же году историограф Герхард Миллер (Мюллер) обратился к Штрубе де Пирмону с просьбой предоставить ему рукописные юридические произведения. Их просила якобы для себя императрица Екатерина II. Штрубе де Пирмон послал Миллеру две своих работы: сначала — о законах великого князя Ярослава Мудрого («Les loix de Jaroslaf») и спустя некоторое время — введение к современным законам Российской империи («Introduction aux loix modernes de l'empire de Russie»).

В 1774 году Штрубе де Пирмон напечатал в Петербурге книгу «Catéchisme de la nature, ou l'on taché de mettre dans un plus grand jour le fondemens de la jurisprudence naturelle, de la politique privée». Это было переиздание сочинения Ф. Г. Штрубе де Пирмона «Исследование о происхождении и основах естественного права», опубликованного в 1732 году.

Покинув в 1775 году государственную службу, ученый не оставил своих занятий наукой. Научный интерес Штрубе де Пирмона сосредоточился в последние годы жизни на проблеме происхождения руссов, которая привлекла его внимание еще в 1749 году, во время споров по поводу речи Герхарда Миллера «О происхождении имени и народа российского». Немецкий историограф, работавший в России, пытался доказать скандинавское происхождение варягов-руси и в их числе Рюрика. Против такого воззрения решительно выступил тогда М. В. Ломоносов, доказывавший, что Рюрик и другие варяги, звавшиеся «русью», были славянами. Штрубе де Пирмон поддержал точку зрения русского ученого. В предисловии к своей книге «Рассуждение о древних Руссах», опубликованной в 1785 году на французском языке¹, а в 1791 году в переводе на

¹ Dissertation sur les anciens Russes par F. H. S. D. P. SPb., 1785.

русский язык¹, он писал о том, что Миллер «предлагает о начале россиян понятия, совсем несходные с краткими и ясными показаниями наших летописцев и с известиями чужестранных историков, которые, зная сей древний народ, первые об оном писали».

Любопытно, что за разъяснением некоторых вопросов, возникших у него при работе над темой происхождения руссов, Штрубе де Пирмон обращался именно к Герхарду Миллеру. В одном из писем, посланных историографу в 1779 году, он следующим образом описывал свое душевное состояние: «Хотя я на исходе семьдесят пятого года моего возраста, однако почти во все продолжение моей жизни не помню, чтобы был когда-нибудь нездоров так, чтобы слечь в постель и чтобы это заслуживало названия болезни. Уже четыре года, как я, не находя более удовольствия в должности при департаменте Коллегии иностранных дел, испросил себе разрешение уехать в мое имение, состоящее из пяти деревенок в окрестностях Петербурга, и пожалованное мне графом Паниным, и с тех пор живя в уединении, могу поистине сказать: «Deus nobis, haec otia fecit»^{2,3}.

Умер Ф. Г. Штрубе де Пирмон около 1790 года. Из всех профессоров-правоведов, работавших в XVIII веке в Академии наук, он был, пожалуй, наиболее способным к творческой деятельности в сфере научной юриспруденции. И можно только пожалеть о том, что самый плодотворный для научного творчества период своей жизни — с 1754 по 1775 год — ему пришлось отдать практике государственной службы.

---

¹ Рассуждение о древних россиянах, сочиненное Ф. Г. Д. П. СПб., 1791.

² Досл.: «Бог знает, здесь досуг оплодотворяет» или «свободное время плодотворно», дает плоды. — В. Т.

³ Цит. по: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 688.

Филипп-Генрих Дильтей

(1723—1781)

ФИЛИПП-ГЕНРИХ Дильтей не прославился великими научными достижениями в юридических науках, тем не менее в истории русской научной юриспруденции этот человек занимает особое место. В ее формировании выдающуюся роль сыграл юридический факультет Императорского Московского университета¹, а Дильтей был первым его профессором и в течение ряда лет — единственным преподавателем юриспруденции.

* * *

Родился Ф.-Г. Дильтей в 1723 году в Тироле, в местечке Шерштейн—Рингава. «По некоторым признакам можно предполагать, что он был славянского происхождения. В переписке с Миллером Дильтей просил его о присылке чешской грамматики, вновь тогда вышедшей, и скорее, чем другие иностранные профессора, выучился по-русски»², — отмечал С. П. Шевырев в своей «Истории Императорского Московского университета».

Высшее образование Дильтей получил в университетах Инсбрука, Страсбурга и Вены. В 1753 году он защитил в Венском университете докторскую диссертацию по юриспруденции и был удостоен степени доктора права.

Ко времени приезда в Россию Ф.-Г. Дильтей был уже весьма известным ученым, он являлся, в частности, членом Майнцской Академии наук. Во всяком случае, его хорошо знал работавший в Санкт-Петербургской Академии наук немецкий историк Г.-Ф. Мил-

---

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Юридический факультет Московского университета во второй половине XVIII века // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2004. № 6. С. 3—26; *Томсинов В. А.* Из истории юридического факультета Московского университета: период становления (1755—1770) // Законодательство. 2005. № 1. С. 78—89.

² *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 33.

лер. По рекомендации Миллера (а также немецкого ученого-географа Бюшинга¹) Дильтей был приглашен на должность профессора права в Императорский Московский университет.

В Москву Ф.-Г. Дильтей прибыл 28 сентября 1756 года. Поселился сначала в доме директора Московского университета А. М. Аргамакова. 31 октября Дильтей выступил с речью «О нужде и пользе права» в торжественном собрании Императорского Московского университета. Куратор университета И. И. Шувалов пригласил на это выступление многих знатных жителей Москвы. В приглашении отмечалось, что профессор из Вены, «будучи призван к сей должности, заблагорассудил, что он не бесполезно учинит, если о нужде и пользе права, перстом Божиим во всех сердцах написанного и чрез справедливое суждение всему роду человеческому объявленного, речь свою предполагать будет»². Жалованье Дильтею было назначено от Московского университета, как и другим профессорам, в размере 500 рублей в год.

19 октября 1756 года на заседании Конференции (Ученого совета) Московского университета, состоявшей тогда из трех профессоров — Ф.-Г. Дильтея, Н. Н. Поповского, И. Г. Фроммана, заседавших под председательством директора университета³, было решено, что профессор Дильтей будет читать лекции по естественному праву и истории с двух до четырех часов пополудни четыре раза в неделю⁴.

1 ноября 1756 года Ф.-Г. Дильтей начал чтение лекций в Московском университете по юридическим наукам, хотя юридический факультет тогда еще не выделялся в качестве самостоятельного подразделения университета⁵. Из каталога университетских лекций на

¹ Антон-Фридрих Бюшинг (1724—1793) был мужем сестры Ф.-Г. Дильтея. (С. П. Шевырев называл его двоюродным братом Дильтея.) С 1754 г. он занимал кафедру философии в Геттингенском университете. С 1760 до 1765 г. Бюшинг жил в Санкт-Петербурге и служил пастором при церкви Святого Петра.

² Цит. по: *Морошкин Ф. Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. III. Февраль. № 8. С. 220.

³ Приказом куратора Московского университета И. И. Шувалова от 16 февраля 1757 г. в состав Конференции были включены в дополнение к профессорам три ассессора университетской канцелярии.

⁴ См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960. Т. 1. М., 1960. С. 27.

⁵ Распределение лекционных курсов по факультетам стало проводиться только с 1758/59 учебного года.

1757 год видно, что Дильтей читал на латинском языке публичные лекции для студентов по естественному и народному праву на основе руководства немецкого правоведа Самуила Пуфендорфа¹.

Одновременно с преподаванием в Московском университете профессор Дильтей стал читать на французском языке² для всех желающих лекции, которые в то время назывались «приватными». В лекционном каталоге на 1757 год он объявил темами своих «приватных лекций» «права гражданские римские», «право феодальное», «криминальное» и «право публичное Римской империи»³. В 1761 году профессор Дильтей читал публичные лекции по естественному праву, истории, географии и геральдике. В каталоге на 1762 год он объявил, что будет читать «приватные лекции» по всеобщей истории и хронологии от сотворения мира до Рождества Христова. За свои лекции для широкой публики Дильтей просил весьма солидную по тем временам плату — 12 рублей за лекционный час. В 1760 году он купил в Москве двухэтажный дом за 1500 руб. Из этого факта можно сделать вывод о том, что его публичные («приватные») лекции пользовались некоторым успехом.

На заседании Конференции университета, которое состоялось 24 февраля 1757 года, было объявлено о назначении профессора Дильтея приказом куратора Шувалова инспектором университетской гимназии⁴ с прибавкой ста рублей к жалованью. Пробыл он на этой должности недолго, но успел отличиться небрежностью при исполнении инспекторских функций. В начале 1758/59 учебного года Ф.-Г. Дильтея заменил на этом посту Н. Н. Поповский⁵. В ноябре 1758 года должность инспектора гимназии снова освободилась, и после отказа профессоров Фроммана и Керштенса занять ее инспекторство было опять предложено Дильтею, однако он ответил отказом. В 1761 году профессору Дильтею придется все же испол-

¹ См.: *Морошкин Ф. Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Февраль. № 8. С. 224.

² Французский язык был родным для Ф.-Г. Дильтея.

³ Там же.

⁴ § 33 «Проекта о учреждении Московского университета» устанавливал: «Инспектором над гимназиею быть одному из профессоров в Университете, которому как учителя, так и учащиеся должны являть всякое почтение и послушание, и по его повелениям и распоряжкам, чинимым с апробациею Директора, непременно исполнять» (1-ПСЗРИ. Т. XIV. № 10346).

⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 129, 319.

нять должность инспектора гимназии, о чем свидетельствует «Ордер куратора Ф. П. Веселовского в канцелярию о переходе инспекторской должности от профессора Дильтея к профессору Фромману», датированный 14 декабря 1761 года¹.

В августе 1758 года при составлении каталога лекций в Московском университете на 1758/59 учебный год между Н. Н. Поповским и Ф.-Г. Дильтеем возник спор о том, в каком порядке следует расположить в каталоге фамилии лекторов. Профессор Поповский начал читать лекции в университете почти на год и четыре месяца раньше Дильтея и потому требовал, чтобы он был назван первым. Дильтей же полагал, что фамилии профессоров должны располагаться по факультетам и в таком случае именно он должен быть первым, поскольку в каталогах лекций, читавшихся в западноевропейских университетах, имена профессоров юридических факультетов ставились выше профессоров медицинского и философского факультетов². 22 августа Конференция Московского университета постановила: «Так как между господами профессорами произошло маленькое пререкание по поводу того, чье имя должно стоять первым в каталоге лекций, то Конференция рассудила определить им места по факультетам»³.

1 марта 1764 года Конференция Московского университета поручила профессору Дильтею разработать вопрос о способах преподавания российской юриспруденции⁴. 20 марта 1764 года Дильтей передал Конференции свою записку (memoir) по этому вопросу.

В ней говорилось, в частности, что «изучение права (*studium iuridicum*) предполагает уже законченное гуманитарное и философское образование» и поэтому, «если кандидаты на обучение юриспруденции в университете будут присылаться без твердого знания этих наук, они не могут быть выпущены из университета иначе, чем по прошествии десяти или двенадцати лет»⁵. Если же этой на-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 230—231.

² В каталогах лекций, составлявшихся в западноевропейских университетах, было принято располагать профессоров в следующем порядке: 1) профессора богословского факультета, 2) профессора юридического факультета, 3) профессора медицинского факультета и 4) профессора философского факультета.

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 128.

⁴ Там же. С. 283.

⁵ Там же. С. 284.

уже будут обучаться студенты, подготовленные к ней благодаря окончанию курса гуманитарных наук и философии, и «если появляться в университете профессора права, определенные и назначенные в силу § 5 первого Проекта университета¹, то курс юриспруденции может быть завершен в три года»². При отсутствии же упомянутых профессоров курс обучения юридическим наукам мог быть завершен, по мнению Дильтея, лишь в пять лет, «в особенности при наличии в Московском университете одного лишь профессора права, да и то только при условии, что однажды определенные к этому занятию никоим образом от него отвлекаться не будут»³.

В этом случае, то есть при наличии единственного профессора права, программа преподавания юридических наук в Московском университете должна была иметь, согласно записке Дильтея, следующий вид: «1) Всеобщее или естественное право и право народное, как основа и фундамент всех прав, изучается прежде всего... 2) Далее должны следовать установления Римского права... Здесь к каждой главе должно присовокуплять Российские законы, которые либо согласуются с Римским правом, либо ему противоречат. 3) Право уголовное и право вексельное, в обоих также всюду следует присоединять соответствующие Российские законы. 4) Право Российское, таким образом обращенное в законоведение. 5) Государственное право»⁴.

Ф.-Г. Дильтей брался обеспечить в одиночку преподавание всех вышеперечисленных наук на юридическом факультете Московского университета, и в том числе русского права, при условии, если, во-первых, ему от университета будут «сообщены все русские законы», а во-вторых, дадут ему «двух студентов, которые уже занимались правом, для чтения русских законов и расположения их по порядку»⁵.

---

¹ Дильтей имел здесь в виду предусмотренных указанным параграфом профессора «всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи», профессора «юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права» и профессора «политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время».

² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 285.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Представленный Дильтеем план преподавания наук на юридическом факультете не был введен в действие. В ответе Конференции Московского университета на запрос из Правительствующего Сената по делу профессора Дильтея, данном 12 октября 1765 года, говорилось о том, что Конференция по многим причинам этого плана не апробовала и потому он, не надписанный Дильтеем ни к кому и им не подписанный и числом дня не означенный, «остался без действия»¹. В результате программа преподавания наук на юридическом факультете оставалась неизменной еще несколько лет — вплоть до появления в Московском университете русских профессоров юриспруденции.

До середины августа 1764 года Ф.-Г. Дильтей являлся единственным преподавателем юридического факультета². Правда, и студентов на факультете было тогда немного — бывали времена, когда Дильтею приходилось читать лекции всего лишь одному студенту. А в 1763/64 учебном году на юридическом факультете вообще не было студентов.

В начале августа 1764 года куратор Московского университета В. Е. Адодуров отставил Ф.-Г. Дильтея от должности профессора университета за то, что он, «не стараясь о пользе университета и учащихся, употреблял все рачение к одному своему прибытку, и в своих лекциях також и в смотреии за пенсионерами против ево обязательства оказался нерадив, студенты же и к слушанию ево лекций никакого желания не оказывали и ходить на оные не хотели»³.

Вопрос о пренебрежении Дильтея своими обязанностями профессора Московского университета поднимался еще в 1758 году. На заседании Конференции, состоявшемся 2 сентября указанного года, была оглашена просьба Дильтея выдать ему аттестат от Конференции о его «службе, поведении и нравственности». Все члены

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. 1765—1766. М., 1962. С. 182.

² «В течение 10 лет в Дильтее сосредоточивался весь юридический факультет Московского университета», — указал в биографической статье о нем А. Капустин (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 301—302). На самом деле Ф.-Г. Дильтей был единственным преподавателем юридического факультета 7 лет и 9 с половиной месяцев (с 1 ноября 1756 г. до середины августа 1764 г.), а если учесть, что как отдельное подразделение Московского университета юридический факультет фактически существовал с 1758/59 учебного года, то не более 5 с половиной лет.

³ Там же. С. 333.

Конференции дали согласие, за исключением профессора Поповского, который заявил, что «не имеет ничего возразить против его поведения или нравственности, но не дает своей подписи под тем, что относится до его служебной деятельности, против которой протестовал и прежде»¹.

Осенью 1761 года на нескольких заседаниях Конференции рассматривался вопрос о ссоре профессора Дильтея с преподавателем французского языка в университетской гимназии господином Буайе де Роке. Виновными в возникновении этого конфликта были обе стороны, однако предание огласке конкретных его обстоятельств в большей степени ударило по нравственной репутации Дильтея. Будучи инспектором университетской гимназии, Дильтей постоянно писал на преподавателя Буайе де Роке доносы. В свою очередь Буайе де Роке, считая эти доносы ложными, обратился с жалобой на Дильтея в Конференцию. Дильтей отреагировал на эту жалобу строптивного преподавателя весьма своеобразно: будучи пьяным, он увидел однажды Буайе де Роке в университетской харчевне и набросился на него, схватив за ворот². Тогда пострадавший написал новую жалобу на Дильтея, используя при этом «непочтительные выражения». Куратор Веселовский объявил ему за эти выражения выговор. Но и поведение Дильтея было Конференцией признано неподобающим званию профессора. В ответ Дильтей написал жалобу на Буайе де Роке, в которой вместо того, чтобы опровергнуть возведенные на него обвинения, напал «в грубых и оскорбительных выражениях на противную сторону» и обвинил членов Конференции «в пристрастности и вероломстве»³. Конференция направила дело Ф.-Г. Дильтея куратору университета. Тот нашел Дильтея неправым, освободил его от должности инспектора гимназии и принудил извиниться перед всеми членами Конференции в несправедливо нанесенном им в его заявлении оскорблении и отказать от всякого преследования Буайе де Роке⁴.

Увольнение Дильтея из Московского университета не было, таким образом, результатом интриги его коллег или пристрастия со стороны университетского руководства. Оно было закономерным

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 130.

² См.: там же. С. 226.

³ Там же. С. 228.

⁴ См.: там же. С. 230.

следствием поведения самого иностранного профессора в России, который не хотел соблюдать общепринятые среди людей этические нормы.

Вместо Ф.-Г. Дильтея для преподавания юридических наук в Московском университете куратором Адодуровым был приглашен, по рекомендации Г.-Ф. Миллера, Карл-Генрих Лангер, который, хотя и прошел курсы обучения философии и юриспруденции в Гейдельбергском и Иенском университетах, ни печатных трудов, ни ученой степени доктора права не имел¹. 11 августа 1764 года К.-Г. Лангер прочитал пробную публичную лекцию и был рекомендован Конференцией на должность профессора юридического факультета сроком на три года и годовым жалованьем 500 рублей. Куратор Адодуров рекомендовал Лангеру как можно быстрее освоить русский язык, чтобы вести занятия и по русской юриспруденции. «Лангер начал читать Право положительное всеобщее, по системе Неттельбладта², но с 1765 года стал уже требовать для своих лекций экземпляра Российских указов»³.

Между тем увольнение Ф.-Г. Дильтея из Московского университета вылилось в большое дело, которое более года разбиралось в Правительствующем Сенате.

---

¹ Первая печатная работа К.-Г. Лангера выйдет в свет в Москве спустя год после его прибытия сюда. Это будет текст его речи, произнесенной в публичном собрании Императорского Московского университета в честь «высококоржественного дня рождения» императрицы Екатерины Алексеевны 26 апреля 1766 года. См.: *Лангер К.-Г.* Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением. М., 1766. В 1767 г. появится в печати самое значительное произведение Лангера в области юриспруденции — «Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда, и что употребление оно-го рассуждать надлежит, по различному состоянию гражданств, и по намерению, которое в наказании людей иметь должно». Это произведение являлось текстом его речи, произнесенной 26 июня 1767 года, в день восшествия на престол Екатерины II.

² Даниэль Неттельбладт (*Daniel Nettelbladt*, 1719—1791) — немецкий правовед. Самым известным его произведением был учебник «Элементарная система всеобщей натуральной юриспруденции», вышедший в свет в двух томах первым изданием в 1749, третьим изданием — в 1767 г. (см.: *Nettelbladt D.* *Systema elementare universae iurisprudentiae*. Bd. 1—2. Halae Magdeburgicae, 1767). В 1997 г. в Гильдешайме (Hildesheim) было напечатано репринтным способом издание этой книги, выпущенное в Галле в 1785 г.

³ *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 129.

Осенью 1764 года Дильтей подал императрице Екатерине II прошение, в котором пожаловался на незаконность своего увольнения. 20 января 1765 года в Московский университет поступил сенатский указ с требованием немедленно передать в Правительствующий Сенат все имевшиеся в университетской канцелярии документы по делу об увольнении Ф.-Г. Дильтея. В указе говорилось, что именным указом от 13 декабря 1764 года, собственноручно подписанным Ее Императорским Величеством «на экстракт из челобитья профессора юриспруденции Филиппа Дильтея», высочайше повелено рассмотреть его претензии в Сенате. В своей челобитной Дильтей жаловался, что его уволили необоснованно, что ему более года не давали в университете студентов для обучения юриспруденции, что университетская канцелярия не выплачивала ему положенного жалованья. При этом он приложил к тексту челобитной список «убытков», которые были им понесены вследствие увольнения из Московского университета. В частности, Дильтей указал на потерю частных уроков, покупку экипажа для поездки в Санкт-Петербург, расходы на свое содержание там во время судебного процесса и содержание семьи, оставшейся в Москве, и т. п. Общая сумма, которую он требовал взыскать в его пользу с Московского университета, составляла 5000 рублей и была равна его жалованью в университете за десять лет.

5 октября 1765 года в Конференцию Московского университета поступил из Сената новый запрос по делу Ф.-Г. Дильтея. Конференции предлагалось «немедленно и конечно сего ж числа подписать: профессор Филипп Дильтей по званию своему во обучении наук в прилежности ль находился и не было ль от него, что ему для обучения определенных учеников не дают, каких в тое Конференцию представлений, и буде были, то оные приложить при сем»¹.

В ответе, направленном Конференцией в Сенат на следующий день, говорилось, что «о прилежности г. профессора Дильтея Конференция ничего сказать не может, потому что до сего времени не употребительно было в университете подавать в Конференцию репорты², из которых бы о бытности или небытности, а тем меньше о прилежности учащих рассуждать можно было... От г. профессора Дильтея в оную Конференцию, что ему для обучения определен-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 180.

² Так в оригинальном тексте.

ных учеников не дают, никаких представлений не было и не имеется»¹.

Спустя пять дней — 11 октября — Конференция Московского университета получила новый запрос из Сената: «было ль от профессора Дильтея во оную, что ему студентов для слушания ево лекций не дано, какое представление, и буде было, сообщить при сем точную копию»². Конференция снова дала отрицательный ответ на этот вопрос. Указав, что «ни в протоколе, ни между прочими письмами университетскими совсем не находится никаких представлений от г. профессора Дильтея» о том, будто ему не давали студентов для слушания его лекций³.

28 октября 1765 года в Конференцию поступил новый запрос из Сената относительно профессора Дильтея. Сенат интересовался, в частности, какое количество студентов имел Дильтей в бытность свою при Московском университете, и кто именно были его слушатели. Конференция не смогла в полной мере ответить на этот вопрос, поскольку никаких ведомостей с именами студентов, учившихся на юридическом факультете, не обнаружила, и сообщила: «Профессорскому собранию известно, что в 1763 году к нему были определены пятеро студентов, а именно: Родион Гвоздиковский, Илья Грачевский, Иван Доброхотов, Иван Теплов и Илья Федоров»⁴. Из этих студентов двое — Гвоздиковский и названный Федоровым Илья Федорович Яковлев — были в 1767 году взяты на работу в Комиссию по составлению нового уложения. Илья Грачевский стал учителем подведомственной Московскому университету Казанской гимназии. Доброхотов и Теплов не смогли закончить университет, и были отчислены⁵.

---

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 180.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 181—182.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Несмотря на малое количество студентов Конференция Московского университета немедленно отчисляла тех из них, кто не показывал на экзаменах требуемого уровня знаний. Случаи отчислений неуспевающих студентов отражены во многих протоколах Конференции. Так, в протоколе заседания, состоявшегося 4 июля 1758 г., можно прочитать: «Конференция проэкзаменовала вчера 50 казеннокоштных дворян, из коих шестеро подлежат исключению». Далее называются имена данных студентов и указываются причины, по которым их необходимо было исключить — «ленив и неспособен» или «ленив и ни в чем не успевае» или «ленив

Разбирательство по делу Ф.-Г. Дильтея продолжалось до весны 1766 года. 9 марта 1766 года его жалоба была высочайшим указом признана подлежащей удовлетворению на том основании, что университетская канцелярия не предупредила его, как это было предусмотрено в заключенном с ним контракте, за три месяца об увольнении от службы. Куратору Адодурову было повелено принять Дильтея в службу, «заключая с ним вновь контракт» и «дать ему студентов для обучения юриспруденции»¹.

21 марта 1766 г. куратор Василий Адодуров сообщил М. М. Хераскову: «Высокоблагородный господин Императорского Московского университета директор! Ее императорское величество имянным за подписанием собственныя е. в. в руки высочайшим Указом марта от 9 числа по известной жалобе профессора юриспруденции Дильтея высочайше повелеть мне соизволила принять его в службу, заключа с ним вновь контракт с прибавлением жалованья против протчих сверстников его, ежели им прибавлено»².

12 апреля 1766 г. куратор Адодуров объявил Конференции университета, что заключил с профессором Дильтеем контракт «о предоставлении ему должности профессора гражданского права и представил подписанный им экземпляр упомянутого контракта, приказав при этом, чтоб ему дали требуемых студентов и назначили для ординарных публичных лекций по праву часы от 4 до 6 по полудни»³.

В соответствии с данным контрактом Дильтей принимался в службу с 9 марта 1766 года сроком на три года с жалованьем в год по 700 рублей.

В первой статье контракта говорилось: «обязуется помянутой проф. Дильтей при имп. Московском университете в определенные ординарным профессорам дни и часы со всякою верностию и

и никакие наказания его не исправили». После этого отмечается: «Имеется восемь человек сомнительных, между ними несколько недавно поступивших в университет; их оставили на 4 месяца, после чего, если они успевают не будут, то должны быть также исключены» и приводится список таких студентов. В заключение же данной справки об экзаменах говорится: «Все остальные получили аттестаты о прилежании и многие о весьма хорошем поведении» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 119).

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 311.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 245.

прилежанием обучать публично всеобщему положительному праву во всех оною частях, купно с историею о праве гражданском, а особливо римском»¹.

Второй пункт контракта Московского университета с Ф.-Г. Дильтеем гласил: «За основание своих лекций имеет он положить назначенную к тому в силе апробированного о университете проекта 8 пункта куратором и профессорским собранием Неттельблаттову систему начал всеобщего положительного права, изъясняя не токмо положительную юриспруденцию во всем ее пространстве внятным и полезным толкованием, но показывая притом своим слушателям сравнение и различие всех чужестранных гражданских законов, а особливо тех государств, которые с Россиею состоят в некоторой коннекции, таким образом, чтоб его слушатели через то предуготовлены были к предварительному правильному познанию прав своего отечества. А дабы время определенных на лекции часов не проходило втуне, то имеет он удерживаться от всякого излишнего диктования, но наипаче подавать учащимся основательное наставление в приличных лекциям ево наукам остроумным, а притом легким и понятным разговором, которому, как обыкновенно, должно быть на латинском языке»².

В третьем пункте контракта уточнялось, как должно применять «Неттельблаттову руководство» в преподавании начал всеобщего положительного права. «А понеже все, что относится единственно к состоянию немецкой империи и следственно до его лекций не принадлежит, должно из оною автора как ненужное исключено быть: то обязуется помянутой профессор в каждой учебной год, в силу апробированного о университете Проекта 10 пункта не токмо окончать курс своих лекций по означенному Неттельблаттову руководству, но и в военном, морском и вексельном правах подать наставление, которое бесспорно должно почитать за части общего положительного права, для усмотрения ж, какие его слушатели будут иметь успехи, делать с оными по востребованию кураторскому экзамени»³.

В шестом пункте контракта говорилось, что «не меньшее же обещает он г-н проф. Дильтей своим нынешним поведением и по-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 313.

² Там же. С. 314.

³ Там же.

ступками подавать доброй пример обучающемуся при университете юношеству, чина своего никаким образом не делать презрительным, честь и пользу университета при всяком случае наблюдать... ибо худой пример при воспитании юношества неизбежной вред приносит и никогда извинен и оправдан быть не может»¹.

Днем начала чтения лекций Дильтеем куратор Адодуров определил 13 апреля 1766 года². Факты показывают, что после восстановления в должности профессора Московского университета профессор Дильтей заметно изменил свое отношение к преподаванию юридических наук. Он стал уделять в своих лекциях русскому праву значительно больше внимания, нежели прежде.

Так, он потребовал у Конференции закупить для своих лекций на юридическом факультете тексты российских законодательных актов: вексельного, морского и воинского уставов. И Конференция отдала 1 мая 1766 года распоряжение сделать это³. На заседании Конференции, состоявшемся 20 мая 1766 года, профессор Дильтей повторил свое требование о покупке вышеуказанных книг и кроме того, попросил, чтобы в дополнение к ним была приобретена «книга законов, в просторечии называемая Уложение, а также Указы от 30 января и 10 марта, относящиеся к вексельному праву»⁴. Дильтей имел в виду Указ от 30 января 1766 года «О наказании за сочинение фальшивых векселей»⁵ и Указ от 10 марта 1766 года, предусматривавший уничтожение карточных долгов и выданных по ним векселей⁶.

12 августа 1766 года профессор Дильтей обратился в Конференцию с просьбой, чтобы все российские узаконения, присланные в канцелярию университета, а также те, которые впредь присылаться будут, передавались, в оригинале или в заверенной копии, в Конференцию. Обосновывая эту свою просьбу, он пояснил, что «необходимо должно знать законы, а особливо юриспрудентам, которые преподавать оные должны, притом из узаконения государя императора Петра Великого знание законов и от иностранных

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 314.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ См.: 1-ПСЗРИ. Т. XVII. № 12561.

⁶ См.: 1-ПСЗРИ. Т. XVII. № 12593.

также требуется»¹. Из этих фактов очевидно, что после восстановления профессора Дильтея в должности ординарного профессора Московского университета в преподавании правовых наук на юридическом факультете произошли серьезные перемены к лучшему. Российское законодательство стало одним из основных предметов изучения студентами-юристами.

Каталог лекций в Московском университете на 1766 год показывает, что профессор Дильтей читал в указанном году систему всеобщей положительной юриспруденции по Неттельбладту с изложением права морского и военного². Каталоги лекций на 1773/74 и 1775/76 учебные годы свидетельствуют, что помимо курса всеобщей положительной юриспруденции Дильтей преподавал элементы истории русского законодательства. С 1777 года он стал преподавать также и вексельное право. По некоторым данным, в 1771—1778 годах профессор Дильтей читал студентам университета «книги пандектов, содержащие уголовное право применительно к русским законам»³.

В первой половине июля 1767 года в Москву возвратились из Шотландии посланные в Глазговский университет на учебу в 1761 году Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. За шесть лет пребывания в Глазго они в совершенстве освоили английский язык, прошли курс обучения философским и юридическим наукам, получили в Глазговском университете степени магистра свободных наук и доктора права. 13 августа 1767 года они подтвердили высокий уровень своих познаний на экзамене, состоявшемся на экстраординарной Конференции в присутствии оберсекретаря Правительствующего Сената Самуила Дэна. После этого им было назначено на 17 августа чтение пробных публичных лекций.

Профессора юридического факультета Ф.-Г. Дильтей и К.-Г. Лангер высоко оценили знания и способности молодых русских докторов права, показанные ими во время экзамена и при чтении пробных лекций. По мнению Дильтея, «они представили столь исчерпывающие доказательства, и устные и письменные, сво-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 272.

² *Морошкин Ф. Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. С. 224.

³ *Шевырев С.* История Императорского Московского университета. С. 186.

его знания в юриспруденции, что и тот и другой должны быть признаны достойными определения, согласно ордеру его превосходительства г. куратора нашего, на юридический факультет для преподавания публичных лекций, тем более что они привезли с собой докторские степени, полученные установленным порядком в Глазговском университете...»¹.

В результате было принято решение о допуске Десницкого и Третьякова к преподаванию на юридическом факультете Московского университета. 8 мая 1768 года куратор Адодуров распорядился своим ордером произвести докторов юриспруденции Третьякова и Десницкого, «в рассуждении их порядочного и с успехом своих должностей отправления», экстраординарными профессорами².

Филипп-Генрих Дильтей преподавал после этого события, весьма знаменательного для русской научной юриспруденции, еще тринадцать лет. Весной 1781 года он ушел в отставку по собственному прошению из-за болезни. Осенью того же года первый профессор юридического факультета Императорского Московского университета умер в Санкт-Петербурге.

* * *

Из произведений Ф.-Г. Дильтея наибольшее значение имел составленный им для студентов Московского университета учебник по вексельному праву. Написан он был на латыни, но затем его перевели на русский язык студенты юридического факультета Иван Борзов и Алексей Артемьев «под смотрением доктора Десницкого». В 1768 году этот труд был напечатан под названием «Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском по удобнейшему способу расположенные Филиппом Генриком Дильтеем, обоих прав Доктором, оных же и истории в Императорском Московском университете». Впоследствии учебник переиздавался пять раз (в 1772, 1781, 1787, 1894 и 1801 гг.). По словам Г. Ф. Шершеневича, «книга эта свидетельствует о несомненном и подробном знакомстве Дильтея с этой частью русского законодательства»³.

¹ Дильтей Ф.-Г. Донесение об экзамене и пробной лекции гг. докторов права Семена Десницкого и Ивана Третьякова // Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. М., 1963. Т. 3. С. 84.

² Там же. С. 142.

³ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 5.

Известно, что русские купцы проявляли к труду Ф.-Г. Дильтея «Начальные основания вексельного права...» повышенный интерес. По словам Ф. Л. Морошкина, данный трактат был столь удивительным для тогдашнего времени, что «класс деловых людей, увлекшись порядком и полнотой изложения, принял его за руководство в практике и нередко забывал видеть в нем произведение частного человека»¹. Справедливости ради следует отметить, что успех «Начальных оснований вексельного права...» во многом обеспечил С. Е. Десницкий, «который при подготовке новых изданий вносил в них дополнения, обусловленные изменениями русского вексельного законодательства»².

В «Предуведомлении» к своему знаменитому учебнику Дильтей сделал признание, которое свидетельствует о том, что он лично ходил по российским канцеляриям в поисках необходимых законодательных актов. «Если кто усмотрит, что в сем моем сочинении многие российские указы, к вексельному праву принадлежащие, мною пропущены, — писал он, — такого прошу извинить мое в сем непрепобедимом затруднении незнание. Ибо скрывать законы как некоторую тайну есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как то я уже и сам довольно опытом дознал»³.

Среди других произведений Дильтея особого внимания заслуживает опубликованное в Москве в 1779 году на латинском и русском языках «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом, с Уставом главного магистрата и с Инструкциями городских магистратов, Словенского суда и Гильдий, с Уставом же таможенным старым и новым с их конфирмациями и с Инструкциею Коммерц-коллегии со всеми приличными везде указаниями». В этом произведении Дильтей предпринял попытку изложить на основе принципов естественного и римского права общетеоретические основы некоторых процессуально-правовых институтов. Теоретические рассуждения он дополнил извлечениями из русских законов.

¹ Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. С. 221.

² Грацианский П. С. Политическая правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 155.

³ Дильтей Ф.-Г. Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском. М., 1768. Предуведомление.

В 1781 году в Санкт-Петербурге было напечатано сочинение под названием «Диссертация о исследованиях юридических или о дедукциях судебных дел (ou memoires raisonnees), сочиненная в Московском Императорском университете от Филиппа Генрика Дильтея». Это была записка, в которой доказывалась необходимость допущения при разборе судебных дел докладов (deductions juridicae) опытных юристов о существовании данных дел и о применимых к ним законов.

В течение своей преподавательской деятельности Дильтей многократно выступал с актовыми речами в торжественных собраниях Московского университета. Так, в 1764 году он произнес речь «О различии истинной и точной юриспруденции от ложной», в 1768 году — речь под названием «Чего требует справедливость законов, защищающих малолетний возраст, когда малолетние окажутся обманщиками», в 1771 году — «О предоставлении конкурса вексельных кредиторов и векселей одним только купцам», в 1776 году — «О разных родах челобитен и просьб», в 1780 году — «О пользе знания и судебных делопроизводств и их решений».

Пребывая в России, Дильтей изучал не только русское законодательство, но и политическую историю, литературу и географию. В 1771 году в Москве вышел в свет его «Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующему дому...». Почти половину этого труда занимает глава под названием «О замечательностях в России», в которой рассказывается о древней русской истории, о русском законодательстве и литературе. В 1781 году в Санкт-Петербурге была опубликована книга Дильтея, название которой говорит само за себя: «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи».

Семен Ефимович Десницкий

(около 1740—1789)

О ЖИЗНИ первого русского профессора юридического факультета Московского университета Семена Ефимовича Десницкого сохранилось мало сведений. Пожар, вспыхнувший в Москве после Бородинской битвы и при вступлении в город армии Наполеона, спалил множество домов и в том числе здание, в котором размещался архив Императорского Московского университета. В результате этого бедствия не осталось даже документов, содержащих сведения о годе его рождения и его родителях. Можно только предполагать, что родился Семен Десницкий в конце 30-х — начале 40-х годов XVIII века в украинском городе Нежине. В его каким-то образом сохранившемся послужном списке указывается, что происходил он «из малороссийских нежинских мещан». Профессор Десницкий отличался хорошим знанием украинского языка и быта. Это позволяет сделать вывод, что свое детство он провел на Украине.

Первоначальное образование Семен Десницкий получил, вероятно, в каком-нибудь местном духовном училище. В 50-е годы он учился в духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры. По окончании учебы в семинарии его направили в академическую гимназию при Московском университете.

Это учебное заведение было учреждено в 1755 году и предназначалось для подготовки юношей к учебе в Московском университете. Классы его размещались в университетских зданиях: сначала в Аптекарском доме у Курятных (Воскресенских) ворот, то есть рядом с Красной площадью, а после возведения в 1793 году нового здания Московского университета на Моховой улице — в доме неподалеку от него¹.

---

¹ Этот дом не сохранился. Он сгорел во время пожара осенью 1812 г. и, вероятно, именно с этим обстоятельством было как-то связано прекращение существования гимназии в том же году.

Действовала академическая гимназия по регламенту, проект которого был разработан М. В. Ломоносовым. Она состояла из двух отделений: дворянского и разночинского. Программа каждого отделения предполагала обучение по трем «школам»: российской, латинской, «первых оснований наук и математики» (три года обучения), а также «знатнейших европейских языков» — на практике это были немецкий и французский языки — (два года обучения). В отличие от разночинского, в рамках дворянского отделения преподавали фехтование, танцы, музыку и рисование.

Семен Десницкий обучался в разночинском отделении академической гимназии. 22 апреля 1760 года он в числе двадцати учеников названного отделения был принят в студенты Императорского Московского университета¹. За короткое время пребывания здесь Десницкому удалось зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Поэтому, когда куратор Московского университета И. И. Шувалов решил послать в 1761 году двух студентов для подготовки к профессорскому званию в один из британских университетов, его выбор пал на Десницкого. Вместе с Семеном Десницким для обучения в Великобританию был направлен Иван Третьяков.

Есть основания полагать, что, посылая русских юношей за границу, руководство Московского университета хотело, чтобы они получили образование, необходимое для занятия преподавательских должностей на медицинском факультете.

Отправляясь на Британские острова, Десницкий и Третьяков не знали, в каком конкретно британском университете им доведется учиться. Это мог быть и Оксфордский университет, и Кэмбриджский, и Эдинбургский, и Абердинский. Выбор университета для русских студентов был предоставлен российскому послу в Великобритании князю А. М. Голицыну, и он сделал его в пользу университета в шотландском городе Глазго. Какими мотивами руководствовался князь-посол, трудно сказать. Возможно, его привлекла относитель-

---

¹ В протоколе заседания Конференции Московского университета, которое состоялось 22 апреля 1760 г., приведен список дворян и разночинцев, окончивших курс обучения в гимназии и произведенных в звание студентов. Первым в списке из четырех разночинцев, ставших казеннокоштными студентами, называется Семен Вязницкий. В этом же списке, напечатанном в № 34 «Московских ведомостей» за 1760 г., рядом с именем Семен стоит фамилия «Десницкий». Очевидно, что фамилия «Вязницкий» оказалась в протоколе вследствие простой описки. См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1960. С. 169, 323.

ная дешевизна обучения в Глазговском университете, по сравнению с другими британскими университетами. Но может быть, Голицын отдал ему предпочтение по академическим соображениям. В университете Глазго сосредоточилось в то время такое сообщество ученых, которое превосходило по своему уровню преподавательский состав любого британского университета.

В частности, здесь преподавал с 1751 до 1764 года знаменитый шотландский ученый Адам Смит (1723—1790). В первый год своей преподавательской деятельности он занимал кафедру логики. В дополнение к этому курсу ему уже тогда пришлось читать лекции по естественной юриспруденции (*natural jurisprudence*) и политике вместо заболевшего Томаса Крэга, профессора по кафедре нравственной философии. После смерти последнего в 1752 году Адам Смит занял его кафедру. С этого времени нравственная философия стала главным предметом его преподавания в университете Глазго. В 1759 году Адам Смит опубликовал книгу «Теория нравственных чувств», содержание которой составили его лекции по кафедре нравственной философии¹. Второе, расширенное их издание² вышло в свет в 1761 году, третье — в 1767-м, четвертое — в 1774-м, пятое — в 1781-м и шестое — в 1790 году. Третье, четвертое и пятое издания «Теории...» мало отличались от второго, но в текст шестого издания этой книги ее автор внес дополнения и изменения³.

Семен Десницкий и Иван Третьяков слушали курс лекций Адама Смита по нравственной философии в течение первых двух лет своего пребывания в Глазго — в 1762—1763 гг. Он состоял из четырех частей: 1) естественной теологии, 2) этики, 3) юриспруденции, 4) политической экономии. Многие идеи, высказывавшиеся Адамом Смитом в последней части данного лекционного курса, впо-

---

¹ См.: *Smith A. The Theory of Moral Sentiments. Glasgow, 1759, ed. D. D. Raphael and A. L. Macfie, vol. I of the Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith (Indianapolis: Liberty Fund, 1982).*

² Данное издание включало в себя текст первого издания лекций, дополненный приложением.

³ См. современное издание сводного текста лекций А. Смита по нравственной философии в первом томе так называемого «Глазговского издания» (*Glasgow edition*) собрания его произведений и переписки, вышедшего в свет в семи томах в 1976—1987 гг.: *Smith A. The Theory of Moral Sentiments / Ed. by D. D. Raphael and A. L. Macfie // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. 1. Indianapolis: Liberty Fund, 1982.*

ледствии вошли в содержание его самого знаменитого произведения — «Исследование природы и причин богатства наций»¹.

В лекционном курсе по нравственной философии, прочитанном в 1762 и 1763 годах², Адам Смит преимущественное внимание уделил юриспруденции³ и политической экономии.

Под юриспруденцией шотландский ученый понимал «теорию правил, которыми должны руководствоваться гражданские правительства»⁴ или «науку, исследующую общие принципы, которые должны быть фундаментом законов всех народов»⁵. Из этих определений ясно видно, что он сводил юриспруденцию к естественному праву⁶.

Помимо лекций по нравственной философии Семен Десницкий и Иван Третьяков прослушали курс Адама Смита по риторике и изящной словесности⁷.

Кроме того, русские студенты посещали в университете Глазго лекции Джеймса Уильямса по математике⁸ и занятия Джозефа

---

¹ См.: *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. A. S. Skinner and R. H. Campbell // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. 2—3. Indianapolis, 1981.*

² В 1763 г. А. Смит получил выгодное для него предложение сопровождать в путешествии по Европе юного герцога Баклеуча. Дочитав до конца свой лекционный курс, он в феврале 1764 г. оставил профессорскую должность в университете и отправился из Глазго в Париж.

³ См. тексты этих лекций в издании: *Smith A. Lectures on Jurisprudence. Report of 1762—1763 / Ed. R. L. Meek, D. D. Raphael and P. G. Stein. The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. 5. Indianapolis, 1982.*

⁴ «Jurisprudence is the theory of the rules by which civil governments ought to be directed». Это определение Адам Смит дал в лекции, прочитанной 24 декабря 1762 г.

⁵ «Jurisprudence is that science which inquires into the general principles which ought to be the foundation of the laws of all nations» — такое определение Адам Смит привел в первой своей лекции по юриспруденции, прочитанной в 1766 г.

⁶ См. подробнее об Адаме Смите как правоведе в изданной в 1981 г. в Кембридже книге профессора философии Бостонского университета Кнуда Хааконссена «Наука законодателя: естественная юриспруденция Давида Юма и Адама Смита» (*Haakonssen K. The Science of a Legislator: The Natural Jurisprudence of David Hume and Adam Smith. Cambridge, 1981. P. 99—134.*)

⁷ См.: *Smith A. Lectures On Rhetoric and Belles Lettres / Ed. by J. C. Bryce // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. IV. Indianapolis: Liberty Fund, 1985.*

⁸ Эти лекции, по всей видимости, мало что дали Десницкому и Третьякову. После возвращения их в Россию руководство Московского университета решило проверить, насколько глубоки их познания в области математики. Десницкий от-

Блэка по физике¹. Однако наибольшее значение для них как будущих правоведов имели лекции по гражданскому (римскому) праву, а также по публичному и частному шотландскому праву² профессора Джона Миллара (1735—1801). Лекции по гражданскому праву (Институциям и Дигестам Юстиниана) Джон Миллар читал в университете Глазго в течение 1761—1762 годов, но русские студенты скорее всего посещали тот лекционный курс, который начался 1 ноября 1763 года³. Слушали они данный курс в течение трех лет — до лета 1766 года. Лекции Миллара по шотландскому праву Десницкий и Третьяков могли слушать в период с ноября 1765 до лета 1767 года⁴.

В 1751 году Джон Миллар (John Millar) окончил пятилетний курс обучения в Глазговском университете. 15 июля 1761 года, в возрасте 26 лет, он был назначен по рекомендации Адама Смита и лорда Кэймса⁵ на должность королевского профессора гражданского

казался держать сей экзамен, а Третьяков предпринял попытку его сдать, но она оказалась неудачной: экзаменовавший его профессор Рост отметил в своем докладе об этом экзамене, что «экзаменующийся не знает даже первых оснований чистой математики по анализу и вследствие того не способен преподавать математику...» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1962. Т. 3. С. 119).

¹ Эти занятия Десницкий и Третьяков посещали зимой 1764—1765 гг. Впоследствии Дж. Блэк дал высокую оценку способностям русских студентов усваивать законы физики.

² См.: Пенчко Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758—1771 гг.) // Исторический архив. 1956. № 2. С. 171; Brown A. H. Adam Smith's first Russian followers // Essays on Adam Smith / Ed. by A. S. Skinner and Th. Wilson. Oxford, 1975. P. 252. Часть фактов и мыслей указанной статьи историка А. Брауна присутствует в содержании его статьи «С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761—1767)», опубликованной в журнале «Вестник Московского университета». Серия «История». 1969. № 4.

³ Указанная дата начала лекционного курса по гражданскому праву установлена историком Дж. Кэрнсом на основании объявления в газете «Эдинбургский вечерний курант» (Edinburgh Evening Courant) от 12 октября 1763 г., в котором профессор Миллар сообщил, что его лекции по Институциям и Дигестам начинаются 1 ноября. В следующем году лекции Дж. Миллара также начались 1 ноября, о чем сообщила 6 октября 1764 г. газета «Caledonian Mercury». В 1765 г. лекции профессора Миллара по Институциям и Дигестам начались 4 ноября, о чем было объявлено в первые дни октября в еженедельнике «Glasgow Journal» и 12 октября в газете «Caledonian Mercury».

⁴ Свой курс по шотландскому праву профессор Миллар начинал с лекций об институтах публичного права, затем излагал институты частного права. Первая часть его лекционного курса начиналась, как правило, 10 ноября, вторая — 3 февраля.

⁵ В доме лорда Кэймса Джон Миллар в течение двух лет обучал его сына.

права (*regius professor of civil law*) в университете Глазго¹. Молодой профессор призван был оживить существовавшую в рамках университета юридическую школу². К началу 60-х годов XVIII века эта школа пришла в упадок, но благодаря Джону Миллару она стала превращаться в самую авторитетную в Великобритании школу гражданского права³. Миллар преподавал в университете Глазго сорок лет — с 1761 до 1801 года. «Его лекции в течение этого периода привлекали студентов не только со всей Шотландии, но также из известных виговских семей со всех Британских островов и некоторых даже из-за границы и, по свидетельству современников, немало добавляли к репутации университета»⁴. Виговски настроенных молодых британцев привлекал в профессоре Милларе его либерализм в политических воззрениях. Те же, кто хотел учиться юриспруденции, получали на его лекциях знания основополагающих правовых принципов гражданского права, позволявшие самостоятельно усвоить сущность конкретных правовых институтов, действующих в той или иной стране. Миллар не любил останавливаться на подробностях и предпочитал не тратить на них время лекций, справедливо полагая, что фундаментальные знания в области юриспруденции, которые он давал, вполне позволяют студентам самостоятельно разобраться в детальных характеристиках римского или шотландского права.

В Глазговском университете профессор Миллар читал четыре лекционных курса: по Институциям Юстиниана (пять лекций в

¹ *Cairns J. W.* John Millar, Ivan Andreevich Tret'yakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761—1767 // *The philosophical age. Almanac 15. Scotland and Russia in the Enlightenment. Proceedings of the International Conference 1—3 September 2000, Edinburgh, St. Petersburg, 2001.* P. 20.

² См. о развитии этой школы в первой половине XVIII века статью Дж. Кэрнса «Зарождение Глазговской юридической школы: профессора гражданского права 1714—1761 гг.» (*Cairns J. W.* The Origins of the Glasgow Law School: The Professors of Civil Law, 1714-61 // *The Life of the Law: Proceedings of the Tenth British Legal History Conference / Ed. by Peter Birks.* London, 1993. P. 151—194).

³ См.: *Cairns J. W.* «Famous as a School for Law, as Edinburgh... for medicine»: Legal Education in Glasgow, 1761—1801 // *The Glasgow Enlightenment / Ed. by A. Hook and R. Sher.* East Linton, 1995. P. 133—159. Содержание лекций профессора Миллара по гражданскому праву рассматривается в издании: *Haakonssen K.* Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment. Cambridge, 1996. P. 154—181.

⁴ *Lehmann W. C.* Some observations on the law lectures of Professor Millar at the University of Glasgow (1761—1801) // *Juridical Review.* Edinburgh, 1970. Vol. 15. P. 56.

неделю в течение всей сессии), Пандектам Юстиниана (также пять лекций в неделю), о публичном праве (три раза в неделю) — так называемые «lectures on Government (лекции о правительстве)», по шотландскому праву (дважды в неделю)¹.

Лекционный курс Миллара по Институциям Юстиниана, который слушали Десницкий с Третьяковым, состоял из двух частей: общей и особенной. Миллар излагал сначала главные положения римского права в соответствии с руководством немецкого правоведа Иоганна Готлиба Гейнекция (*Johann Gottlieb Heineccius*, 1681—1741) «Элементарное гражданское право согласно порядку Институций»². Затем объяснял нормы, составляющие конкретные институты римского права. При этом Миллар широко использовал сравнительный метод³.

Наибольшую популярность среди студентов имел курс лекций профессора Миллара о правительстве, состоявший из трех частей: 1) 16 лекций о «происхождении и прогрессе правительства в обществе (Of the origin and progress of government in society)», 2) 21 лекция по «истории правительства, представленной с точки зрения конституции (History of government, illustrated from a view of the constitution)»⁴, 3) 14 лекций о «современном состоянии правительства Великобритании (Present state of government in Great Britain)». Содержание данного лекционного курса⁵ очень похоже на курс истории государства и права зарубежных стран, который преподается в юридических вузах современной России.

Будучи блестящим лектором, Миллар оказался неплодовитым писателем — автором всего одной крупной работы, впервые опубли-

---

¹ В последние годы своей жизни и преподавательской деятельности в университете Джон Миллар стал читать лекции по английскому праву.

² См.: *Heineccius J. G. Elementa juris civilis secundum ordinem institutionum*. Amsterdam, 1725 и другие издания.

³ См. об этом: *Lehmann W. C. Some observations on the law lectures of Professor Millar at the University of Glasgow (1761—1801)*. P. 58—59.

⁴ В данной части лекционного курса рассматривалась история государства в Афинах, Спарте, Риме, средневековой Европе. Заканчивалась эта часть историей правительства Шотландии.

⁵ См.: *Millar's «Lectures on Government» // Millar J. The origin of the distinction of ranks: Or, inquiry into the circumstances which give rise to influence and authority, in the different members of society / Edited by Aaron Garrett. Indianapolis, 2006. P. 288—290.*

ликованной в 1771 году под названием «Наблюдения, касающиеся различия социальных положений в обществе»¹.

Характеризуя влияние лекций Миллара на становление правовых взглядов С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова, историк Джон Кэрнс писал: «Десницкий и Третьяков возвратились в Москву с точкой зрения на право, укорененной в историческую теорию общества, в котором правительство (необходимое для защиты собственности, что составляет основание общества) базируется на авторитете и полезности, и которое видит в основе политического повиновения привычку, обычай, страх и полезность. Закон не происходит из высших норм божественного права..., но правила правосудия возникают из общественной жизни»². Соглашаясь с мнением Арчибальда Брауна, согласно которому «великое множество идей теоретической природы в лекциях Десницкого и Третьякова, так же как и многочисленные подробности, могут быть прослежены в Глазговских лекциях Смита и Миллара»³, Дж. Кэрнс отмечал, что «многие смитовские идеи перешли в произведения двух русских [правоведов] через вторые руки, то есть через Миллара»⁴.

В период учебы в Глазго Десницкого и Третьякова студенчество университета Глазго было интернациональным и в большинстве своем бедным. «Почти треть наших студентов — ирландцы, — отмечал в 1760 году один из университетских профессоров. — У нас довольно много англичан и несколько иностранцев; многие из ир-

¹ *Millar J. Observations concerning the distinction of ranks in society. London, Dublin, M. DCC. LXXI (1771)*. Второе издание данной книги, представлявшей материал первой части лекций Миллара о правительстве, вышло в свет в 1773, третье — в 1781 г. В 1772 и в 1798 гг. эта книга выходила в Лейпциге в переводе на немецкий язык, в 1773 г. был опубликован ее перевод на французский язык.

² «Desnitsky and Tret'yakov will have returned to Moscow with a view of law that was rooted in a historical theory of society, in which government (necessary for the protection of property that was the foundation of society) was based on authority and utility, and which saw political obedience as based on habit, custom, fear, and utility. Law was not derived from higher norms of divine law... but rules of justice emerged from social life» (*Cairns J. W. John Millar, Ivan Andreevich Tret'yakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761—1767. P. 36*).

³ «A great many of the ideas of a theoretical nature in the lectures of Desnitsky and Tret'yakov, as well as numerous points of detail, can be traced back to the Glasgow lectures of Smith and Millar» (*Brown A. H. Adam Smith's First Russian Followers // Essays on Adam Smith / Ed. by A. S. Skinner and Th. Wilson. Oxford, 1975. P. 260*).

⁴ «Many Smithian ideas in the work of the two Russians came second-hand, so to speak, through Millar» (*Cairns J. W. John Millar, Ivan Andreevich Tret'yakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761—1767. P. 36*).

ландцев, как и шотландцы, бедны, и поступают поздно, чтобы сначала накопить денег»¹. Русские студенты оказались беднее самых бедных. Руководство Московского университета, посылая их в Глазго, назначило Десницкому и Третьякову на время учебы содержание по 420 рублей в год. Данная сумма, соответствовавшая 80 фунтам, позволяла им оплачивать проживание, питание и учебные занятия в Глазго, но деньги из Москвы присылались нерегулярно. В 1762 году русские студенты, после семи месяцев напрасного ожидания московских денег на свое содержание, были вынуждены обратиться к руководству университета Глазго с просьбой выделить им в долг некоторую денежную сумму. 11 августа указанного года Совет университета рассмотрел финансовые затруднения «двух русских джентльменов», присланных на учебу «по рекомендации лорда Мэнсфилда, сообщенной графом Эрролом», и постановил выдать Десницкому и Третьякову в долг 40 фунтов на время, «пока не придут высланные им деньги»².

О своем безденежье, вынудившем их обратиться за помощью к руководству шотландского университета, русские студенты немедленно сообщили российскому послу в Лондоне графу А. Р. Воронцову, попросив его оказать содействие в получении денег из Москвы. Благодаря хлопотам графа в октябре 1762 года деньги были присланы, и Десницкий с Третьяковым возвратили университету Глазго взятую в долг сумму. Однако и после этой неприятной истории деньги на их содержание приходили из Москвы нерегулярно. В. Е. Адодуров, назначенный в октябре 1762 года куратором Московского университета вместо Ф. П. Веселовского, сначала вообще отказался выполнять обязательства своего предшественника по выплате денег на содержание студентов, посланных на учебу за границу. Пришлось русским студентам занимать деньги у ростовщиков Глазго под большие проценты. Спустя какое-то время Адодуров стал выплачивать деньги, но в первоначально установленной сумме 420 рублей, которая из-за падения курса рубля по отношению к фунту не позволяла Десницкому и Третьякову даже просто покрыть расходы на свое содержание в Глазго и учебу в университете, а ведь им надо было еще и долги выплачивать.

¹ Цит. по: *Graham H. G. The social life of Scotland in the eighteenth century. London, 1964. P. 455 (примеч. 3).*

² *Scott W. R. Adam Smith as student and professor. Glasgow, 1937. P. 158—159.*

В начале 1765 года Десницкий и Третьяков обратились к руководству Московского университета с прошением присылать деньги из расчета 500 рублей в год, дабы они могли выплатить долги шотландским ростовщикам, однако получили в ответ лишь совет «довольствоваться тем жалованьем, которое получали до сих пор, и не роптать»¹. После этого Десницкий и Третьяков написали письмо в Конференцию Московского университета, в котором представили список своих расходов в Глазго «как на уплату гонорара профессорам, так и на произведенные ими покупки книг», и попросили прислать деньги на их возмещение.

Конференция на своем экстраординарном заседании, состоявшемся 13 июля 1765 года, рассмотрела письмо Десницкого и Третьякова и постановила: «Поскольку университетской Конференции неизвестно, с какою целью были посланы в чужие края вышеупомянутые студенты университета, и какого рода науками они должны были заниматься, а также, какая денежная сумма была им назначена в год на прожитие и учение, — то Конференция не может ни судить о их успехах, ни решить что-либо. Однако ж, из их собственного прошения видно, что они обучались всему беспорядочно, а не с какою-либо определенной целью, ибо посещали одновременно и медицинские и юридические лекции, а помимо математики занимались купеческой арифметикой у практика, а потому следует опасаться, как бы расходы на них произведенные и в будущем предстоящие, не оказались напрасно потерянными, если они не будут впредь поступать разумнее»².

Конференция Московского университета казалось, что большие денежные расходы Десницкого и Третьякова проистекали из-за того, что строптивные студенты пожелали изучить слишком много лишних наук. Это мнение разделял и куратор Адодуров. Так, он сообщал в Сенат, что профессорами Московского университета усмотрено в данном Десницкому и Третьякову Глазговским университетом свидетельстве, что «они и медицинские и юридические лекции слушали вдруг, и сверх математики еще купеческой арифметике обучались у знающего оную только по практике, и для того все их учение признано оными профессорами не весьма порядочным, что оно к известному концу не было управляемо; почему они

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1962. Т. 2. С. 52.

² Там же. С. 140.

и сумнение показывали, чтобы употребленной и впредь употребляемой на них казенной кошт бесполезно не пропал»¹.

Конференция и куратор Адодуrow не знали, что все науки, которые русские студенты изучали в Глазго, были необходимы для получения степени магистра. Семен Десницкий получил степень магистра свободных наук в 1765 году, Третьяков — годом ранее.

К октябрю 1765 года долг русских студентов преподавателям, лавочникам, книгопродавцам возрос до 160 фунтов, о чем они постарались в весьма едких выражениях сообщить куратору Московского университета. Вместе с тем они обратились с просьбой о помощи в Правительствующий Сенат. В. Е. Адодуrow, уязвленный этим поступком Десницкого и Третьякова, направил им приказ немедленно возвратиться в Россию².

Отъезд русских студентов из Глазго в Россию был назначен Адодуrowым на март 1766 года. Однако смерть российского посла в Лондоне задержала их на чужбине. Десницкий и Третьяков решили воспользоваться этой задержкой, чтобы получить степень доктора права. 31 декабря 1765 года они обратились к руководству университета Глазго с прошением о дозволении им сдать публичный экзамен на степень доктора. Определить уровень подготовки Десницкого и Третьякова к экзамену было поручено Джону Миллару. 9 января 1766 года профессор доложил, что, проэкзаменовав русских кандидатов на докторскую степень в частном порядке, он убедился в том, что они вполне готовы к публичному экзамену. Данный экзамен состоялся 16 января 1766 года. Профессора, составившие экзаменационную комиссию, одобрили представленные русскими студентами «образцы познаний в праве» и поручили «мистеру Симону Десницкому» в качестве темы докторской диссертации первый титул двадцать восьмой книги Пандектов Юстиниана, посвященный составлению завещаний — *de testamentis ordinandis*. «Мистеру Джону Третьякову» был определен темой диссертации четвертый титул второй книги Юстиниановых Пандектов, в котором говорилось о вызове в суд — *de in jus vocando*³.

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. С. 305.

² См.: Пенчко Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758—1771 гг.). С. 167—169.

³ Cairns J. W. John Millar, Ivan Andreevich Tret'yakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761—1767. P. 21; Brown A. H. Adam Smith's first Russian followers. P. 255.

8 февраля 1766 года Десницкий и Третьяков представили тексты своих диссертаций (theses) для решения вопроса о допуске их к защите. Обязанность удостоверить их качество была возложена на профессоров Миллара и Муирхеда (Muirhead).

8 апреля названные профессора дали положительный отзыв о диссертациях русских правоведов, и руководство университета разрешило их печатать. Пока шла подготовка к публичной защите диссертаций, у Семена Десницкого случился конфликт с профессором Джоном Андерсоном¹. Вспыльчивый по характеру шотландский профессор каким-то образом оскорбил русского правоведа, столкнувшись с ним днем 8 декабря 1766 года на территории университетского двора, и Десницкий в ответ на это сорвал с него парик.

Поступок Семена Десницкого мог иметь для него печальные последствия — ему вполне могли отказать в присвоении докторской степени. Однако, по всей видимости, крутой нрав талантливого, но неуравновешенного в своих эмоциях профессора Андерсона был хорошо известен руководству университета Глазго, и оно сочло достаточным средством разрешения конфликта принесение русским публичного извинения шотландцу, что Десницкий и сделал 6 января 1767 года.

20 апреля 1767 года профессора-правоведы университета Глазго, «выразив удовлетворение представленными Десницким и Третьяковым образцами познаний в гражданском праве», приняли решение освободить их от публичной защиты диссертаций по той причине, что они «получили распоряжения ехать домой со всей надлежащей скоростью» и «определили, чтобы степень доктора была присвоена им вице-канцлером»².

11 июня 1767 года Десницкий и Третьяков прибыли из Глазго в Санкт-Петербург. Денег у них не было ни копейки. После того как Сенат вытребовал 160 рублей из Московской статс-канцелярии за счет Московского университета на оплату за провоз их из Глазго до Санкт-Петербурга, содержание в столице и проезд в Москву, они отправились к месту назначения. Доложив по прибытии в Москву директору университета М. М. Хераскову об окончании своей учебы в Глазго, они попросили предоставить им две недели для под-

¹ См. о нем: *Wood P. Jolly Jack Phosphorous in the Venice of the North, or Who was John Anderson? // The Glasgow Enlightenment / Ed. by A. Hook and R. Sher. East Linton, 1995. P. 111—132.*

² См.: *Brown A. H. Adam Smith's first Russian followers. P. 259.*

готовки к экзамену по юриспруденции и математике, который должен был подтвердить полученные ими в Глазговском университете докторские степени. При этом Десницкий и Третьяков осведомились, не угодно ли будет приказать «дать им на волю, в чем сверх юриспруденции свидетельствованы они быть желают, и когда окажутся достойными звания докторов по своим наукам, то не дозволено ль будет им читать лекции их на русском языке?»¹ 18 июля директор Херасков сообщил об этом куратору Адодуру.

23 июля Адодуров издал приказ «о произведении экзамена в Конференции возвратившимся на родину докторам юриспруденции Десницкому и Третьякову». При этом он распорядился «экзаменовав, определить их к чтению лекций, к каким они способны будут, а оные лекции иметь им на латинском языке, равно как и прочие господа профессора оные имеют, дабы не токмо они в том языке час от часу большую могли получить способность, но и прочие б господа профессора удобнее о пользе и исправности оных рассуждать могли»².

13 августа 1767 года Семен Десницкий и Иван Третьяков держали экзамен по юриспруденции перед комиссией в составе профессоров Московского университета Ф.-Г. Дильтея и К.-Г. Лангера, а также обер-секретаря Правительствующего Сената и помощника генерал-прокурора А. А. Вяземского Самуила Дэна. Протокол экзамена вел профессор Керштенс³.

Первым отвечал на вопросы экзаменаторов Семен Десницкий. Профессор Лангер спросил его: «Чем пакт отличается от контракта?» Десницкий ответил: «Пакт — гол (*Pactum est nudum*), контракт же является одетым соглашением». Лангер добавил: «На основании контракта дается право на гражданский иск»⁴. Всего экзаменаторами было задано тридцать три вопроса. Десницкий почти на все их дал правильные ответы, хотя и не во всех случаях они были исчерпывающими. Экзаменовавшим его профессорам неоднократно приходилось делать добавления к его ответам.

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. М., 1963. С. 51.

² Там же. С. 51—52.

³ См. текст этого протокола на латинском и русском языках в издании: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 59—73.

⁴ Там же. С. 65.

17 августа Семен Десницкий и Иван Третьяков прочитали пробные лекции. Десницкому была назначена лекция из курса римского права по Институциям Юстиниана, с применением к русскому праву отдельных титулов (*jus romanum ad ductum Institutionum, applicatione ad jus ruthenicum facta in singulis titulis*)¹.

В своем мнении о Десницком и Третьякове, составленном на основании их ответов на экзамене и пробных лекций, профессор Лангер отметил, что «ответы гг. д-ров на предложенные им вопросы не всегда были правильными и не вполне удовлетворили как профессоров-экзаменаторов, так и г. обер-секретаря Дэна, в особенности потому, что упомянутые вопросы были сообщены гг. экзаменуемым за три дня до того... Все же, однако, не подлежит сомнению, что они обнаружили достаточную способность к дальнейшим успехам в занятии римским правом, что в особенности следует утверждать о г. д-ре Десницком»². Сравнив лекцию Десницкого с лекцией, прочитанной до него Третьяковым, Лангер заявил, что лекция Десницкого была «полнее и содержательнее, и изложение лучше»³.

Профессор Дильтей в своем «Донесении об экзамене и пробной лекции гг. докторов права Семена Десницкого и Ивана Третьякова» сообщил, что «они представили столь исчерпывающие доказательства, и устные и письменные, своего знания в юриспруденции, что и тот и другой должны быть признаны достойными определения, согласно ордеру его превосходительства г. куратора нашего, на юридический факультет для преподавания публичных лекций, тем более что они привезли с собой докторские степени, полученные установленным порядком в Глазговском университете». При этом он счел необходимым заметить: «Если, однако, его превосходительству г. куратору угодно и сейчас назначить одному из упомянутых господ докторов вакантную должность третьего профессора на юридическом факультете, то по моему мнению она должна быть представлена г. Десницкому»⁴.

После того как Десницкий и Третьяков подтвердили свои докторские степени, было принято решение о допуске их к преподава-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 75.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 84.

нию на юридическом факультете Московского университета. В качестве темы лекционного курса Десницкому было назначено римское право по Институциям Юстиниана, с применением к русскому праву отдельных титулов¹.

Правда, оставался еще экзамен по математике. 17 августа Десницкий и Третьяков обратились к директору и в «почтеннейшую Конференцию Императорского Московского университета» с просьбой отменить им этот экзамен. «Высокоблагородный господин Директор, почтеннейшие профессору! — писали они. — Вам известно из аттестата и магистерских дипломов, какими науками мы занимались в Глазго. В числе этих наук мы проходили также установленным в Глазговской Академии порядком курс математики и сделали в этой науке в свое время похвальные успехи, что засвидетельствовано Глазговской Академией. Но мы отнюдь не избирали преподавание математики предпочтительно перед гражданской, натуральной и русской юриспруденцией, ибо юриспруденцией мы занимались несравненно более, чем математикой. И мы настоятельно просим, чтоб, если можно, нас не принуждали к экзамену из математики»².

Неизвестно, какое решение по данному вопросу приняли бы директор Херасков и члены Конференции, но многое зависело здесь в первую очередь от мнения куратора Адодурова, а он выступил против отмены экзамена по математике для докторов юриспруденции Десницкого и Третьякова. Отказывая им в просьбе отменить данный экзамен, Адодуров ссылался на то, что куратор И. И. Шувалов повелел Десницкому и Третьякову, отправляя их в Лондон, учиться, помимо прочего, и математическим наукам. Относительно же заявления Десницкого и Третьякова, что они к изучению математики ни склонности, ни охоты не имеют, Василей Адодуров спокойно заметил: «Естьли по экзамену окажутся в том худые их успехи, то им же будет предосудительнее, о чем им и объявить»³.

Экзамен по математике для Десницкого и Третьякова был назначен на 10 ноября 1767 года. Держал его в присутствии Конференции один Третьяков. Десницкий прислал письмо с отказом от экзамена. Профессор Рост задал несколько вопросов, экзаменовав-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 75.

² Там же. С. 78—79.

³ Там же. С. 115.

шийся попытался на них ответить. После этого Третьякову были предложены две довольно легкие задачи, но он ни одной из них не решил. В результате экзаменатор сделал вывод, что «экзаменующийся не знает даже первых оснований чистой математики по анализу и вследствие того неспособен преподавать математику»¹. Это вполне охотно признал и сам Третьяков.

Руководством Московского университета была предпринята попытка принудить Десницкого выйти на экзамен по математике. Но Семен Ефимович 17 ноября 1767 года отправил в Конференцию и директору университета повторное прошение об освобождении его от экзамена, в котором заявил: «Известно вам, высокоученные мужи, из диплома нашего, выданного в Глазго, что я в числе прочих наук изучал также и математику, но не главным образом либо не с намерением посвятить ей свою жизнь, чего и в дипломе не написано, а какие успехи я в ней сделал, это также достаточно вам известно из того же диплома. И если вы сколько-нибудь доверяете мнению глазговских профессоров, которыми я положительно аттестован в математике, также, как и в прочих науках, то присудите мне столько же по вашему благоразумению, сколько и они мне по этой науке присудили. Впрочем же я опять и опять прошу вас не принуждать меня более к повторному экзамену из математики»². На этом вопрос об экзамене Десницкого по математике был исчерпан.

В конце ноября 1767 года решился и вопрос о том, на каком языке должны были читать лекции русские преподаватели Московского университета. Изданное 23 июля куратором Адодуровым распоряжение «лекции иметь им на латинском языке, равно как и прочие господа профессора оные имеют» было отменено благодаря инициативе директора Императорского Московского университета М. М. Хераскова³. В конце июля 1767 года в Москву на торжественную церемонию открытия Уложенной комиссии⁴ прибыла Екатерина II. При встрече с государыней Херасков преподнес ей

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 119.

² Там же. С. 121—122.

³ Писатель Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) являлся директором Московского университета с 1763 по 1770 г.

⁴ Торжественная церемония открытия Комиссии для сочинения нового Уложения состоялась 30 июля 1767 г.

каталоги лекций университетских профессоров. Принимая их, ее величество выразила пожелание, чтобы «лекции в университете на российском языке преподаваемы были»¹.

Готовясь ввести русский язык в систему преподавания наук в Московском университете, Михаил Матвеевич обратился 13 ноября 1767 года к секретарю Екатерины II С. М. Кузьмину с письмом, в котором выразил опасение, что новый порядок чтения лекций, основанный лишь на устном пожелании императрицы, не станет прочным и будет продолжаться лишь до тех пор, пока он, Херасков, будет занимать должность директора университета. Михаил Матвеевич просил Кузьмина передать императрице его просьбу утвердить свое высочайшее намерение письменно: в этом случае оно «уже навсегда твердым намерением останется»². Не дожидаясь ответа Екатерины II на свою просьбу, Херасков написал 19 ноября письмо куратору Адодурову, в котором объявил ему, что Ее Императорское Величество «всемилоостивейше указать соизволила, что в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию, что де неоднократно повторяя, соизволила всевысочайше повелеть, дабы о том старатца». Куратор Адодуров, сославшись на это письмо, рекомендовал С. Е. Десницкому и И. А. Третьякову готовиться к чтению лекций на русском языке. 29 ноября он обратился к Хераскову с просьбой приказать «докторам юриспруденции Третьякову и Десницкому..., как и докторам медицины Зибелину³ и Вениаминову, равно же и магистру Аничкову... лекции свои читать уже на русском языке». В заключение своего обращения к директору университета куратор заявил: «Каким же образом им себя к тем лекциям заблаговременно приуготовить и следуя назначенным от Конференции авторам в юридических лекциях показывать и употребление Российского права, оно оставляя вашему о том рачительному попечению»⁴.

На практике чтение лекций на русском языке в Московском университете началось 15 января 1768 года. Сообщение об этом было напечатано в тот же день в газете «Московские Ведомости». В нем

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 426.

² Там же.

³ В других документах — Зыбелин.

⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 124.

говорилось: «С сего 1768 году в Императорском Московском университете, для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах природными Россиянами на Российском языке. Любители наук могут в те дни и часы слушать, которые оным в лекционном каталоге назначены»¹.

В начале 1768 года С. Е. Десницкий написал первое свое крупное сочинение в области юриспруденции и политики. Оно называлось «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи»². Есть основания считать, что оно было написано по поручению генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, исполнявшего одновременно со своей основной должностью обязанности президента Комиссии по сочинению нового Уложения.

В предварявшем основной текст данного произведения обращении к императрице Екатерине II Десницкий писал: «Ваше императорское величество для таких представлений, без сомнения, рассудительнейших меня изволите иметь в повелении подданных, которых долговременное упражнение в делах государственных несравненно больше будет уважаемым в вашем высочайшем изволении. И кроме таких подданных вашему величеству в таких важных предприятиях служить за счастье почитают и самые первые из ученых в Европе, которые по своему основательнейшему рассуждению в законоискусстве и в делах политических больше могут предвидеть, что полезным и возможным есть для учреждения в вашей империи. Того ради мое, без таких совершенств, о представляемых здесь учреждениях рассуждение не может заключать в себе никакого другого разумения, как только то одно, что я из последних [сил] дарованием служить своей всемилостивейшей монархине стараюсь»³.

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 426. См. также: *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета... С. 141.

² См.: *Десницкий С. Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века.* В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 292—332. Впервые указанное сочинение было напечатано в 1905 г. См.: *Записки Академии наук по историко-филологическому отделению.* СПб., 1905. Т. VII. № 4. С. 1—45.

³ *Десницкий С. Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века.* Т. 1. С. 292—293.

Свое обращение к государыне Десницкий датировал 30-м февраля 1768 года. Приведенное число (или месяц) является очевидной опiskeй, поэтому точную дату завершения им указанного произведения определить невозможно. Это могло быть тридцатое января или тридцатое марта, но, скорее всего, Семен Ефимович имел в виду третий день февраля.

Екатерина II прочитала предложенное ей молодым русским правоведом «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Некоторые из высказанных в нем идей просвещенная государыня включила во второе приложение к своему «Наказу» Комиссии, собранной для сочинения проекта нового Уложения¹.

Десницкий высказывал в этом рассуждении свои мысли относительно различного рода государственных властей. Рассуждая о «судительной власти», он коснулся вопроса о том, «в каком знании и науках судьи искусны должны быть». Ответ его на этот вопрос гласил: «Искусство и знание, надобное судии, зависит: 1) От свойственности его рассуждений о том, что добрым и худым слывет в свете. 2) Такое его знание несравненно еще больше усугублено может быть из учения премногих примеров судебных дел. Первое руководство, показующее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия, натуральная юриспруденция и кроме сих учение природы человеческой, которая больше познается с чтения и примечаний писателей о разных правлениях народов, нежели из школьных метафизических споров. Второе средство для снабдения нашего разума довольными примерами судебных дел есть учение такой системы, в которой бы можно ясно видеть все примеры судов, и сверх сего начало, возвышение и совершенство правления. Для сего лучшей нет другой системы, кроме законов римских. Почему следует, чтоб судьи до вступления на такую должность довольно управлялися в нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и в римских законах, и кроме сих наук они должны подробно знать и искусно толковать законы своего отечества»².

¹ Историк А. Браун высказал мнение, что через трактат Десницкого в «Наказ» Екатерины II перешли некоторые идеи Адама Смита, воспринятые русским правоведом. См.: *Brown A. H. Adam Smith and the «Nakaz» of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. Vol. 7. Oxford, 1974. P. 42—59.*

² *Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. С. 304.*

Из этих слов видно, что Десницкий считал главным способом подготовки судей изучение ими теоретической юриспруденции, преподававшейся в университетах. В примечании к приведенному высказыванию правовед заявлял, что судья «принужден будет иметь полное университетское воспитание, для которого по причине столь обширного государства российского со временем могут быть учреждены училища во всех местах, где такие главные судьи тяжebные и криминальные будут присутствовать, равномерно как и факультеты адвокатские с библиотеками, надобными адвокатам». При этом он отмечал, что «судья точно так, как человек художественный, чем больше будет иметь в своей голове разных примеров, надобных к его профессии, тем больше будет искусен в своем деле и знании. И потому он должен знать историю, разные языки, как например, латинский, немецкий, французский и английский, дабы с помощью сих мог читать разные системы законов и тем бы мог усугубить свое знание и искусство в делах судебных»¹.

Десницкий не отрицал необходимости практической подготовки судей, но полагал, что она должна быть дополнением к изучению ими теоретической юриспруденции.

8 мая 1768 года куратор Адодуров распорядился своим ордером произвести докторов юриспруденции С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова, «в рассуждении их порядочного и с успехом своих должностей отправления», экстраординарными профессорами². 24 мая того же года Десницкий впервые принял участие в работе Конференции Московского университета в качестве ее полноправного члена.

30 июня 1768 года свободных наук магистр, юриспруденции доктор, римских и российских прав экстраординарный профессор Семен Десницкий прочитал в торжественном университетском собрании, состоявшемся по случаю шестой годовщины «всерадостного восшествия на престол государыни императрицы Екатерины Алексеевны», лекцию «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции»³. Ученый провозглашал в этой лекции за-

¹ Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. С. 304.

² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 142.

³ Полный текст данной лекции был напечатан в том же году в типографии Московского университета. См.: Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Мос-

дачу создания кратких наставлений «всероссийских прав» и развертывания специального преподавания русской юриспруденции. «Удивительно, — говорил он, — что в России до сих времен никакого почти особенного старания к отечественной юриспруденции прилагается не было. Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений российских законов»¹. По мнению Десницкого, одна из причин этого заключается в том, что в России все законодательство писалось «на природном языке» и «в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений»². Другой причиной было «немножество законов в России и дел государственных»³. В настоящее же время, отмечал Десницкий, ситуация в России изменилась: «по причине множества дел, и внутри и вне государства происходящих, и по причине разных беспрестанно устанавливаемых возобновлений законы и дела довольно умножились и требуют уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общего всех знания краткие *наставления всероссийских прав*»⁴. Вследствие этого возникла потребность и в преподавании российской юриспруденции. В связи с этим он высказывал мысль о том, что для преподавания российской юриспруденции в российских учебных заведениях необходим особый профессор, обязанностью которого было бы показывать данную юриспруденцию «порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассуждением»⁵.

ковского Университета бывшем для Всерадостного возшествия на Престол Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны 30 июня 1768, говоренное свободных наук магистром, юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким. М., 1768; в 1819 г. он был перепечатан в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного» (М., 1819. Ч. I. С. 213—281). С небольшими сокращениями текст первой публичной лекции Десницкого воспроизведен в первом томе книги «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века». (М., 1952. Т. I. С. 187—235).

¹ Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского Университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. С. 209.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 209—210.

⁵ Там же. С. 210.

Десницким были начертаны и контуры той системы, по которой следовало, с его точки зрения, излагать российскую юриспруденцию. Он полагал, что сначала необходимо показать «главное всех российских прав разделение на *права*, происходящие от различного состояния людей в России, и на *права*, происходящие от различных и взаимных дел между обывателями российскими». Затем следует рассмотреть «права *вещественные* и *персональные*, то есть собственность, владение, наследие, право дозволенное, заклады, откупы, контракты и подобные сим права». После них — «тяжебные и криминальные дела с назначенными по указам наказаниями»¹.

Общая система преподавания наук в России должна была, по мнению Десницкого, состоять из четырех частей: нравоучительной философии, естественной (натуральной) юриспруденции, римского права и русского права. Русский правовед проверил подобную систему на себе во время учебы в университете Глазго. Ей следовали ведущие профессора этого университета — Адам Смит и его ученик Джон Миллар. В «Слове о способе к научению юриспруденции...» Десницкий признавал, что в его рассуждении «господина Смита нравоучительная философия ближайше с натуральною юриспруденциею соединена, нежели все другие системы сея науки»².

В мае 1770 года М. М. Херасков, покидая пост директора Московского университета, подал куратору Адодурову представление о производстве экстраординарных профессоров Десницкого и Третьякова ординарными профессорами юридического факультета.

В 1773 году профессору Десницкому удалось добиться открытия на факультете кафедры русского законоведения и начать чтение лекционного курса по этому важнейшему для будущих русских юристов предмету. «Незнание закона отечественного всегда почиталось, даже у древних, бесчестным для тех, коим доверенность возложила отечество наблюдать и производить в действие закон», — подчеркивал он в речи «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах», с ко-

¹ Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского Университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 210.

² Там же. С. 202.

торой выступал в торжественном собрании Московского университета 22 апреля 1778 года.

Изучение русского права Десницкий считал важнейшей задачей университетской системы юридического образования. При этом он отказывался от практического метода познания русских законов вследствие его бессистемности и неэффективности. По его словам, «прежних веков законоучители и письмоводители не столько для изъяснения вещей, к их упражнению принадлежащих, сколько для показания своей должности писали. В таком преподавании бременном и непорядочном юриспруденция, наука, впрочем, наиблагороднейшая и полезнейшая, от множества пространных писателей учинилась бременною и учащихся умы обременяла и отягощала»¹. Не принимал Десницкий в качестве метода изучения русского права и глоссаторские приемы, в каковых он усматривал «безмерное и беспорядочное множество законоучительских примечаний, которых прочтение отнимало у всех почти размышление, утомляло рачительную память и в изнеможение приводило всю остроту разума и рассуждения»².

Единственным методом, способным дать студентам знание отечественного права, Десницкий считал метод научного его изучения. В отсутствии науки русского права он видел главный недостаток формировавшегося в России в стенах Московского университета юридического образования. В своей речи, посвященной пользе знания отечественного законоискусства, которую он произнес в торжественном собрании Московского университета в 1778 году, Десницкий говорил: «Римское право преподается здесь уже более 20 лет и во всей своей полной системе. Когда напротив сему Российское право не составляет в себе ни какой особенной науки, кроме практического употребления судящих и судящихся; хотя впрочем основано оно на твердом положении, и утверждено быть может опытами множественных веков...»³

---

¹ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов, и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими... говоренное... 30 июня 1775 // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 258.

² Там же.

³ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах... говоренное апреля 22 дня 1778 г. М., 1778. С. 9.

Осенью 1781 года умер профессор Филипп-Генрих Дильтей. За пять лет до этого Московский университет покинул из-за болезни И. А. Третьяков. С. Е. Десницкий остался на юридическом факультете единственным профессором. В 1782 году на место Дильтея был приглашен Теодор Баузе. Однако, пробыв на факультете всего один учебный год, он уехал в Германию.

В 1783 году С. Е. Десницкий был избран в члены Российской Академии наук.

К сожалению, жизнь первого русского профессора юридического факультета Московского университета оказалась недолгой. В 1787 году он почувствовал, что здоровье не позволяет ему вести преподавательскую деятельность на должном уровне, и подал в отставку. 15 июня 1789 года Семен Ефимович Десницкий скончался.

* * *

Большую часть произведений С. Е. Десницкого составляют речи, «говоренные» им в торжественных собраниях Московского университета и публиковавшиеся тогда же в университетской типографии¹. Кроме вышеназванных речей он произнес в различные годы по разным торжественным дням: «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» (22 апреля 1770 г.), «Юридическое рассуждение о вещах Священных, Святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются» (22 апреля 1772 г.), «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития» (21 апреля 1781 г.).

Помимо юридических наук Десницкий преподавал в Московском университете также английский язык. Он даже написал какое-то учебное пособие для русских студентов, изучавших английский язык. В последнее десятилетие своей жизни Семен Ефимович много занимался переводами с английского языка на русский. Так, в 1780 году вышел в свет его перевод труда английского ученого-агронома Томаса Боудена «Наставник земледельческий» (*The Farmer's Director*), изданный четырьмя годами раньше в Лондоне.

В 1780—1782 годах был издан в трех томах под названием «Истолкования английских законов» осуществленный Десницким пе-

¹ В 1819 г. речи Десницкого были перепечатаны в первой части книги «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оногo».

ревод на русский язык четырехтомного труда Уильяма Блэкстоуна (*William Blackstone, 1723—1780*) «Комментарии к законам Англии (*Commentaries on the Laws of England*)», вышедшего первым изданием в 1765—1769 годах. Десницкий не ограничился простым переложением содержания этого грандиозного произведения английского правоведа, но снабдил его своими примечаниями¹. Одно из самых интересных примечаний он сделал ко второму тому «Комментариев». «Г. Блэкстоун, — отмечал русский правовед, — полагает, что причиною смерти Карла первого было его подписание и соглашение на акт, уполномочивающий быть парламенту всегдашнему и несменяемому; но г. Гюм (Давид Юм, шотландский философ. — *В. Т.*), великий философ и историк аглинский, полагает причиною смерти сего несчастного государя коммерцию, которая в тогдашние времена столь безмерно усилилась, что даже мясники и пивовары, заседа в законодательстве, подавали страшный приговор на своего законного государя. Напротив того, сей же самый писатель утверждает, что когда при Генрике VIII коммерция аглинская не столь была обширна и безмерна, то и оба парламента при сем государе были в трепете и, как восточных монархов гнусные рабы, похваляли в нем даже и самое бесчеловечие. Да сие и действительно в Англии последовало от безмерной и худо предупреждаемой коммерции. Ибо сокровиществующие миллионщики ужасное во всем правительстве могут делать наваждение, *influence*, и могут нечувствительно тьмы народов от себя зависящими сделать; и это знак не токмо дурной, но и весьма опасной коммерции, когда она вся перевалится в руки немногих богачей, которые своим безмерным достатком задавлиют всех прочих и делают такую нечувствительную во всем монополию, или единопродавство, которого ни самое премудрое правительство предусмотреть и отвратить не может. Кратко сказать, у сокровиществующих миллионщиков даже и самое правосудие может быть нечувствительно на откупе»².

Приведенное примечание показывает, что Десницкий был не просто выдающимся ученым-правоведом, но и гражданином — человеком, жившим интересами общества. Его произведения являлись по своему содержанию не только научными трактатами, но и произведениями, выражавшими определенное политическое ми-

¹ См. некоторые из этих примечаний в издании: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. С. 287—291.

² Там же. С. 290—291.

ровоззрение. Воспринимая учения шотландских ученых Адама Смита, Джона Миллара и Давида Юма, Десницкий видоизменял их в соответствии с собственными представлениями о социально-политическом устройстве и правовой жизни общества, привносил в их концепции новые идеи¹. В лице С. Е. Десницкого Московский университет имел, таким образом, не просто первого русского профессора юриспруденции, но глубокого и оригинального мыслителя. «Самое блестящее украшение университета в XVIII веке»², — так назвал Десницкого профессор-историк А. А. Кизеветтер.

---

¹ См. подробнее об этом: *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 88—110.

² *Кизеветтер А. А.* Московский университет (исторический очерк) // Московский университет. 1755—1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 36.

Иван Андреевич Третьяков

(ок. 1740—1779)

ИВАН Андреевич Третьяков родился во второй половине 30-х — начале 40-х годов XVIII века в городе Твери в семье священнослужителя. Первоначальное образование он получил в Тверской духовной семинарии. В 1760 году Иван Третьяков поступил на учебу в Императорский Московский университет, но проучился здесь недолго. В 1761 году руководство Московского университета послало его вместе со студентом Семеном Десницким для продолжения учебы в Великобритании. Российский посол в Лондоне князь А. М. Голицын выбрал для них университет г. Глазго. Предполагалось, что Третьяков углубит за границей свои познания в математических науках и по возвращении в Россию займет кафедру математики в Московском университете. Однако по приезде в Глазго научные интересы Ивана Третьякова резко переменились: вместо естественных наук он принялся увлеченно изучать науки гуманитарные — нравственную философию, юриспруденцию, политэкономия. Этот поворот в научных интересах русского студента не был удивительным. Преподавание математики и других естественных наук в университете г. Глазго осуществлялось на довольно низком уровне. Лекции же по гуманитарным наукам читались талантливыми учеными, среди которых особенно выделялись Адам Смит и Джон Миллар. Высокий уровень преподавания гуманитарных наук выдвинул Глазговский университет в число ведущих учебных заведений не только Великобритании, но и всего мира¹.

В течение 1762—1763 годов Иван Третьяков слушал вместе с Семеном Десницким курс лекций Адама Смита по нравственной философии, состоявший из четырех частей: 1) естественной теоло-

---

¹ См. подробнее об университете г. Глазго, лекционных курсах Адама Смита и Джона Миллара, а также об учебе в этом учебном заведении Ивана Третьякова в предыдущем очерке, посвященном Семену Ефимовичу Десницкому.

гии, 2) этики, 3) юриспруденции, 4) политической экономии. Помимо этого они прослушали курс знаменитого шотландского ученого по риторике и изящной словесности.

Кроме того, русские студенты посещали в университете Глазго лекции Джеймса Уильямса по математике и занятия Джозефа Блэка по физике. Однако наибольшее значение для них как будущих правоведов имели лекции профессора Миллара по гражданскому (римскому) праву, которые они слушали в течение трех лет с ноября 1763 до лета 1767 года. Вместе с тем Третьяков и Десницкий посещали лекции Миллара по шотландскому праву и его знаменитые «lectures on government (лекции о правительстве)».

В 1764 году Иван Третьяков успешно выдержал испытание на степень магистра свободных наук. Десницкий получил эту степень годом позднее.

16 января 1766 года Третьяков сдал вместе с Десницким экзамен на степень доктора прав. Профессора, составившие экзаменационную комиссию, одобрили представленные русскими студентами «образцы познаний в праве» и определили темой докторской диссертации «мистера Джона Третьякова» четвертый титул второй книги Юстиниановых Пандектов, в котором говорилось о вызове в суд — *de in jus vocando*¹.

8 февраля 1766 года Десницкий и Третьяков представили тексты своих диссертаций (*theses*) для решения вопроса о допуске их к защите. Обязанность удостоверить их качество была возложена на профессоров Миллара и Муирхеда (*Muirhead*). 8 апреля названные профессора дали положительный отзыв о диссертациях русских правоведов, и руководство Глазговского университета разрешило их печатать.

Однако защита докторских диссертаций Третьяковым и Десницким так и не состоялась. Руководство Московского университета прислало им приказ срочно возвратиться в Москву. Созванное 20 апреля 1767 года собрание профессоров-правоведов университета Глазго, «выразив удовлетворение представленными Десницким

---

¹ Cairns J. W. John Millar, Ivan Andreevich Tret'yakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761—1767 // *The Philosophical age. Almanac 15. Scotland and Russia in the Enlightenment. Proceedings of the International Conference 1—3 september 2000.* Edinburg, St. Petersburg, 2001. P. 21; Brown A. H. Adam Smith's first Russian followers // *Essays on Adam Smith / Ed. by A. S. Skinner and Th. Wilson.* Oxford, 1975. P. 255.

и Третьяковым образцами познаний в гражданском праве», приняло решение освободить их от публичной защиты диссертаций по той причине, что они «получили распоряжения ехать домой со всей надлежащей скоростью» и определило, чтобы «степень доктора была присвоена им вице-канцлером»¹.

11 июня 1767 года Третьяков и Десницкий прибыли в Санкт-Петербург. В июле они были в Москве. 13 августа они подтвердили свои докторские степени, выдержав экзамен по юриспруденции перед комиссией, состоявшей из профессоров Московского университета Ф.-Г. Дильтея и К.-Г. Лангера, а также обер-секретаря Сената Самуила Дэна. Протокол этого экзамена сохранился: он опубликован (на языке оригинала — латыни и в переводе на русский язык) в трехтомном собрании документов по истории Московского университета второй половины XVIII века². Профессор Лангер спросил Ивана Третьякова: «Отличаются ли поручители от мандатариев и чем?» Третьяков ответил: «Поручитель в обязательстве лицо добавочное, мандатарий — главное, и поручение (мандат) берется из любезности и не переходит к наследникам. Поручительство — по договору и обязательство по нему переходит к наследникам»³.

17 августа молодые доктора права прочитали пробные лекции. Темой лекции Третьякова были титулы Пандектов Юстиниана о земельных сервитутах⁴. Отзывы профессоров Дильтея и Лангера о Третьякове и Десницком были благоприятными для молодых русских правоведов. В результате руководство Московского университета приняло решение поручить им чтение лекций на юридическом факультете. Третьякову определили читать лекционный курс по истории права, сначала естественного, а затем «римского права с древностями»⁵.

Необходимо было, правда, сдать еще экзамен по математике. Прошение Третьякова и Десницкого об отмене его, поданное 17 августа в Конференцию, не было удовлетворено. Куратор Московского университета Василий Адодуров настоял на том, чтобы они сдавали его несмотря ни на что, поскольку были посланы И. И. Шува-

¹ *Brown A. H.* Adam Smith's first Russian followers. P. 259.

² См.: Документы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963. Т. 3. С. 59—73.

³ Там же. С. 69—70.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 75.

ловым в Великобританию учиться, помимо прочего, и математическим наукам.

Экзамен по математике состоялся 10 ноября 1767 года. Семен Десницкий не стал его держать, прислав письменный отказ. Поэтому Конференция экзаменовала одного Ивана Третьякова. Профессор Рост задал несколько вопросов — экзаменовавшийся попытался на них ответить. После этого Третьякову были заданы две довольно легкие задачи, но ни одной из них он не решил. В итоге экзаменатор сделал вывод о том, что «экзаменующийся не знает даже первых оснований чистой математики по анализу и вследствие того не способен преподавать математику»¹. Третьяков охотно согласился с такой оценкой.

Преподавательская деятельность Ивана Третьякова и Семена Десницкого началась в январе 1768 года. С этого времени основным языком преподавания юридических наук в Московском университете стал, помимо латинского, русский язык.

22 апреля 1768 года И. А. Третьяков произнес в торжественном собрании Московского университета «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях»². Выбор этой темы молодым профессором-правоведом не являлся случайным. Возникновение университетов в средневековой Европе было тесно связано с началом во второй половине XI века нового этапа изучения римского права в западноевропейском обществе³. Третьяков назвал в своей речи в качестве зачатка университетов «приватные школы», открытые при монастырях. Указав, что обыкновенно в них сначала преподавались грамматика, риторика и диалектика, он сообщил, что после отыскания в городе Амалфе списка Пандектов Юстиниана «сию часть юриспруденции по той

¹ Документы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963. Т. 3. С. 119.

² *Третьяков И. А.* Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях. М., 1768. Данная речь И. А. Третьякова была перепечатана затем в издании: *Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного.* М., 1820. Ч. 2. С. 134—166. Ее сокращенный текст опубликован в сборнике: *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века.* М., 1952. Т. 1. С. 335—352.

³ См. об этом: *Томсинов В. А.* Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI—XIII вв. // *Древнее право.* М., 1997. Вып. 1 (2). С. 112—119.

же причине, для которой они и школы свои учредили, монахи тотчас в свои училища приняли и с великою ревностью старались распространить учение гражданской и церковной юрисдикции по всей Европе»¹.

Свое выступление в торжественном собрании Московского университета И. А. Третьяков завершил заявлением о том, что от университетских преподавателей «не меньшая великих дарований требуется и искренность к откровению истинного света. Их должность есть показывать ревностно, в чем святость прав, в чем целостность и благосостояние отечества, в чем истинное и нековарное исповедание веры и в чем общее всех благополучие состоит»².

Историк Арчибалд Браун, изучая рукописный экземпляр «Слова о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях», обнаружил на нем заметки, сделанные рукою С. Е. Десницкого. На основании этих заметок он пришел к выводу о том, что именно Десницкий являлся подлинным автором данного произведения, Третьяков же лишь зачитал его текст в торжественном собрании Московского университета³. Данный вывод нуждается в серьезной проверке. «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» было в 1768 году напечатано в типографии Московского университета как «говоренное» именно И. А. Третьяковым. Весьма сомнительным представляется, чтобы Иван Андреевич мог допустить выпуск в свет чужого произведения под своим именем.

8 мая 1768 года И. А. Третьяков, как и С. Е. Десницкий, был назначен на должность экстраординарного профессора юридического факультета Московского университета по кафедре римского права.

Прекрасно знавший латынь, написавший на этом языке докторскую диссертацию, профессор Третьяков был в курсе последних достижений европейской романистики и знал оригинальные источники по римскому праву. И все, чем он владел, Иван Андреевич излагал на природном русском языке, в то время не очень привыч-

---

¹ Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 350.

² Там же. С. 352.

³ См. об этом: Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761—1767) // Вестник Московского университета. Серия «История». 1969. № 4. С. 84—88.

ном для Императорского Московского университета. К сожалению, преподавательская деятельность профессора Третьякова длилась недолго — 1775/76 академический год стал последним годом его работы в Московском университете.

Иван Андреевич Третьяков был первой печальной для русской научной юриспруденции утратой. Широко образованный, изучивший новейшие течения в философии и юриспруденции, талантливый русский ученый не прожил и пятидесяти лет, скончавшись в 1779 году.

Научное наследие И. А. Третьякова невелико. Кроме «Слова о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» до нас дошло всего два его сочинения, представляющих собой тексты речей, произнесенных им на публичных актах в Московском университете в 1769 и 1772 годах¹. Судя по их содержанию, Третьяков был хорошо знаком с господствовавшими в западноевропейской просветительской философии теориями естественного права и общественного договора, но он не принимал их в полной мере. Третьяков являлся сторонником более активного вмешательства государства в общественную жизнь и в том числе в экономику, чем это предполагали названные теории.

На формирование взглядов И. А. Третьякова об устройстве общества большое влияние оказали идеи Адама Смита. Влияние шотландского ученого особенно сильно проявлялось в речи «Рассуждение о причинах изобилия и медленного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов», произнесенной Третьяковым в торжественном собрании Московского университета 30 июня 1772 года.

Основательное знание политической и правовой истории, изучению которой И. А. Третьяков придавал большое значение в воспитании будущих правоведов и вообще граждан, позволило ему избежать в теоретических выводах излишней умозрительности и соответственно весьма критически отнестись ко многим распространенным в его время концепциям происхождения государства и

---

¹ См.: *Третьяков И. А.* Слово о римском правлении и о разных онога переменах. М., 1769 (рукопись хранится в Российском государственном архиве древних актов: РГАДА. Ф. 199. П. 546. Ч. 10. Л. 80 об.); *его же.* Рассуждение о причинах изобилия и медленного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов. М., 1772. Сокращенный текст данного рассуждения опубликован в издании: *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.* Т. 1. С. 353—360.

представлениям о лучшей форме правления. «Некоторые испытатели натуры и великие умы, — говорил он в «Слове о римском правлении и о разных онога переменах», — принимались исследовать какое точно правление споспешествует народному благополучию и какие суть действительнейшие средства ко утверждению спокойства и общего благополучия в Отечестве. Однако из всех таких опытов и наблюдений то только нам известно, что наслаждающиеся области одними выгодами недостаток претерпевали в другом».

И. А. Третьяков был чрезвычайно осторожен в выводах по политическим проблемам. Он исходил из того, что всякая подобная проблема слишком сложна, чтобы решать ее скоропалительно. По его мнению, на политическую жизнь общества оказывают воздействие множество факторов — материальное богатство страны и ее территориальная протяженность, состояние нравов людей, ее населяющих, и просвещенность народа. Именно поэтому он заявлял, что «узнать точные причины, какие нечувствительно вкрадываются в правление и бывают произведением всенародного злополучия, равномерно как и выводить из оных общие предосторожности, требуется проницательного дарования и довольного упражнения в истории и в делах государственных. Ибо в таком предприятии случаются не одне многие и совокупно с разными содействующие причины, из которых сколько каждая преуспевает пред другими, за подлинно и узнать почти не можно».

Очевидно, что при таком характере научного мышления Третьяков не мог отдавать предпочтение какой-либо форме правления. «Нет, слушатели, действительного средства ко приведению правления в такое совершенство, которым бы всяк, с первого до последнего в обществе, доволен был», — говорил Третьяков в «Слове о римском правлении и о разных онога переменах». Третьяков выделялся в среде русских ученых своим прагматизмом. Можно даже сказать, что его прагматизм являлся прагматизмом более государственного деятеля, чем ученого. Не случайно он, по свидетельству знавших его людей, неоднократно порывался оставить должность профессора Московского университета и перейти на службу в государственный аппарат.

Алексей Яковлевич Поленов

(1738 или 1739—1816)

АЛЕКСЕЙ Яковлевич Поленов родился в октябре 1738 или 1739 года¹ в семье костромского дворянина, служившего музыкантом (гобоистом²) в лейб-гвардии Преображенском полку.

27 февраля 1749 года он был определен в гимназию при Академии наук. Программа этого учебного заведения предполагала изучение арифметики, геометрии, тригонометрии, фортификации, немецкого и латинского языков. В декабре 1753 года Алексей Поленов и семеро обучавшихся с ним юношей были выпущены из академической гимназии с одобрительным аттестатом, подписанным ректором Крашенинниковым. Однако на вступительном экзамене в академический университет, который состоялся 18 марта 1754 года, все они показали слабую подготовку, причем особенно в латинском языке. Гимназисты были не в состоянии понимать читавшиеся на латыни профессорские лекции, поэтому им рекомендовали еще раз пройти латинский класс гимназии.

Однако в университете, который действовал в рамках Академии наук, преподавание также находилось на довольно низком уровне. В 1755 и 1756 годах лекции здесь вообще не читались. Впрочем, и число студентов, желавших слушать их, было невелико.

Алексей Поленов слушал в основном лекционные курсы по юриспруденции, которые читали Ф. Г. Штрубе де Пирмон и Г.-Ф. Федорович.

---

¹ В биографическом очерке внука А. Я. Поленова Дмитрия Васильевича Поленова утверждается, что Алексей Яковлевич Поленов родился 1 октября 1738 года (*Поленов Д. В.* А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 4. Стлб. 445). Такая же дата его рождения указывается и В. П. Степановым — автором статьи о нем в «Словаре русских писателей XVIII века» (СПб., 1999. Вып. 2. С. 456). Однако в списках академической гимназии, в которой А. Я. Поленов учился с 1749 до 1754 г., т. е. до своего поступления в число слушателей академического университета, датой его рождения названо 5 октября 1739 г. (Материалы для истории Академии наук. Том 10. СПб., 1900. С. 220).

² Гобой — музыкальный инструмент, похожий на кларнет и по звучанию занимающий среднее место между ним и флейтой.

В июле 1761 года Юстиц-коллегия привлекла слушателя академического университета Поленова к работам по переводу старых лифляндских и эстляндских законов на русский язык. Это позволило ему занять в Академии наук (с 31 октября 1761 г.) должность переводчика и впоследствии добиваться от ее руководства направления для дальнейшей учебы за границу.

В сентябре 1762 года эта просьба Алексея Поленова была удовлетворена, и он отправился в Страсбург (вместе с И. И. Лепехиным и А. П. Протасовым). Инструкция академической канцелярии предписывала Поленову обучаться в Страсбургском университете «древностям и истории, юриспруденции и натуральному и общенародному праву». Но, увлекшись общегуманитарными или, как тогда говорили, «свободными» науками, он посещал главным образом лекции по филологии, философии, церковной и светской истории Германии. Лишь с весны 1764 года Поленов начал серьезно заниматься юриспруденцией — посещать лекции профессоров-правоведов, читать юридические произведения западноевропейских ученых.

23 июня 1766 года Алексей Поленов получил из Санкт-Петербурга письмо своего товарища Протасова, в котором сообщалось о недовольстве руководства Академии наук тем, что он, отправленный в Страсбургский университет для изучения юриспруденции, отдал предпочтение исторической науке. Академическое профессорское собрание «усмотрело, — писал Поленову Протасов, — что вы много времени употребили на слушание таких лекций, которые к будущей вашей профессии служить очень мало могут; почему оное и приказало вам при сем объявить, чтобы вы, оставя *Genealogicas Germaniae* и *Specialicas historiae ecclesiasticae et profanae Germaniae* lections, время все употребили к слушанию тех коллегий, которые точно надлежат до юриспруденции»¹.

В ответ на это мнение Алексей Поленов направил 7 августа 1766 года в Петербургскую Академию наук свой «Покорнейший рапорт». «Мне дано также знать, — заявлял он, — что профессорское собрание, не имея ни малой, по справедливости сказать, к тому причины и основания, оказало свое неудовольствие в рассуждении долговременного мною слушания исторических коллегий, представляя будто оные очень мало могут служить к будущей моей профессии... меня сие приводит в великое удивление, что господа профессоры

¹ Цит. по: Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 709.

так мало почитают свободные науки, особливо знатнейшую их часть, т. е. исторические знания, служащие главнейшим основанием к моей должности. Не утверждая прежде в сем знании, приниматься за юриспруденцию столько же безрассудно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топором. Пусть только приведут себе на память пример, служащий здесь доказательством, славных в неблагоприятные для наук времена юриспрудентов, которые, не имея понятия об истории и древностях, в такое впали заблуждение, что без сожаления о сих великих в протчем людях и подумать не можно. Кто не знает, что в прежние времена Алциат¹, Куяций², Готоман³, Бриссоний⁴, Риттерсгузий⁵ и многие другие великие мужи,

¹ Андреа Алциати (*Andrea Alciati*, 1492—1550) — итальянский правовед, профессор права в университетах Авиньона, Бурже, Милана, Павии, Болоньи и Феррара. Занятия юриспруденцией он сочетал с изучением истории, филологии, этики. Юридические произведения его составили шесть томов (изданы в Падуе в 1571 г.), из его сочинений по другим гуманитарным наукам самыми известными были «*Historia Mediolanensis*», «*Formula romani imperii*», «*Emblemata*».

² Яков Куяций (*Jacobus Cujacius* или *Jacques de Cujas*, 1522—1590) — французский правовед школы гуманистов, профессор права в университетах Тулузы, Валенса, Бурже, Турина, Гренобля, Парижа, автор многочисленных произведений, посвященных Кодексу и Дигестам Юстиниана, таких, как, например: «*Paratitla in libros quinquaginta digestorum seu pandectarum. Item in libros Novem Codicis Imperatoris Iustiniani*», «*Novellarum constitvitionum imp. Iustiniani expositio*», «*Paratitla in libros IX codicis iustiniani repetitae praelectionis*», «*Observationum et emendationum libri XXVIII. Quibus multa in iure corrupta & non intellecta restituuntur. Eiusdem De origine iuris ad Pomponium commentarius*» и др.

³ Франциск Готоманус (*Franciscus Hotomanus* или *François Hotman*, 1524—1590) — французский правовед, сторонник и друг Жана Кальвина, преподавал римское право в Парижском университете, затем историю и литературу в академии Лозанны, в 1555 г. являлся профессором гражданского права в Страсбургском университете. Автор таких сочинений, как «*Commentarius de verbis iuris, antiquitatum Ro[manarum] elementis amplificatus*», «*Legum Romanorum index*», «*Partitiones iuris civilis elementariae*» и др.

⁴ Варнава Бриссоний (*Barnabas Brissonius*, 1531—1591) — французский правовед, генеральный адвокат (в 1575 г.) и президент (в 1583 г.) Парижского парламента. Составитель сборника королевских ордонансов, сохранявших свою силу в период правления короля Генриха III («*Code Henry III*»), автор таких сочинений, как «*Lexicon iuris; sive, De verborum quae ad ius pertinent significatione libri XIX*», «*De formulis et solennibus populi Romani verbis libri 8, ex recensione Francisci Caroli Conradi*», «*De veteri ritu nuptiarum & jure connubiorum*», «*Opera minora varii argumenti, nimirum Antiquitatum ex jure civili selectarum*» и др.

⁵ Конрад Риттенсгузиус (*Conradus Rittenshusius*, 1560—1613) — немецкий правовед, профессор права в Страсбургском университете, автор таких произведений, как «*Commentarius novus in quatuor libros Institutionum imperialium divi Justiniani ex manuscriptis et eo praecipue exemplari*», «*Expositio methodica Novellarum imperatoris Justiniani*», «*Differentiarum iuris civilis et canonici seu pontificii libri septem*» и др.

возобновляя юриспруденцию, с знанием законов соединяли твердое познание свободных наук и тем самым, открыв и другим свободный путь, заслужили себе бессмертную славу?»¹

Приведенные слова в рапорте А. Я. Поленова были восприняты иностранными учеными, составлявшими профессорское собрание Петербургской Академии наук, как оскорбление. «Кажется, что тогдашние академики не могли допустить мысли, чтобы молодой студент, хотя и имевший чин переводчика, но все-таки ученик, да притом еще и русский, осмелился так свободно выражать свой образ мыслей, а главное осуждать и знание профессоров, и их распоряжение»².

В результате академическое профессорское собрание признало нежелательным пребывание строптивного русского студента в Страсбургском университете и приказало ему переехать для занятий юриспруденцией в Геттинген. 30 октября 1766 года Алексей Поленов покинул Страсбург. В Геттингенском университете он слушал лекции до мая 1767 года, после чего отправился в Россию. 1 июня он прибыл в Санкт-Петербург.

По словам историка Е. Ф. Шмурло, автора статьи о А. Я. Поленове в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова, пребывание за границей выработало в нем «не только хорошего юриста, но и человека с широким образованием. Школа и серьезное направление ума удержали его от одного лишь внешнего заимствования западно-европейской культуры; господствующие идеи века не прошли для него бесследно и ярко сказались во взглядах на нормы общественного права; с особенною силою усвоил П[оленов] уважение к личности и к принципу свободы».

Обратившись по приезде в Санкт-Петербург в Академию наук за новым назначением, А. Я. Поленов узнал, что для правоведа здесь нет должности. В письме к Г. В. Козицкому он написал об этой странной ситуации: «Вы удивитесь, что господин Штели³ не устыдился в канцелярии при мне молодому Уйлеру сказать, что я совсем не годен при Академии, по причине, что у нас нет никаких

¹ Цит. по: Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 710—711.

² Там же. Стлб. 713.

³ Якоб Штелин (1712—1785) — член Петербургской Академии наук с 1738 г., с 1741 г. управляющий учрежденным при Академии художественным департаментом (с 1747 г. Академией изящных искусств).

тяжеб; так как будто юриспруденция состояла в одной тяжбе...»¹ В связи с этим Алексей Поленов, прошедший курс обучения юриспруденции и другим гуманитарным наукам в Страсбургском и Геттингенском университетах, был вынужден занять в Академии наук прежнюю свою должность переводчика.

В августе 1767 года он начал переводить на русский язык сочинение Шарля Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка». В 1769 году этот перевод был напечатан. Затем Алексей Поленов перевел (совместно с переводчиками Б. А. Волковым и В. И. Костыговым) вторую часть произведения Самуэля Пуфендорфа «Введение в историю знатнейших иностранных государств» (напечатана в 1777 г.), первую часть записок С.-Г. Гмелина «Путешествие по России» (совместно с В. П. Световым). Вместе с издателем С. С. Башиловым он подготовил к печати вторую часть «Русской летописи по Никонову списку» (издана в 1768 г.). В намерение А. Я. Поленова входило также издание «Судебника Ивана Грозного», но руководство Академии наук не поддержало этого проекта.

В 1766 году Вольное Экономическое общество объявило конкурс на лучшее сочинение по теме «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?»² Сроком представления сочинений было назначено 1 ноября 1767 года. А. Я. Поленов принял участие в этом конкурсе, представив работу «О крепостном состоянии крестьян в России».

Отвечая на заданный Вольным Экономическим обществом вопрос, он писал, что «каждый крестьянин должен иметь довольно

---

¹ Цит. по: Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 729.

² Фактическим инициатором данного конкурса была императрица Екатерина II. В конце 1765 г. она обратилась (как частное лицо) в Вольное Экономическое общество с вопросом, что полезнее для земледелия, когда земля находится в единичном или в общем родовом владении. Ответа на этот вопрос дано не было. В 1766 г. государыня (опять-таки как частная персона) задала обществу новый вопрос: «В чем состоит собственность землевладельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общенародной иметь может?» На сей раз к письму императрицы было приложено 1000 червонцев в награду за наиболее удачное решение вопроса и на оплату издания сочинения, в котором оно будет изложено. Вольное Экономическое общество немедленно опубликовало эти два вопроса и предложило в качестве награды за лучшее их решение 100 червонцев и медаль стоимостью в 25 червонцев.

земли для сеяния хлеба и паствы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать, т. е. пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности; ибо иначе можно его в наказание лишить сих выгод как недостойного и снабдить оными другого. Однако прежде нежели помещик может сие сделать, то дело должно быть рассмотрено в приличном суде»¹.

А. Я. Поленов видел в человеке существо исключительно эгоистическое, чье поведение определяется, главным образом, стремлением к собственной пользе. Из такого понимания человеческой природы и вытекали главные его идеи относительно устройства крестьянской жизни. По словам Поленова, «крестьянин, которого мысли сходны с его состоянием, равным образом тщится по мере сил и знания преумножить свое благополучие, ежели он не находит в своем предприятии такого препятствия, которое иногда против воли заставляет его быть о себе нерадивым»². Отсюда Поленов делал вывод: «Я думаю, и не без причины, что собственность в движимом и недвижимом имении может почестся за один почти и притом весьма изрядный способ к ободрению и поправлению крестьянства, которое в прочем лишено всех с правами общества соединенных выгод и преимуществ; ибо крестьянин, будучи господином своему имению, не опасаясь ни с которой стороны в рассуждении его претерпеть какое насилие и пользуясь приобретенным свободно, может располагать и употреблять оное, смотря по своим выгодам»³.

Для обеспечения личных и имущественных прав крестьян Поленов предлагал учредить особые, «крестьянские», суды. «Весьма легко может случиться, — отмечал он, — что господа от презрения к своим крестьянам и в надежде на преимущества своего состояния будут, утесняя их, причинять всякие обиды, чего ради неотменно должно их привести в безопасность чрез установленное на твердом основании правосудие, при помощи которого могли бы они себя защищать против всяких несправедливых нападений и насильств»⁴. По его мнению, «крестьянские суды» должны находиться в руках «та-

¹ Поленов А. Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия / Составитель Б. В. Емельянов. Екатеринбург, 1990. С. 121.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 113—114.

⁴ Там же. С. 125.

ких людей, которых бы искусство и знание российских законов не было подвержено никакому сомнению»¹. Вместе с тем он считал необходимым снабдить эти суды «хорошими инструкциями, дабы богатый бедному, сильный немощному предпочтены не были, но каждый по заслугам своим получил бы достойное воздаяние»².

Для случаев, когда решение, вынесенное «крестьянским судом», оказывается неправовым или вызывает недовольство какой-либо стороны судебного спора, Поленов предлагал предусмотреть возможность подачи апелляции в вышестоящую судебную инстанцию — в земской суд «из окольных дворян», которые должны были, по его мысли, «для большей исправности и порядка» выносить решения по совету «знающих права людей», дабы никаких нарушений закона не происходило, но все бы отправлялось «по предписанию правосудия»³.

Крепостничество («рабство») А. Я. Поленов объявлял в своей работе «О крепостном состоянии крестьян в России» противоречащим естественному праву и возникшим исключительно из «насилия». При этом он не призывал к немедленной ликвидации данного явления, но предлагал существенно ограничить произвол помещиков по отношению к своим крестьянам.

Оценивая сочинение А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России», Е. Ф. Шмурло отмечал в его биографии, что этим рассуждением своим он «заслужил право на почетное место в культурной истории русского общества. Это был первый русский голос против язвы крепостничества, произнесенный не только смело, но и с ясным пониманием самого дела».

Вольное Экономическое общество высоко оценило конкурсное сочинение Поленова, назвав его в числе пяти работ, заслуживающих второй премии⁴. Допуская возможность напечатания трактата «О крепостном состоянии крестьян в России», члены конкур-

¹ Поленов А. Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия / Составитель Б. В. Емельянов. Екатеринбург, 1990. С. 126.

² Там же. С. 126 (примечание).

³ Там же.

⁴ Всего на конкурс было представлено 162 сочинения. Первая премия была присуждена сочинению члена Дижонской Академии Беарде де Лабею (*Bearde de l'Abaye*), представленному под девизом «пользу свободы вопиют все права, но есть мера всему». Главный вывод автора гласил: «Должно приуготовить рабов к принятию вольности прежде, нежели будет им дана какая собственность».

ной комиссии сошлись во мнении, что для этого необходимо предварительно изъять из его текста слишком критические по отношению к существующим крепостническим порядкам высказывания. 22 октября 1768 года Алексею Поленову была вручена в награду медаль Вольного Экономического общества стоимостью в 12 червонцев. Первая публикация указанного сочинения была осуществлена лишь в 1865 году (в третьем номере журнала «Русский архив»), то есть после отмены в России крепостного права. Полный же его текст впервые вышел в свет только в 1960 году.

В апреле 1771 года А. Я. Поленов был переведен из Академии наук в Правительствующий Сенат на должность секретаря Первого департамента. 28 октября 1780 года его назначили обер-секретарем, в 1791 году перевели на ту же должность в Третий департамент Сената.

22 декабря 1784 года Поленов был возведен в чин статского советника. В чине действительного статского советника он перешел 2 сентября 1793 года на службу в правление Заемного банка.

В конце 1796 года А. Я. Поленова назначили в учрежденную императором Павлом I Комиссию для составления законов. Здесь ему было поручено составление книги уголовных законов. В начале 1798 года Поленов представил свой труд руководителю Комиссии генерал-прокурору А. Б. Куракину, который одобрил его идеи и предложенный им порядок расположения правового материала. Данный труд, возможно, хранится еще в каком-нибудь архиве.

13 ноября 1798 года российский император Павел I принял на себя титул «Великого Магистра Державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского». 22 декабря того же года данный титул был включен Сенатским указом в Императорский титул Павла I. Поленову было поручено составить историю данного Ордена (более известного под именем Мальтийского). По всей видимости, он успел написать только первую часть этого произведения — рукопись его была преподнесена автором в дар брату папского нунция при дворе российского императора графу Литте¹, а в печатном виде оно так и не появилось.

---

¹ Полный титул этого человека писался в документах следующим образом: «Юлий Рене, балы, граф по праву дворянства почетного языка Итальянского, командор разных командорств военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия III степени; польских орденов Белого орла и св. Станислава кавалер, Российского флота контр-адмирал и Полномочный министр знаменитого Ордена Мальтийского и Его Примушества Гроссмейстера».

В июле 1800 года А. Я. Поленов уволился с государственной службы — начался последний период его жизни, продолжавшийся шестнадцать лет. По всей видимости, он прекратил свою литературную деятельность: во всяком случае, о каких-либо его произведениях (литературных, исторических или юридических) этого периода ничего не известно.

Умер Алексей Яковлевич Поленов 10 июля 1816 года.

Алексей Артемьевич Артемьев

(ок. 1748—1820)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ сведения об Алексее Артемьевиче Артемьеве, дошедшие до нас, весьма скудны. Известно лишь, что родился он приблизительно в 1748 году. Первоначальное образование Алексей Артемьев получил в гимназии при Московском университете, в которую был принят 15 июля 1755 года. По завершении гимназического курса обучения в 1764 году он поступил на юридический факультет Императорского Московского университета.

Алексей Артемьев был вместе с Иваном Борзовым в числе первых студентов Московского университета, сумевших пройти весь курс обучения по программе юридического факультета. Обучавшиеся здесь до них не оканчивали его по разным причинам¹. Из-за недостатка в государственном аппарате и учебных заведениях Российской империи образованных чиновников многих студентов определяли на государственную службу еще до выпуска из Московского университета. В 1767 году сразу восемнадцать студентов были назначены в Комиссию для сочинения нового Уложения. Среди них было несколько молодых людей, учившихся на юридическом факультете Московского университета.

11 августа 1770 года студенты Артемьев и Борзов обратились в Конференцию Московского университета с прошением, в котором заявляли: «Обучались мы чрез три года в юридическом факультете и в оном преподаваемое нам учение кончили, вследствие чего теперь с надлежащим почтением просим, чтоб учинено было его превосходительству г. куратору представление вместе с засвидетельство-

---

¹ 3 ноября 1770 г. вице-директор Московского университета А. А. Тейльс сообщал в своем рапорте куратору Адодурову, что хотя из Московского университета к тому времени «более трехсот студентов в штатскую и военную службу вышли, токмо то были почти все не окончавшие надлежащим образом ни одного факультета» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963. Т. 3. С. 397).

ванием о наших успехах гг. докторов помянутого факультета с тем, дабы мы, получа пристойное нашему званию награждение, употреблены были к государственным должностям, чрез что бы мы могли воспитавшему нас отечеству по крайнему нашему разумению оказать усердные услуги и что бы служило к приращению славы императорского университета и к большому поощрению наших товарищей»¹.

В ответ на это прошение Конференция в тот же день приняла решение подвергнуть Ивана Борзова и Алексея Артемьева экзамену в присутствии профессоров юридического факультета.

Экзамен состоялся 9 октября 1770 года. В своем рапорте, поданном в «почтеннейшую Конференцию» 20 октября, профессора Ф.-Г. Дильтей, К.-Г. Лангер, С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков сообщали: «Из экзамена выяснилось, что названные студенты сделали в юридических науках исключительные успехи, ибо на предложенные им вопросы из древне-римского права, его институций и дигест, отвечали превосходно и при одобрении профессоров, так же, как и на прежде произведенных им экзаменах по вексельному, военному и морскому праву согласно с русскими законами, а в диспутах и диссертациях обнаруживали весьма часто свои способности, вследствие чего они были дважды награждены золотыми медалями. Таким образом, по приведенным резонам, мы считаем их достойными его превосходительству г. куратору на предмет их дальнейшего производства. Чего ради мы не усумнились дать наше настоящее свидетельство и усиленно их рекомендуем, и от души желаем каждому из них преуспевания и благополучия»².

В дальнейшем Алексей Артемьев служил в хозяйственном управлении Императорского Московского университета. В 1779 году он «имел смотрение над классами», будучи в чине поручика, затем «имел смотрение» над домами университета.

С 1806 года А. А. Артемьев являлся экзекутором Московского университета в чине надворного советника. Из письма сенатора П. И. Голенищева-Кутузова к графу А. К. Разумовскому от 11 июля 1810 года можно сделать вывод, что Артемьев занимался главным образом хозяйственными делами. «Совет, получив от меня предло-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963. Т. 3. С. 363.

² Там же. С. 390.

жение, основанное на предписании Вашего сиятельства о приискании наемного дома для помещения студентов медико-хирургической академии, поручил Артемьеву осмотреть дома, в окрестностях университета состоящие...»¹, — сообщал в своем письме Голешищев-Кутузов.

Алексей Артемьев оставался в Москве и в сентябре 1812 года, после того как туда вошли французские войска и начался пожар. Профессор Хр.-Ю.-Л. Штельцер в своем донесении графу А. К. Разумовскому от 18 ноября 1812 года рассказывал о том, как служащие хозяйственного управления университета тушили пожар на университетском дворе. При этом он особо отмечал, что экзекутор Артемьев «был совершенно пьян и бесполезен»².

Умер Алексей Артемьевич Артемьев в 1820 году.

* * *

Еще во время обучения в университете А. А. Артемьев перевел с латинского на русский язык совместно со студентом Борзовым «под смотрением доктора Десницкого» лекции профессора Ф.-Г. Дильтея «Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском». Этот перевод был издан отдельной книгой в 1768 году.

В 1777 году вышел в свет главный и, по сути, единственный труд Артемьева в области юриспруденции, под названием «Краткое начертание римских и российских прав», который представлял собой переработку лекций Ф.-Г. Дильтея и С. Е. Десницкого. По словам Г. С. Фельдштейна, «Артемьев ставил себе, по-видимому, первоначально целью осуществить такую разработку положительного права, которая соответствовала бы всецело философско-догматическим приемам Лангера»³. Профессор Карл-Генрих Лангер был учителем Артемьева, и влияние его методологических подходов к праву⁴ сказалось на содержании «Краткого начертания рим-

¹ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 304.

² Там же. С. 444.

³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 139.

⁴ «Мы должны видеть в его лице представителя философско-догматического направления в разработке права, оперирующего при помощи сравнительно-исторических данных», — такую характеристику методологического подхода к праву давал К.-Г. Лангеру Г. С. Фельдштейн (Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 138).

ских и российских прав». Название данной книги свидетельствует о том, что Артемьев предполагал использовать историко-сравнительный прием в изложении материала, который применял в своих работах профессор Московского университета Лангер. Однако содержание ее показывает, что историко-сравнительное рассмотрение правовых институтов Артемьеву удалось осуществить в весьма ограниченной степени. «Свойство сего сочинения, — писал он в «Кратком начертании Римских и Российских прав», — не дозволяет вступить в подробности оного»¹.

Хотя в целом А. А. Артемьев был склонен к философско-догматическому изучению права, он предпринимал попытки проследить эволюцию институтов римского и русского права, объяснить их генезис, найти их корни в общественных отношениях².

А. А. Артемьев был сторонником принципа гуманизма, он высказывался в своей книге за то, чтобы наказания определялись в соответствии с теми целями, которые имеются при этом в виду, и чтобы они были более человечными. Так он писал по поводу одной жестокой казни: «Сколь бесчеловечно сие наказание, всяк усмотреть может: ибо разрушать на части и рвать живое человеческое тело на куски, возя оное по улицам, есть дело, которое человечество, сколько бы ни было оно раздражено на виноватого, не может терпеть. И таковые чинимые казни, выходя за предел человечества, поистине теряют свой успех, ...часто ожесточают сердца подданных, а иногда причиною бывают великих смятений и бунтов»³. По словам Артемьева, «для назначения виноватому наказания и потому для воздаяния каждому по делам его наказания, надлежит весьма осторожно поступать, дабы виноватого не оправдать и не смешать невинного с виноватым»⁴.

Научные интересы А. А. Артемьева выходили за рамки юриспруденции. Его интересовали и философия, и этика. В 1777 году вышла в свет книга «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила в пользу и научение юношества», составленная из афоризмов различных философов, переведенных на русский язык Артемьевым. Алексей Артемьевич состоял в масонской ложе, а сборни-

¹ Артемьев А. А. Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обоих равномерно как и чиноположения оных историй. М., 1777. С. 100.

² Там же. С. 120—148.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же. С. 104.

ки такого рода входили в круг чтения тогдашних масонов. Первое издание книги было выпущено Х. Ф. Клеэном. В 1782 году известный издатель, просветитель и масон Н. И. Новиков выпустил в свет второе издание «Добродетельной души...», в несколько увеличенном объеме. Расходилась она, видимо, плохо. В 1787 году в московских книжных лавках было конфисковано 688 непроданных экземпляров этой книги.

Федор (Theodor) Григорьевич Баузе

(1752—1812)

ФЕДОР Григорьевич Баузе родился в г. Триптисе (Саксония) в 1752 году в семье лютеранского пастора¹. В возрасте 10 лет он был отправлен на учебу в школу Святого Томаса (St. Thomas-Schule), которая находилась в Лейпциге. Пройдя здесь семилетний курс обучения, поступил на юридический факультет Лейпцигского университета. По окончании последнего в 1773 году отправился искать работу в Россию.

Поселившись в Санкт-Петербурге, молодой Ф. Г. Баузе занялся сначала частными уроками. Некоторое время ему пришлось поработать домашним учителем в доме купца Круга. Летом 1775 года ему предложили должность учителя в так называемом Петровском училище (Peter-Schule), созданном при лютеранской церкви Святого Петра в Петербурге для обучения детей прихожан чтению, письму, арифметике, правилам лютеранской веры и т. д. 1 сентября того же года Баузе приступил к работе в училище в качестве учителя географии, истории и латинского языка с годовым окладом в 350 рублей и учебной нагрузкой в объеме 24 часов в неделю. Спустя некоторое время он стал еще и инспектором данного учебного заведения.

Преподавал Баузе 24 часа в неделю, а в свободное время самостоятельно изучал древнюю историю и юридические науки, а также общался с петербургскими интеллектуалами.

В апреле 1780 года Баузе поехал в Германию, дабы привести в порядок некоторые семейные дела и ознакомиться с организацией преподавания в лучших германских учебных заведениях. Болезнь задержала его в этой стране до февраля 1781 года.

6 апреля 1782 года Ф. Г. Баузе получил приглашение от руководства Императорского Московского университета занять кафедру юриспруденции, освободившуюся после смерти первого профес-

---

¹ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. I. М., 1855. С. 68.

сора юридического факультета Ф.-Г. Дильтея. Он охотно принял это лестное для него предложение и уже 11 апреля официально распрощался с Петровским училищем. В последний год своей работы в нем Баузе, как инспектор училища, постоянно подвергался нападкам со стороны учителей и членов церковного совета, обвинявших его в плохой организации учебного процесса.

25 ноября 1782 года, в день тезоименитства императрицы Екатерины II, Федор Григорьевич Баузе произнес в стенах Московского университета торжественную речь о юриспруденции, ознаменовавшую его вступление на кафедру юриспруденции. Речь произносилась на латыни и называлась: «*Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae*»¹.

В 1783 году Ф. Г. Баузе, по не вполне ясным причинам, вынужден был уволиться из Московского университета и уехать в Германию. Но пребывая там, он не терял связи со своими университетскими коллегами. В 1786 году ученый возвратился в Россию и занял прежнюю свою должность в Московском университете, начав преподавание с 1787/88 учебного года на философском факультете энциклопедии, истории и курса метода наук и художеств. Со следующего учебного года он стал читать студентам юридического факультета курс юридической энциклопедии. С 1791 года Баузе преподавал на юридическом факультете римское право (сначала по Гейнекцию и Генферу, затем по Шмальцу, историю же римского права — по Баху). В последнее десятилетие XVIII века Федор Григорьевич увлеченно занимался русской историей и русской словесностью. Он страстно полюбил русскую древность, найдя в ней образцы высокой художественной и просто умственной культуры, намного превосходившей по своему уровню западноевропейскую культуру той же самой эпохи.

В первые годы XIX века профессор Баузе преподавал в Московском университете, помимо юриспруденции, также историю русской словесности, историю дипломатии, нумизматику. В 1801 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

18 марта 1802 года император Александр I повелел сенаторам М. Н. Муравьеву и графу Поттоцкому, а также академику Н. И. Фусу

---

¹ В том же году латинский текст указанной речи был напечатан. См.: *Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae in Universitate litteraria Mosquensiadeundae causa dicta D. XXV Nov. M., 1782.*

составить особый комитет для рассмотрения новых уставов Академии наук и Московского университета. По замыслу Его Величества, данный комитет должен был, «сообразив их с намерением сих учреждений и с истинным средством расширения пользы их и действия на народное просвещение, сравнить с лучшими в сем роде иностранными заведениями, и по сему сравнению сделать надлежащие перемены или дополнения, какие к лучшему их устройству могут быть нужными»¹. От Московского университета в состав комитета был включен (наряду с профессорами А. А. Прокоповичем и П. И. Страховым) профессор Ф. Г. Баузе. Участие ученого в государственных делах в полной мере соответствовало его воззрениям. Федор Григорьевич считал, что «стремления профессоров не должны ограничиваться кругом университета, но простираются на все государство».

Деятельность Комитета 1802 года, сочетавшего в своем составе сановников-реформаторов (М. Н. Муравьев, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов и др.) и мудрых ученых, выросших в стенах учебных заведений (Н. И. Фус, А. А. Прокопович-Антонский, П. И. Страхов, Ф. Г. Баузе), оказалась плодотворной. Им были разработаны план реформы народного образования в России и проект Университетского устава.

24 января 1803 года Александр I утвердил «Предварительные правила народного просвещения». Согласно им в Московском университете учреждалось правление под председательством ректора, которого надлежало избирать общим собранием университета. Профессора должны были избираться собранием самих профессоров. Университетские должности были включены в «Табель о рангах»: ординарным профессорам присваивался седьмой класс, ректору университета — пятый. Университеты получили право возводить в ученые степени, но только по результатам строгих экзаменов. Докторская степень давала ее обладателю восьмой класс по «Табели о рангах», магистерская — девятый. На факультетах или отделениях университетов вводилась официальная должность деканов (старших), которая, впрочем, неофициально существовала и прежде².

¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 316.

² Профессор Ф.-Г. Дильтей назван «деканом факультета (facultatis senior)» в отчете, представленном от юридического факультета в «почтеннейшую Конференцию» 20 октября 1770 г. См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963. Т. 3. С. 389—390.

Первым официальным деканом юридического факультета Московского университета (на срок до введения в действие нового Университетского устава) стал профессор Федор Григорьевич Баузе. Выбор этот был, надо признать, очень удачным. «Баузе принадлежит к числу тех ученых иностранцев, которых истинная любовь к науке добросовестно породнила с нашим отечеством и которые принесли нам много пользы в отношении к познанию нашей народности»¹, — такую характеристику давал первому декану юридического факультета С. П. Шевырев. И для этой оценки были все основания.

В 1804—1809 годах Ф. Г. Баузе являлся также Директором Московского Педагогического института, одновременно он преподавал здесь курс педагогических и дидактических правил.

Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 года Университетский устав назвал юридический факультет нравственно-политическим отделением. В июне 1805 года Ф. Г. Баузе был избран его деканом. В мае того же года он удостоился благодарности М. Н. Муравьева (1757—1807), человека высокообразованного, в то время занимавшего должность попечителя Московского университета. Михаил Никитич рекомендовал Федору Григорьевичу написать историю русской словесности.

13 июля 1807 года Ф. Г. Баузе стал ректором Московского университета на годичный срок, сменив на этом посту профессора П. И. Страхова. Его, в свою очередь, сменил в 1808 году И. А. Гейм.

В 1811 году исполнилось двадцать пять лет службы профессора Баузе в Московском университете. Он получил право выйти в отставку с пенсией. Университетское начальство готово было уволить Баузе со службы и раньше: Федор Григорьевич в последние годы часто впадал в пьянство и срывал лекции. 4 июля 1810 года попечитель Императорского Московского университета сенатор П. И. Голенищев-Кутузов писал А. К. Разумовскому: «В заключение, за должное почитаю предварить ваше сиятельство, что в непродолжительном времени я должен буду сделать представление об увольнении от службы профессоров Баузе и Барсука-Моисеева, кои из пределов всякой благопристойности вышли. Первый дома пьет мертвую чашу и разные производит в университете сцены, кои мить и успокаивать весьма трудно»². Спустя десять дней Голени-

¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 227.

² Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 303.

щев-Кутузов обращался к Разумовскому с просьбой: «Сделайте милость, ваше сиятельство, наставьте меня, что делать с Баузе и с Барсуком-Моисеевым? Я тем более в недоумении, что просьб об увольнении подавать они и не помышляют, а истории с ними в самом крайнем градусе неистовства продолжаются»¹.

21 января 1811 года Федор Григорьевич Баузе был уволен со службы с полной пенсией и почетом. После ухода из университета он прожил год и четыре месяца. Смерть пришла к нему 25 мая 1812 года.

* * *

Своим современникам Ф. Г. Баузе был известен как большой любитель и знаток древней русской истории. С самого своего приезда в Россию он собирал древние рукописи, старопечатные книги, старинные монеты. По отзыву К. Ф. Калайдовича, коллекция Баузе была едва ли не единственной в своем роде. Московское Общество Истории и Древностей Российских намеревалось приобрести ее за 10 000 рублей — довольно значительную для того времени сумму. Покупка по каким-то причинам не состоялась, и большая часть того, что Федор Григорьевич со страстью собирал десятилетия, погибла в пожаре, охватившем Москву в 1812 году после занятия ее французскими войсками; остальное было растащено. В итоге сохранился лишь каталог коллекции Баузе, который полностью подтверждает высказывание Калайдовича о ее ценности. (Так, в нем значатся такие древности, как «Пролог», писанный уставным письмом на пергаменте в Новгороде в 1229 г., Степенная книга 1551 г. и др.)²

И. М. Снегирев писал в своих воспоминаниях: «С удовольствием и признательностью я пользовался частными лекциями, библиотекою и драгоценным собранием славяно-русских древностей незабвенного профессора прав, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога Федора Григорьевича Баузе. В 1807 г. он был ректором университета. С ненасытимою любознательностию, обогатившею его разнообразными сведениями, он соединял редкий дар слова, свободно и красно говорил и писал по-латыни. Кроме из-

¹ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 307.

² См.: Чтения Общества истории и древностей российских. 1862. № 2. С. 1—

данных им речей, осталось много материалов для обширных и важных сочинений, которые остались в списках. В продолжении 30 лет с особенным старанием и с великими издержками составил он собрание древних славяно-русских рукописей, между которыми находились Псалтырь и Пролог XII века, Лечебник 1588 г., первые на русском логарифмы, коллекция русских монет и медалей... Мне случилось видеть почтенного профессора с своим Анненским орденом на шее на толкучке между букинистами, покупающим и торгующим старые книги и вещи»¹.

Интерес Ф. Г. Баузе к древней русской истории не ограничивался коллекционированием старинных рукописей и книг. Федор Григорьевич хорошо знал, какая ложь о России распространяется в Европе, и по мере своих сил старался развенчивать ее. В 1796 году он написал речь о России², в которой показал, что и до эпохи правления Петра I эта страна была просвещенной и имела развитую культуру. «Конечно, она только очерк картины русского Просвещения, — писал сам Баузе о своей речи Попечителю Московского Учебного округа М. Н. Муравьеву, — но иным она и быть не могла, как первое сочинение об этом предмете... Я писал, не полагаясь доверчиво ни на кого: все сочинения, которыми я пользовался, и которые цитовал, лежали у меня тогда перед глазами». В 1811 году в журнале «Вестник Европы», издававшемся М. Т. Каченовским, появился перевод этой речи на русский язык с незначительными изменениями в содержании и с новым названием: «Что сделано в России для просвещения народа и для славы отечества от времен Рюрика до Петра Великого?» Имя автора не было указано³.

Опубликованные работы Ф. Г. Баузе воплощают весьма незначительную часть из того, что создал этот ученый. Незадолго до сво-

¹ Воспоминания И. М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 754—755.

² Она была издана в виде брошюры объемом в 45 стр. на латинском языке. См.: *Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec perum adeo de litteris earumque studiis merita*. М., 1796.

³ См.: Вестник Европы. 1811. № 1. С. 3—20; № 2. С. 81—96. Кроме этой работы на русском языке вышло еще два произведения Ф. Г. Баузе. См.: *Баузе Ф. Г. О горячке вольности*. М., 1793 (данное произведение состоит всего из двух страниц); *его же*. Слово на всевожденное и всерадостнейшее коронавание всепресветлейшего, державнейшего Государя Императора и Самодержца Всероссийского Павла Первого. М., 1797 (в этой брошюре насчитывалось 19 страниц).

ей смерти он собрал свои рукописи и приготовил их к опубликованию, но злополучный московский пожар осенью 1812 года уничтожил наряду с коллекцией древнерусских рукописей и книг и научное его наследие, которое могло составить, по свидетельству тех, кто видел бумаги Баузе, несколько больших томов. Были там сочинения на самые различные темы из области политической экономии, истории России, истории дипломатии, римского права, нумизматики и др.

О стиле мышления Ф. Г. Баузе как ученого-правоведа, о его подходе к юридическим наукам лучше всего свидетельствует «Речь о юриспруденции...». «Под именем юриспруденции,— говорил в ней Баузе, — не разумею я сухого тщедушного знания тех законников, которые считают себя и достаточно учеными и достаточно опытными, если держать в памяти слова законов, не понимая смысла и значения их, если в суде могут на них *сослаться* (по прекрасному их выражению). Пусть эти господа наслаждаются своими познаниями — Бог с ними — ведь и дети радуются, если, как попугаи, могут пробормотать слова, для них непонятные. Но пусть не стараются они убедить меня, что своей убогой наукой они в самом деле могут принести хотя какую-нибудь пользу государству. Под именем юриспруденции я не разумею также того увертливого, непостоянного, коварного и обманчивого искусства крючкотворцев, которые стараются только склонять законы то в ту, то в другую сторону, смотря по желанию, которые пышными словами и другими уловками стараются проводить и глумиться над судьями и самым правосудием. Пусть и эти люди довольствуются своим честным искусством, пусть величают себя (говоря их словами) непобедимыми защитниками правды — оставим их,— есть ведь воры и разбойники, которые состязаются друг с другом в коварстве, хитрости и ими величаются. Но пусть они не называют себя защитой и опорой справедливости, безопасности и общественного благосостояния. Наконец, под именем юриспруденции я не разумею тех ходячих, непрочных подъяческих сведений, которые, не скажу почерпнуты, но повыдерганы из лексиконов, сокращений, руководств и т.п. книг. Пусть и эти люди торжествуют, опираясь на свою грубую и беспорядочную груду определений, различений, правил и формул, пусть заставляют грубую чернь дивиться грубому их знанию. Но они не ослепят людей ученых и знающих это дело... Что же признаю я достойным имени юриспруденции? — То, что древние Римляне, со-

здатели всякого права и законов, называли познанием вещей божественных и человеческих, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного. Юриспруденция так обширна, что ее нельзя ограничить кругом дел судебных; она стоит так высоко, что недоступна для людей легкомысленных и бесчестных. Как дело врача — заботиться о здоровом состоянии тела человеческого и всех его частей: так дело законоведа заботиться о здоровье тела общественного и всех его частей, т. е. государства и его граждан».

Таким образом, Баузе считал юриспруденцию не простой наукой — он придавал ей высокое общественное значение.

По мнению Ф. Г. Баузе, прежде чем приступать к изучению юриспруденции, необходимо пройти школу грамматики, риторики и критики, овладеть иностранными языками, как древними, так и современными, изучить историю и географию, философию и математику. Последние две науки он рекомендовал будущим юристам для развития способности к логическому мышлению.

Изучение же самой юриспруденции Баузе советовал начинать с энциклопедии законоведения, с которой должна быть соединена история права, особенно римского. Затем необходимо, полагал он, перейти к изучению права естественного, народного и публичного. И только после этого можно приступать к познанию положительного права, причем лучше всего начинать с такой его разновидности, как гражданское право. Для познания же последнего необходимо изучать в первую очередь римское право.

В целом взгляды Ф. Г. Баузе на право, его деление юриспруденции на различные части, а права — на те или иные разновидности, несут на себе печать влияния трудов немецкого правоведа И.-Г. Гейнекия. Однако в ряде случаев Баузе шел дальше своего предшественника. Так, в изучении теоретической юриспруденции Федор Григорьевич придавал большое значение истории права. Гейнекий также отводил историческому рассмотрению права важную роль. Однако если Гейнекий понимал историю права как простую иллюстрацию правовой догмы, как эволюцию юридических понятий и их определений, то Баузе главную цель исторического изучения права видел в познании *причин* тех перемен, которые претерпевают с течением времени юридические понятия.

Ф. Г. Баузе считал, что теоретическое правоведение должно сочетаться с правоведением практическим. Последнее стоит к теоретическому знанию о праве в таком же отношении, в каком

умение играть на инструменте относится к теоретическому знанию музыки. Данный пример Ф. Г. Баузе привел не случайно — он был большим любителем и знатоком музыки. Обладая широкими познаниями в самых различных сферах духовной культуры, он не мог смотреть на юриспруденцию иначе, как на неотъемлемую часть этой культуры, тесно связанную со всеми другими ее элементами.

Захар Аникеевич Горюшкин

(1748—1821)

ЗАХАР Аникеевич Горюшкин занимает особое место в истории русской юриспруденции. Он принадлежит к той категории людей, которых в России называют «самородками» или «самоучками». Горюшкин не учился в учебных заведениях — обширные юридические знания, которыми он славился среди своих современников, ему пришлось приобретать путем самообразования и в процессе многолетней практической деятельности в различных ведомствах государственного управления. В кругу ученых-правоведов он считался авторитетнейшим законоискусником, самым ярким представителем практического направления в русской юриспруденции конца XIX — начала XX века.

* * *

Родился Захар Аникеевич Горюшкин 5 сентября 1748 года в Москве в семье бедного дворянина¹. В возрасте 13-ти лет, научившись разве что считать, читать и писать, он определился на государственную службу в Московскую воеводскую канцелярию. В 1763 году его перевели в так называемый Сыскной приказ. Служба в качестве подьячего в учреждении, специально предназначенном для допросов и пыток людей, обвиняемых в совершении тех или иных преступлений, стала для юного Горюшкина первым в его жизни тяжким испытанием. Много лет спустя Захар Аникеевич вспоминал

---

¹ В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона говорится, что «Горюшкины — старинный русский дворянский род, ведущий начало от Павла Степановича Горюшкина, испомещенного в 1653 г., записан в VI части родословной книги Орловской губернии, но Герольдией не был утвержден в древнем дворянстве за недостаточностью представленных документов. Другой род Горюшкиных, происходящий от рязанца Кирилла Ивановича Горюшкина, верстанного помещиком в 1628 г., записан был в VI часть родословной книги Рязанской губернии, но Герольдией не утвержден по недостаточности доказательств. Есть еще два дворянских рода Горюшкиных позднейшего происхождения».

об атмосфере, существовавшей в Сыском приказе. По его словам, работавшие здесь судьи хвастались друг перед другом в изобретении новых способов истязания обвиняемых. «Случилось мне, — рассказывал он, — зайти в пыталную палату или застенок по окончании присутствия; на полу я увидел кучку лоскутков окровавленной кожи; спрашиваю у палача: что это такое? Как что! Выкройка из спины!»

Для служивших в Сыском приказе страшные пытки были обыденностью, они привыкли к ним как к обыкновенному рутинному занятию. Более того, подьячие нередко использовали пытки для собственной материальной наживы. Так, бывало призвут к себе в Приказ каких-нибудь колодников из тюрьмы под предлогом проверки сказанного ими ранее под пыткой да нашепчут им, кого еще оговорить. Естественно, выберут имя кого-нибудь из зажиточных. Колодники по такому наущению радостно объявят во всеуслышание, что с ними соучастником в лихом деле был такой-то человек. Ночью подьячие нагрянут к оговоренному в дом — тот в ужасе сунет им деньги, да они еще и сами пройдутся по комнатам и прихватят себе чего-нибудь ценного в дополнение к подношению. Потом повезут оговоренного в Приказ. Там сначала для приличия станут пытать колодников. Колодники сознаются, что напраслину возвели на человека. Им за это: при посторонних — пятнадцать—двадцать ударов кнутом, а наедине — по два-три целковых. А оговоренного отпустят домой. И тот идет ... совершенно счастливый! Хотя днем раньше — в благополучии — совсем, быть может, несчастным был. Много ли надо человеку для счастья!?

Прослужив некоторое время в столь страшном ведомстве, Горюшкин перешел в Судный приказ. После нескольких лет работы в этом учреждении его перевели в Вотчинную Коллегию, затем в Юстиц-коллегию.

В том, что З. А. Горюшкин пошел на государственную службу, не достигнув еще совершеннолетия, не было ничего удивительного. По обыкновению в России того времени начинали служить в возрасте 15—16 лет. Родители старались насколько возможно раньше определить своих чад на государственную службу для того, чтобы они, соответственно, ранее могли выйти в чины. Удивительным было другое — то, что в жестокой атмосфере российских государственных учреждений молодой человек нашел в себе душевные силы для самообразования. В свободное от службы время он стал само-

стоятельно изучать русскую грамматику, арифметику, логику, читать имевшиеся на русском языке исторические, философские и юридические сочинения. Он продолжал интенсивное самообразование даже после того, как женился.

Эти занятия развили его природный ум, работа же с канцелярскими документами позволила ему приобрести необходимые практические навыки ведения гражданских и уголовных дел в судах. Благодаря уникальному сочетанию теоретических знаний, приобретенных им в процессе самообразования, и практического опыта государственной службы Захар Аникеевич стал редким для тогдашней России специалистом в области юриспруденции.

Как выдающийся законоискусник (так называли в России знатоков практической юриспруденции) он сделался известным директору Императорского Московского университета П. И. Фон-Визину. Последний пригласил в 1785 году Горюшкина преподавать во вверенном ему учебном заведении российское практическое правоведение. 1 января 1786 года Захар Аникеевич был зачислен в штат преподавателей юридического факультета Московского университета на профессорскую должность. В этом качестве он и останется до самого увольнения из университета. Звания профессора Горюшкин за двадцать четыре года университетской службы так и не получит. Профессорами юридического факультета в то время были в основном немцы. Исключение составлял лишь С. Е. Десницкий, но он из-за болезней уже заканчивал тогда свою преподавательскую деятельность.

С сентября 1790 года З. А. Горюшкин стал вести класс русского практического законоискусства и в университетском Благородном Пансионе¹. В изданном в указанном году «Кратком начер-

---

¹ Относительно года учреждения Благородного пансиона единства нет как в исторических работах, так и в документах: называют и 1776, и 1779 г. «Постановление Благородного Пансиона, при Императорском Московском университете учрежденного», изданное в 1806 г., гласило: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию воспитания, в 1779 году основал Благородный Пансион, и заведение сие существует 27 лет с немалою общественною пользою». В «Объявлении же о Благородном Пансионе, учрежденном при Императорском Московском университете», изданном в 1812 г., говорилось: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию Воспитания, в 1776-м году основал Благородный пансион, и Заведение сие существует 35 лет с немалою общественною пользою».

тание учебных классов и вообще всего порядка, наблюдаемого при содержании Вольного Благородного Пансиона, учрежденного при Императорском Московском Университете» говорилось: «Главная цель заведения сего Пансиона состоит в том, дабы доставить лучшее, легчайшее и основательнейшее пред прочими частными пансионами воспитание благородному юношеству». Среди имен преподавателей упоминалась в этом документе и фамилия Горюшкина. В пункте 4 раздела «Порядок учения и кто чему именно в пансионе сем учит» было напечатано следующее: «Практическому законоискусству. Захар Горюшкин, коллежский асессор, по понедельникам и четверткам от 6 до 8 по полудни, предложая, во-первых, общее понятие о российских правах и законах, о начале и происхождении оных, с разделением на разные роды и виды, о присутственных местах, о должностях судей и всех чинов со всеми переменами, происходившими до нынешних времен, будет показывать по том обряд, каковой должно употреблять при сочинении всяких писем и прошений, касающихся до судебных дел, и порядок, по которому вносить их должно в судебные места и отправлять производство самых дел; а дабы всему тому научить практически, то составя для того судебные места и наполня их всеми нужными к тому членами из самых учащихся по образу начертанному в Высочайших учреждениях о управлении губерний Всероссийской Империи и прочих законах, заставит учащихся самым делом отправлять судопроизводство по задаваемым от него разного содержания делам».

Занимаясь преподаванием в Московском университете, З. А. Горюшкин одновременно продолжал свою службу в государственных учреждениях. С 25 ноября 1792 года он состоял в чине коллежского асессора членом Московской Палаты Уголовного суда. Здесь произошло его столкновение по делу известного издателя-просветителя и масона Н. И. Новикова с могущественным в то время Московским Главнокомандующим князем А. А. Прозоровским. По данному делу проходили также книгопродавцы, торговавшие последними изданиями Новикова, как-то: Никита Кольчугин, Иван Переплетчиков, Матвей Глазунов, Тимофей Полежаев и другие (всего 15 человек). Московский городской магистрат, уездный и нижний надворный суды приговорили семерых книгопродавцев к каторжным работам. Поскольку закона, на основании которого можно было бы назначить наказание за торговлю запрещенными книга-

ми, в России в то время не было, названные судебные инстанции основывали свой жестокий приговор на Именном Указе Петра I от 9 февраля 1720 года. Данный законодательный акт предписывал чинить исполнение дел строго по опубликованным государевым указам и устанавливал жестокие наказания для нарушителей установленных ими норм. «Того ради сим всем объявляется, — говорилось в нем, — что кто в какое преступление впадет, противу публикованным указам, а другой, ведая про те указы, но смотря на других, тож станет делать, или ведая не известит, тот будет без пощады казнен или наказан, так как в тех публикованных указах за преступление объявлено, не ставя то ему в оправдание, что смотря на другого чинил, чего для надлежит всякому поступать по указам, и хранить оные, и чтоб впредь никто неведением не отговаривался»¹.

При рассмотрении дела книгопродавцев в Московской Уголовной Палате Горюшкин высказал мнение о том, что указ от 9 февраля 1720 года к нему не подходит, и выступил за то, чтобы обвиняемых наказали по указам о запрещенной торговле, взыскав с каждого денежную сумму в размере стоимости обнаруженных у него запрещенных книг. Причем на этом своем мнении Захар Аникеевич, судя по дошедшему до нас докладу А. А. Прозоровского Екатерине II, упрямо настаивал, несмотря на замечания губернского прокурора и самого Прозоровского. «Прокурор и в уголовной палате ему, Горюшкину, замечания делал, — докладывал князь императрице, — наконец, предложил палате диспут; а я, по донесению мне прокурора, дал палате письменное предложение в вышеизъясненных словах, как я и прокурору словесно замечал, но по непонятию ль или по упрямству его, Горюшкина, все сие недовольно было отвратить сего от несообразного к сему делу голоса; а по сему уже его упрямству дал я предложение палате, в котором ему, сделал должное замечание, рекомендовал впредь мнения полагать по точности дела и по прямому разуму закона»². Книгопродавцы все равно были осуждены (освобождены они были от наказания лишь спустя три года по указу Екатерины II от 2 июля 1796 года, изданному по случаю рождения великого князя Николая Павловича), но Горюшкин обнаружил в этом деле лучшие свои качества, в первую

¹ Указ от 9 февраля 1720 г. «О наказании за преступление против публикованных указов» // 1-ПСЗРИ. Т. VI. № 3510.

² Цит. по: *Пекарский П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 163.

очередь — личное мужество, преданность личным своим убеждениям, способность открыто выступить против мнений властей предрешающих.

11 августа 1795 года З. А. Горюшкин был переведен сенатским указом из Уголовной Палаты в Казенную Палату. Но чиновная карьера не увлекала его. Свободная от бюрократических оков преподавательская деятельность больше соответствовала складу его души.

Преподавание права в Московском университете осуществлялось Горюшкиным в весьма необычной манере. Он придавал своим лекциям характер театрального действия: аудитория, в которой читался им лекционный курс, превращалась как бы в зал судебного заседания, из студентов избирались основные участники судебного процесса — судьи, секретари, обвиняемые и т. п. Такое преподавание давало студентам достаточно много. По общему признанию, из учеников Горюшкина получались хорошие стряпчие. Впоследствии кое-кто из них достиг по службе даже званий сенатора и министра.

Учившийся у него сенатор Ф. П. Лубяновский (в 1819—1829 гг. — Пензенский, а в 1830—1833 гг. — Подольский губернатор) вспоминал о годах своей учебы в Московском университете: «По русскому законодательству мы были на руках у г. Горюшкина, славившегося тогда в Москве всеобъемлющим законоведением, разумом в сочинении прошений и практическим знанием применять закон к данному случаю. Под руководством его можно было научиться писать прошения на высочайшее имя по изданной форме и по пунктам. Если дозволено назвать это недостатками, то нельзя не принять в уважение, что тогда не было еще ни «Русской истории» Карамзина, ни «Полного собрания», ни «Свода законов», ни лицеев, ни училища правоведения»¹.

Будучи юристом-практиком, представляя своими лекциями в университете, прежде всего, *практическую* часть русской юриспруденции, Горюшкин придавал тем не менее большое значение *теоретическим* знаниям о праве. Об этом свидетельствует, например, уже само название лекции, прочитанной им 5 сентября 1790 года, в день открытия класса российского практического законоискусства, в Благородном Пансионе: «Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания российского законоискусства и о том, что несрав-

¹ Лубяновский Ф. П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 48.

ненно тягостнее приобретать сию науку навыком при отправлении дел в судебных местах, нежели по правилам, избранным из законов».

В этой лекции Горюшкин говорил: «Сколь важна сия наука, столь и многотрудны к достижению ее средства, дабы научиться оной обыкновенным приказным порядком, меня уверяет в том беспрерывное в течение почти тридцати лет самым делом упражнение в судебных местах, начиная от первых канцелярских степеней приобретать мои сведения и прилежнейшее старание о собрании, сколько можно, о сем правил, обыкновением введенных и в законах предписанных. Таковой опыт дает мне смелость предложить, что для получения основательных сведений не доставало мне знания, приобретенного мною одним навыком при отправлении самым делом разных канцелярских должностей; ибо их там иным образом и получить не можно, потому что на вопрос о том, почему так делается, они обыкновенно отвечают только то, что и прежде все другие так же делали, а сомневающегося далее разрешают показыванием самых таковых деяний, о которых вопрос настает. Но известно, что побуждаемый стремительным любопытством искать в чем-либо основательных причин, таковым ответом мало будет доволен. Более мне недостаток сей открылся, когда я, входя в порядочное рассуждение судебных деяний, усматривал во многих из них такие выражения, которые затмевают точное понятие содержащихся в них материй; а снося их с равными или подобными деяниями, отправляемыми в других местах, находил во многом несходство. Но, желая и при сем случае разрешения моего недоумения, в ответ получал от предпочитаемых многими в приказном звании и то, что там заведен такой порядок, или другое подобное сему; а потом они решительно заключали обыкновенным их правилом, подтвержденным многими опытами, что сея самые ради причины знающий порядок в одном судебном месте, переведен будучи в другое, непременно должен будет снова учиться порядку, в оном употребляемому... Из сего не ясно ли видеть можно, сколь надежнее приобретать навык российского *практического* законоискусства при всех недостатках, свойственных новости таковой науки, по правилам, избранным из законов, нежели при производстве дел в судебных местах»¹.

¹ Горюшкин З. А. Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания российско-го законоискусства... // Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. М., 1811. С. VI—X.

Результатом трудов З. А. Горюшкина в области теоретического правоведения явилось объемное, составлявшее в целом более 2000 страниц, сочинение «Руководство к познанию российского законоискусства». Оно было издано в 4-х переплетах (так Горюшкин назвал тома. — *В. Т.*) в 1811—1816 годах.

Ко времени выхода в свет первого переплета (тома) Захар Анисеевич покинул университет. Он вынужден был это сделать, поскольку Совет университета отказался утвердить его в должности профессора на том основании, что он «не был профессором, а только занимал «кафедру ординарного профессора прав гражданского судопроизводства». 31 января 1811 года попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов представил его к увольнению из Московского университета¹. 10 февраля император Александр I пожаловал уволенному в отставку Горюшкину чин статского советника за его общую беспорочную службу в течение 47 лет.

В качестве университетского преподавателя Горюшкина заменил Николай Николаевич Сандунов (1766—1832). Это была достойная замена². Но как законоискусника, глубокого знатока различных тонкостей, хитросплетений действующего российского законодательства Горюшкина не мог заменить никто.

Его старый московский дом на 4-й Мещанской улице, который чудом уцелел в пожаре 1812 года, стал как будто новым местом его службы — но не чиновной, а в качестве доброго и мудрого советчика. К нему продолжали, как и прежде, обращаться за советами по юридическим, да и просто по жизненным вопросам, и он редко кому отказывал. «Он был оракулом для многих; к нему прибегали за советами в затруднительных случаях и запутанных делах вельможи, сенаторы и профессоры», — записал в своих мемуарах лично знавший Горюшкина И. М. Снегирев.

Писатель-историк Н. М. Карамзин при работе над своей знаменитой «Историей Государства Российского» неоднократно брал консультации у Горюшкина по проблемам древнерусского законодательства. И не только консультации. Захар Анисеевич собрал за свою жизнь библиотеку ценнейших книг и рукописей. Были в ней

¹ ЦИАМ. Фонд 459. Оп. 11. Ед. хр. 2. Л. 77.

² 6 июня 1810 г. П. И. Голенищев-Кутузов сообщил графу А. К. Разумовскому, что на место Горюшкина «просится человек предостойный и отчасти Вашему сиятельству известный его бескорытием: наш обер-секретарь, статский советник Сандунов. Он учился и студентом был в университете; юриспруденцию так знает, как мало есть людей ее знающих».

и редкие списки «Русской Правды», различных древнерусских летописей. В собственных примечаниях Карамзина ко 2-му тому «Истории Государства Российского» можно найти, к примеру, такие слова: «В одном списке *Правды*, полученном мною от Г. Горюшкина...» А в примечаниях к 5-му тому Николай Михайлович признался, что грамоту великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Киевскому и Всея Руси он выписал «из Горюшкинского летописца слово в слово».

Умер Горюшкин 24 сентября 1821 года. В посвященном ему некрологе, который был напечатан в ноябрьском номере «Отечественных записок», говорилось: «Захар Аникеевич Горюшкин, известный Российский Законоискусник, скончался в Москве на 74 году от рождения. Гражданскую службу свою он начал с Приказа Сысного и кончил Уголовною Палатою, где был 1-м Членом. Сам собою, без руководства наставников, приобрел он обширные сведения в Законоискусстве и, по славе сей, призван был в Московский Университет для преподавания Российского Практического Правоведения...»¹

Из текста духовного завещания, оставленного З. А. Горюшкиным и переданного 28 июня 1821 года из Московского Губернского правления в Правление Императорского Московского университета, видно, что на момент своей смерти «статский советник Захарий Аникеев сын Горюшкин» имел, помимо книг, наличных денег, разных долговых обязательств, одежды, мебели, экипажей, следующее «благоприобретенное движимое и недвижимое» имущество: дом в Москве на 4-й Мещанской улице «с садом и всякого рода принадлежностями и с приписанными к нему дворовыми людьми», земельные участки на территории Москвы («близ убогих домов под № 36-м, и у Казанской Божьей Матери, что в Сушеве, под № 136-м»), земли с людьми, крестьянами — в деревне Бухолове Владимирского уезда, в деревне Путовой Егорьевского уезда, в деревне Хливковке Рязжского уезда.

Все это имущество он завещал «в вечное и потомственное владение» своей жене Елизавете Аникеевне², вменив ей в обязанность

¹ Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. 1821. Ч. 8. № 19. С. 269—270.

² В тексте завещания — «Елизавете Аникеевой дочери». Родных детей у Захара Аникеевича и его супруги Елизаветы Аникеевны не было. В тексте духовного завещания упоминается состоявший у него под опекой «воспитанник унтер-офицер Сергей Васильев сын Лебедев». Горюшкин сообщал, что должен внести в ско-

отпустить на волю, «когда домашние обстоятельства ее то позволят», шестерых своих крепостных дворовых людей, «написанных по ревизии при московском доме».

В последнем пункте завещания Захар Аникеевич выразил свою волю относительно судьбы написанных им книг: «Копии сочинения моего, под названием Российское законоискусство в четырех переплетах, Описание судебных действий в трех переплетах, отдать в оный университет, с тем, чтобы, продавая их, деньги отсылать навсегда в Московский Опекунский Совет для приращения из процентов, которые со дня устройства при оном университете гимназии, по сообщении университета отсылать в оной на наличное число, поименно, гимназисту по 150 руб., студентам, выходящим из оной в университет, по 250 руб.».

* * *

Профессор Московского университета И. М. Снегирев (1793—1868) оставил нам следующее описание внешнего облика Горюшкина, которого он часто видел в доме своего отца: «По приемам и костюму Захар Аникеевич не походил на прежнего подьячего, но скорее на щеголеватого барина; черты лица были у него правильные, глаза маленькие, рот узкий, выражавший пронизательность и скромность. Он пудрился, украшал волосы пуклями, носил модный кафтан и шлифные на башмаках пряжки с розами или стразами, двое часов в карманах с золотыми цепочками, на пальцах жалаванные бриллиантовые перстни»¹.

По словам профессора права И. Ф. Тимковского (1773—1853), Захар Аникеевич Горюшкин был «росту среднего, худошав, темнорус, лица бледного с морщинами, неказистого, с прижатым голосом; имел впрочем вид доброго внушения»².

З. А. Горюшкин славился своими познаниями в русской истории. Он был глубоким знатоком народных традиций, обычаев, носил в своей памяти огромное количество различных пословиц и поговорок. Он любил изящные искусства: организовал в своем доме

ром времени 15 рублей ассигнациями в его пользу в Опекунский Совет, и вменял своей жене в «непременную обязанность» в случае, если он по каким-то причинам возьмет из помещенного им в этот Совет капитала часть или весь его, внести все это обратно в Опекунский Совет, добавив означенную сумму.

¹ Воспоминания И. М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 760.

² Тимковский И. Ф. Памятник И. И. Шувалову // Москвитянин. 1851. № 9—10 (май). С. 28.

театр, устраивал и концерты музыки. Но главным его увлечением было законоискусство. Это слово лучше, нежели термин «юриспруденция», подходит для обозначения характера его знаний в области права, приобретенных посредством долговременного практического упражнения в законах.

Но примечательно, что Горюшкин именовал законоискусство наукой. «Законоискусственная наука, быв в сопряжении с прочими частями учености, как-то: математикою и философию, — писал он, — есть знание прав и законов, дабы уметь справедливо применять оные к деяниям человеческим, или деяния человеческие к законам, и выводить заключения, непосредственно следующие из сравнения сих двух предложений; или разбирать и полагать которое действие противно законам и которое сходно с оными; или иначе наукою судить дела человеческие по точной силе и словам законов; или законоискусство есть деятельный навык праведно судить дела человеческие по законам»¹. Законоискусник же, согласно Горюшкину, это — «тот, который имеет надлежащий навык: справедливо применять законы к делам человеческим, или дела к законам, и выводить заключения из оных следующие»².

Горюшкин придавал большое значение соблюдению законов. «Я думаю, — учил он своих студентов, — что законы должно исполнять не для того, чтоб опасаться какого-либо ответа за преступление их; но для того, что все предписанное ими есть само по себе такое, которое только может составлять наше общественное и частное благосостояние. Следовательно, всякому благомыслящему должно стыдиться вопреки им располагать свои деяния»³. Главную цель законов, согласно Горюшкину, составляет общее благо. «Гражданские права и законы можно почесть такими путями, которыми бы всяк из живущих в обществе, ради своей пользы, шествуя неуклонно, мог достигнуть к тому великому намерению, которое составляет благосостояние всех и каждого»⁴.

Средством, через которое познается законность или незаконность наших действий, Горюшкин считал правосудие. Последнему

---

¹ Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. М., 1811.

² Там же. С. 33.

³ Горюшкин З. А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 17.

⁴ Там же. С. 34.

он придавал высокий нравственный смысл. «Итак, можно сказать, что правосудие есть навык, по которому справедливый человек располагает добро и зло между самим собою и другими по пропорции и уравниению геометрическому»¹, — утверждал ученый.

В связи с этим Захар Аникеевич обращал особое внимание на качества людей, отправляющих правосудие: «Ничто не может, по мнению Платона, утаиться от прозорливых очей правосудия; а потому древние Египетские жрецы говаривали, что острое зрение оно го проникает во внутренность всех вещей. От сего ж произошло, что Апулей клялся всегда оком Солнца и оком Правосудия, подразумевая под тем, что как то, так и другое, равномерно всевидящи. Сии мнения древних открывают нам, каковы должны быть Особы, отправляющие правосудие. Надлежит, чтоб свет разума озарял их, с помощью которого могли б они открывать истину, где б она сокрыта ни была, и чтоб они, как непорочнейшие девы, не причастны были никаким страстям, и никогда б не допускали развращать себя ни дарами, ни ласкательными убеждениями»².

По мнению Горюшкина, судья должен судить беспристрастно, в решении дел он должен быть в одинаковой мере справедливо ко всем подсудимым или спорящим сторонам, независимо, к примеру, от того, бедный или богатый человек предстает перед ним. «Я от вас не скрою, — учил Захар Аникеевич студентов: — слышал я об этом от некоторых милостивых и богобоязливых Судей вот что: естли тяжбу имеют равного состояния люди, то, конечно, должно в их деле строго наблюдать правосудие; а когда бедный с богатым, то какой-нибудь участок от избытков богатого отдать бедному, кажется, что тут за грех? А еще милость: богатому это ничего, а бедный, поправя свое состояние, будет иметь кусок насущного хлеба. Но я всегда был противных тому мыслей. Кто столько сострадателен к бедному, так дай ему из своего кармана; а над чужими кто меня сделал управителем? Но грех-то очень явно видим. Закон Божественный говорит: “Не сотвори неправды в суде, да не приимеи лица нашего, ниже почудитишия лицу могушаго: по правде да судиши ближнему твоему”»³.

¹ Горюшкин З. А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 60.

² Там же.

³ Там же. С. 64.

В историю русской юриспруденции З. А. Горюшкин вошел прежде всего как систематик¹. Разработка системы российского законодательства являлась главной задачей основного его труда под названием «Руководство к познанию российского законоискусства». В этом деле Горюшкин так же, как и во всем, шел своим путем. Он пытался найти принципы систематизации российского законодательства не в абстрактных теориях, а в его истории. «Отвергнуши многих заключение о том, что никак невозможно привести Российские законы в систему, — писал он, — стремительно опускался в глубину исторической древности нашего отечества и законов онаго, и проходя их постепенно, собирал нужные к сему намерению правила».

Как известно, в западноевропейской юриспруденции второй половины XVIII века всецело доминировала доктрина «естественного права». Эта доктрина оказывала большое влияние и на русскую теоретическую юриспруденцию конца XVIII — начала XIX века. «Познание права естественного, — писал А. П. Куницын в своей книге «Право естественное», — нужно исследователям законов положительных при определении справедливости оных. Наипаче же оно нужно Практическим Законоведам при самом делопроизводстве, ибо служит им во время проведения законов: 1) как вспомогательное средство толкования, 2) как правило для решения случаев, на которые нет особенного положительного закона, 3) как составная часть положительного законодательства, когда решение случая законодатель предоставляет благоусмотрению судьи или прямо повелевает решить оный по началам Права Естественного»². По словам Куницына, «главное начало права может быть выведено только из формы разума»³.

В отличие от многих русских правоведов, Горюшкин выводил «начало права» не из некоего абстрактного «разума», а из народного правосознания — «народного умствования», по его терминологии. Горюшкин признавал существование помимо «человеческого права» также «права Божественного» и «права животных». По его словам, поскольку «человек... сам себе и прочим вещам бытия дать

¹ См., например: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 347. З. А. Горюшкин причисляется здесь к числу «практиков-систематиков».

² *Куницын А. П.* Право естественное. СПб., 1818. С. 16.

³ Там же. С. 34.

не в состоянии, то по сему заключаем, что все оное произведено от Высочайшего Существа...»¹. В связи с этим наряду с «правом человеческим» существует «право Божественное».

В свою очередь, «право человеческое», как считал Горюшкин, распадается на «два члена»: «1-е на законы в рассуждении человека особенно от других, 2-е на законы, в рассуждении взаимности его с другими»². Право, регулирующее поведение человека, когда он выступает «один, без всякой взаимности его с другими», согласуется, полагал Горюшкин, «с естеством человеческим» и разделяется на: «право тела», «право жизни» и «право разума». Признавая, однако, существование естественного права, Горюшкин понимал под ним не воплощенный «разум», а лишь нечто, содержащееся в положительном законодательстве. «Право тела», «право жизни» и «право разума» должны, по его мнению изучаться, поскольку они «положены в установлениях нашего отечества».

Отсюда не удивительно, что право собственности, равенство и свободу, выступавшие, согласно естественно-правовой доктрине, в качестве *естественных* прав человека, русский правовед считал *общественными* правами человека. Соответственно и частное право Горюшкин рассматривал в качестве элемента государственного права, связывая его с понятием не индивида, а общества.

Н. М. Коркунов, оценивая правовые воззрения Горюшкина, отмечал, что «он не только не проникся основными идеями тогдашней теории естественного права, но даже, по-видимому, и не вполне усвоил их себе. В своем изложении он не оспаривает, не опровергает их, а просто игнорирует»³.

Несмотря на запутанность предложенной З. А. Горюшкиным систематики законодательства, а также другие недостатки его научных работ, многие из высказанных им мыслей оказались по-настоящему ценным вкладом в русскую правовую культуру. В частности, Горюшкин предвосхитил главнейшие из идей «исторической школы права», возобладавшей в русском правоведении во второй трети XIX века. В главном своем труде он попытался дать обзор истории русского права. «И надобно сознаться, — отмечал

¹ Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. С. 76.

² Там же. С. 79.

³ Коркунов Н. М. З. А. Горюшкин — российский законоискусник // ЖМЮ. 1895. № 7. С. 127.

И. Ф. Тимковский, — что его попытка написать обзор древних Русских узаконений была лучшею в нашей литературе до издания профессором Рейцем «Опыта истории Российских государственных и гражданских законов». Самое главное, однако, заключается в том, что Захар Аникеевич Горюшкин не заимствовал слепо чужие теории, чужеродные для русской общественной жизни, но старался создать собственную, более пригодную для русских условий правовую доктрину.

Михаил Андреевич Балугьянский

(1769—1847)

МИХАИЛ Андреевич Балугьянский родился 26 сентября 1769 года в деревне Вышня Ольшева (Felső—Olsva) близ местечка Токаик (Токая) Цемплинского комитата (округа) в семье бедного униатского священника. В то время эта территория входила в состав Австро-Венгрии. В наши дни она располагается в восточной части Словакии (в Прешовской области).

Дочь Балугьянского — в замужестве М. М. Медем — написала в своих воспоминаниях: «Есть основание предполагать, что по происхождению он славянин, а не венгерец, как он называл себя»¹. И действительно: мать Михаила Андреевича — Мария — до своего замужества носила славянскую фамилию Дубинская. В местности же, где родился и жил свои первые годы будущий российский правовед и государственный деятель, большинство населения составляли в то время украинцы-униаты.

До восьмилетнего возраста Михаил воспитывался дома. Первоначальное образование дал ему отец. В 1777 году мальчик был отправлен на учебу в гимназию католического Минорийского ордена «Паулинов», находившуюся в столице Цемплинского комитата гор. Шаторалауйхей. С отличием пройдя здесь трехлетний курс обучения, он поступил в 1780 году на философский факультет Венгерской Королевской Академии в гор. Кошау (ныне Кошице).

Учебная программа Академии предполагала изучение широкого круга классических дисциплин. Кроме них Балугьянский слушал здесь также лекции по законоведению. Сколько-нибудь больших познаний в юриспруденции Михаил Андреевич на этих лекциях приобрести, естественно, не мог, однако интерес к данной области человеческого знания они, судя по всему, у него пробудили. По окончании в 1787 году академического курса обучения (с отличии-

---

¹ *Медем М. М.* Мои воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 415.

ем) Балугьянский решил продолжить свое образование на юридическом факультете Венского университета.

Успехи в усвоении юридических наук позволили Михаилу Балугьянскому спустя два года (т. е. в 1789 г.) победить в конкурсе на замещение должности профессора кафедры «политических наук и куриального стиля» в только что учрежденной Гросс-Вардейнской Академии. В августе 1789 года тогдашний австрийский император, официально носивший титул главы «Священной Римской империи Германской нации», Иосиф II утвердил М. А. Балугьянского в указанной должности.

Наряду с курсом политических наук Михаил Андреевич читал в Гросс-Вардейнской Академии полицейское право, финансовое право, коммерцию и делопроизводство. Именно в этот период были заложены основы его поистине энциклопедических знаний, которыми он впоследствии выделялся в среде правоведов и государственных деятелей. Балугьянский знал пять европейских языков (английский, французский, немецкий, итальянский, мадьярский), свободно читал по-латыни. Благодаря своему необыкновенному трудолюбию и незаурядным умственным способностям он быстро выдвинулся в число известных европейских правоведов.

В 1796 году М. А. Балугьянский успешно защитил докторскую диссертацию и удостоился звания доктора прав. Вскоре после этого его пригласили на должность профессора в Пештский университет. В течение нескольких лет он вел в этом учебном заведении преподавание по кафедрам истории, статистики, прав публичного и народного, философии права. В 1802 году Балугьянский стал деканом юридического факультета Пештского университета. Казалось бы, жизнь молодого ученого складывалась удачно. Однако, по-видимому, не все в ней удовлетворяло его. Иначе как объяснить тот поворот в судьбе Балугьянского, который произошел в следующем, 1803 году.

С восшествием на российский престол императора Александра I в России развернулись административные реформы, которые, в свою очередь, стимулировали дальнейшее развитие системы образования¹. Одно за другим открывались новые учебные заведения, совершенствовались старые, уже существующие. Так, действовавшая в Санкт-Петербурге с 1786 года Учительская семинария была

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Статья первая // Законодательство. 2007. № 1. С. 85—90.

преобразована в 1803 году в Учительскую гимназию с учебной программой, приближенной к программе высшего учебного заведения. Ввиду недостатка в России квалифицированных преподавателей императором Александром было сочтено необходимым пригласить на должность профессоров в эту гимназию известных европейских ученых славянского происхождения. Выбор пал на правоведов В. Г. Кукольника, П. Д. Лодия и М. А. Балугьянского, чему в немалой степени поспособствовали рекомендации гоф-хирурга российского императорского двора И. С. Орлая, который сам происходил из австрийских славян и лично знал многих славянских ученых, работавших в австрийских университетах.

В феврале 1803 года Н. Н. Новосильцов, назначенный незадолго до этого попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, направил официальное приглашение названным профессорам прибыть в столицу Российской империи для работы на педагогическом поприще.

В своем письме к М. А. Балугьянскому И. С. Орлай писал: «Профессора в России имеют такие привилегии, как нигде в мире». Однако не только это обстоятельство склонило Михаила Андреевича к согласию принять приглашение Новосильцова. По свидетельству М. М. Медем, ее отец «желал познакомиться поближе со страной, о которой за границей в то время ходили чудовищные слухи и рассказы». Поэтому он принял приглашение лишь на три года, по истечении которых намеревался возвратиться назад. (Правда, Михаил Андреевич при этом знал, что австрийский император запретил ему возвращаться на родину в случае, если он поедет преподавать в Россию.)

1 августа 1803 года, после того, как в Санкт-Петербурге получили согласие Балугьянского переехать на работу в Россию, он был Высочайшим приказом определен на российскую государственную службу и назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии в Санкт-Петербургскую Учительскую гимназию¹. В январе 1804 года последняя была переименована в «Педагогический институт».

---

¹ В формулярный список М. А. Балугьянского была внесена следующая запись: «Вступил в Российскую службу ординарным профессором политических наук при С.-Петербургском Педагогическом институте. 1 августа 1803 г.» (РГИА. Фонд 1251. Оп. 1. Д. 212. Л. 2).

Сам же Балугьянский прибыл в Санкт-Петербург 4 февраля 1804 года. Высочайшим приказом от 18 апреля 1804 года ему был пожалован чин 7-го класса. 12 июня того же года его определили во 2-ю экспедицию Комиссии составления законов редактором по части государственного хозяйства и финансов. Так началась педагогическая и чиновничья деятельность Балугьянского в России.

«По прошествии трех лет, — вспоминала М. М. Медем о своем отце, — его деятельность оказалась настолько значительной и полезной, что его просили продолжить пребывание в России еще на три года, потом еще на три, и так далее. Одним словом, он откладывал свой отъезд с года на год; а между тем его связь с Россией все росла и росла, так что в конце концов он настолько сроднился с нею, что стал считать ее своим новым отечеством и остался в ней до конца жизни»¹.

7 марта 1809 года М. А. Балугьянский был назначен начальником 4-го отделения («публичного права и государственной экономии») Комиссии составления законов при Министерстве юстиции². Здесь он разрабатывал под руководством товарища министра юстиции М. М. Сперанского план и проект свода положений публичного права, проект реорганизации министерств, проект финансовых преобразований и др. Как впоследствии признавался сам Балугьянский, с 1809 по 1812 год он «употреблен был к собиранию сведений об устройстве министерств и других управлений в иностранных государствах». Кроме того, в течение семи лет, с 1804 по 1812 год Михаил Андреевич работал над проектом «Устава о гражданской службе», в котором предполагалось «гражданские чины соединить с должностью чиновником отправляемою, а не давать оных за выслугу лет и по личным отношениям».

С 1 января 1810 года по просьбе министра финансов графа Д. А. Гурьева Балугьянский стал вести разработку различных проектов и по его ведомству. В течение 2-х лет, вплоть до 1 февраля 1812 года, когда Балугьянского назначили членом 5-го отделения канцелярии Министерства финансов, он делал это не занимая по указанному министерству никаких должностей и не получая никакого жалованья. 7 июля 1817 года Балугьянский был назначен директором комиссии погашения государственных долгов при Ми-

¹ Медем М. М. Мои воспоминания. С. 416.

² Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. В 4-х томах. Т. 2. СПб., 2001. С. 90.

нистерстве финансов. Эту должность ему пришлось исполнять до 18 января 1829 года¹.

Большая часть из написанного Балугьянским по поручению министра финансов Д. А. Гурьева так и не увидела свет и впоследствии затерялась в архивах. Достоверно известно, однако, что Балугьянский составил для Гурьева три обширных исторических записки об эволюции финансовой администрации в России со времен Петра I до 1812 года, разработал проекты создания в России кредитных учреждений, банков и т. п., начертил финансовый план 1814 года². Однако самым главным трудом Балугьянского по Министерству финансов стала разработка проектов освобождения помещичьих крепостных крестьян, предложений по изменению статуса государственных крестьян, подготовку которых император Александр I возложил в 1818 году на министра финансов.

В течение 1818—1819 годов Балугьянский составил для графа Гурьева ряд записок по указанным проблемам. Так, в мае—июне 1818 года он написал «Замечания о плане, которому можно было бы следовать в деле о крестьянах», летом 1819 года — «Замечания на труды совершенные и те, которые остается еще совершить по законодательству о крестьянах», 25 декабря 1819 года им была закончена записка под названием «Замечания для его сиятельства министра финансов на труды относительно уложения о крестьянах». Кроме того, Балугьянский создал в это время обширный труд о крепостном праве, в котором рассмотрел законодательство о крестьянах в «главнейших европейских государствах» (Австрии, Англии, Дании, Пруссии, Франции), описал процесс закрепощения крестьян в России, проанализировал положение крепостных крестьян в начале XIX века и предложил способы постепенной ликвидации крепостного права в России.

Из записки М. А. Балугьянского к Д. А. Гурьеву от 25 декабря 1819 года можно заключить, что Михаил Андреевич начертил помимо прочего «общий план» крестьянского законодательства и управления крестьянами, а также «несколько глав уложения», специально предназначенного для регулирования крестьянского быта.

---

¹ Приведенные факты опровергают высказывание историка С. В. Мироненко о том, что Балугьянский никогда не служил в Министерстве финансов, в его книге «Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.» (М., 1989. С. 109).

² См. об этом: *Баранов П. И.* Михаил Андреевич Балугьянский. Статс-секретарь, сенатор, тайный советник. Биографический очерк. СПб., 1882. С. 13.

Крестьянским вопросом Балугьянский занимался и в Комитете, учрежденном для устройства быта лифляндских крестьян, где он был присутствующим с 1810 года.

С 20 апреля 1813-го по 1 июля 1817 года М. А. Балугьянский преподавал великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам курсы юридических наук — право естественное, публичное и народное. На его лекциях в царском дворце часто присутствовала мать великих князей императрица Мария Федоровна. Однажды ее сыновья опоздали на лекцию Балугьянского. Когда князья вошли, императрица, которая уже сидела в комнате для занятий, стала упрекать их за опоздание. Николай Павлович посмотрел на часы и сказал в оправдание, что они опоздали всего на пять минут. «Не забывайте, сын мой, — ответила на это Мария Федоровна, — что в пять минут можно лишиться империи».

23 декабря 1816 года Санкт-Петербургский Педагогический институт был переименован в «Главный Педагогический институт». Внутренняя организация и статус последнего были приближены к организации и статусу российского университета. 8 марта 1817 года Балугьянский стал деканом философско-юридического факультета Главного Педагогического института. 14 февраля 1819 года был учрежден Императорский Санкт-Петербургский университет. 26 марта 1819 года Михаил Андреевич был избран на должность декана философско-юридического факультета. Преподавание здесь он вел по кафедрам политической экономии, энциклопедии права.

4 октября 1819 года Балугьянский был избран Конференцией Санкт-Петербургского университета на должность ректора и с разрешения Комитета министров приступил к исполнению связанных с этой должностью обязанностей. 27 октября император Александр I утвердил его на посту ректора университета.

1819 год оказался весьма успешным для карьеры Балугьянского на российской государственной службе. 28 февраля он был произведен в действительные статские советники, то есть вошел в круг высших сановников империи. И среди последних он являлся, по общему признанию, одним из самых энергичных, самых работоспособных деятелей.

1 июля 1820 года Балугьянский был назначен, в дополнение к своей должности ректора, еще и исправляющим должность директора Санкт-Петербургского университета. Это был знак высочайшего доверия верховной власти к сановнику иностранного проис-

хождения. В отличие от ректора, ведавшего учебными и научными делами, в функции директора входил «главный и ближайший надзор за всеми внутренними делами университета» и он являлся помощником попечителя учебного округа.

Однако совмещение двух должностей быстро перестало удовлетворять Балугьянского, и он отказался от поста директора. С 15 сентября 1820 года Михаил Андреевич снова был только ректором и преподавателем.

В течение первых двух десятилетий своего пребывания в России Балугьянский совмещал свою чиновную службу с педагогической деятельностью. Однако с возрастом сил у него становилось все меньше, появлялись все новые проблемы со здоровьем — необходимо было выбрать что-то одно. Обстоятельства сложились так, что Балугьянскому пришлось сделать выбор в пользу чиновной службы.

24 октября 1821 года Михаил Андреевич подал в отставку с поста ректора Санкт-Петербургского университета в знак протеста против обвинений, выдвинутых в отношении университетских профессоров исполнявшим обязанности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Руничем и Главным правлением училищ. Ведущие профессора Санкт-Петербургского университета (А. Куницын, К. Арсеньев, К. Галич, К. Герман и др.) обвинялись в том, что их лекции представляют «обдуманную систему неверия и правил разрушительных и зловредных в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и к благосостоянию всеобщему...». 31 октября прошение Балугьянского об отставке было удовлетворено, он остался, однако, в должности профессора университета, которую будет исполнять до 24 апреля 1824 года.

21 апреля 1822 года император Александр I назначил Балугьянского членом совета Комиссии составления законов, а 27 мая того же года определил его на должность заведующего делопроизводством указанного совета. На этом месте Михаил Андреевич пробыл до конца 1825 года. Он написал несколько записок о способах преобразования различных учреждений Российской империи, проектов законодательных актов. Среди последних — обширное положение о помещичьих людях, ссылаемых по воле помещиков в Сибирь на поселение.

Вечером 13 декабря 1825 года готовившийся вступить на следующий день на российский престол великий князь Николай Пав-

лович позвал Балугьянского к себе во дворец. Как вспоминал впоследствии Михаил Андреевич, в разговоре с ним будущий император Николай I сказал: «Я желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов». За этими словами российского самодержца последовали соответствующие действия. 31 января 1826 года Николай I упразднил своим высочайшим указом Комиссию составления законов и учредил вместо нее Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, на которое возложил в качестве основной задачи создание «Свода законов Российской империи».

4 апреля 1826 года М. А. Балугьянский был назначен начальником Второго отделения, но фактическим управляющим в нем стал М. М. Сперанский. Помимо работ по систематизации российского законодательства Второе отделение занималось также подготовкой правоведов.

28 января 1828 года Сперанский представил императору Николаю I доклад, в котором заявил, что «для установления на твердых основаниях правосудия в государстве нужны: 1) ясные и твердые законы и 2) знающие судьи и законоведцы». По его словам, обучение российскому законоведению в университетах России не могло иметь до сих пор успеха из-за недостатка учебных книг и учителей. Создание учебников по законоведению и подготовку преподавателей юридических наук для российских университетов он предлагал возложить на Второе отделение, которое выполнит свою задачу, если обеспечит каждый университет «двумя или хотя одним русским профессором прав»¹. М. А. Балугьянский являлся наряду со Сперанским одним из инициаторов организации при Втором отделении курсов подготовки правоведов. Именно ему, по-видимому, пришла впервые идея послать студентов, прошедших курс обучения юридическим наукам и успешно сдавших экзамены, в какой-нибудь ведущий заграничный университет. По свидетельству П. М. Майкова, изучавшего деятельность Второго отделения по документам Архива Государственного совета, «все самые существенные доклады по отправке студентов за границу подписаны Балугьянским и представлены им Сперанскому, одобrivшему все эти доклады»².

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Государственная власть и юриспруденция в России: уроки истории // Законодательство. 1998. № 2. С. 79–82.

² Выбран был Берлинский университет, где преподавал пользовавшийся большим авторитетом в России немецкий профессор Ф. К. Савиньи.

Работая во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Балугьянский принимал участие в деятельности специального комитета по разработке проектов государственных преобразований, названного по дате его учреждения Комитетом 6 декабря 1826 года. На заседании данного комитета, проходившего 16 декабря 1826 года, читалась, в частности, записка Балугьянского «О состоянии высших правительственных мест и средствах к лучшему их устройству». Кроме того, Михаил Андреевич подготовил специально для Комитета 6 декабря проект «Об учреждении управления в губерниях», а также ряд других проектов законодательных актов, как-то: План учреждения судебного Сена-та, проект судебного устройства, проект положения о выборах и др.

6 декабря 1828 года М. А. Балугьянский был произведен в тайные советники. 31 декабря 1839 года он был назначен присутствующим в Правительствующем Сенате.

С 1845 года здоровье Балугьянского стало быстро ухудшаться. С начала 1847 года он уже почти все время болел, практически полностью лишился зрения, стал плохо слышать. Но и в этом состоянии он продолжал, насколько позволяли силы, заниматься делами, давал консультации различным сановникам.

3 апреля 1847 года Михаил Андреевич Балугьянский скончался, сидя в кресле, в присутствии своего многочисленного семейства и некоторых сослуживцев. Похоронили его на монастырском кладбище Троицко-Сергиевой приморской пύстыни, расположенной недалеко от Санкт-Петербурга. На памятнике вырезали любимое его изречение: «Да будет воля Твоя!»

* * *

Несмотря на то, что М. А. Балугьянский играл весьма важные роли в системе управления Российской империи, входил в круг высших сановников, он остался малоизвестным государственным деятелем и человеком. По мнению М. М. Медем, «одна из причин этому лежит в странности или вернее оригинальности его характера. Сам он никогда не любил говорить о себе, не старался быть на виду и не выставлял себя вперед. Он не приготовил себе памятника и после себя не оставил ни мемуаров, ни писем, ни записок, которые бы указывали на его желание быть оцененным по заслугам в среде государственных деятелей. Тщеславие было ему незнакомо. Одно из любимых его изречений: “vanitas vanitatum” (“суета сует”) дока-

зывает это. Таким изречением он нередко останавливал даже пыры искренности близких ему людей, которые ценили его как человека, и когда о лести не могло быть и речи. Михаил Андреевич, по складу своего характера, был в полном смысле философ, по привычкам же и характеру — оригинал. Говорил он всегда прямо, без лукавства и лести, иногда даже — резко, поэтому разговор его не всегда был приятен собеседнику, хотя и весьма поучителен»¹.

Думается, главная причина, по которой о Балугьянском осталось мало сведений, заключается более в другом. Михаил Андреевич был не просто государственным деятелем, но государственным деятелем-ученым или, говоря современным языком, «экспертом». Он был человеком-тенью, то есть невидимым для постороннего глаза творцом различных записок, докладов, проектов законов и других подобных документов, которые представлялись императору от имени министров, председателей разнообразных комитетов и комиссий. Это не значит, что он совсем не выступал как самостоятельный деятель и не представлял документов для публичного обсуждения от своего собственного имени — бывало и такое. Однако чаще всего Балугьянский находился за спиной других сановников, которые, естественно, заслоняли его собой. К числу таких сановников относились, например, министр финансов граф Д. А. Гурьев, министр внутренних дел граф В. П. Кочубей, граф С. С. Уваров, граф К. В. Нессельроде и даже занимавший должности товарища министра юстиции и члена Государственного Совета по Департаменту законов М. М. Сперанский, сам славившийся умением писать изящным канцелярским стилем. Создание «Свода законов Российской империи» в исторической литературе принято считать заслугой главным образом Сперанского. Между тем в действительности немаловажную роль в этом грандиозном деле играл и Балугьянский. Не случайно император Николай I удостоил Михаила Андреевича за работу над «Сводом» наградой особого рода: 16 июня 1837 года Балугьянский был возведен в потомственное дворянство и при утверждении его дворянского герба государь собственноручно внес в центральную его часть цифру XV, которая обозначала число томов «Свода законов Российской империи».

Впрочем, М. М. Сперанский всегда давал высокую оценку способностям Балугьянского и не скрывал его заслуг. В письме к

¹ *Медем М. М.* Мои воспоминания. С. 424—425.

В. П. Кочубею от 18 ноября 1809 года Михаил Михайлович следующим образом характеризовал своего коллегу: «Очень рад, что Вам понравились идеи Балугьянского. Это весьма хорошая голова, которую всегда можно употреблять с пользой для кабинетной работы перообразной».

Среди современных ему государственных деятелей и правоведов М. А. Балугьянский славился энциклопедичностью своих познаний. Граф К. В. Нессельроде, министр иностранных дел России в 1816—1856 годах, говорил о нем его дочери: «Ваш отец был кладзем знаний, и мы все из него черпали». В первую очередь именно за обширные познания в различных областях науки уважали Балугьянского сановники, регулярно с ним советовавшиеся по тем или иным вопросам. Именно как специалиста ценил Михаила Андреевича и Николай I. В 1839 году тогдашний Главноуправляющий Вторым отделением граф Д. Н. Блудов попытался убедить императора отправить Балугьянского в отставку, отстранив тем самым от всех государственных дел по той причине, что он якобы неспособен работать с прежней энергией. Николай I ответил на это: «Позвольте граф мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины».

Помимо юридических наук, финансов, коммерции, политической экономии, Балугьянский хорошо разбирался в архитектуре, живописи, музыке (сам он неплохо играл на флейте). Слабым его местом был русский язык, на котором он так и не научился писать в достаточной степени хорошо, поэтому часто писал на французском. Со Сперанским же он вел переписку и разговаривал чаще всего на латыни. К концу своей жизни Михаил Андреевич сумел, правда, освоить русский язык так, что мог вполне сносно и говорить и писать. В тридцатых годах Балугьянский принял российское подданство, и один из его сыновей (всего у него было два сына и семь (!) дочерей) смог поступить на военную службу. По вероисповеданию Михаил Андреевич был униатом, но за две недели до своей смерти перешел в православие — религию русского народа.

По складу своего характера Михаил Андреевич являлся человеком прямодушным, эмоциональным, часто несдержанным в проявлениях своих чувств, резким в разговоре. Он совершенно не умел льстить и не считал нужным скрывать свое истинное отношение к тем или иным общественным явлениям или людям, с которыми ему приходилось сталкиваться по службе. Склад ума у Балугьянского

был философским, созерцательным. И эта склонность его к теоретическому мышлению, оторванному от реалий жизни, гармонично сочеталась в нем с его крайней непрактичностью в быту, небрежением к своему внешнему облику, к одежде и т. п. Как истинный философ он был невероятно рассеянным человеком, о чем свидетельствует хотя бы следующий случай, произошедший с ним.

Однажды Балугьянский поехал с докладом к министру внутренних дел В. П. Кочубею. Завершив свои дела с ним и простившись, Михаил Андреевич вышел в переднюю и стал ждать, когда швейцар подаст ему плащ. К его великому удивлению, тот вместо плаща подал ему фрак. «Это что такое?» — спросил Балугьянский. «Ваше превосходительство изволили в этом приехать», — слышит он в ответ. «Не может быть!» — вскричал Балугьянский. Однако швейцар легко доказал ему, что так оно и было, то есть что Михаил Андреевич, собираясь к Кочубею, надел на себя, по рассеянности, два фрака — один на другой.

Предводитель эстляндского дворянства в 1830—1836 годах Родион Егорович Гринвальд встречался с Балугьянским в Санкт-Петербурге в июле 1836 года. «Это был дородный старик лет 70, с выразительной головой, густо покрытой седыми волосами, — писал он впоследствии в своих мемуарах. — Он был очень крепок на ухо и большую часть дня проводил в халате, не совершенно прикрывавшем его, сидя в кресле у стола, на котором валялись в крайнем беспорядке книги, газеты и бумаги; в этом кресле он читал, разговаривал со своими чиновниками или спал. Вставал он в 5 часов, от 11 до 3, а после обеда от 6 до 9 часов отдыхал он на этом самом кресле и затем уже бодро работал долго за полночь, так что для ночного сна оставалось у него очень не много времени».

На педагогическом поприще М. А. Балугьянский так же выделялся своими незаурядными качествами, как и на любом другом, где пробовал свои силы. По воспоминаниям бывших его студентов, он был «преподаватель одушевленный и увлекательный, с знаниями обширными и разнородными». Студент, а впоследствии и профессор Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко вспоминал: «Балугьянский, например, преподавал естественное право и политическую экономию как ученый основательно знакомый с историческим ходом и современными требованиями науки. Причем, это был человек с обширными знаниями соединявший способность одушевлять своих слушателей, и их природное располо-

жение и склонность к знанию возводить на степень живой веры в науку и любви к истине».

Сохранился, однако, и несколько иной отзыв о педагогических качествах Балугьянского. Принадлежит он его августейшему ученику императору Николаю I. «Я помню как нас мучили два человека, очень добрые, может статься, и очень ученые, но оба несноснейшие педанты: покойный Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и бог знает каких еще законах... И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственно их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что вдобавку, без плода и пользы для будущего». Данное мнение Николая I о Балугьянском как о педагоге не мешало ему, впрочем, высоко ценить Михаила Андреевича как государственного деятеля, как специалиста по различным вопросам государственного управления.

По мировоззрению своему М. А. Балугьянский был консерватором. Однако есть основания считать, что в молодости своей он отдал, как и многие тогдашние европейские интеллектуалы, дань либерализму и идее революции. По некоторым дошедшим до нас сведениям, во время работы в качестве преподавателя Гросс-Вардейнской Академии он входил в состав руководства тайной революционной организации под названием «Общество свободы и равенства». Но действовала эта организация недолго: учрежденная в апреле 1794 года, она уже к концу того же года была раскрыта официальными властями и ликвидирована. Руководители ее были арестованы, некоторых по приговору суда казнили. Подвергался аресту и Балугьянский, но из-за недостатка серьезных улик был в марте 1795 года выпущен на свободу.

Студент Рождественский, слушавший лекции Балугьянского по политической экономии, записал некоторые высказывания Михаила Андреевича, характеризующие его мировоззрение. «Введение собственности есть причина введения верховной власти; сильный и богатый делается царем, слабый и бедный — подданным». Говоря о власти римского папы в средние века, Балугьянский заявлял: «Всякая власть подвержена злоупотреблениям». Объясняя же быстрый рост численности населения Англии, подчеркивал: «Этому причина конституция, хорошие законы, обеспечение права всех».

В последние месяцы своей жизни, сознавая приближение смерти, Балугьянский собирался привести в порядок свои рукописи,

сочинения по политической экономии, финансам, юридическим наукам (писанные большей частью на французском и немецком языках), но так и не собрался. Многие из того, что написал этот человек, осталось поэтому неизвестным, осело в архивах различных сановников, министров, по поручениям которых он составлял те или иные записки.

Наиболее значительными среди опубликованных трудов Балугьянского являются два его трактата, вышедших в свет в 1806—1808 годах в «Статистическом журнале» Карла Германа. Первый — под названием «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем»¹. Второй — «О разделении и обороте богатства»². Автор обоих этих сочинений обозначался в журнале как Михаил Балудянский.

Некоторые из составленных Балугьянским проектов государственных преобразований, а также кое-какие замечания и записки его по отдельным вопросам реформы государственного управления России были опубликованы в «Сборнике Императорского Русского Исторического Общества» в 1891-м³ и в 1894 годах⁴.

В работе «Национальное богатство» Балугьянский подверг анализу три хозяйственные системы, воплощавшие собой экономику современного ему человеческого общества. По его словам, первая является так называемой «коммерческой системой», то есть системой, основанной на торговле и полагающей богатство народа в деньгах. Вторая — «система экономистов или физиократов», усматри-

---

¹ См.: Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем Михаила Балудянского, доктора прав, профессора политической экономии при Санкт-Петербургском Императорском Педагогическом Институте, Редактора при Комиссии о составлении законов по части политической экономии и финансов // Статистический журнал. СПб., 1806. Том первый. Часть первая. С. 45—71. Часть вторая. С. 33—70. Том второй. Часть первая. СПб., 1808. С. 1—35.

² О разделении и обороте богатства. Сочинение [Господина] Балудянского // Статистический журнал. Том второй. Часть вторая. СПб., 1808. С. 1—26.

³ См.: Балугьянский М. А. План (1827 г.) учреждения судебного Сената (с кассационной властью) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1891. Т. 74. С. 91—134.

⁴ Балугьянский М. А. Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1894. Т. 90. С. 27—38; *его же*. Рассуждение об учреждении губерний // Там же. С. 214—265; *его же*. Черты судебного устройства (проект преобразования 1828 г. // Там же. С. 265—274; *его же*. Замечания на проект закона о состояниях // Там же. С. 580—588.

вающая главное богатство в «необработанных произведениях земли». Третья — «теория Адама Смита, основанная на труде и мене». Каждой из названных хозяйственных систем соответствуют, по мнению Балугьянского, определенный политический режим и правовой порядок, определенный способ государственного регулирования экономическими процессами.

По словам Балугьянского, «система, основанная на торговле, стоит непоколебимо, и толико сопряжена с управлением и со всеми делами Европейских держав, что ни одна система никогда еще столько не участвовала в делах толико просвещенных народов»¹. Важнейшую роль при данной системе играют городские жители. «Пропитание и умножение сих жителей должны облегчаемы быть преимущественно пред всеми другими, поелику все прочие классы граждан в отношении к ним почитаются токмо средством к достижению. Следовательно, когда деятельности производительного класса иначе споспешествовать нельзя, как токмо посредством уменьшения или угнетения одного из бесплодных или тех классов народа, кои менее добывают денег, то без всякой сумнительности должно сие, сколько возможно, произвести в действо»².

Государство в условиях коммерческой системы должно взять на себя управление «общею промышленностью народа». «Как отец семейства в оном каждом назначает свое упражнение, так и государство должно предписывать каждому гражданину, каким родом промышленности обязан он заниматься. Гражданин должен упражняться не в тех промыслах, от коих он получает более прибыли, но в тех, которые приносят более государству пользы. Главная же польза государства состоит в том, чтобы в оное стекались деньги. Следовательно, художества, земледелие, мануфактуры и даже торговля не могут продолжать естественного своего течения, но прозорливость верховного правительства искусным образом должна направлять их оборот»³.

Коммерческая система предполагает, что важнейшую часть промышленности составляют фабрики и мануфактуры, производящие товары для внешней торговли. Именно они должны быть, по

---

¹ Балугьянский М. А. Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем // Статистический журнал. СПб., 1806. Том первый. Часть первая. С. 49.

² Там же. С. 53—54.

³ Там же. С. 54—55.

логике этой системы, «главным предметом попечительности правительства». По мнению Балугьянского, хозяйственная система, основанная на торговле, диктует государству и определенное поведение на международной арене, во взаимоотношениях с другими государствами. Превращение в какой-либо стране внешней торговли в основной источник доходов неизбежно заставляет государственную власть стремиться к достижению господства своей страны над другими. «Государство, нераспространяющее монополии своей делается бедным. Токмо сие должно принять во уважение при выборе средств: что выгодно, то и справедливо. Для того должно поработать все народы, содержать их в зависимости, и есть ли сохранение монополии того требует, возжечь всеобщую войну, дабы при заключении мира приобрести на краткое время монополию»¹.

Система физиократов или экономистов, отмечал Балугьянский, предполагает «неограниченную свободу во всех родах промышленности и труда». С точки зрения экономистов, каждый человек лучше знает, что для него полезнее. Однако польза каждого человека не должна противоречить пользе государственной, ибо общее благо есть не что иное, как сумма всех частных благ. «Употребление собственности должно быть совершенно свободно; ни способ приобретения, ни законы, ни предписания, ни запрещения не должны в том препятствовать. Пределами производящей деятельности можно положить только пользу и вред ближнего. Правительство не может определить первой, а последний определяется законами гражданскими и уголовными»². Отсюда заключительный вывод о том, что в интересах рассматриваемой хозяйственной системы должно водворить в обществе «*совершенное правосудие, совершенную свободу и совершенное равенство*»³.

Вывод, сделанный Балугьянским во второй его работе из «Статистического журнала» — «О разделении и обороте богатства», — позволяет понять, что симпатии его были явно не на стороне коммерческой системы. «Итак, из всех государственных забот, — писал он, — попечение о содержании и умножении денег есть самое ненужное. Золото и серебро, так как и другие товары, покупаются

¹ Балугьянский М. А. Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем // Статистический журнал. СПб., 1806. Том первый. Часть первая. С. 69.

² Там же. Часть вторая. С. 62.

³ Там же. С. 70.

за известную цену. Когда государство изобилует товарами, то в сих металлах оно будет чувствовать гораздо меньший недостаток, нежели в иностранных винах... Хорошая проба и свобода торговли без вмешательства правления составляют, кажется, всю политику о деньгах»¹.

Опубликованные проекты государственных преобразований, различные заметки и записки, принадлежащие перу Балугьянского, показывают, что он был сторонником монархического правления. Главную причину и источник деспотизма государственной власти он видел не в монархе, а в чиновничестве. «В нашем веке где деспотизм? В царях? Взглянем на европейских государей! Где деспотизм? Он есть в управляющих местах и лицах действующих с совершенно неопределенною властью в замешательстве порядка в производстве дел»². По мысли Балугьянского, «произвол и деспотизм всех чиновников от министра до последнего» может быть ограничен только с помощью режима законности и принципа разделения властей. «В государстве все зависит от учреждения законов, ибо отступление дел от законного их пути, управление чрез особенных комиссий, мимо законных установлений, вело всегда государство в расстройство и ум подданных в замешательство»³.

Принцип разделения властей Балугьянский понимал не в смысле отделения последних одна от другой. «Верховная власть есть одна и неразделима», — подчеркивал он и далее пояснял: «Для производства дел учреждаются места для законодательства, исполнения и судопроизводства. В сем состоит так называемое разделение власти верховной на законодательную, исполнительную и судебную; полагать их одну от другой в совершенной независимости было бы разрушить государство, как сие доказывают несчастные примеры наших времен»⁴. Разделение власти Балугьянский понимал, таким образом, как разделение властных функций или полномочий.

Особенно большое значение Балугьянский придавал в своих проектах государственных реформ отделению судебной власти от правительственной, исполнительной. По его словам, «необходи-

¹ Балугьянский М. А. О разделении и обороте богатства // Статистический журнал. Том второй. Часть вторая. СПб., 1808. С. 25.

² Балугьянский М. А. Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России. С. 33.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

мость отделения судных дел от правительственных не подлежит в нашем веке никакому сомнению. Всякий чувствует, что там, где правительственная власть (губернатор) может дать повеления судьям судить то или другое, пересматривать их приговоры, остановить исполнение, там не закон царствует, а произвол»¹. Судебную власть Михаил Андреевич ставил на второе место в государстве после законодательной.

Как уже отмечалось, в 1818—1819 годах М. А. Балугьянский работал над проектом освобождения крепостных крестьян. Записки, написанные им по вопросам крестьянской реформы, ясно показывают, что на существовавшие в России социальные, политические и правовые порядки Михаил Андреевич смотрел главным образом через призму социального, политического и правового устройства Западной Европы. И способы решения российских проблем стремился найти прежде всего в истории западноевропейских стран. Не случайно, что в качестве первого шага при разработке проекта ликвидации в России крепостного права Балугьянский предлагал изучение законодательства о крестьянах в основных западноевропейских странах от момента падения Римской империи до начала XIX века.

По мнению Балугьянского, отмена крепостного права должна была устранить главное препятствие «к распространению промышленности» в России. Однако, несмотря на важность этой меры, действовать здесь необходимо было предельно осторожно. Балугьянский предлагал в целях сохранения общественной стабильности освобождать крестьян не общим законом, объявляющим их свободными от крепостной зависимости, а таким путем, при котором хотя и «не будет речи о свободе крестьян», но «она установится сама собою». Смысл проекта Балугьянского заключался в том, чтобы законодательно установить в России пять новых форм взаимоотношений помещиков с крестьянами, обязав первых с учетом мнения вторых избрать какую-либо из этих форм. Так, по мысли Балугьянского, отношения помещиков с крестьянами могли строиться на условиях: 1) потомственного содержания, 2) пользования землей пожизненного или в течение определенного числа лет, 3) содержания по найму, 4) владения землей, 5) передачи земли в общественную собственность. «Собственники могут отдавать крестья-

---

¹ Балугьянский М. А. Рассуждение об учреждении губерний. С. 228.

нам свои земли тем или другим из этих способов, по произволу, — пояснял Балугьянский. — Они сами изберут крестьян, которым пожелают оказать это особенное доверие, или же те, которые пользуются землею в настоящее время, приобретут право законного пользования». По его словам, в результате проведения данной реформы российские крестьяне «останутся в тех отношениях к своим помещикам, в каких они находятся теперь в Англии, Австрии и в других местностях».

Позднее, уже в царствование Николая I (в 1839 г.), Балугьянский высказывал другие предложения по осуществлению крестьянской реформы. В частности, он предлагал начать освобождение помещичьих крестьян от крепостного права с нового устройства казенных крестьян. «Дать сим соразмерное их званию гражданское состояние, превратить общую собственность земли в право частного пользования или в фермы — единственное средство улучшения земледелия; допустить казенным поселянам право на договоры, учредить управление волостей и сел, устройство сельских судов и полицию, учреждение казенное и хозяйственное»¹. По мнению Балугьянского, новое устройство казенных крестьян могло бы «служить примером устройства помещичьих крестьян. Два или три шага с осторожностью и сохранением прав собственности владельцев, крестьяне помещичьи могли бы не в долгом времени приведены быть в подобное, да и гораздо лучшее состояние»².

Взгляды Балугьянского на те или иные вопросы социально-политического и правового устройства России претерпевали, таким образом, с течением времени определенную эволюцию. Однако общий их характер оставался неизменным — умозрительный, оторванный от реалий российской общественной жизни. Умозрительность была свойственна, впрочем, не только политико-правовым концепциям Балугьянского. Это было общее свойство почти всех российских государственных деятелей и правоведов, воспитанных в духе западноевропейских философских, политических и правовых доктрин.

---

¹ Балугьянский М. А. Замечания на проект закона о состояниях // Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1894. Т. 90. С. 587.

² Там же.

Михаил Михайлович Сперанский

(1772—1839)

МИХАИЛ Михайлович Сперанский широко известен главным образом в качестве выдающегося государственного деятеля, реформатора, автора целого ряда проектов государственных преобразований, организатора работ по созданию «Полного собрания...» и «Свода законов Российской империи»¹. Между тем он был также глубоким и оригинальным мыслителем и оставил после себя множество трактатов, записок и заметок на философские, религиозные, политические и правовые темы.

Работы по юриспруденции составляют, пожалуй, наиболее значительную часть его научного наследия. Так, в личном архивном фонде М. М. Сперанского (№ 731), который находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки² в С.-Петербурге, насчитывается около тысячи (!) произведений и просто заметок по различным проблемам правоведения. Большая их часть осталась неопубликованной. Из опубликованных же трудов М. М. Сперанского по юриспруденции следует выделить такие его работы, как «Руководство к познанию законов» (СПб., 1845)³, «Обозрение исторических сведений о своде законов» (СПб., 1833, 1837)⁴, «О законах» (Сборник Императорского Русского исторического обще-

---

¹ См. о жизни и государственной деятельности М. М. Сперанского: *Томсинов В. А.* Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

² Прежде она именовалась «Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина».

³ В 1992 г. произведение «Руководство к познанию законов» было перепечатано в журнале «Русский архив» (№ 2. С. 99—139). В 2002 г. его текст был опубликован в сборнике трудов М. М. Сперанского, вышедшем в издательстве «Наука» в Санкт-Петербурге (отв. ред. И. Д. Осипов). Данный сборник был назван почему-то и весьма неудачно названием именно этого произведения.

⁴ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 126—175.

ства. СПб., 1881. Т. 30. С. 323—491), «О системе законов вообще»¹, «О праве вообще»², «О праве личном»³, «О законах гражданских»⁴, «О системе законов собственности»⁵, «О собственности»⁶, «Об охрании»⁷.

В книгах и статьях, посвященных творчеству М. М. Сперанского, его произведения рассматриваются преимущественно как выражение тех или иных политико-правовых идей. В нем видят более идеолога, чем правоведа. Юридическое наследие М. М. Сперанского, по сути, еще не изучалось в качестве *научного* наследия. Цель настоящего очерка весьма скромная: я хотел бы только представить Сперанского в том качестве, в котором он почти неизвестен, — в качестве ученого-правоведа. Моя книга «Сперанский», вышедшая в свет в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей», избавляет меня от необходимости давать в этом очерке какое-либо описание его жизни. Да и признаться, краткое жизнеописание Сперанского, которое я счел бы заслуживающим публикации, после этой книги о нем мне было бы трудно написать.

* * *

Как известно, М. М. Сперанский не являлся правоведом по своему образованию. Он учился в духовных учебных заведениях (семинарии и академии), в которых слушателям давались из юридических наук познания только в области церковного права. Знание теории права, действующего российского законодательства, истории русского права, сведения об иностранном законодательстве, навыки юридического мышления и т. п. Сперанский приобрел в процессе практической деятельности в органах государственного управления, а также посредством самообразования.

Первые четыре года своей гражданской службы (со 2 января 1797 г. до 19 марта 1801 г.) Сперанский провел в канцелярии Гене-

¹ Мысли графа М. М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1858. С. 3—8.

² Там же. С. 9—11. См. современную публикацию этой заметки: *Сперанский М. М.* Философские размышления о праве и государстве // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 194—196.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 12—14.

⁵ Там же. С. 14—16. См. также: *Сперанский М. М.* Философские размышления о праве и государстве.

⁶ Там же. С. 17—19.

⁷ Там же. С. 19—20.

рал-прокурора. Затем полтора года работал в канцелярии так называемого «Непременного совета» — совещательного органа, созданного императором Александром I. В сентябре 1802 года Сперанский был определен в только что созданное Министерство внутренних дел. В конце 1808 года он оказался в Министерстве юстиции (на должности товарища министра). С 1 января 1810 года и до 17 марта 1812 года Сперанский состоял в должности государственного секретаря Государственного совета. Кроме того, с декабря 1808 года он был присутствующим, а фактически управляющим Комиссией составления законов.

Все вышеуказанные учреждения, в рамках которых протекала служба Сперанского, были так или иначе связаны с разработкой проектов законодательных актов. И Михаил Михайлович, как правило, выступал в качестве главного их творца.

Особенно интенсивной законотворческой деятельностью М. М. Сперанского была в первые десятилетия царствований Александра I и Николая I. Этот факт хорошо известен, и о нем сообщается во всех биографических работах о Сперанском. Но почти неизвестно и не упоминается в исторической литературе о том, что он был творцом многих законопроектов и при Павле I — в начальный период своей государственной деятельности.

В царствование Николая I Сперанский занимался составлением «Полного собрания...» и «Свода законов Российской империи». С целью избежания ошибок чиновники работали непосредственно с подлинными экземплярами высочайших указов, которые специально были приносимы из Сената. С ними тщательно сверяли тексты списанных с указов копий. Г. Н. Александров, который вместе с другими чиновниками Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии выполнял эту рутинную работу, вспоминал впоследствии, как однажды, когда он сверял списанные с указов копии, мимо него проходил Сперанский: «Передо мною лежала большая, в сафьяновом переплете с золотым обрезом, книга именных высочайших указов за подписью императора Павла Петровича. Указ, с которым поверялась списанная с него копия, был написан четким, довольно прямым, твердым и чистым почерком. Сперанский, обратив на этот указ внимание, остановился подле меня и, обратясь ко всем бывшим в комнате чиновникам, сказал, как будто удивленный неожиданностью: «Ах, это мой почерк, этот указ писан мною». Потом, посмотрев с любопытством

указ, он сказал следующие, думаю, знаменательные слова: «Да, это было самое трудное время из всей моей службы, когда я находился в кабинете Его Величества Павла Петровича; известен его характер, скорый, живой и строгий. Бывало Государь придет, призовет меня и даст на словах повеления написать к назначенному часу десять, пятнадцать и даже более разнородных повелений и указов Сенату. Сочинять и отдавать переписывать эти повеления и указы решительно было некогда; а потому я их всегда сам писал, прямо на бело»¹.

О том, что Сперанского уже во время правления императора Павла часто привлекали к написанию текстов государевых указов, свидетельствовал в своих мемуарах и Иван Иванович Дмитриев. «При восшествии на престол императора Павла, — сообщал он, — князь Куракин, получа звание генерал-прокурора, принял Сперанского в гражданскую службу и определил в свою канцелярию. С того времени начали развиваться способности его к письмоводству. Проекты манифестов, указов, учреждений, докладные записки — все это поручаемо было сочинять только Сперанскому, ибо никто в канцелярии не имел более образованности и не писал лучше его. С переменою министров не переменялось счастье его по службе. Он был нужен равно всем генерал-прокурорам. Каждый награждал труды его»².

Годы спустя Сперанский расскажет о весьма примечательном случае, который произошел с ним в то время, когда генерал-прокурором был П. Х. Оболянинов: «При нем раз угодно было государю приказать в две недели сочинить коммерческий устав; для того набрали с биржи сорок купцов и всех их, вместе со мною, заперли в Гатчине. Угощали прекрасно, позволили гулять по саду, и между тем требовали, чтоб проект был готов на срок; но что могли сделать купцы, не имевшие никогда в помысле сочинять законы, да и пишутся ли законы целыми обществами. Дни однако ж проходили, а не выполнить волю государя и подумать было невозможно. Сам я тоже не был законник, понятия не имел о делах и пользах коммерческих, но был молод, перо было гибко — кому же иному приняться за дело? Вот я потолковал то с тем, то с другим купцом, и к сроку устав был готов. Одно в нем не понравилось: почему в статьях к

¹ См.: Александров Г. Н. Мои воспоминания о Сперанском // Русский архив. 1904. Кн. 3. № 11. С. 374—375.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 197.

титулу Императорского Величества не приобщено местоимения «Его»? Обольянинов, не зная, что отвечать государю, налетел ко мне с бешеным выговором; но я доказал ему, что тут нет ошибки. Объяснение мое уважили, однако ж местоимение велели везде вставить по старому обычаю»¹. Сперанский и после такого случая все равно продолжал писать словосочетание «императорское величество» без местоимения «его». Этому правилу он следовал впоследствии и во время своей работы во втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии над «Сводом законов Российской империи». «Законы, — объяснял он редакторам «Свода...», — пишутся не на одно царствование, а на престоле может быть и лицо женского пола; притом *Величество* разумеется здесь отвлеченно, не как человек, а как *власть*»².

Будучи в 1819—1821 годах генерал-губернатором Сибири, Сперанский активно занимался разработкой законов, предназначенных для регулирования различных сфер общественной жизни этого обширнейшего региона Российской империи. В частности, Михаил Михайлович был автором таких законодательных актов, как «Учреждения для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении сибирских инородцев», «Уставы о ссыльных и об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях в Сибири» и др.

---

¹ Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 64. Н. И. Греч привел в своих «Записках» другую версию истории написания проекта коммерческого устава. По его словам, «однажды, во время пребывания двора в Гатчине, генерал-прокурор (Петр Хрисанфович Обольянинов), воротясь от императора с докладом, объявил директору своей канцелярии Павлу Христиановичу Безаку, что государь скучает, за невозможностью маневрировать в дурную осеннюю погоду, и желал бы иметь какое-либо занятие по делам гражданским. «Чтоб было завтра!» — прибавил Обольянинов строгим голосом. Положительный Безак не знал, что делать, пришел в канцелярию и сообщил свое горе Сперанскому. Этот тотчас нашел средство помочь беде. «Нет ли здесь какой-нибудь библиотеки?» — спросил он у одного придворного служителя. «Есть, сударь, какая-то куча книг на чердаке, оставшихся еще после светлейшего князя Григория Григорьевича Орлова». «Веди меня туда!» — сказал Сперанский, отыскал на чердаке какие-то старые французские книги и в остальной день и в следующую ночь написал набело: «Коммерческий устав Российской Империи». Обольянинов прочитал его императору. Павел подмахнул: «Быть по сему», и наградил всю канцелярию. Разумеется, что этот устав не был приведен в действие, даже не был опубликован. Обнародовали только присоединенный к нему штат Коммерц-коллегии (15 сент. 1800 г.)» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 51).

² Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 65.

В последний период своей жизни, пришедшийся на правление императора Николая I, Сперанский был занят почти исключительно законодательными работами. В качестве фактического управляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹ он руководил трудами по составлению «Полного собрания...» и «Свода законов Российской империи». В рамках же так называемого «Комитета 6 декабря», созданного в 1826 году императором Николаем I для «усовершенствования посредством некоторых частных перемен и дополнений» российской системы управления, Сперанский занимался разработкой проектов законодательных актов, касающихся городской, уездной и губернской администрации, статуса сословий, промышленности и транспорта, сельского хозяйства и т.д.

Будучи юристом-практиком, Сперанский тем не менее придавал большое значение теоретической юриспруденции. Знание основ последней он считал обязательным для каждого чиновника, занимающего должности в государственном управлении Российской империи. Михаил Михайлович был автором проекта высочайшего указа Сенату от 6 августа 1809 года, устанавливавшего новые правила производства в чины по гражданской службе. В его заключительной части приводилась программа экзаменов для чиновников, представлявшихся в чин коллежского асессора и выше — вплоть до чина статского советника. Они должны были показать знания не только «в науках словесных», то есть в русском и каком-либо иностранном языках, но и в правоведении. От чиновников, желавших расти по службе, требовались основательные знания «права естественного, права римского и права частного гражданского, с приложением сего последнего к российскому законодательству», а также «сведения в некоторых нужнейших частях права общего, как то: экономии государственной и законов уголовных».

Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, созданное прежде всего для завершения работ по систематизации российского законодательства, М. М. Сперанский превратил с помощью М. А. Балугьянского также в элитное учебное заведение по подготовке профессоров для университетов России. 28 января 1828 года он представил императору Николаю I

---

¹ Официально никакой должности в Отделении Сперанский не занимал. Начальником же Второго отделения был М. А. Балугьянский.

следующий доклад: «Для установления на твердых основаниях правосудия в государстве нужны: 1) ясные и твердые законы и 2) знающие судьи и законоведцы. Меры, с 1826 года принятые, представляют основательную надежду в совершении первого из сих двух предположений: нужно помыслить о втором. Обучение Российскому законоведению в университетах наших доселе не могло иметь успеха по двум причинам: 1) по недостатку учебных книг; 2) по недостатку учителей. Две учебные книги: одну для учителей, другую для учащихся, необходимо должно составить. Труд сей немаловажен, но составлением сводов и уложений он будет облегчен, и есть надежда, что во 2-м Отделении он может быть совершен. Приготовление учителей представляет более трудности. Здесь должно начать почти с самого первого образования. Должно сперва снабдить каждый университет двумя или хотя одним русским профессором прав, приуроченным исключительно для сей части. К сему приурочению университеты наши мало представляют способов. В них есть кафедры римского права; но в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах это пустой обряд; ибо как учиться римскому праву без латинского языка? В других университетах, может быть, более успехов: в Дерпте — в правах римском и немецком, в Вильне — в римском и польском; но, к сожалению, нигде в российском».

Для исправления сложившегося плачевного положения в области юридического образования Сперанский предлагал прибегнуть к довольно необычным мерам: из духовных академий — Санкт-Петербургской и Московской — «заимствовать по три студента по дарованиям и поведению лучших и вполне окончивших курс», поместить их в Санкт-Петербургский университет с тем, чтобы они прослушали здесь курсы римского права и латинской словесности «с особенным приспособлением ее к юридическим познаниям». При этом организовать при 2-м отделении обучение их публичному и гражданскому российскому праву, чтение лучших юридических книг под руководством Балугьянского и практические упражнения под надзором сотрудников Отделения А. П. Куницына и М. А. Корфа. В докладе выражалась надежда, что после трех лет такого обучения избранные студенты выдержат строгий экзамен и будут в состоянии «давать уроки как публичного, так и частного права, по крайней мере в двух первых университетах, Московском и С.-Петербургском». «Таким образом положено будет твердое начало юридическому в России образованию, и судя по охоте к сему роду учения,

в молодых людях приметной, можно надеяться, что оно скоро распространится и перестанет быть редким».

Император Николай I одобрил меры по развитию юридического образования в России, предложенные в докладе Сперанского, и распорядился выделить необходимые денежные суммы. Осуществление их на практике позволило подготовить для юридических факультетов российских университетов целую плеяду квалифицированных профессоров, докторов права¹. Например, Московский университет получил в качестве преподавателей-правоведов: П. Г. Редкина, Н. И. Крылова, С. И. Баршева.

Таким образом, благодаря усилиям Сперанского были созданы предпосылки для более быстрого развития в России отечественной научной юриспруденции.

Особенно большое значение Сперанский придавал теоретическим знаниям о праве при систематизации действующего законодательства. «Опытность практического познания законов есть первая потребность в делопроизводстве, — отмечал он. — В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и без теории обойтись может. Но когда дело настоит о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностию соединенная»².

«Свод законов Российской империи», рассматривающийся в историко-правовой литературе исключительно как правовой памятник, был одновременно и произведением теоретической юридической мысли. В основание «Свода» были положены теоретические юридические конструкции, разработанные Сперанским. Именно они скрепляли многочисленные и разрозненные законодательные акты в единую систему, именно они выявляли сущность правовых институтов, сокрытую в массе конкретного правового материала.

* * *

Главной идеей, пронизывавшей все творчество М. М. Сперанского, была идея законности. Суть своего плана всеобъемлющих

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Государственная власть и юриспруденция в России: уроки истории // Законодательство. 1998. № 2. С. 79—82.

² Там же.

государственных реформ или, как он сам его называл, «плана всеобщего государственного образования» Михаил Михайлович видел в придании деятельности государственных органов законной формы. «Весь разум сего плана, — писал он в 1813 году императору Александру I, — состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы»¹. И действительно, во «Введении к Уложению государственных законов», представленном Его Величеству в 1809 году, Сперанский открыто декларировал: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе»².

М. М. Сперанский считал закон подлинным источником силы любого правительства. «Сила правительства, — отмечал он в записке, читанной им императору Александру 3 декабря 1811 года³, — состоит в точном подчинении всех моральных и физических сил одному движущему верховному началу власти и в самом деятельном и единообразном исполнении всех ее определений... Первый источник силы правительства суть законы. Если законы так устроены, что они оставляют правительству довольно власти, чтоб действовать всегда во благо, а в случаях нужды принимать даже скорые и сильные меры: то правительство будет иметь в законах истинную силу. Но власть должно различать от самовластия. Власть дает силу правительству, а самовластие ее разрушает, ибо самовластие даже и тогда, когда оно поступает справедливо, имеет вид притеснения и, следовательно, действует без доверия и всегда принужденно. Из сего следует, что правильное законодательство дает более истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластие. В Англии закон дает правительству власть, и потому оно может быть там сильно; в Турции закон дает правительству самовластие, и потому оно там всегда должно быть слабо. Известно, что в России власть правительства в законе не ограничена; а потому ис-

¹ Сперанский М. М. Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // Русский архив. 1892. Кн. 1. № 1. С. 52.

² Сперанский М. М. Введение к Уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования) // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 350.

³ Эта дата надписана рукою Сперанского на оригинале записки («читано Его И. В-ву декабря 3-го дня 1811 года»).

тинная сила правительства в сем отношении всегда у нас была весьма слаба и пребудет таковою, доколе закон не установит ее в истинных ее отношениях»¹.

По мнению Сперанского, действовать на основе права означает для правительства действовать при поддержке населения. «В понятии права, — подчеркивал он, — всегда есть понятие обоюдного согласия и доброй воли». Сперанский отмечал, что в русском общественном сознании понятие права тесно связано с понятием власти. «Право иногда употребляется в смысле закона (objective), а иногда в смысле власти (subjective)»², — писал он в одной из своих заметок и при этом отмечал, что употребление данного слова в первом смысле русскому языку несвойственно. В русском языке «слово *право* происходит от слова *править*». Право, однако, следует различать от действительной власти, считал Сперанский, право заключается, по его мнению, лишь «в одной способности или возможности иметь власть»³.

Вместе с тем М. М. Сперанский проводил строгое различие между понятиями «права» и «закона». «Право, — писал он, — есть следствие закона и законом определяется. Если закон называть правом, то право (subjective) будет определяемо правом (objective), — смешение и в других языках весьма примечательное, но от привычки и употребления менее приметное»⁴. В другом месте Сперанский высказывался по этому поводу еще яснее: право (jus) есть род, а закон — его вид.

В своих записках и заметках М. М. Сперанский не ограничивался рассмотрением теоретических проблем правоведения, то есть вопросов сущности и назначения права и закона. Он предпринимал попытки решения и более конкретных проблем юриспруденции. Его ум занимали, к примеру, темы, связанные с государственным и административным правом, он интересовался институтами гражданского и уголовного права. Он много размышлял о характере римского права. Он изучал право Германии, Франции, Англии, Финляндии и других стран. Много внимания уделялось им истории русского права.

¹ Сперанский М. М. О силе правительства // Русская старина. 1902. Т. 112. № 12. С. 496.

² Сперанский М. М. О праве вообще // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1858. С. 9.

³ Там же.

⁴ Там же.

Главным объектом исследований М. М. Сперанского в области юриспруденции было, по вполне понятным причинам, законодательство России. Вряд ли кто-либо еще среди современников этого государственного деятеля лучше него знал историю и тогдашнее состояние российского законодательства. Вышедшие из-под пера Сперанского проекты государственных преобразований со всей очевидностью демонстрируют глубину его познаний в указанной области. Не случайно именно Сперанскому император Николай I поручил организацию работ по созданию «Полного собрания...» и «Свода законов Российской империи».

Менее известно, однако, что Сперанский был знатоком также и римского права — предмета, степень знания которого тем или иным правоведом была в ту эпоху и в Европе, и в России главным мерилом его профессиональной подготовки. Естественно, что Сперанский подходил к римскому праву прежде всего как мыслитель-практик. В его заметках, посвященных анализу идей, норм и институтов римского права, видно стремление рассмотреть последние с точки зрения их практического значения для действовавшего в России права и сложившейся здесь системы юридического образования.

Говоря о влиянии римского права на правовую культуру Европы, русские правоведы обыкновенно отмечали, что в России римские юридические концепции не имели такого распространения, как в западноевропейских странах. По мнению В. В. Ефимова, на долю России досталось римское право в его византийском варианте — так называемое греко-римское право, и проведение его положений в жизнь ограничивалось в России «главным образом, вопросами семейного и наследственного права, да и то случайными урывками (например, нам вовсе неизвестен порядок наследования по римскому праву, легший в основу наследования в Западной Европе). Что же касается самого существенного элемента римского права, отличающегося космополитизмом — вопросов имущественного права (владения, собственности, обязательств), то этот элемент оставался до последнего времени почти неизвестным русскому праву»¹.

Мнение М. М. Сперанского по вопросу о влиянии римского права на правовую культуру России было еще более категоричным.

¹ *Ефимов В. В.* Лекции по истории римского права. СПб., 1898. С. 490—491.

«Есть догадки, — писал он, — что в первых веках основания Российского государства разные изложения законов римских, под именем законов греческих, имели некоторое участие в составе нашего законодательства, и что в позднейшие времена, с переводом Фотиева Номоканона или Кормчей книги, градские законы, в ней содержащиеся, отрывок или, лучше сказать, отдаленное последствие системы Юстиниановой, принимаемы были у нас в соображение. Но сие суть догадки. А подлинники законов, до нас дошедшие, указывают нам совсем другие источники. Русская Правда очевидный имеет отпечаток северных германских законов. Новгородские грамоты и судебники разных годов, сохраняя некоторое сходство с сими законами, имеют уже свой местный, природный облик. Ни в разделении предметов, ни в судебном их языке ничего нет похожего на изложение Юстинианово. В предисловии к Уложению 1649 года, хотя и постановлено принимать в соображение гражданские законы греческих царей и хотя, быть может, что некоторые законы и действительно оттуда заимствованы, но ни в языке, ни в системе Уложения нет ничего римского, ничего Юстинианова»¹. Отсюда вывод: «Таким образом, от самой древности до времен наших российское законодательство действовало и возрастало собственными своими природными силами, и, может быть, во всей Европе ничего почти непосредственно и весьма мало посредством немецких законов почерпало в общем источнике законов — в римском праве. Отсюда происходит не только в существе законов, но и в системе их, и еще более в языке судебном и деловом, столь резкое различие между законодательством европейским и российским, что соединить их нет почти никакой возможности, не переменив обычаев, навыков, образа мыслей всех судей и делопроизводителей»².

Проводя мысль о самобытности русского права, отрицая сколько-нибудь значимое влияние на него римских юридических концепций, Сперанский вместе с тем признавал безусловную важность изучения римского права для развития юридического образования в России. «...Молодые наши законники, — писал он, — должны учиться двум разным системам: российской и римской; ибо никто ни в каком государстве не должен иметь притязания быть истин-

¹ Сперанский М. М. О системе законов вообще // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1858. С. 7.

² Там же. С. 8.

ным законоведцем, не зная законов римских, так как никто не может быть сведущ в истории своей страны без познания истории общей»¹.

Однако, придавая большое значение усвоению основ римского права для познания отечественного законодательства, Сперанский исходил все же из того, что главное место в системе юридического образования России должно занимать изучение русского права. По его словам, «законы римские всегда для нас будут законы чуждые, и хотя по великому их обилию, а в некоторых частях и по великому их превосходству, они везде должны занимать важное место, но учение их у нас должно быть учением только вспомогательным, а не главным; их система должна быть приспособлена к нашей, а не наша к ним: ибо римские законы не достоинством системы отличаются: напротив, известно, сколь она вообще недостаточна; но они отличаются самым существом их, здравым, практическим их смыслом, остатками древнего высокого знания и опытности»².

Главным недостатком римского права М. М. Сперанский считал произвольность его системы. «В преклонном и близком уже к падению веке Римской империи, — отмечал он, — ни в уме, ни в силе государственного управления нельзя было по естественному вещей порядку ожидать здравых и точных о законах понятий. Римские законы, памятник долголетнего гражданского образования и великой законодательной мудрости, в изложении Юстиниановом представляют развалину великолепного здания, в коей рукою слабых и малосведущих художников³ на удачу слеплены разнородные драгоценные остатки. Не найдя в преданиях общего чертежа, они выдумали свой; когда же по сему тесному чертежу приступили к построению, тогда на опыте оказалось, что многие материалы оставались без размещения; сему неудобству желали пособить двумя средствами и допустили две новые погрешности: 1) непрестанные от чертежа отступления, вставки в нем и поправки, разнообразные и часто противоречащие определения одних и тех же понятий; 2) когда же и сие средство было недостаточно, тогда прикрепляли уже оставшиеся части одну к другой без всякого чертежа, без вся-

¹ Сперанский М. М. О системе законов вообще // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1858. С. 8.

² Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 102.

³ Сперанский имеет здесь в виду Трибониана с его сотрудами.

кой почти связи или с связию, составленною из греческих полуученых того века тонкостей»¹.

По мнению Сперанского, произвольность системы римского права возникла не при Юстиниане, а была присуща этому праву с давних пор. «В Риме никогда не было доброй системы суда, — подчеркивал он, — законы его в сей части были в совершенной запутанности оттого, что устанавливались без общего плана и по большей части преданиями юрисконсультов. Жалобы на сие повсюду в древних писателях видны»².

Первую погрешность системы римского права М. М. Сперанский усматривал в разделении его на публичное и частное, а затем на естественное, общенародное и гражданское. С точки зрения Сперанского, естественные законы «составляют не особенный род, но основание всех законов человеческих. Они объемлют всю природу, а не одно царство животных, и, следовательно, нельзя определить их одним инстинктом животным, нельзя сказать: *jus naturae est? Quod natura omnia animalia docuit*. Еще менее можно допустить другое определение, коим желали первое исправить, а именно, что законы естественные суть те, кои, исходя из одних начал здравого разума, к благосостоянию государства прилагаются, — как будто законы положительные, верховною властью издаваемые, основаны не на тех же началах разума, и как будто разум, объемлющий различие климата, степень образования и местные обстоятельства и законы к ним приспособляющий, не есть здравый разум»³.

Надуманым является, по мнению Сперанского, и разделение римского права на публичное и частное. Это разделение авторитетный римский правовед Домиций Ульпиан проводил, как известно, следующим образом: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное (право). Публичное право, которое (относится) к положению римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц...»⁴ Сперанский же писал: «Разделение законов на публичные и приватные также неправильно и произвольно, хотя и могло бы быть правильно, но составные части каждого из сих родов определены без точности. Законы имеют две составные

¹ Сперанский М. М. О системе законов вообще. С. 4.

² Сперанский М. М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. С. 111.

³ Сперанский М. М. О системе законов вообще. С. 5.

⁴ D. I. 1. 2.

части: правило и охранение (*sanctio*). Охранение всех законов есть сила государственная (публичная) и, следовательно, с сей стороны все законы суть публичные. Цель законов публичных, как напр. законов безопасности, столько же относится к государству вообще, как и к частным людям в особенности; след., с сей стороны и законы безопасности могут назваться приватными. Нельзя вообразить себе государство без обывателей и, следовательно, представить законы, полезные государству, но бесполезные для частных людей. Правда, есть собственность частная и собственность государственная (*res publica et res privata*), но в сем уважении приватным законам должно было бы противопоставить токмо законы государственного хозяйства, а не все вообще законы, к частной собственности не принадлежащие»¹. В подтверждение надуманности разделения права юристами Древнего Рима на публичное и частное Сперанский приводил конкретные положения из «Дигестов» Юстиниана, в которых «законы приватные считаются вместе и публичными».

Объектом серьезной критики со стороны М. М. Сперанского стало и знаменитое деление римского частного права на три основных раздела: 1) лица, 2) вещи, 3) иски, предложенное римским юристом Гаем в его «Институциях». По мнению Сперанского, первый раздел в ряде моментов выходит из своих пределов и сливается со вторым. В нем определяется, например, не только правовой статус лиц, но и «образ приобретения прав вещественных в некоторых состояниях, как то: в малолетстве, в праве родителя над детьми, в рабстве и проч.»². Не удовлетворен был Сперанский и тем, как излагался материал внутри второго раздела. По его словам, «вторая часть, о вещах, есть смесь всего, что можно сказать в законе об имуществвах. Здесь разделение и роды имуществ смешаны с их приобретением; право личное смешано с вещественным; охранение смешано с правилом»³. Однако самый большой недостаток раздела о вещах Сперанский усматривал в неопределенности таких понятий, как собственность, владение, завладение. «Для установления сих понятий написаны целые библиотеки, но предмет сей остался столько же темным, как и прежде»⁴.

¹ Сперанский М. М. О системе законов вообще. С. 5—6.

² Сперанский М. М. О системе законов собственности // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1858. С. 15.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 16.

Относительно раздела об исках Сперанский придерживался мнения о том, что в нем допущено меньше смешений, нежели в первых двух разделах. Однако и здесь он усматривал множество норм, более подходящих для второго, а не третьего раздела.

Давая общую оценку воззрениям М. М. Сперанского на римское право, необходимо отметить, что он все же слишком большое значение придавал субъективному фактору в конструировании правовых институтов. Обнаружив глубинные противоречия в системе римского права, он объяснил их наличие низкой квалификацией юристов — составителей «Дигест» и «Институций». Между тем дисгармония, существовавшая в системе римского права, во многом обуславливалась фактором объективным, а именно: противоречивой сущностью общественных отношений, являвшихся предметом правового регулирования. В качестве наиболее простого примера здесь можно привести положение раба в римском обществе. Как человек раб обладал несомненными качествами физического лица, субъекта правовых отношений. Однако, будучи в полной зависимости от хозяина, раб являлся одновременно и объектом правоотношений, вещью. Причем качество раба как вещи не было результатом лишь того, что кто-то имел на него право. Оно считалось как бы его прирожденным, естественным свойством. Поэтому раб оставался рабом даже в тех случаях, когда по каким-либо причинам лишался господина. Указывая на данное противоречие, И. А. Покровский писал, что «даже в самую мрачную пору истории рабства (конец Республики) римское право оказалось не в состоянии последовательно и всесторонне провести принцип «*servi res sunt*». С одной стороны, человеческая личность раба все же давала о себе знать и вынуждала для себя некоторое признание, а с другой стороны, последовательное проведение принципа, что раб есть только вещь, с развитием хозяйственных отношений оказывалось не в интересах самих господ. Отсюда целый ряд отступлений, постоянная двойственность в римских нормах о рабстве»¹.

Как бы то ни было, написанное М. М. Сперанским о римском праве явно свидетельствует о его высокой квалификации как правоведа.

Наиболее интересную часть юридического наследия М. М. Сперанского составляют его мысли о кодификации законодательства. Они особенно ценны потому, что проистекают не из умозритель-

¹ Покровский И. А. История римского права. Пг., 1915. С. 291.

ных, оторванных от действительности рассуждений, но опираются на богатый практический опыт. Как уже говорилось, на протяжении многих лет Сперанский руководил работами по систематизации российского законодательства — сначала в рамках «Комиссии составления российских законов» (в 1809—1812 и в 1825 гг.), а затем в составе Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В течение 1826—1832 годов усилиями сотрудников Второго отделения были подготовлены «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи». Данные произведения являлись во многом воплощением идей Сперанского.

Прежде всего отметим, что именно Сперанскому принадлежала мысль о составлении двух сводов законов — исторического, названного «Полным собранием законов...», в котором приводятся все законы в хронологическом порядке по времени их принятия, и свода, включающего в себя только действующие законы. Необходимость создания вместо одного двух сводов законов сам Сперанский объяснял двумя причинами.

Во-первых, он полагал, что без предварительного изложения всех законов, принятых в России с 1649 по 1825 год, в хронологическом порядке невозможно было бы выделить действующие законы. «...На один и тот же случай представляется 5, 6, 10 законов, в разные времена изданных: какой из них должно считать действующим и какой отмененным? — вопрошал Сперанский в записке, поданной императору Николаю I 14 января 1828 года, и делал отсюда следующий вывод: — Из сего открылась необходимость разделить все законодательство на периоды, осмотреть каждый период отдельно, и в каждом определить, какие законы в нем были действующими по каждому предмету; чем и как они отменились в последующем периоде; что в нем осталось из предъидущего и что прибавлено вновь, и таким образом довести все до времени настоящего. Следовательно, надлежало составить два свода: один *исторический*, в коем изложены законы со всеми их изменениями, другой *свод законов существующих*»¹. По мнению Сперанского, в случаях, когда возникнет вопрос о том, почему тот или иной закон «поставлен в числе действующих, и точно ли он есть действующий, нет ли дру-

¹ Сперанский М.М. О существе свода // Русская старина. 1876. № 3. С. 587—588.

того в отмену?» или же, напротив, спросят о том, почему какой-либо закон «не поставлен в числе действующих, где и когда он отменен?», исторический свод даст ответ. В связи с этим Сперанский называл исторический свод «основанием всему делу»¹. Он считал, что данный свод, т.е. «Полное собрание законов...», составить труднее свода действующих законов, но последний, по его словам, «дельнее, полезнее для употребления. Первый представляет, как законы наши образовались, возрастали, изменялись; а последний представляет то, что в них осталось и есть неизменно»².

Во-вторых, Сперанский видел в «Полном собрании законов...» необходимое пособие для разъяснения смысла законодательных актов, включенных в состав «Свода законов...». По его инициативе каждая статья последнего была снабжена указанием соответствующего закона из «Полного собрания...». «Сии указания нужны, — отмечал Сперанский, — ...как верный путь к разуму закона, как способ к открытию причин его, как руководство к познанию истинного его смысла в случае сомнений; они нужны как лучшая система истолкований (*commentaria*) — система, основанная не на мнениях и выводах произвольных, но на простом сличении двух форм одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняют связь между сими двумя формами, связь, столь необходимую, что без нее расторглось бы самое единство»³.

По мысли Сперанского, свод действующих законов должен был не только систематизировать, но и преобразовать российское право. «Особенно прилагается было попечение, — писал он, — чтоб в своде не было противоречий, и, кажется, цель сия достигнута»⁴. При этом Сперанский отмечал, что есть два рода противоречий — одни в законах, а другие в самых началах, на которых свод основан. В качестве примера первого рода противоречия он приводил противоречившие один другому законы о выкупе родовых имений. В своде эти законы были сведены в один закон. В результате получилось следующее: с одной стороны, было дозволено выкупать проданное родовое имение за цену купли в течение двух лет, с другой — каждому купившему имение, хотя бы оно было и родовое, дозволено

¹ Сперанский М.М. О существе Свода // Русская старина. 1876. № 3. С. 588.

² Там же.

³ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1837. С. 166.

⁴ Сперанский М.М. О существе свода. С. 588.

было обращать его в залог без каких-либо ограничений. В связи с этим любое лицо, купившее то или иное имение, получило возможность сделать выкуп его продавцом невозможным. Для этого достаточно было, например, заложить имение на денежную сумму, вдвое превышающую его цену. По мнению Сперанского, подобного рода противоречия нельзя было устранить сводом, здесь необходимо было исправить сам закон.

Для цели исправления законов и устранения противоречий между ними Сперанский замышлял создание ряда уложений: гражданского, коммерческого, уголовного, гражданского и уголовного судопроизводства. Данный замысел Сперанского не был по разным причинам осуществлен на практике. Однако состав «Свода законов Российской империи» обнаруживает все же некие контуры гражданского, коммерческого и судебного уложений.

Сравнивая «Свод законов Российской империи» с иностранными уложениями, Сперанский отмечал, что в своде присутствуют те же главы и те же разделы, что имеются и в последних, но этих главах и разделах недостает весьма существенных статей, не определено много весьма важных случаев. Так, например, глава о духовных завещаниях в «Своде» заключается в 90 статьях, во Французском гражданском кодексе она составляет 161 статью, в Австрийском гражданском уложении — 175, а в Прусском — 616. Глава об опеке и попечительстве в «Своде» составляет 35 статей, во Французском гражданском кодексе — 126, в Прусском уложении — 1007. «Следовательно, — делает вывод Сперанский, — сколько объем свода нашего обширен и полон, столько составные его части недостаточны и скудны». Однако, по его словам, «сие и быть иначе не могло. Гражданские законы нигде не были произведением умозрения. Они везде возникали от дел и случаев. Следовательно, чем более дел, чем жизнь государства была продолжительнее, чем круг его действия обширнее, тем гражданские его законы обильнее, тем состав их полнее»¹.

М. М. Сперанский воспринимал «Свод законов Российской империи» не только в качестве сборника действующих законов, но и в качестве основания правовой теории. В 1837 году он вел так называемые «юридические беседы» с Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем (будущим царем-освободителем Александром II). На основе

¹ Сперанский М.М. О существе свода. С. 590.

этих бесед им была задумана книжка — краткое руководство к познанию отечественных законов. В 1838 году Михаил Михайлович приступил к ее написанию, однако окончить не успел. В 1845 году этот незавершенный труд Сперанского был издан под названием «Руководство к познанию законов». Содержание его показывает, что автор классифицировал законы в полном соответствии с тем их разделением, которое дал прежде в «Своде». Так, он делил государственные законы на: 1) «Законы Основные», 2) «Законы Органические», 3) «Законы Правительственных Сил», 4) «Законы Государственного Благоустройства», 5) «Законы о Состояниях», 6) «Законы Полиции», 7) «Законы Исправительные и Уголовные».

Кроме государственных законов Сперанский выделял законы гражданские. По его словам, «два союза, два порядка отношений необходимы в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний... Союз гражданский есть или семейственный или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и охраняются законами. Отсюда два порядка законов: законы государственные и законы гражданские»¹. Как известно, законам гражданским и межевым был посвящен отдельный (X) том «Свода законов Российской империи».

Однако любопытно, что в заметках, написанных не для публикации, Сперанский высказывал мнение о том, что название «законы гражданские» не может быть свойственно русскому праву. По его словам, «оно не может выражать законов собственности 1) потому что, по коренному значению, слово *гражданин* не что другое есть как обыватель города; законы же собственности принадлежат ко всей земле, а не к одним городам ее; 2) потому что употребление расширило значение сего слова и перенесло его на другие понятия, кои с собственностью не имеют связи. В церковных постановлениях суд гражданский, или светский, означает суд и тяжebный и уголовный; гражданское ведомство и градские законы означают всякое ведомство и все законы не церковные. В военных уставах гражданское управление и гражданские законы означают всякое управление и все законы не военные»².

¹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 118—119.

² Сперанский М. М. О законах гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1858. С. 13.

Приведенные высказывания Сперанского отражали его стремление приспособить общепринятые в западноевропейской юриспруденции правовые понятия к специфическим условиям русской общественной жизни. Знание иностранного законодательства (французского, английского, германского и др.) позволяло Сперанскому яснее понимать своеобразие русского права. В своих юридических произведениях он вел поиск правовой терминологии, способной выразить это своеобразие. И ему многое удалось сделать в этом направлении.

Андрей Кондратьевич Бабичев

(1797—1859)

ИМЯ А. К. Бабичева неизвестно современным правоведам, что неудивительно: он был автором всего одной опубликованной работы — статьи объемом в 20 страниц, вышедшей в свет уже после его смерти, а именно: в 1865 году, в четвертой книге «Чтений в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Однако по содержанию своему статья эта стоила многих толстых книг. Собственно, она и была кратким извлечением из обширного, восьмисотлистового сочинения, посвященного критическому анализу российского законодательства в том его состоянии, в котором оно пребывало после создания «Свода законов Российской империи» — в 30—50-х годах XIX века. И хотя данное сочинение во всем своем объеме так и не было опубликовано, автор его должен, по справедливости, занять видное место в истории русской юриспруденции.

* * *

К сожалению, сохранилось немного сведений о жизни и личности Андрея Кондратьевича Бабичева, да и те из них, что дошли до нас, весьма противоречивы.

Родился А. К. Бабичев 19 августа 1797 года¹ в Полтавской губернии в дворянской семье. В 1818 году он окончил юридический

---

¹ В книге «Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)», изданной в Харькове в 1908 г., в статье, посвященной А. К. Бабичеву, называется другая дата его рождения — 1792 год (с. 221). Это ошибочная дата. Из нее вытекает, что Бабичев окончил Харьковский университет лишь в 26 лет. 1797 год в качестве даты его рождения, указанный в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (СПб., 1891. Т. 2. С. 4), дает Бабичеву на момент выхода из университета возраст в 21 год. Именно в таком возрасте в те времена, как правило, и заканчивали молодые люди в России университетский курс обучения.

факультет Харьковского университета и поступил на службу в Слободско-Украинское губернское правление чиновником канцелярии губернатора. Проработав здесь менее двух лет, Бабичев 2 сентября 1820 года покинул чиновную службу и сосредоточился на подготовке к экзаменам на степень кандидата.

27 декабря 1820 года он получил степень кандидата, а 12 марта 1821 года был утвержден министром народного просвещения в должности надзирателя за воспитанниками и адъюнктом философских наук в Ришельевском лицее (г. Одесса). В качестве надзирателя он работал до 16 июня 1822 года, адъюнктом же лицея был до 18 ноября 1826 года, причем с 4 октября 1822 года и до дня своего ухода из лицея он преподавал за профессора русскую словесность и латинский язык. Одновременно с этим Андрей Кондратьевич вел курсы истории и русской словесности в Одесском институте благородных девиц.

С 25 августа 1828 года А. К. Бабичев состоял учителем русской словесности и истории в Землемерном училище при Департаменте уделов. 14 июля 1830 года министр народного просвещения утвердил его в должности адъюнкта нравственно-политического отделения (юридического факультета) Харьковского университета¹. Здесь он в течение двух с лишним лет — с 20 февраля 1831 года и до лета 1833 года — преподавал русское публичное право, а также русское уголовное право и уголовное судопроизводство. 6 июля 1831 года Бабичев стал членом университетского правления, а 1 сентября того же года его избрали секретарем нравственно-политического отделения Харьковского университета.

Лекции адъюнкта Бабичева не пользовались популярностью среди студентов: он не обладал достаточным объемом знаний в тех науках, которые преподавал, и студенты это понимали. Попытки же его привлечь внимание слушателей занимательными анекдотами раздражали тех, кто приходил в учебные аудитории за знаниями. Поэтому пребывал Андрей Кондратьевич в университетской среде недолго — всего два с небольшим года.

Тем не менее о себе Бабичев оставил в университете не слишком плохую память. И много лет спустя, когда здесь заходил о нем

---

¹ В своем прошении А. К. Бабичев просил «определить его адъюнктом по словесному или политическому отделению наук при Харьковском университете», выражая тем самым готовность преподавать или русскую словесность, или юридические науки.

разговор, то отмечали, что он «не имел никакого призвания к ученой деятельности»¹, но был увлечен «всеми светскими удовольствиями» и являлся «усердным поклонником прекрасного пола»². По внешнему виду Андрей Кондратьевич был очень аккуратен: «изящный костюм его возобновлялся весьма часто, и ни в чем не отступал от условий света и требований последней моды»³.

С 16 июля 1833 и до 20 апреля 1837 года А. К. Бабичев являлся директором Таганрогской Коммерческой гимназии. Уволен он был с этой должности по распоряжению начальства якобы за некоторые «вольные мысли». Куда он после этого путь держал — неизвестно, но в 1846 году Андрей Кондратьевич был в славном русском городе Пскове, где служил старшим учителем латинского языка.

В 1847 году Бабичев, наконец, оставил мучительное для себя преподавательское поприще и поступил на службу по ведомству Министерства внутренних дел. С 13 июля 1847 и до 20 августа 1849 года Бабичев занимал должность старшего секретаря Санкт-Петербургского губернского правления, затем служил там же в качестве ассессора.

С 16 июня 1854 года и до самой своей смерти 4 июня⁴ 1859 года Бабичев являлся советником Санкт-Петербургского губернского правления, причем некоторое время исполнял функции вице-губернатора.

* * *

Воспоминания людей, знавших Андрея Кондратьевича в последнее десятилетие его жизни, давали образ человека, сильно отличающегося от того, который представлял студентам и преподавателям Харьковского университета. Так, в биографической статье Н. Бороздина о Бабичеве, опубликованной в 1859 году, говорилось, что «часы досуга с 1847 по 1850 год он посвящал изучению иностранных законодательств, и по этой части приобрел вскоре обширные познания. Не было ни одного иностранного кодекса, юридическо-

---

¹ *Багaley Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1904. Т. 2. С. 617.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Автор «Заметок к запискам Мурзакевича», выступающий под инициалами Г. С., называет другую дату кончины А. К. Бабичева — 6 июня (см.: Русская старина. 1887. № 9. С. 498).

го сочинения, более или менее замечательного, которое ускользнуло бы от его пытливого внимания»¹. Н. Бороздин сообщал еще, что Бабичев окончил курс наук в Харьковском университете со званием действительного студента, которое доставалось очень трудно, потому что все науки преподавались на латинском языке и кандидатскую диссертацию также требовалось написать на латыни. Бабичев же «не только изучил латинский язык, но, как человек способный от природы, кроме русского, малороссийского, польского, французского, немецкого и английского языков знал еще в совершенстве греческий язык и отчасти еврейский»².

По оценке Г. С. Фельдштейна, А. К. Бабичев принадлежал к числу тех русских правоведов первых десятилетий XIX в., которые пытались привить и в области академического преподавания «популярно-юридические приемы»³. Он был сторонником практического преподавания правоведения — того течения, которое имело «своим исходным пунктом приказную юриспруденцию, пережившую последовательно несколько фазисов своего развития и застывшую на приемах популярно-юридических конструкций»⁴.

Огромный по масштабу критический труд о «Своде законов Российской империи», посильный лишь целой группе обыкновенных людей, который Андрей Кондратьевич проделал один в последние восемь лет своей жизни, выдает в нем человека удивительного трудолюбия и необыкновенной работоспособности⁵. По воспоминаниям Н. Бороздина, «с 1851 по самый день кончины, т. е. до 4 июня 1859 года, он не покидал этого труда. Начав со «Свода законов», издания 1832 года, он прочитал его от доски до доски, сравнил его со вторым и третьим изданиями 1842 и 1857 годов, не исключая продолжений сих Сводов, издаваемых своевременно; не ограничиваясь этим, изучил все источники, которыми руководство-

¹ Бороздин Н. Андрей Кондратьевич Бабичев // ЖМНП. 1859. Ч. 104. Отд. VII. С. 107.

² Там же. С. 105—106.

³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 338.

⁴ Там же. С. 344.

⁵ Просмотрев критическим взглядом все тома «Свода законов Российской империи», Бабичев написал десятка тысяч заметок, сделал более более двух миллионов мелких замечаний. Эти цифры приводятся в биографической статье о Бабичеве, помещенной в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (СПб., 1891. Т. 2. С. 4—5).

вались при составлении Свода 1832 года комиссия, Высочайше учрежденная под председательством графа Сперанского, а именно: труды Ловцова, Хавского, Трощинского и других, которые только находил случай доставать для просмотра. Прочитал все «Полное собрание законов», пересмотрел весь «Свод военных постановлений», постановления, касающиеся Остзейских губерний, все постановления, существующие и не вошедшие в Свод законов, а также местные узаконения для управления присоединенными к России народами. Результатом такового разумного и вполне юридического изучения нашего законодательства были замечания, которые он делал с 1851 года и подробный отчет коих, по его словам, состоял из 800 листов, кроме отметок, сделанных на полях книг, которых он насчитал до 4 миллионов. Работая столь долгое время и столь добросовестно, он, не смея считать такой труд своею личною собственностью, заявил об нем как ближайшему начальству, так и гг. министру внутренних дел и статс-секретарю барону М. А. Корфу, прося дозволения, по приведении труда своего к окончанию, представить на дальнейшее рассмотрение. Краткие выписки столь добросовестного труда он читал неоднократно большей части своих знакомых, и нельзя было не сочувствовать правде, с которою он излагал свои мысли на счет обширности и неоконченности нашего законодательства»¹.

В конце 1859 года Бабичев собирался предложить свое обширное сочинение для опубликования. Поэтому все свободное от службы время он корректировал его, но смерть прервала эту работу буквально накануне ее полного завершения и сочинение Бабичева осталось неопубликованным. «Смерть застала его врасплох и пресекла дни его, к искреннему сожалению всех знавших его и читавших в нем чувства истинного патриота и необыкновенного труженика» — такими словами завершил свои воспоминания о Бабичеве лично его знавший Н. Бороздин.

Краткие фрагменты большого критического труда А. К. Бабичева о «Своде законов Российской империи», которые он читал своим знакомым, были в 1865 году напечатаны отдельной статьей под названием «О редакционном исправлении Свода законов» в четвертой книге «Чтений в императорском Обществе истории и древностей российских».

¹ Бороздин Н. Андрей Кондратьевич Бабичев. С. 107—108.

Русский правовед проводил в этих фрагментах мысль о взаимосвязи между системой законодательства и характером государства. По его словам, «единство, совокупность и целостность государства, предполагают и требуют совокупности и связи всех частей, необходимых для полного и правильного общего состава»¹. «Законы, — писал он, — должны выражать план и весь состав, систему целого государства и всех частей: их отношения к целому и обратно между собой. Закон, а не учебные книги или описания, составленные частными лицами, должны составлять полное, верное изображение современного состояния государства, и без совокупного, систематического, полного собрания законов, невозможно ни иностранцу, ни даже русскому составить полное, верное понятие о государстве, которых законы разбросаны, разъединены, неполны, перепутаны в плане, понятиях, наполнены излишествами, повторениями, разноречиями, несообразностями, противоречием»².

Тщательно изучив российское законодательство, Бабичев обнаружил в нем огромное количество противоречий, неясностей, лишних норм. По его мнению, все современные ему законоположения, заключенные в более чем 120 книгах, после устранения всех излишеств, можно было свести в 12 томов умеренной величины. «Эти, несвойственные хорошему законодательству, излишества, — отмечал Бабичев, — служат преимущественным поводом к разнообразному направлению, бесконечной проволочке и различному несправедливому решению дел при одинаковых обстоятельствах»³. «Можно доказать, — продолжал он развивать свою мысль, — что по законам нашим одно дело может быть решено 10, 12 раз, и все решения будут основаны на законах, следовательно, правильно, т. е. по правилам наших законов, и недаром говорят: “По закону прав, чуть не свят, а по совести — сущий супостат”»⁴.

Те из русских правоведов, кто знал о труде Бабичева, оценивали его достаточно высоко. «К сожалению, — писал Н. К. Ренненкампф, — автор не приводит доказательств своих утверждений, хотя, конечно, многое в них довольно верно. Вообще, если некоторые

---

¹ Бабичев А. К. О редакционном исправлении Свода законов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. 1865. С. 239.

² Там же.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же. С. 223.

замечания г. Бабичева на свод вполне справедливы... то другие отличаются излишнею взыскательностью, напр., мысли о необходимости издания всех русских законов в общем своде, об исключении некоторых указателей, сокращении цитат, уничтожении некоторых оглавлений, предисловий и т. п.»¹.

П. М. Майков, сам занимавшийся изучением «Свода»², считал основные замечания Бабичева, относившиеся к его содержанию, «совершенно правильными», он соглашался, что «с одной стороны, в свод законов не вошли многие существенные постановления; с другой — в своде множество статей, которые могут быть из него исключены как повторения, как утратившие свою силу или как не имеющие значения законов»³.

Рукопись критического труда А. К. Бабичева о «Своде законов Российской империи» скорее всего не сохранилась. Но то, что известно об этом труде, позволяет думать, что публикация его в 60-е годы XIX века и даже позднее принесла бы большую пользу и практическим юристам, и ученым-правоведам. Она, несомненно, стала бы большим событием в истории русской юриспруденции.

¹ Ренненкамф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1880. С. 131.

² См.: Майков П. М. О своде законов Российской империи/ Под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006.

³ Майков П. М. О своде законов Российской империи. СПб., 1906. С. 249.

Иларион Васильевич Васильев

(? — 1832)

БИОГРАФИЧЕСКИХ сведений об Иларионе¹ Васильевиче Васильеве сохранилось немного. Известно, что родился он в Рязанской губернии, но о том, в каком точно году это произошло, сведений не сохранилось. Дату рождения И. В. Васильева не знал и автор статьи о нем (А. Беляев) в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», изданном в 1855 году². Можно предполагать, что появление его на свет произошло приблизительно в конце XVIII — начале XIX века.

Первоначальное образование Иларион Васильев получил в губернской гимназии г. Рязани. В 1816 году он поступил учиться на нравственное и политическое³ отделение Императорского Московского университета и в 1819 году окончил курс обучения юридическим наукам со степенью кандидата. В том же году он перевел на русский язык и опубликовал свою первую книжку «Изречения лакедемонцев, избранные Плутархом».

Пребывая в Московском университете на правах своекоштного кандидата, Иларион Васильев за два с половиной года подготовился к магистерским испытаниям. 22 марта 1822 года он держал в Собрании нравственно-политического отделения устный экзамен. Вопросы были определены с помощью жребия. По римскому праву кандидату Васильеву выпал вопрос о контрактах; из политической экономии — теория об имуществвах, теория о деньгах, из области российского законодательства — вопросы об отличии совестного суда от словесного, о разделе имений между наследниками, о

---

¹ Имя «Иларион» пишется в данном случае с одной буквой «л», поскольку именно так писал его сам Васильев на титуле всех своих книг и в конце своих статей.

² См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. I. С. 149—150.

³ Так именовался в соответствии с Университетским уставом 1804 г. юридический факультет.

различии имений родовых и благоприобретенных; из всеобщей истории и статистики — вопросы «о нынешнем географическом, политическом, учебно-гражданском, учебно-духовном гидрографическом разделении России», «о народах, издревле обитавших в России, и разных династиях государей, правивших нашим Отечеством»; по теории законов ему достались вопросы о том, как всякие гражданские и уголовные уложения можно расположить и как они располагаются», «о цели наказания», «о разных родах преступлений»¹.

Письменное испытание было назначено на 24 марта. Илариону Васильеву было предложено написать ответы (в присутствии Собрания) на следующие, доставшиеся ему по жребию, вопросы.

1) Из русского права — «постановленные на начатие и при производстве дел гражданских и уголовных сроки, как-то: давности для переноса дел из нижних инстанций в вышние, с каким намерением [эти сроки] узаконены, и какие они по тем и другим делам именно?»

2) Из логики — «какие логики лучшими признаются, немецких или французских писателей, почему именно?»²

Рассмотрев представленные Иларионом Васильевым ответы, Собрание нравственно-политического отделения признало их удовлетворительными. «Ищущему магистерской степени Васильеву» было назначено сочинить диссертацию на тему российских законов, им самим избранную, в которой бы изъяснялась история российских законов, их периодическая перемена, «с полаганием причин тому и объяснением, от чего произошла постепенная их образованность, в каковой они ныне».

25 ноября 1822 года Иларион Васильев подал в Собрание нравственно-политического отделения написанный им текст магистерской диссертации. Профессор российского законовения Н. Н. Сандунов ее одобрил, и с его мнением согласились остальные преподаватели. В результате было решено передать диссертацию в Совет университета и испросить у него позволения напечатать ее и назначить «ищущему магистерской степени» время Васильеву для публичной защиты этой работы.

В январе 1823 года магистерская диссертация Илариона Васильева была напечатана в университетской типографии и представлена к защите. Ее темой было: «Рассуждение о законах государства Российского, изданных от основания оногo до нынешних времен,

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 81. Д. 548. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

с показанием причин периодической оных законов перемены и постепенной образованности в какой они ныне».

Соискатель магистерской степени выносил на защиту следующие положения своей работы: «1. Нужда и необходимость полагали основание законам; а новые случаи и общества — умножали и распространяли их. 2. Руссы и славяне имели с древних времен законы. 3. Узаконения, содержащиеся в Русской Правде, Ярослав распространил на все свои владения. 4. Губные грамоты заключали в себе одни только законы уголовные. 5. Петр Великий положил твердое основание законам военным. 6. Все пытки и истязания, устанавливаемые для вынуждения признания у подсудимых — несправедливы и наносят стыд и укоризну человечеству».

Иларион Васильев высоко оценивал в своей магистерской диссертации роль законов в жизни человеческого общества в целом и России в частности. «Законы, — писал он, — суть основа гражданских обществ, главный источник благоденствия народов. Они — самые крепкие связи государственного тела, твердейший оплот сохранения прав и преимуществ граждан, щит семейственного спокойствия и общественной безопасности, а покой и безопасность первое благо государственное... Обуздать страсти людей, соединить умы и сердца их, возбудить ревностную деятельность, просветить и образовать граждан, возжечь пламень усердия и любви к отечеству могут одни только законы. Они как мечты мудрости человеческой, как наблюдения зоркого разума — подают спасительные средства к истреблению зла общественного; искореняют самое начало его; предупреждают нужды и бедствия граждан; содействуют умножению богатства народного; утверждают в государствах мирное и благодатное спокойствие и служат к усугублению силы и могущества Империи»¹.

Защита диссертации Иларионом Васильевым прошла успешно, и он был утвержден в степени магистра, о чем Совет Московского университета сообщил 28 января 1824 года Собранию нравственно-политического отделения².

После этого магистр нравственных и политических наук Иларион Васильев продолжал заниматься историей русского права и

¹ *Васильев И. В.* Рассуждение о законах государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных законов перемены и постепенной образованности в какой они ныне. М., 1823. С. 5—6.

² ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 81. Д. 850. Л. 1.

изучать действующее законодательство Российской империи, публикуя одну за другой научные работы по этой тематике. Вместе с тем он преподавал российское законоведение в Московском коммерческом училище, одновременно исполняя должность секретаря учительской конференции при училище. Как человек увлеченный русской историей, он, кроме того, участвовал в качестве действительного члена («соревнователя», как тогда говорили) в деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете и Общества любителей российской словесности. При этом Иларион Васильев по-прежнему оставался при Московском университете в качестве магистра без жалованья. Впрочем, никаких лекций ему в университете вплоть до 1828 года не поручали.

В 1825 году Иларион Васильев мог отправиться на преподавательскую работу в качестве профессора естественного и народного прав в Ярославское Демидовское высших наук училище. Он был уже определен на эту должность, и министр народного просвещения А. С. Шишков 13 июня 1825 года рекомендовал попечителю Московского учебного округа «предложить университету об увольнении от оного Васильева, для продолжения службы при упомянутом училище»¹. Но когда попечитель обратился к руководству Московского университета с таким предложением, то получил ответ, что нет «никакого препятствия к оставлению магистра Московского университета Васильева, изъявлявшего желание занять место профессора прав в Ярославском Демидовском высших наук училище, согласно прошению его, по-прежнему при университете»². 4 августа попечитель доложил о таком повороте дела министру, и тот, в свою очередь, дал согласие на то, чтобы магистр Васильев оставался по-прежнему при Московском университете.

После этого прошло почти три года, прежде чем в рамках нравственно-политического отделения появилась для магистра Васильева вакантная должность преподавателя.

23 марта 1827 года попечитель Московского учебного округа сообщил в Совет Московского университета о том, что он, «желая всеми средствами побудить к полезной деятельности гг. обучающихся по университету, особенно, так сказать, возникающие таланты, избрал более ему известных из гг. магистров своими трудами, усердием и приложением к наукам (из отделения нравственно-полити-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 73. Д. 4399. Л. 2.

² Там же. Л. 5.

ческого Илариона и Николая Васильевых), о которых желал бы знать мнение Совета, могут ли они быть удостоены в адъюнкты сверх штата?»¹ Получив из Совета университета сообщение об этом мнении попечителя, Собрание нравственно-политического отделения на своем заседании 30 апреля 1827 года, «рассудив, что Иларион Васильев и Николай Васильев не штатные магистры, а своекоштные, и не обучают в университете никаким предметам, к отделению относящимся», нашло «за полезное присоединить их к казенным магистрам, приняв на жалованье, буде они того пожелают, и потом иметь их ввиду на случай могущей открыться вакансии и надобности»².

Вакантная должность адъюнкта³ российского законовещения появилась на нравственно-политическом отделении Московского университета только в 1828 году. Однако занимал ее Васильев недолго. Уже в 1829 году он подал прошение об увольнении его от службы (причиной явилось, по-видимому, ухудшение его здоровья). Спустя три года — в 1832 году — Иларион Васильевич Васильев умер, будучи в молодых еще годах.

* * *

За короткий срок своей научной деятельности И. В. Васильев написал целый ряд книг и статей, посвященных российскому законодательству. Среди них были работы догматического характера. В 1826—1827 годах правовед опубликовал две части книги «Новейшее руководство к познанию российских законов»⁴ и намеревался подготовить третью часть ее, но не успел. В этом произведении он стремился рассмотреть с догматической точки зрения все отрасли русского права. Однако такой подход к российскому законодательству был для него скорее исключением, чем правилом.

Большинство своих работ Иларион Васильев посвятил истории российского законодательства. По содержанию это были скорее описательные, ознакомительные, нежели аналитические работы, — своего рода обзоры исторической эволюции российского за-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 81. Д. 2122. Л. 9.

² Там же. Л. 11—12.

³ По рангу должность адъюнкта соответствовала утвердившейся в российских университетах в 60-е годы XIX в. должности доцента.

⁴ *Васильев И. В.* Новейшее руководство к познанию российских законов. Ч. 1. М., 1826. Ч. 2. М., 1827.

конодательства в тех или иных его частях; например, в части, касающейся вотчин и поместий, правового положения инородцев, гражданского состояния женщин, института смертной казни, суда жребия и т. д. Оценивая творчество правоведа, Г. С. Фельдштейн писал: «В лице Ил. Васильева можно видеть, таким образом, историка-юриста, который при помощи исторических экскурсов старается уяснить свойственные праву данного народа черты. Раз эти последние найдены, он считает себя вправе провозгласить их особенностью процесса развития права данного народа и проектировать направление законодательства в духе этих начал, рассматривая их как основы устойчивые и неизменные»¹.

И. В. Васильева можно с полным основанием назвать предтечей исторического направления в русском теоретическом правоведении, возобладавшего в 30—40-е годы XIX века. Своими трудами он усиливал интерес к истории русского законодательства среди современных ему правоведов и вместе с тем создавал базу для более глубоких историко-правовых исследований. Главное достижение Васильева заключалось в том, что во времена, когда в русской юриспруденции преобладал философский, умозрительный подход к праву, к юридической жизни общества, он делал основной упор на источники, старался идти в своих научных работах от конкретной правовой материи. Не случайно он уделял огромное внимание правовым документам. Свое «Историческое обозрение актов и судебных бумаг в России» Васильев опубликовал дважды: сначала во введении ко 2-й части книги «Новейшее руководство к познанию российских законов» (1827 г.), а затем в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских» (1830 г.).

Идеей, пронизывавшей все творчество Илариона Васильева, была идея законности. Вместе с тем он был сторонником самодержавного монархического правления. По его словам, «законы суть основа гражданских обществ, главный источник благоденствия народов. Они самые крепкие связи государственного тела, твердейший оплот сохранения прав и преимуществ граждан, щит семейственного спокойствия и общественной безопасности», «а покой и безопасность — первое благо государственное»².

¹ *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2003. С. 344—345.

² *Васильев И. В.* О сущности и пользе законов вообще и о необходимости изучения законов отечественных. М., 1828. С. 8.

Рассматривая историю русского законодательства, И. В. Васильев старался найти в ней признаки, положительно характеризующие традиционную русскую государственность. Сравнивая русское право с иностранным, он делал вывод о том, что русские уголовные законы превосходят «своею кротостью, милосердием, человеколюбием уголовные кодексы всех государств»¹. Свой обзор постановлений Российского государства относительно смертной казни ученый завершил следующим выводом: «Все сии постановления, начертанные бессмертными законодателями России, не показывают ли, что при спокойном царствовании законов, под благодетельным самодержавным монархическим правлением — в государстве, которое защищено от внешних неприятелей, которое наслаждается благословенным миром и тишиною и поддерживается внутри крепкими подпорами, что в таком государстве нет никакой нужды отнимать жизнь у гражданина, повергать перед народом растерзанные человеческие члены и уменьшать число подданных... Однако ж в чрезвычайных случаях, когда общее спокойствие и отвращение опасности от государства сего требуют; когда преступления чрезвычайно важны и опасны не только для одного человека, но и для целого государства; когда злодеяния не иначе могут истреблены, как разительным примером лютой казни; тогда закон повелевает производить *естественную смертную казнь*»².

Будучи патриотом, Васильев ясно видел в истории своего Отечества и порочные явления, которые он связывал с татаро-монгольским игом. «Моголы, владеясь около двух с половиною веков над Россиею, — отмечал он, — надолго оставили в ней грозные памятники жестокостей, свойственных народам грубым, необразованным. Они, наложив тяжкое иго на наше Отечество, во многом изменили нравы и обычаи России, ослабили силу и действие законов и, наконец, ввели в наше судопроизводство некоторые обряды и обыкновения стран азиатских»³. К числу таких «обрядов и обыкновений» русский правовед относил пражез.

Васильев являлся автором уникального для того времени сочинения «Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязаннос-

¹ Васильев И. В. О духе законов, ныне существующих в Российском государстве. М., 1824. С. 19.

² Васильев И. В. Извлечение из истории уголовного законодательства в России (о смертной казни) // Вестник Европы. 1823. № 9. С. 12—13.

³ Васильев И. В. Исторический взгляд на пражези в России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 100.

тей женского пола в России, на основании существующих законов», вышедшего в свет в 1827 году. В этом «начертании» прав и обязанностей «прелестного пола» он последовательно изложил нормы русского законодательства, касающиеся политического и гражданского состояния женщин, власти родителей, наследственного права и т. п. Данный труд Васильева, изданный в виде красивой книжечки размером с ладонь, явно имел просветительское значение.

Подобное значение Иларион Васильев сознательно придавал большинству своих произведений. Этого, по-видимому, не понимал А. Беляев, весьма критически отзывавшийся о его творчестве. «Труды Васильева, — писал он, — обличают в нем поспешность молодого человека, еще несозревшего. Он только успевает группировать сведения, полученные им от наставников, Цветаева и Сандунова, или вычитанные из книг, и нисколько не заботится о том, чтобы усвоить приобретенные сведения, вдуматься в них и достигнуть своих результатов»¹.

Иларион Васильевич Васильев жил в эпоху, когда русское общество только начинало по-настоящему знакомиться с собственной историей, только открывало страницы этой огромной увлекательной книги — грандиозного романа о жизни своих предков. Надо ли говорить, что история законодательства российского составляла еще большую тайну, нежели история русской общественной жизни. А всякая новая книга, прежде чем она будет прочитана и осмыслена, должна быть сначала открыта. И. В. Васильев и явился в русской юриспруденции таким открывателем — ученым, знакомившим общество с историей русского законодательства. Не случайно, большая часть его трудов печаталась в журнале, издававшемся для широких кругов образованных русских, а именно в «Вестнике Европы». «История законов, — говорил Иларион Васильев в одной из своих лекций, — есть история народного просвещения и образования, зеркало гражданских добродетелей и пороков; отпечаток характера граждан, физиономия целого народа».

---

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. I. С. 149.

Никита Иванович Крылов

(1807—1879)

НИКИТА Иванович Крылов родился в Ярославской губернии в семье священника. Первоначальное образование он получил в Ярославской духовной семинарии, затем продолжал обучение (в 1827—1828 гг.) в Санкт-Петербургской духовной академии.

В 1829 году Никита Крылов был прикреплен вместе с двумя своими сокурсниками по духовной академии — Александром Федотовым-Чеховским и Алексеем Куницыным — для подготовки к преподавательской деятельности на юридических факультетах российских университетов ко Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹. После обучения в течение трех семестров юридическим наукам в Санкт-Петербургском университете и при Втором отделении будущие профессора-правоведы были направлены в Берлинский университет.

На протяжении трех лет — с 1831 по 1834 год — Никита Крылов изучал со своими товарищами в Берлинском университете под руководством знаменитого немецкого правоведа Ф. К. Савиньи широкий круг юридических наук, но главным образом — римское право. По возвращении в 1834 году в Россию все они были причислены ко Второму отделению С. Е. И. В. канцелярии для испытаний на степень доктора прав.

По первоначальному замыслу М. М. Сперанского, претенденты на эту степень должны были написать и защитить диссертации. Однако потребность российских университетов в квалифицированных преподавателях юридических наук была настолько острой, что во Втором отделении решили не ждать, пока прибывшие из Герма-

---

¹ К ним присоединились выпускники Московской духовной академии Иван Платонов и братья Баршевы — Сергей и Яков. См.: *Томсинов В. А.* Государственная власть и юриспруденция в России: уроки истории // Законодательство. 1998. № 2. С. 79—82.

нии молодые правоведы подготовят свои докторские исследования. Сперанский обратился к императору Николаю I с просьбой отменить для них необходимость представления диссертаций, так как сочинение последних «вместе с рассмотрением и печатанием оных» требует год и более времени. Вместо этого он предложил обязать студентов после сдачи экзамена извлечь из предметов испытания «положения или *тезы*, объемлющие весь состав юридических наук и представить их к одобрению юридического факультета». «Таким образом, — делал он вывод, — испытание всех студентов может быть кончено по крайней мере к концу мая и они отправлены быть могут к своим местам по распоряжению министра народного просвещения. Строгое испытание словесное и письменное и защищение от 30 до 40 и более тез, извлеченных из состава всех юридических наук, заменят с пользой и сбережением времени предлинные диссертации, требующие всегда много времени если им быть хорошими».

7 марта 1835 года Николай I утвердил доклад Сперанского, начертан на нем резолюцию: «Экзамены студентам как прежним, так и новым произвести на означенных в докладе основаниях»¹. Экзамены начались 19 апреля. К июлю месяцу того же года все студенты выдержали положенные экзамены, а с 19 июля начали представлять к защите на публичном собрании, проходившем в актовом зале Санкт-Петербургского университета, свои тезисы.

В результате каждому из них была присвоена степень доктора права (законоведения). Распоряжением министра народного просвещения от 7 сентября 1835 года Н. И. Крылов был (вместе с П. И. Редкиным и С. И. Баршевым) назначен преподавателем в Императорский Московский университет.

17 сентября 1835 года попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов дал Совету Московского университета следующее поручение: «1. Докторов Редкина, Крылова и Сергея Баршева причислить к Московскому университету, не утверждая их ни адъюнктами, ни профессорами, а оставить впредь до введения нового устава, с приобретенною ими ученою степенью и с жалованием ординарных профессоров по тем кафедрам, которые они занимать будут... 2. До окончательного распределения кафедр и профессоров по новому уставу, употребить их по усмотрению универ-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 44—45.

ситетского Совета, и с утверждения моего, к преподаванию по части правоведения...»¹

24 сентября Крылов со своими товарищами прибыл в Москву. 2 октября он направил в правление и Совет университета донесение о своем прибытии с указанием предмета, который хотел преподавать.

Своим распоряжением от 14 октября 1835 года правление Московского университета поручило Н. И. Крылову преподавать историю римского права для студентов 2-го и 3-го курсов («по вторникам и субботам во 2-м часу дня»)².

В конце 1835 года Н. И. Крылов (так же, как и С. И. Баршев и П. И. Редкин) был назначен на должность экстраординарного профессора юридического факультета.

Вступление молодых правоведов в государственную службу на поприще народного просвещения было закреплено клятвенным обещанием, данным 13 января 1836 года. Каждый из них поклялся: «Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, все к высокому Его Императорскому Величеству самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества ...предостерегать и оборонять... стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке как скоро о том уведаю, не токмо благонамеренно объявлять, но и всякими мерами отвращать... Для своей корысти, свойства, дружбы и вражды, и противно должности и присяги не поступать...»³

Университетским уставом, утвержденным императором Николаем I 26 июля 1835 года, в числе кафедр юридического факультета предусматривалась кафедра «римского законодательства и его истории». Годовой лекционный курс римского законодательства разбивался в соответствии с этим на две части: историю римского законодательства и римское законодательство в догматическом изложении. Этот курс и стал читать на юридическом факультете Московского университета (по 8 часов в неделю) Н. И. Крылов. Впоследствии на факультете утвердится программа, согласно которой история римского права будет преподаваться студентам 2-го курса,

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 20.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 6.

а предмет под названием «римское право», то есть догма римского права, будут изучать студенты 3-го и 4-го курсов¹.

Университетским уставом, высочайше утвержденным 18 июня 1863 года, была предусмотрена кафедра римского права, предполагавшая преподавание системы римского права, истории римского права, догматики римского гражданского права и византийского права. Профессор Крылов и после этого будет преподавать историю римского права на 2-м курсе (3 часа в неделю) и римское право на 3-м (3 часа в неделю) и на 4-м (5 часов в неделю) курсах².

30 июня 1843 года профессор Крылов был избран на четырехлетний срок деканом юридического факультета (в 1847 году его сменил на этом посту С. И. Баршев).

До 1872 года занимал Н. И. Крылов кафедру римского права в Московском университете. После этого он продолжает читать лекции по римскому праву еще несколько лет, но уже в качестве внештатного преподавателя.

Известный русский писатель-фольклорист А. Н. Афанасьев (1826—1871) учился на юридическом факультете Московского университета в 1844—1848 годах. Впоследствии он вспоминал: «Никита Иванович Крылов, по справедливости, признавался за лучшего профессора: он мастерски умел выяснить смысл юридических понятий и раскрыть их характеристические особенности с необыкновенною наглядностью и выпуклостью, так что для студентов вполне было понятно, почему римскому праву присвоено название “*Ratio humana*”. Самый язык его изложения, несмотря на некоторые странные барбаризмы (например, “периферия личности”, “амальгамироваться” и др.) и частое употребление рядом многих синонимических выражений, отличался необыкновенной точностью. Оттого мы любили слушать его лекции, и они были весьма полезны для развития нашего мышления»³.

Один из наиболее известных учеников Н. И. Крылова и его преемник по кафедре С. А. Муромцев писал в 1880 году: «Без малого сорок выпусков юристов, получивших свое образование в стенах

¹ См. программу преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета в 1860 г.: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 18. Л. 77об.—78.

² См.: Предметы и профессора, их преподающие — расписание на 1867/68 академический год // ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 20. Л. 11—12.

³ Афанасьев А. Н. Московский университет (1844—1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 263.

Московского университета, слушало лекции Крылова. В среде бывших его слушателей насчитывается множество людей самых разнообразных профессий и положений, не всегда близких к юриспруденции, но в воспоминаниях и отзывах редкого о Крылове не слышится в той или другой степени восхищение, возбужденное необыкновенным талантом профессора... Крылов действовал на умы своих слушателей; они жили, работали под влиянием его чтений, и навсегда сохранялись следы этой работы и память о ней... Трудно передать на словах всю увлекательность его речи, изобразить напряженное состояние, которое переживала, слушая Крылова, его аудитория. Слишком слабыми покажутся в настоящем случае обычные эпитеты. На русских юридических кафедрах не было еще лектора более замечательного... Чтобы судить о его речи, надо было самому слушать и, кто слышал ее, тот знает ее силу. Крылов был профессор-поэт!»

«Самым выдающимся профессором на юридическом факультете» называл Н. И. Крылова другой его знаменитый ученик — А. Ф. Кони¹. По его словам, Крылов «жил на кафедре, любя нежно и свою науку, и свой народ, за который он болел сердцем и о котором никогда не забывал, уходя мысленно в даль прошедших веков и чужих учреждений». Подобным образом отзывались о профессоре многие его студенты.

Но успешная преподавательская деятельность Крылова не сопровождалась плодотворной научной работой. Три-четыре более или менее крупных произведения да десяток-полтора небольших статей в периодике составляют все его научное наследие за более чем четыре десятилетия². К тому же писаны они были более для учебных целей и, по мнению всех, кто учился у профессора Крылова, не выражали вполне настоящих его взглядов. Крылов относился к тому типу ученых, которые проявляют себя сколько-нибудь полно лишь в устном творчестве — в лекциях или беседах.

По своим научным взглядам Н. И. Крылов был приверженцем исторического направления в юриспруденции. «В истории права всегда есть связь органическая и один век передает свои труды другому», — говорил он в речи, произнесенной в торжественном соб-

¹ См.: Кони А. Ф. Никита Иванович Крылов // Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 229—238.

² См.: Крылов Н. И. Об историческом значении римского права в области наук юридических. М., 1838; *его же*. История римского права. М., 1868 (литография); *его же*. Система римского права. М., 1871 (литография).

рании Московского университета 11 июня 1838 г. Исторический подход к правовым явлениям позволил Крылову увидеть в римском праве, с одной стороны, результат всего предшествовавшего правового развития древнего мира, а с другой — стержень последующей правовой истории Западной Европы.

Крылов являлся сторонником широкого изучения римского права в России. По его мысли, римское право должно было компенсировать отсутствие у русских правоведов надлежащей теории права. Вместе с тем обращение к римскому праву необходимо было, по мнению Крылова, для того, чтобы восполнить недостаток в российской юриспруденции «общих, логических форм, общих понятий и слов». Н. И. Крылов выражал надежду, что «из взаимного соединения римского классицизма» с богатым содержанием русского права «образуется, наконец, та колоссальная русская юриспруденция, которая увековечит славу нашего отечества и займет одно из первых мест в истории новейшей юридической литературы».

Особенностью Н. И. Крылова как ученого-правоведа было то, что он не ограничивался простым изложением правовых институтов, но старался дать целостную картину общественной жизни, представляя при этом право во взаимодействии с экономическими, религиозными и политическими явлениями. Изложение догмы римского права Крылов вел, по воспоминаниям А. Ф. Кони, «путем сравнений с германским правом, стремясь проследить с большой вдумчивостью влияние каждого института на дальнейшее развитие права в Европе, стараясь изучить и показать отдаленные следы его в новейших юридических формах».

В молодые свои годы Н. И. Крылов не избежал увлечения философией Гегеля. И хотя впоследствии оно прошло, следы гегелевского философского мышления остались в его научном мышлении. Строгая логичность в изложении материала, повышенное внимание к юридическим категориям, стремление представить категории в развитии и через их взаимную связь раскрыть их смысл — все это составляло характерную особенность преподавательской манеры профессора Крылова. По воспоминаниям студентов юридического факультета Московского университета, лекции Крылова по римскому праву заменяли студентам философию права.

Константин Алексеевич Неволин

(1806–1855)

КОНСТАНТИН Алексеевич Неволин родился в 1806 году в городе Орлове Вятской губернии, в семье священника. Первоначальное образование он получил в Вятской духовной семинарии, затем учился в Московской духовной академии, которую с отличием окончил в 1827 году. Для сына священника было вполне естественно выбрать в качестве своей профессии служение Богу и церкви. И старший брат Константина Иван Алексеевич Неволин стал священником. Известно, что он дослужился до звания протоиерея вятской церкви Сретения и вплоть до своей смерти в 1842 году помогал своему младшему брату, избравшему для себя светское поприще — научную деятельность в области юриспруденции. Этот выбор Константин Неволин сделал через год после завершения учебы в Московской духовной академии.

С 1826 года в рамках Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии шла под руководством М. М. Сперанского активная работа над Полным собранием законов Российской империи и Сводом законов Российской империи. Как человек умный, живший интересами государства, Михаил Михайлович понимал, что для полного успеха этой грандиозной законодательной реформы простой систематизации законодательных актов недостаточно. Данная реформа станет по-настоящему плодотворной лишь при условии, если их содержание будет усвоено теми, кому надлежит применять их на практике. Для этого необходимо было в первую очередь реорганизовать систему обучения юриспруденции, переориентировав будущих юристов на изучение российского законодательства. В связи с этим возникла потребность в новой учебной программе для юридических факультетов российских университетов и в преподавателях, способных ее реализовать.

Разработать программу обучения юридическим наукам, соответствующую Полному собранию и Своду законов Российской империи, было нетрудно. Гораздо более сложной оказывалась задача подготовки университетских профессоров, способных вести преподавание юридических учебных дисциплин по этой программе.

В связи с этим М. М. Сперанский обратился 28 января 1828 года к императору Николаю I с докладом, в котором предложил организовать подготовку преподавателей нового типа для юридических факультетов в рамках Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а кандидатов в такие преподаватели избрать из числа лучших слушателей Московской и Санкт-Петербургской духовных академий¹.

Это предложение было вполне оправданным: обучаясь в духовных академиях, молодые люди получали хорошее знание иностранных языков, в том числе латинского и древнегреческого, а также развитые способности к толкованию самых сложных текстов. Не случайно император Николай I одобрил его еще во время предварительного обсуждения со Сперанским плана организации подготовки университетских преподавателей при Втором отделении — до того, как Михаил Михайлович представил его величеству свой доклад об этом плане. И еще в начале января 1828 года митрополиту Петербургскому Серафиму и митрополиту Московскому Филарету было поручено направить во Второе отделение по три лучших студента старших курсов из Санкт-Петербургской и Московской духовных академий.

Из выпускников Санкт-Петербургской академии были отобраны: Сергей Орнатский, Александр Пешехонов и Савва Богородский, из Московской — Константин Неволин, Василий Знаменский и Алексей Благовещенский. В число пансионеров Санкт-Петербургского университета они были зачислены 26 января 1828 года, то есть за два дня до того, как Сперанский подал свой доклад императору Николаю I. Позднее к ним присоединился выпускник юридического факультета Дерптского университета Петерсон, который отличался совершенным знанием немецкого языка. Предполагалось, что Петерсон поможет своим новым товарищам лучше освоить данный язык.

---

¹ См. подробнее об этом в книге: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2010. С. 109–111.

Из аттестатов, которые были выданы вышеназванным выпускникам духовных академий, следовало, что они обучались и показали отличные успехи в богословских науках, в церковной словесности, в церковной истории, а также в философии, всеобщей словесности, всеобщей истории и в иностранных языках: греческом, еврейском, французском, немецком и английском.

К середине марта 1828 года начальник Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Михаил Андреевич Балугьянский завершил разработку документов, призванных придать обучению кандидатов в преподаватели системный характер. Он составил, в частности, объявление «Об открытии курсов для студентов-кандидатов правоведения» «План преподавания пропедевтики и истории российского законовещения», «План преподавания законов государственных», «План преподавания политической экономии», расписание лекций по часам дня.

В докладе М. М. Сперанскому, представленном 14 марта 1828 года, М. А. Балугьянский изложил порядок преподавания различных предметов по годам (семестрам). В течение полутора лет группа кандидатов в преподаватели, которых Сперанский называл «студентами законовещения», обучалась различным наукам по составленной специально для них учебной программе. Ежедневно с 6 до 8 часов утра они занимались во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, дальнейшие их занятия, длившиеся, как правило, до 2-х часов пополудни, проходили на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Весь курс обучения был разбит на три семестра. В *первом семестре* «студентам законовещения» преподавались: 1) «пропедевтика, т. е. обозрение всех частей законовещения и история российских законов от Св. Владимира до настоящего времени»; 2) государственные российские законы или «так называемое публичное российское законовещение»; 3) «римское право как теория гражданского права»; 4) «политическая экономия»; 5) «всеобщая история»; 6) «языки древние: греческий, латинский; из новейших: немецкий, французский и английский».

Кроме того, в этом семестре продолжалось изучение римского права, а также древних и современных языков, начавшееся в предыдущем семестре. В *третьем семестре* «студентам законовещения» преподавали: 1) «российское гражданское судопроизводство»;

2) «российское уголовное законоведение»; 3) «право народное»; 4) «историю римского права»; 5) «статистику»¹.

Обучение «студентов законоведения» юридическим наукам в рамках Второго отделения основывалось непосредственно на текстах законов. Здесь в то время шла работа над Полным собранием и Сводом законов Российской империи и поэтому имелись в наличии все необходимые для изучения российского законодательства материалы, а также специалисты, способные преподавать различные юридические науки. На основе законодательных памятников преподавалась также история русского права.

7 марта 1828 года Константин Неволин сообщал в письме к брату Ивану Алексеевичу о том, что Сперанский встретил молодых кандидатов в преподаватели законоведения следующими словами: «Ваше назначение — самое высокое; от вас Государь ожидает очень многого; я не скрою от вас, что вы или некоторые из вас, которые лучше успеют, должны сделаться в России лучшими профессорами правоведения; впрочем все вы должны успеть так, чтобы сделаться профессорами»². В письме к брату от 9 мая 1828 года Константин Неволин описывал, как он со своими товарищами пришел к Сперанскому в день Пасхи с поздравлениями. Михаил Михайлович, одарив их деньгами и книгами, сказал им: «Вы должны положить основание наук российского правоведения. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо в университетах подлинно по-ученому, а не по-приказнически»³.

В течение мая и июня 1829 года «студенты законоведения» и Константин Неволин в их числе сдали экзамены специальной комиссии под председательством М. М. Сперанского, составленной из сотрудников Второго отделения (А. П. Куницына, М. Г. Плисова и В. Е. Клокова) и из университетских профессоров (Ф. Б. Грефе и В. В. Шнейдера)⁴.

В сентябре того же года они отправились в Германию для продолжения учебы в Берлинском университете под руковод-

¹ См.: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. С. 112–113.

² Цит. по: *Андреевский И. Е.* От издателя // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 1. СПб., 1857. С. VII.

³ Там же. С. VII–VIII.

⁴ См.: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. С. 113–114.

ством профессора Карла Фридриха фон Савиньи. М. М. Сперанский передал через них свое письмо (на французском языке) к знаменитому немецкому правоведу, в котором просил Савиньи оказать «доброжелательное покровительство молодым людям, которые по особому назначению отправляются в Берлин для окончания своего образования и преимущественно для усовершенствования себя в науке права». «Прилагаемая при сем записка, — сообщал он, — даст вам, милостивый государь, возможность судить о размерах познаний наших молодых людей и о цели дальнейшего их предназначения. Приняв во внимание то и другое, вы будете столь благосклонны, что составите план дальнейших их занятий и примете на себя руководить их вашими советами; они почтут себя счастливыми следовать им. Если опыт прошедшего не вводит нас в заблуждение, вы встретите в молодых людях много прилежания, большой навык к труду и занятиям и полное повиновение»¹.

26 сентября 1829 года студенты законовещения, отправленные на учебу в Берлинский университет, прибыли к месту назначения. 17 декабря они сообщали Сперанскому: «В продолжение ноября и декабря, составляющих только часть сего зимнего полугодия, слушали мы энциклопедию права вообще и институты римского права у г. профессора Кленца², всеобщую географию и географию Палестины у г. профессора Риттера, химию у г. профессора Мичерлиха, статистику Пруссии у г. профессора Гофмана. Из трех частей, на кои разделяет г. Кленце энциклопедию, доселе пройдена первая, содержащая построение всей науки правоведения по ее идее; остаются две части, представляющие историческое развитие науки и практическую сторону оной. В институтах г. Кленце соединяет догматическую часть римского права с историческою... По энциклопедии и по институтам римского права, в особенности, частным

¹ Цит. по: *Майков П. М.* Сперанский и студенты законовещения. Очерк из истории русского правоведения (по документам Архива Государственного совета) // *Русский вестник*. 1899. № 8. С. 624–625.

² Клеменс-Август-Карл Кленце (*Klemens August Karl Klenze*, 1795–1838) — немецкий правовед, профессор Берлинского университета, автор книг по римскому праву («*Institutiones Gaji et Justiniani*». Berlin, 1829; «*Grundriss zu Vorlesungen über die Geschichte des römischen Rechts bis Justinian*». Berlin, 1825, 1835 и др.). В 1829 г. он был ректором Берлинского университета.

образом руководствует нас г. профессор Рудорф¹»². В дальнейшем русские студенты слушали также лекции Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Генриха Густава Гото³, Карла Фридриха фон Савиньи и других видных немецких ученых.

Летом 1830 года в Берлин на встречу с авторитетным немецким правоведом приезжал М. М. Сперанский. Константину Неволину представился случай в течение восьми дней общаться с этим человеком особой судьбы, удивлявшим современников своими талантами, умом, образованностью. «Я виделся с ним ежедневно по одному или по два раза, — писал Константин брату Ивану, — и си времена свидания принадлежат к одним из приятнейших в моей жизни»⁴.

В октябре 1830 года Неволин и его товарищи держали экзамен по предметам, которые изучали в Берлинском университете. Профессор Савиньи высоко оценил уровень их подготовки. Направляя 1 ноября 1830 года М. А. Балугьянскому составленный преподавателями Берлинского университета отчет об учебе русских студентов, он сообщил в сопроводительном письме: «Я сам недавно произвел им лично испытание, и очень порадовался сделанными ими успехами. Должен заявить вам, что из числа всех студентов *в особенности отличается познаниями, а также ясностью воззрений и правильным суждением г. Неволин*; после него можно указать с особенным отличием от других на г. Знаменского. Все же вообще заслуживают величайшей похвалы своим прилежанием и серьезным отношением к делу»⁵ (курсив мой. — *В. Т.*).

---

¹ Адольф Август Фридрих Рудорф (*Adolf August Friedrich Rudorff*, 1803–1873) — немецкий правовед, профессор Берлинского университета, последователь К. Ф. Савиньи, автор книг: «*Das Recht der Vormundschaft*» (Berlin, 1832–1834), «*Römische Rechtsgeschichte*» (Leipzig, 1857–1859), «*Edicti perpetui quae reliquae sunt*» (Leipzig, 1869) и др.

² *Майков П. М.* Сперанский и студенты законовещения. Очерк из истории русского правоведения (по документам Архива Государственного совета) // Русский вестник. 1899. № 9. С. 245–246.

³ Генрих-Густав Гото (*Henrich Gustav Hotho*, 1802–1873) — историк искусства, последователь гегелевской эстетики, профессор Берлинского университета.

⁴ Цит. по: *Андреевский И. Е.* От издателя // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 1. СПб., 1857. С. X.

⁵ Цит. по: *Майков П. М.* Сперанский и студенты законовещения. Очерк из истории русского правоведения (по документам Архива Государственного совета) // Русский вестник. 1899. № 9. С. 247.

3 октября 1832 года обучавшиеся под руководством Савиньи молодые русские правоведы — К. А. Неволин, В. П. Знаменский, А. А. Благовещенский, С. Н. Орнатский и С. О. Богородский — возвратились в Санкт-Петербург. Все они были причислены ко Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Дальнейшая судьба названных правоведов некоторое время была неопределенной: Министерство народного просвещения имело намерение назначить их на должности профессоров в российские университеты, Сперанский же вынашивал план учреждения при Втором отделении своего рода юридической академии для написания учебников по различным отраслям юриспруденции и составления полной истории русского права. Юристы, прошедшие обучение в Берлинском университете под руководством профессора Савиньи, признанного в то время главы исторической школы права, казались Михаилу Михайловичу наиболее подготовленными для выполнения таких задач. Однако в конце концов было принято решение направить их в университеты, юридические факультеты которых испытывали в то время острейшую нужду в квалифицированных преподавателях. Степень доктора прав и профессорское звание было признано целесообразным присвоить каждому из них на основании успешной сдачи специальных экзаменов и публичной защиты диссертаций (тезисов) «о таком предмете, какой ими самими избран будет с одобрения факультета»¹.

В течение первой половины 1834 года Константин Неволин и его товарищи сдали экзамены и после этого приступили к подготовке диссертаций. 8 февраля 1835 года состоялся публичный диспут по диссертации К. А. Неволина «О философии законодательства у древних»². Ее основные положения сводились к следующим выводам:

1. «Разговоры о законах, издревле приписываемые Платону, действительно принадлежат ему».

---

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. С. 120–124.

² См.: Рассуждение о философии законодательства у древних, сочиненное для получения степени доктора законовещения Константином Невוליным. СПб., 1835. Корректуру этой книжки, объемом в 107 стр., читал и правил сам Сперанский. Почти все ее содержание было впоследствии включено Невוליным в первый том «Энциклопедии законовещения» (§ 183–283). См.: *Неволин К. А.* Энциклопедия законовещения. Том 1: Введение в Энциклопедию законовещения, общая часть ее и первая половина особенной части. Киев, 1839. С. 167–268.

2. «Платон в своих сочинениях предлагает греческий образ воззрения на предметы законодательства».

3. «Аристотелево учение о предметах законодательства в существе вещи не весьма много отличается от Платонова».

4. «Невольничество было существенною принадлежностью греческих республик».

5. «Стоическая философия имела на римское законоведение хотя и не прямое, но значительное влияние».

6. «В учении неоплатоников представляется самый высший взгляд на предметы законодательства, до какого только достигала философия у древних»¹.

Оппонентами диссертанта Неволлина были профессора А. А. Фишер и Н. Ф. Рождественский. В диспуте принимал участие и министр народного просвещения С. С. Уваров. Константин Алексеевич сполна воспользовался представившимся случаем показать свои способности. 6 марта 1835 года он получил утверждение в степени доктора прав, а 19 марта был назначен исправляющим должность ординарного профессора энциклопедии права, основных законов и учреждений Российской империи на юридическом факультете киевского Университета Св. Владимира. 30 января 1836 года его утвердили в этой должности.

В мае 1837 года профессор К. А. Неволлин был избран ректором Университета Св. Владимира на двухлетний срок, как это предполагалось временным уставом данного учебного заведения. После этого он становился ректором еще дважды — в 1839 и 1841 годах — и пробыл на этой должности вплоть до своего перевода в Санкт-Петербургский университет, произошедшего в начале 1843 года.

Университет Св. Владимира во время пребывания Неволлина на должности его ректора находился еще в стадии становления. Он был учрежден Именным указом, данным Сенату 8 ноября 1833 года, и состоял всего из двух факультетов: философского и юридического². Лекции на философском факультете начались 28 августа 1834 года, а на юридическом лишь через год, когда по-

---

¹ Рассуждение о философии законодательства у древних, сочиненное для получения степени доктора законоведения Константином Невוליным. СПб., 1835. С. 107.

² См. об этом в книге: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Зерцало-М, 2015. С. 35–42.

явились преподаватели, прошедшие подготовку при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии и в Берлинском университете. Порядок управления Университетом Св. Владимира был определен его уставом лишь в общих чертах. Поэтому ректору Неволину приходилось восполнять пробелы устава собственноручно начертанными инструкциями. Трудности становления нового императорского университета усугублялись еще и тем, что он не имел собственных помещений: университетское здание было заложено только 31 июля 1837 года. Учебные аудитории должны были поэтому временно размещаться в частных домах. Соответственно ректору университета надо было в дополнение к своим многочисленным обязанностям проявлять также заботу о приискании таких домов.

Преподаватели, работавшие в Университете Св. Владимира во время ректорства К. А. Неволлина, высоко оценивали его как университетского руководителя, отмечая, что он был человеком чести и долга, тщательным в исполнении собственных обязанностей и строгим, даже несколько надменным, по отношению к подчиненным. При этом старался быть беспристрастным при решении тех или иных служебных вопросов, при назначениях на должности. Перед вышестоящими начальниками не преклонялся, но требовал от них уважения к себе и пользовался им.

Научная деятельность К. А. Неволлина в Киевском университете началась с речи «О соединении теории с практикою в изучении законов и в делопроизводстве», произнесенной 15 июля 1835 года в торжественном собрании Киевского университета. Константин Алексеевич провел в ней мысль о теснейшей взаимосвязи между юридической теорией и практикой. «Теория, — говорил он, — есть та же практика, но взятая во всей ее обширности, сознанная, выраженная в ее внутреннем, чистейшем существе, приведенная в единство, переведенная в область общей мысли и понятия. Практика есть та же теория, но рассеянная по множеству дел жизни, существующая без сознания о себе самой, во внешности бытия и посреди всех его случайностей и дробностей. Обе они представляют нам один и тот же предмет, но теория в его единстве и сосредоточенности, практика в его множестве и раздробленности»¹.

---

¹ *Неволин К. А. О соединении теории с практикою в изучении законов и в делопроизводстве. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Университета Св. Владимира 1835 года 15 июля. Киев, 1835. С. 14.*

В дальнейшем изложении данной своей речи Неволин раскрыл свое понимание сущности юридического образования. «Называя кого-нибудь сведущим в законах, — утверждал он, — нередко имеют при том в виду одни только законы, действующие в известном месте, и одно только познание их слов. Но если даже мы в своем познании ограничимся только известными действующими законами, то однако знать законы не значит еще знать одни их слова. Знать законы значит знать самый дух их, понимать их в том смысле, какой они должны иметь по намерению законодателя; знать не один какой-нибудь род, а все их роды, если не во всех подробностях, то, по крайней мере, в главнейших чертах; знать их не только в их отдельности, но еще более в общей их связи; знать их не только в настоящем их виде, но и в их происхождении и образовании; знать различные причины их установления, знать их непреложные основания, скрывающиеся в высшем порядке вещей, знать временное и непреходящее их достоинство. Таково должно быть наше познание какого бы то ни было положительного законодательства! Но нельзя узнать вполне ни одного законодательства, не зная других: его особенный характер, его относительное достоинство, его всеобщая идея могут быть усмотрены только из сличения его с другими законодательствами. Итак, уже изучение одного законодательства должно быть соединяемо с изучением всех других»¹.

Из приведенного высказывания видно, что сущность юридического образования Неволин видел в таком способе познания законов, который соединял бы в себе теоретический, практический, исторический и сравнительный методы.

Н. К. Ренненкампф писал в 1884 году, оценивая произнесенную в стенах Киевского университета почти пятьдесят лет назад речь «О соединении теории с практикою в изучении законов и в делопроизводстве»: «Эта речь — небольшая и спешная работа — представляется нам наиболее самобытным и живым произведением Неволлина: в ней нет архивных изысканий, она не обставлена многочисленными цитатами, не построена на возвышенных и сложных построениях философов, но она исполнена самостоятельности и взглядов, живости и глубины разума, и редкой трез-

---

¹ Неволин К. А. О соединении теории с практикою в изучении законов и в делопроизводстве. С. 16.

ности мысли; высказанные в этой речи понятия о науке, теории и практике взяты так верно и глубоко, что и в настоящее время не потеряли своего достоинства»¹.

Самым значительным произведением К. А. Неволлина в киевский период его жизни являлась, безусловно, его «Энциклопедия законоведения», напечатанная в двух томах в 1839–1840 годах². По словам Н. К. Реннекампа, данная книга Неволлина «положила прочное основание известности его и оказала большое влияние не только на возвышение юридического образования в юридическом факультете Университета Св. Владимира, но и на дальнейшее развитие всего русского правоведения. И действительно, по своему объему и содержанию, она превзошла и даже в настоящее время превосходит все известные юридические энциклопедии в русской и иностранной литературе»³.

В 1841 году «Энциклопедия законоведения» К. А. Неволлина была удостоена Демидовской премии второй степени. Профессор П. Д. Калмыков, анализируя сочинение Неволлина, отмечал, что его «Энциклопедия законоведения» есть явление «совершенно новое в юридической литературе нашего Отечества; ни одно из сочинений подобного содержания, написанных на русском языке, не может выдержать сравнения с этим во многих отношениях превосходным творением»⁴. Сопоставляя «энциклопедию» русского правоведа с «энциклопедиями» немецких правоведов, Калмыков явное предпочтение отдавал первой. «Тогда как немецкие энциклопедии и другие иностранные произведения подобного содержания, — от-

---

¹ Реннекамп Н. К. Неволин Константин Алексеевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Университета Св. Владимира (1834–1884). Составлен и издан под редакцией В. С. Иконникова. Киев, 1884. С. 461.

² См.: Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Том 1: Введение в Энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. Киев, 1839. Том 2: Вторая половина особенной части. Киев, 1840. В 1857 г. это произведение было напечатано вторым изданием — в первых двух томах «Полного собрания сочинений К. А. Неволлина».

³ Реннекамп Н. К. Неволин Константин Алексеевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Университета Св. Владимира (1834–1884). Составлен и издан под редакцией В. С. Иконникова. Киев, 1884. С. 462.

⁴ Калмыков П. Д. Разбор сочинения г-на Неволлина «Энциклопедия законоведения» // Десятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1841. С. 73.

мечал он, — излагают состав наук юридических преимущественно в отношении к важности, какую они имеют для туземных законовладельцев, Энциклопедия нашего ученого содержит в себе изложение не только общих всемирных начал права, но и развитие их в истории важнейших положительных законодательств древних и новых времен, так что автор с благородным сознанием смело мог сказать в своем предисловии, что даже иностранная литература доселе не представляет сочинения, которое было бы подобно его труду во всем его объеме»¹.

В заключение своей рецензии на «Энциклопедию законовладельения» К. А. Неволлина профессор Калмыков отметил, что, помимо важного значения этого сочинения для науки, «оно приносит великую пользу отечественному законоведению: составляя эпоху своим появлением в области нашей юридической литературы, оно по объему и содержанию своему удовлетворяет потребностям русского юношества, изучающего юриспруденцию, знакомя его с общими истинами права и со всемирным их развитием, и пересаживая на родную почву важные истины, стяжанные европейскою ученостью»².

«Энциклопедия законовладельения» Неволлина включала в себя три раздела:

1) теоретический, в котором рассматривается существо права и закона;

2) истории философии законодательства, посвященный описанию идей философов древности и нового времени о праве и законах;

3) истории положительных законодательств, в котором излагается история права иностранных государств и России с древности и до начала XIX века.

Основное содержание указанного произведения было заключено в 1279 страниц, при этом теория права и закона занимала в нем всего 148 страниц, история политических и правовых учений — 485 страниц, история же иностранного и русского права — 646 страниц, то есть более половины объема книги. Таким образом, «Энциклопедия законовладельения» профессора К. А. Неволлина являлась в значительной мере историко-правовым произведением.

¹ Калмыков П. Д. Разбор сочинения г-на Неволлина «Энциклопедия законовладельения». С. 74–75.

² Там же. С. 120.

Этот факт убедительно свидетельствует о том, что выдающийся русский правовед смотрел на историю права как на науку, составляющую фундамент юриспруденции.

Энциклопедию законоведения Неволин представил в первом издании своей книги как «обзор наук законоведения в общей их части»¹. Во втором ее издании, которое появится уже после смерти автора, будет дано другое, более подробное определение этой науки: «Энциклопедия законоведения есть обзор наук законоведения в общей их связи как со всем человеческим ведением, так и между собою. Энциклопедия законоведения есть теория науки законов (*Wissenschaftslehre*), как одной из областей человеческого ведения, — учение о построении сей науки (*Architectonik*), о плане ее и о том, как сей план представляется выполненным или может быть выполнен в действительности, — наука, изображающая состав, строй, организм науки законов, единство ее, происхождение множества наук юридических из единства и восприятие их в единство»².

Значение энциклопедии законоведения в системе научной юриспруденции Неволин видел прежде всего в ее способности сохранять связь между отдельными юридическими науками. «Все они, — отмечал он, — занимаясь одним известным предметом, составляют одно целое и должны быть изучаемы как одно целое. Между тем как по содержанию они весьма многочисленны, так и образ их изложения может быть весьма различен. Отсюда рождается необходимость изучать их более или менее отдельно одну от другой, и притом в течение продолжительного времени. Но при таком отдельном и продолжительном их изучении общая связь между ними остается нераскрытою; их совокупность представляется нам не стройным целым, а собранием разнородных сведений; они легко могут столкнуться между собою враждебным образом. Это зло отвращает Энциклопедия, которая обзревает их в общей их связи»³.

---

¹ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Том 1: Введение в Энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. Киев, 1839. С. 1.

² Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 1: Энциклопедия законоведения. Введение в Энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. СПб., 1857. С. 1.

³ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Том 1: Введение в Энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. Киев, 1839. С. 4–5.

Вместе с тем Неволин считал Энциклопедию законоведения весьма значимой дисциплиной еще и потому, что она, будучи самостоятельной наукой, соединяла в своем содержании совокупность предметов, общих для всех юридических наук.

* * *

2 февраля 1843 года К. А. Неволин был уволен на основании своего прошения от должности ректора Университета Св. Владимира. В марте того же года он оставил Киев и возвратился в Санкт-Петербург. На юридическом факультете Санкт-Петербургского университета после смерти в 1841 году профессора Е. В. Врангеля освободилась кафедра «гражданских законов общих, особенных и местных». В течение двух лет после этого лекции по названным предметам читал Н. Ф. Рождественский. С сентября же 1843 года их стал читать ординарный профессор К. А. Неволин¹. 23 декабря 1847 года Константин Алексеевич был утвержден проректором Санкт-Петербургского университета² и деканом юридического факультета³. 15 ноября 1848 года он в дополнение к своим университетским должностям получил место ординарного профессора энциклопедии законоведения в Императорском Училище правоведения.

Научные труды Неволина в его первое пятилетие пребывания в Санкт-Петербурге были посвящены в основном истории государства и права России. В 1844 году он опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» работу «Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого»⁴. Спустя три года в этом же печатном издании вышел в свет его труд

---

¹ Текст лекционного курса К. А. Неволина «Русские гражданские законы» был напечатан в 1847 г. в типографии Академии наук. В рукописном отделе Российской Национальной библиотеки сохранились переписанные писарем манускрипты лекций К. А. Неволина по истории местных гражданских законов и по системе общих российских гражданских законов (ОР РНБ. Фонд 601. Ед. хр. 1830 и 1831).

² Ректором Санкт-Петербургского университета являлся в то время П. А. Плетнев.

³ См.: Министерские распоряжения за декабрь месяц 1847 года // ЖМНП. 1848. Ч. 57. № 1. Отд. 1. С. 31.

⁴ См.: ЖМНП. 1844. Ч. XLI. Отд. 5. № 1. С. 1–32. № 2. С. 33–86. № 3. С. 87–150. В указанном журнале были опубликованы четыре главы работы «Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого». Все пять глав ее

«О пространстве церковного суда в России до Петра Великого»¹. В 1847 году была напечатана речь К. А. Неволлина «Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II», произнесенная в торжественном собрании Санкт-Петербургского университета².

Но самым значительным трудом К. А. Неволлина в области истории русского права (и одновременно в науке гражданского права) была трехтомная «История российских гражданских законов» Она вышла в свет в 1851 году и сразу же получила высокую оценку со стороны правоведов. В 1852 году ее автор был удостоен Демидовской премии первой степени³. «Появление книги г. Неволлина, — отмечал в своей рецензии на нее Ф. Л. Морошкин, — соответствует настоящей эпохе юридического образования в России. Господство исторической методы изучения законодательств в землях римского права отозвалось и в нашем Отечестве, с тою разницею, что там историческое направление есть следствие высших начал ведения, и служит поверкою оных; тогда как в России оно есть первоначальное, непосредственно данное наукою. По сему сочинение г. Неволлина есть самое естественное явление в области русской юридической литературы»⁴.

Профессор Казанского университета А. Г. Станиславский считал «Историю российских гражданских законов» К. А. Неволлина самым выдающимся произведением русской юридической литературы своего времени. В речи «О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления», произнесенной в

были напечатаны в издании: Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 6: Исследования о различных предметах законоведения. СПб., 1859. С. 97–250.

¹ См.: ЖМНП. 1847. Ч. LV. Отд. 2. № 7. С. 1–23; № 8. С. 75–151; Ч. LVI. Отд. 2; № 10. С. 1–80; № 11. С. 157–200. А также в издании: Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Т. 6. С. 251–389.

² См.: Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1847 года. СПб., 1847. А также: Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 6. С. 429–517.

³ См.: Общий отчет о двадцать первом присуждении Демидовских наград, составленный неперменным секретарем Императорской Академии наук и читанный в публичном собрании сей Академии 24 мая 1852 года // Двадцать первое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1852. С. 7.

⁴ Разбор сочинения г. проф. д-ра прав Неволлина под заглавием: История российских гражданских законов. Санктпетербург, 1851. 8. Составленный профессором Московского университета г. Морошкиным // Двадцать первое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1852. С. 27.

1853 году, Антон Григорьевич дал ему следующую характеристику: «Ежели историко-юридическая литература новейшего времени заслуживает, преимущественно перед другими ее частями, внимание любителей русского законовещения, то, конечно, это внимание должно сосредоточиться в особенности на одном монументальном произведении, которое бесспорно составляет венец всей юридической деятельности нашего времени. Это произведение есть: “История российских гражданских законов”, сочинение К. А. Неволлина, профессора С. Петербургского университета (три большие тома, СПб., 1851 г.). Никогда еще в русской юридической литературе не было подобного явления, никогда ученые юристы не были обрадованы столь драгоценным приобретением... Сочинение почтенного профессора обнимает вполне систему гражданских законов, со всеми ее подробностями, и раскрывает их постепенное развитие от начала государства до самого того времени, когда сочинение напечатано. При взгляде на этот колоссальный труд читатель с самого начала поражен почтительным удивлением, которое все более и более возрастает по мере следования за сочинителем по необъятному, а вместе с тем дивно стройному и превосходно расположенному зданию. Сколько материалов надобно было собрать, исследовать, взвесить и оценить? Какое уменьье потребно было для того, чтобы из этих материалов создать гармоническое целое! Нет сомнения, что автор не упустил из виду ни одного изданного прежде о русском праве сочинения и из каждого, если только представлялась возможность, почерпнул все существенное, все необходимое для своей цели; но все почерпнутые им у других сведения исчезают, можно сказать, в массе собственных изысканий по источникам, которые он неутомимо изучал в продолжении шестнадцати лет. Тысячи самых мелких подробностей, подкрепленные столь же многочисленными указаниями или цитатами, были плодом изумительной деятельности ученого профессора, умевшего все эти частности, посредством глубоких ученых соображений и приемов, привести в стройную, безукоризненную систему! Ежели любители исторического законовещения, как думает сам сочинитель, долго еще будут испытывать свои силы над историей гражданских законов, то однако ж собственное его творение пребудет навсегда исходною точкою всех позднейших об этом предмете исследований... Если бы юридическая литература нашего времени не произвела ничего более, кроме сочинения профессора Неволлина, то

и тогда уже она имела бы неоспоримое право на признательность потомства»¹.

«История российских гражданских законов» К. А. Неволина имела большое значение для развития в России юридического образования и научной юриспруденции, прежде всего историко-правовой науки, но также и теории права, и цивилистики. По словам И. Е. Андреевского, Неволин «создал русское гражданское право, потому что его История Гражданских Законов представляет полное основание для курса гражданского права, и это сочинение долго еще будет обеспечивать хорошее, настоящее преподавание этого предмета в России»².

Борис Владимирович Никольский (1870–1919), специалист в области гражданского права и истории римского права, называл «Историю российских гражданских законов» К. А. Неволина в числе «трех устоев, которыми держится наша цивилистика, — наряду с десятым томом “Свода законов Российской империи” и “Курсом гражданского права” К. П. Победоносцева»³.

В 1851 году К. А. Неволин опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» обширную статью «О преемстве великокняжеского киевского престола»⁴. Спустя два года он издал в «Записках Русского географического общества» свою работу «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке»⁵.

М. Ф. Усов отмечал в очерке о Неволине, написанном сразу после его смерти, что данная работа «принадлежит к числу замеча-

---

¹ Станиславский А. Г. О ходе законодательства в России и о результатах современного его направления. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета 8 июня 1853 года. Казань, 1853. С. 64–66.

² Андреевский И. Е. От издателя // Полное собрание сочинений К. А. Неволина. Том 1: Энциклопедия законодательства. СПб., 1857. С. XVI.

³ Никольский Б. В. Литературная деятельность К. П. Победоносцева. (По поводу пятидесятилетнего юбилея) // Исторический вестник. 1896. № 9. С. 724–725.

⁴ См.: ЖМНП. 1851. Ч. 69. Отд. 2. № 2. С. 99–144; Ч. 72. Отд. 2. № 12. С. 69–98. А также: Полное собрание сочинений К. А. Неволина. Том 6. С. 587–634.

⁵ См.: Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты // Записки Русского Географического общества. Книжка VIII / Под редакцией К. А. Неволина, действительного члена Императорского Русского Географического общества. СПб., 1853. По замыслу И. Е. Андреевского, эта работа, объемом в 426 страниц, должна была составить седьмой том «Полного собрания сочинений К. А. Неволина». Однако руководство Географического общества не дало разрешения на ее печатание. Поэтому собрание сочинений Неволина вышло в шести томах и не стало, несмотря на его название, по-настоящему полным.

тельнейших ученых трудов, какие только были совершаемы в области исторической географии»¹. Подобная оценка была дана ей и в рецензии, опубликованной в 1854 году в журнале «Отечественные записки». Анонимный рецензент отметил, что вопрос о разделении Новгородской земли на пятины и погосты, «по обширности его отношений к другим вопросам историческим, географическим, бытовым, правительственным и проч., представляет для исследователя невероятные трудности и при настоящем состоянии наших исторических изысканий едва ли может быть решен удовлетворительно. Поэтому весьма понятно, что труд г. Неволлина должен был по необходимости ограничиться одними только первоначальными, приуготовительными работами, которые окончены ученым автором с необычайною добросовестностью и полнотою, так что во всяком случае составляют замечательнейшее приобретение историко-географической литературы в последнее время»².

В действительности работа «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке» имела большое значение и для истории отечественного государства и права: она создавала предпосылки для более глубокого изучения административно-территориального деления Новгородской земли, причем не только во времена, следовавшие за включением ее в состав территории Московского государства, но и в более раннюю эпоху. Неволлин рассмотрел в своем исследовании помимо географического также правительственное значение этого деления, показал его историческое происхождение и развитие. Так, вторая глава его работы называется: «Происхождение разделения Новгородской области на пятины; географическое значение этого разделения; подразделение пятин на половины; правительственное значение пятин и половин». Третью же главу Неволлин посвятил происхождению, географическому и правительственному значению разделения Новгородской области на погосты. В четвертой главе им было рассмотрено ее разделение на уезды или присуды и станы, показано соотношение его с делением на пятины и погосты.

---

¹ Усов М. Очерк служебной и ученой деятельности проф. К. А. Неволлина. СПб., 1855. С. 23. Отгиск из газеты «Северная Пчела». 1855. № 234 и 236 (25 и 27 октября).

² Отечественные записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. 1854. Том 94. Кн. 5. Отд. 3. С. 1.

«Какой смысл по отношению к гражданскому управлению имело разделение Новгородской области на пятины, а пятин — на половины?» — вопрошал в своем исследовании Неволин и давал на этот вопрос следующий ответ: «Прежде всего очевидно, что по пятинам и половинам было определяемо географическое местоположение селений и по ним же был производим счет обывателей и податного имущества их, а равно недвижимого казенного имущества, следовательно, счет податей, повинностей и казенных от недвижимых имуществ доходов. Таким образом, это разделение имело правительственно-статистическую важность. Вследствие сего разделение по пятинам и половинам было полагаемо в основание правительственных распоряжений, и получало практическое значение всякий раз, как скоро из жителей Новгородской области надлежало образовать для удовлетворения какой-либо потребности государственной большие единицы»¹.

Своей «Энциклопедией законоведения» К. А. Неволин показал себя талантливым систематиком — ученым, способным приводить в систему и осмысливать огромный фактический материал. Однако одновременно он породил этой книгой мнение о себе среди своих коллег как об ученом, который не отличается оригинальностью мышления и не обладает способностью объяснить что-то по-новому — так, как никто до него не объяснял. Демидовская премия второй, а не первой, степени была присуждена Неволину во многом именно потому, что его труд сочли недостаточно оригинальным и самостоятельным. В «Общем отчете о десятом присуждении Демидовских наград» было отмечено: «Если несмотря на произнесенную г. рецензентом почти безусловную похвалу сему сочинению, Академия присуждает ему не полную, а второстепенную премию, то это оправдывается тем, что судя по самой рецензии, книга г. Неволлина в том только смысле может назваться самостоятельным произведением, что автор с редким дарованием, частию из уроков знаменитых своих наставников, частию из богатой и глубокоученой германской юридической литературы, восприял в себя и как бы усвоил себе существо своей науки и обработал имеющиеся уже налицо

---

¹ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. С. 66–67.

материалы с умом и талантом оригинальным (самостоятельным) образом»¹.

Преимущественно в качестве систематика проявил себя К. А. Неволин и в «Истории российских гражданских законов». Но высокое качество и грандиозность его труда ни у кого не вызвали сомнения в том, что он достоин полной Демидовской премии.

Работа же «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке» продемонстрировала способность ученого создавать оригинальные научные произведения, базирующиеся на первичных документальных материалах.

В основу своего исследования административно-территориального деления Новгородской земли Неволин положил следующий круг материалов:

«1) Все вообще известные источники российской истории.

В особенности же

2) Писцовые книги.

3) Изгонные книги.

4) Договоры, заключенные в древние времена Российским правительством с Швециею и Норвегиею.

5) Древние и новые географические карты России.

6) Списки селений, составленные по Министерству Внутренних Дел, и Описание С.-Петербургской губернии, изданное от С.-Петербургского Губернского Правления.

7) Сведения, собранные от разных частных лиц»².

Самым ценным среди перечисленных материалов были писцовые книги Новгородской земли, составлявшиеся в конце XV и в XVI века. В них описывалось хозяйственное состояние населения с целью распределения или, как тогда говорили, «раскладки» государственных податей и повинностей. Ко времени, когда Неволин приступал к работе о новгородских пятинах и погостах, мало что из этих книг было опубликовано³. Поэтому ему пришлось обращаться

---

¹ Десятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1841. С. 16.

² *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. С. 8.

³ Публикация этого ценнейшего для истории не только Новгородской земли, но и русского общества в целом источника продолжается и поныне. Так, за последнее десятилетие вышли в свет следующие издания: Писцовые книги Новгородской земли. Том 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и об-

в архивохранилища. В Главном Московском архиве Министерства иностранных дел и в Архиве Вотчинного департамента, состоявшего при Московских департаментах Сената, он обнаружил восемнадцать томов большого формата (ин-кварти) писцовых книг Новгородской земли¹. Извлечения из них, составившие 382 страницы, Неволин привел в 14 приложениях к основному тексту своего сочинения. Академик Н. Г. Устрялов в рецензии на него счел необходимым отметить, что эти извлечения «имеют самостоятельное достоинство независимо от связи их с текстом. Читатель на каждой странице извлечений найдет множество важнейших указаний на древний быт нашего отечества»².

В результате своего исследования административно-территориального деления Новгородской земли Неволин предложил новый, более обоснованный взгляд на историю происхождения и эволюции новгородских пятин. И. Д. Беляев, С. М. Соловьев и другие историки относили появление этой территориальной единицы к XI и XII векам. К. А. Неволин на основании изученных документальных материалов сделал вывод о том, что «разделение Новгородской области на пятины: Вотскую, Шелонскую, Обонежскую, Деревскую и Бежецкую, является только после 1477 года, т. е. по окончательном покорении Новгорода Иоанном III»³. По-новому решил Неволин и вопрос о сущности погостов, установленных в Новгородской земле, согласно летописям, великой княгиней Ольгой в 947 году. Он высказал мнение о том, что в то время под погостом понималось место общественного служения Богу. Следовательно, устройство Ольгой погостов было не административно-территориальной, а религиозной реформой. За пять с половиной

рочные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Составитель К. В. Баранов. М., 1999; Писцовые книги Новгородской земли. Том 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI века / Составитель К. В. Баранов. М., 2001; Писцовые книги Новгородской земли. Том 6: Писцовые книги Шелонской пятины XVI века. М., 2009.

¹ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. С. V–VI.

² *Устрялов Н. Г.* Разбор сочинения профессора, д-ра прав Неволина, под заглавием: «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты // Двадцать третье присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1854. С. 61.

³ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. С. 52.

столетий, прошедших с этого времени до момента составления писцовых книг, понятие погоста менялось. «Тот вид, в каком погосты являются по писцовым книгам, был последствием продолжительного исторического развития»¹ — к такому выводу пришел Неволин, исследуя записи о погостах в различных старорусских документах.

Рецензент его труда — академик Н. Г. Устрялов — охарактеризовал выводы работы «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке» как весьма убедительные и отличающиеся новизной. Итоговая его оценка этого сочинения К. А. Неволлина выражалась следующими словами: «Исследование о пятинах и погостах Новгородских составляет эпоху в разработке исторической географии нашего отечества. Оно превосходно разрешает свою задачу, изобилует богатством выводов, проливает яркий свет на географию нашего древнего севера; для будущих деятелей в области древней географии Новгорода оно служит твердым основанием, на котором безопасно можно углубляться в даль веков; наконец, по превосходству исполнения, по самому основательному изучению разнообразных источников, по необыкновенному искусству автора пользоваться ими и ясно, вполне отчетливо, располагать и излагать свои выводы, оно будет навсегда служить образцом для разработки материалов исторической географии»².

Высокую оценку дал рассматриваемому труду Неволлина и академик Я. И. Беренников³. Оба академика-историка выступили за присуждение ученому-правоведу полной Демидовской премии.

Научное значение работы «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке» далеко выходило за рамки ее темы. Данная работа была интересна не только своими выводами, но и тем, как они были получены. Примененный Невוליным метод исследования сочетал в себе широту взгляда на изучаемое общественное явление, свойственное хорошему историку, с глубиной и основательностью критического анализа фактов, присущими настоящему юристу. В «Общем отчете о двадцать третьем присуждении Демидовских

¹ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. С. 93.

² Устрялов Н. Г. Разбор сочинения профессора, д-ра прав Неволлина, под заглавием: «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке». С. 61.

³ Общий отчет о двадцать третьем присуждении Демидовских наград // Двадцать третье присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1854. С. 13–14.

наград», зачитанном академиком Бередниковым 28 мая 1854 года в публичном собрании Академии наук, при характеристике труда Неволлина специально отмечалось: «Метод, которому следовал автор, есть критический, в строгом смысле этого слова. Разбирая свой предмет при помощи всех доступных для него источников, как общих, так и частных, и преимущественно писцовых книг, договоров и карт разного времени, автор не упускал из виду мнений своих предшественников, и обзрев по возможности этот предмет, высказал о нем свое мнение с строгою отчетливостью, прибегая к предположениям только в случаях, когда не имел под руками положительных данных»¹.

Образно говоря, Неволин исследовал тему новгородских пятин и погостов так, будто перед ним было судебное дело, а сам он являлся не ученым, а судьей. Работа «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке» показала, что сочетание способностей, вырабатываемых исторической наукой, со свойствами мышления, развиваемых изучением юриспруденции, является в высшей степени плодотворным как для юристов, так и для историков.

В последние годы своей жизни Константин Алексеевич вынашивал замысел написания сочинения, обобщающего опыт правовой истории России. По свидетельству И. Е. Андреевского, он предполагал сосредоточиться на внутренней истории русского права, то есть на описании исторической эволюции правовых институтов, а к составлению внешней истории отечественного права — истории его источников — якобы намеревался привлечь профессора Н. Ф. Рождественского². О достоверности данного свидетельства трудно судить, но статья «О собраниях и ученом обработывании церковных законов в Греции и России», напечатанная в шестом томе посмертного собрания сочинений Неволлина³, показывает, что внешняя история русского права его интересовала в такой же мере, как и внутренняя.

* * *

Как научный исследователь и преподаватель Константин Алексеевич отличался педантизмом и необыкновенной работо-

¹ Общий отчет о двадцать третьем присуждении Демидовских наград. С. 12.

² *Андреевский И. Е.* От издателя // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 1. Энциклопедия законоведения. СПб., 1857. С. XV–XVI.

³ См.: Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Том 6. С. 391–428.

способностью. Ученик Неволлина И. Е. Андреевский писал о нем в биографическом очерке, предваряющем его полное собрание сочинений: «Нельзя не подивиться тому, как находил Неволлин время для выработки таких громадных результатов, если припомнить что при этом он был деканом юридического факультета и, кроме университета, преподавал еще с 1848 г. в Императорском Училище правоведения энциклопедию законоведения и историю российского законодательства. Это правда, что все его прохождение времени не отрывалось от занятий. Неволлин не знал рассеяний, не знал отдыха»¹.

Характер К. А. Неволлина как педантичного преподавателя хорошо проявлялся в его манере чтения лекций. Н. К. Ренненкампф писал о его преподавательской манере: «Преподавание Неволлина отличалось отчетливостью, полнотою, но было весьма сухо; он почти не отступал от своего печатного руководства, которое помнил твердо, и требовал, чтобы изложенное им слушатели знали также твердо и основательно... Неволлин не будил у слушателей самостоятельности мысли, не вызывал у них самобытного изучения предмета, а просто налагал свою доктрину и метод на молодые умы»².

«Слабая грудь³, — вспоминал И. Е. Андреевский, — не позволяла ему вести беседу достаточно громкую: он читал весьма тихо. Вместе с тем он недостаточно оживлял свои лекции; его лекции не были красноречивою беседою, скорее были похожи на диктовку; его лекции вредила его неумолимая точность, однообразие, отсутствие внешней жизни. Но зато содержание лекции всегда выкупало ее форму. Строгая система, богатство мысли, поразительная начитанность — признаки лекции Неволлина. Он серьезно смотрел на свою аудиторию и потому все, что в ней ни произносил, было обдуманно, приготовлено, было верно, отчетливо и притом свежо, знакомо с позднейшими исследованиями. Как профессор он обладал и еще замечательными достоинствами: непоколебимую справедливостью относительно своих слушателей и горячею к ним любовью. Никакие просьбы, никакие связи, никакие сторонние

¹ Андреевский И. Е. От издателя. С. XVI.

² Ренненкампф Н. К. Неволлин Константин Алексеевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Университета Св. Владимира (1834—1884). Составлен и издан под редакцией В. С. Иконникова. Киев, 1884. С. 460—461.

³ К. А. Неволлин страдал туберкулезом легких (чахоткой).

отношения не могли заставить Неволлина сделать несправедливость относительно его слушателя; он был в этом отношении примерно добросовестен; он всегда оставался верным своему убеждению, никогда не терял сознания, что он профессор университета»¹.

Женился Константин Алексеевич лишь на 43-м году своей жизни. Его супругой стала дочь генерал-майора Любовь Богдановна Нилус. Она родила Неволлину двух дочерей — Зинаиду и Евгению — и сына Алексея. Столь поздние семейные радости, казалось бы, должны были отвлечь Неволлина от научных занятий — во всяком случае, заставить его меньше уделять им внимания и сил. Однако его распорядок дня почти не изменился. Постоянный научный труд сделался для Неволлина привычкой, образом жизни.

9 декабря 1853 года Неволлин был избран в члены-корреспонденты Академии наук (по отделению русского языка и словесности). Его заслуги в области историко-правовой науки были признаны ученой элитой России.

Вступая четверть века назад на поприще юриспруденции, Константин Алексеевич совсем не предполагал, что добьется на нем такого успеха. Завершая обучение юридическим наукам под руководством М. М. Сперанского, молодой попovich не скрывал от Михаила Михайловича, который тоже был выходцем из духовного сословия, что научная и преподавательская деятельность не слишком его привлекает и что он предпочел бы ей службу в государственном аппарате — в особенности во *Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии*. Эта мечта К. А. Неволлина исполнилась в конце его жизни. 1 декабря 1853 года он был возведен в чин действительного статского советника, соответствовавший званию генерал-майора, а 5 декабря его приняли на службу во *Второе отделение* («с оставлением в прежних должностях»). Главноуправляющий этим ведомством граф Д. Н. Блудов сообщил 21 февраля 1854 года министру юстиции графу В. Н. Панину, что в своем докладе императору Николаю I «о пользе, которой можно ожидать от г[осподина] Неволлина для работы II отделения», он между прочим обратил внимание государя «на трудолюбие его, чему несомненным доказательством служат многие, разнообраз-

¹ Андреевский И. Е. От издателя. С. XVII.

ные сочинения его по части законоведения, которые он совершил без малейшего прер[ы]вания других служебных занятий»¹.

Избрание К. А. Неволина в состав Академии наук, назначение его на службу в учреждение, в котором велись работы по кодификации законодательства Российской империи, присуждение ему полной Демидовской премии за научный труд — все эти события, произошедшие в течение двух лет, свидетельствовали, что он достиг вершины в своей научной и служебной карьере. При этом Константин Алексеевич был достаточно молодым для ученого такого уровня — ему не исполнилось еще пятидесяти лет — и казалось, что он еще много сделает полезного для государства и науки. Но в такие моменты судьба бывает по-особому коварной, и удар ее может оказаться смертельным.

Весной 1855 года у К. А. Неволина обострилась легочная болезнь. Утомленный чрезмерными служебными и научными занятиями организм не смог ей противостоять. И Константин Алексеевич решил на время оставить службу и заняться лечением своих легких. Он подал прошение начальству о предоставлении ему с 5 мая 1855 года четырехмесячного отпуска и, получив разрешение на него, отправился на курорты с минеральными водами — сперва в городок Соден близ Франкфурта-на-Майне, а затем в Бриксен, расположенный в австрийском городе Тироле. В Санкт-Петербурге осталась его жена и трое малолетних детей. В начале своего пребывания на курорте Неволин почувствовал себя лучше, но затем состояние его здоровья стало заметно ухудшаться. 21 августа он обратился к Д. Н. Блудову с просьбой исходатайствовать перед императором Александром II продление на год своего отпуска. Но когда его прошение было удовлетворено, Константин Алексеевич понял, что восстановить здоровье и тем самым способность работать с прежней интенсивностью ему не удастся и за год. Поэтому в сентябре 1855 года он подал государю новое прошение — на этот раз о полной своей отставке со службы как в университете, так и во Втором отделении. Оно без промедления было удовлетворено, однако прожил Константин Алексеевич после этого всего несколько дней. 6 октября он скончался в австрийском городке Бриксен.

10 ноября 1855 года главноуправляющий Вторым отделением граф Блудов представил императору «Всепоподаннейший доклад», в

¹ РГИА. Фонд 1341. Оп. 38. Ед. хр. 2356. Л. 5об.

котором было написано о смерти Неволлина: «Сия смерть есть потеря и для науки, и для службы. Г[осподин] Неволин был человек отличный во всех отношениях — и по нравственным качествам и по обширным сведениям, особливо в юриспруденции, и об нем равно единодушно сожалеют все начальства, в ведомстве коих он служил». Писарь начертал на этом докладе: «Государю Императору благоугодно было изъявить сожаление о потере г[осподина] Неволлина и соизволить оплатить все расходы и обеспечить участь семейства»¹. Волею Александра II семье профессора Неволлина была назначена пенсия в две тысячи пятьсот рублей серебром в год². Ее размер намного превышал размеры подобных пенсий, предписанные законом.

25 мая 1856 года доставленное из Австрии тело К. А. Неволлина было предано земле на кладбище рядом с церковью Смоленской Божьей Матери. На похоронах видного ученого-правоведа присутствовали министр иностранных дел князь А. М. Горчаков³, другие министры и сановники, а также профессора и студенты Санкт-Петербургского университета и Училища правоведения.

К. А. Неволин являлся, безусловно, самым выдающимся ученым из русских правоведов второй трети XIX века. Основные черты русской юриспруденции указанного периода полнее всего воплотились именно в его научном творчестве — прежде всего в написанных им томах «Энциклопедии законоведения» и «Истории российских гражданских законов», но также и в других его работах по истории отечественного государства и права. Если на труды К. А. Неволлина взглянуть с позиций современной юридической науки, то в них, конечно же, обнаружится много пробелов, устаревших взглядов, ошибочных утверждений. Но для того, чтобы справедливо оценить творчество ученого, необходимо смотреть на него прежде всего с точки зрения того уровня научного знания, с которым он столкнулся, когда вступал на поприще науки.

В начале 30-х годов XIX века в России была осуществлена грандиозная реформа законодательства: оно было систематизировано и приспособлено к новым общественным условиям. Перед

¹ Дело II отделения С. Е. И. В. канцелярии о смерти действительного статского советника Неволлина // РГИА. Фонд 1261. Оп. 2. Ед. хр. 133. Л. 19.

² Там же. Л. 38–43об.

³ В момент смерти Неволлина он был посланником России в Австрии.

правоведами встала задача создания нового законоведения — научной юриспруденции, ориентированной на усвоение понятийного и терминологического аппарата отечественного права, принципов и норм действующего законодательства Российской империи. На изучение именно такой юриспруденции требовалось настроить систему юридического образования в российских университетах. К. А. Неволин создавал своими трудами фундамент отечественной научной юриспруденции, на котором можно было возводить здание отраслевых юридических наук.

Сергей Иванович Баршев

(1808—1882)

СЕРГЕЙ Иванович Баршев родился 17 сентября 1808 года в Москве в семье священника. Первоначальное образование получил дома, занимаясь (вместе с братом Яковом¹) под руководством отца и приглашенных учителей. Отец имел намерение отдать Сергея и Якова в гимназию, но ему не удалось получить разрешения на их выход в светское звание, поэтому братья Баршевы должны были продолжить свое образование в Московском уездном духовном училище. Здесь они изучали Закон Божий, Священную историю, всеобщую и российскую географию, арифметику, латинский и древнегреческий языки.

Добротная домашняя подготовка вместе с трудолюбием и природными задатками к усвоению знаний позволила братьям Баршевым быстро стать в ряд лучших учеников. По окончании в 1820 году духовного училища Сергей и Яков были переведены в Московскую духовную семинарию. Здесь в течение шести лет им преподавали словесные, исторические, философские, математические и богословские науки.

Завершив обучение в семинарии, братья выразили желание поступить в Императорский Московский университет. Однако руководство семинарии настояло на том, чтобы они шли в духовную академию. Так Сергей и Яков Баршевы оказались в конце 1826 года в стенах Московской духовной академии.

Преподавание в данном учебном заведении отличалось довольно высоким уровнем. Слушатели получали основательную философскую подготовку, создававшую прочный фундамент для успешного усвоения специальных наук, в первую очередь юриспруденции.

В сентябре 1829 года, за девять месяцев до того, как Баршевы должны были окончить курс обучения, в Московскую духовную ака-

---

¹ Я. И. Баршев (1807—1894) — в 1836—1856 гг. — профессор полицейских и уголовных законов в Санкт-Петербургском университете.

демию поступило высочайшее повеление об отправлении троих слушателей, лучших по поведению и успехам в учебе, в Санкт-Петербург в распоряжение Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии для изучения юридических наук. Руководство академии, недолго думая, избрало братьев Баршевых и И. В. Платонова¹.

В октябре 1829 года они приступили к занятиям по программе, составленной фактическим управляющим Вторым отделением М. М. Сперанским. Вместе с ними юриспруденцию изучали Н. И. Крылов, А. В. Куницын и А. А. Федотов-Чеховский, избранные из числа лучших слушателей Санкт-Петербургской духовной академии. Преподавателями были профессора Санкт-Петербургского университета и чиновники Второго отделения, работавшие над составлением «Полного собрания...» и «Свода законов Российской империи».

В Санкт-Петербургском университете братья Баршевы и их сотоварищи слушали лекции по римскому праву В. В. Шнейдера, переводили Софокла с древнегреческого языка на латинский под руководством преподавателя Ф. Б. Грефе, занимались немецким и французским языками. Во втором отделении профессор А. П. Куницын читал им курс российского правоведения, профессор М. Г. Плисов — законы о финансах и политическую экономию, В. Е. Клоков — российское публичное право. Кроме того, под руководством начальника Второго отделения М. А. Балугьянского они занимались «чтением лучших юридических книг с письменными отчетами» и «практическими упражнениями в российских законах», а с помощью чиновника указанного Отделения учились «составлять подробные записки из старых обширных дел, решенных в Сенате». Одновременно им надлежало самостоятельно совершенствовать свои познания в области статистики и истории.

В мае — июне 1831 года Сергей Баршев со своими товарищами держал экзамен перед комиссией из вышеназванных преподавателей. Возглавлял ее М. М. Сперанский. Характеризуя проэкзаменованных во всеподданнейшем докладе императору Николаю I, Михаил Михайлович отмечал, что «на экзамене они оказались все способными, а братья Баршевы, с большими дарованиями».

¹ См. подробнее об этой истории: *Томсинов В. А.* Государственная власть и юриспруденция в России: уроки истории // Законодательство. 1998. № 2. С. 79–82.

В октябре 1831 года С. И. Баршев, как и все обучавшиеся юриспруденции при Втором отделении, был отправлен для продолжения учебы в Германию. В течение трех лет он слушал в Берлинском университете лекции по философии права, юридической энциклопедии, истории и догме римского права; изучал общее германское государственное, уголовное и гражданское право в их историческом развитии и современном состоянии.

В Россию С. И. Баршев возвратился в июне 1834 года. Вместе со своими товарищами он был причислен ко Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии на время, необходимое для подготовки к специальному экзамену и написания докторской диссертации. По плану все это должно было занять срок не менее года. Жизнь, однако, внесла коррективы. 24 февраля 1835 года к М. М. Сперанскому обратился министр народного просвещения С. С. Уваров с просьбой поскорее направить возвратившихся из Берлина студентов на преподавательскую работу в Московский университет, поскольку в его отделении нравственных и политических наук существует «недостаток в достойных преподавателях, так что теперь три важнейших кафедры, и именно: 1) права естественного, политического и народного, 2) права гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи, и 3) прав знатнейших как древних, так и нынешних народов, остаются вакантными».

При таких обстоятельствах Сперанский обратился к императору Николаю I с просьбой освободить братьев Баршевых и их товарищей от необходимости писать докторские диссертации, так как их сочинение «вместе с рассмотрением и печатанием оных» потребует год и более времени. Вместо этого Сперанский предложил обязать студентов после сдачи экзамена извлечь из предметов испытания «положения или тезы, объемлющие весь состав юридических наук» и представить их к одобрению юридического факультета. «По одобрении факультетом сих тез, — пояснял далее Михаил Михайлович, — испытуемый должен защищать их на публичном акте. После чего, если признан будет достойным, получает степень доктора». «Таким образом, — констатировал он, — испытание всех студентов может быть кончено, по крайней мере, к концу мая и они отправлены быть могут к своим местам по распоряжению министра народного просвещения. Строгое испытание словесное и письменное и защищение от 30 до 40 и более тез, извлеченных из состава

ва всех юридических наук, заменят с пользою и сбережением времени предлинные диссертации, требующие всегда много времени если им быть хорошими».

Согласившись со Сперанским, император Николай 7 марта 1835 года поставил на докладе резолюцию: «Экзамены студентам как прежним, так и новым произвести на означенных в докладе основаниях»¹.

К началу июля 1835 года братья Баршевы и их товарищи успешно сдали экзамены и с 19-го числа указанного месяца начали представлять свои «тезы» для их защиты на публичном собрании в актовом зале Императорского Санкт-Петербургского университета. После защиты тезисов каждому из них была присвоена ученая степень доктора законоведения².

Предписанием министра народного просвещения от 7 сентября 1835 года С. И. Баршев был назначен преподавателем в Московский университет. 17 сентября 1835 года Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов поручил Совету Московского университета «причислить» доктора Сергея Баршева, а также и докторов Крылова и Редкина «к Московскому университету, не утверждая их ни адъюнктами, ни профессорами», но оставив «впредь до введения нового устава, с приобретенною ими ученою степенью и с жалованием ординарных профессоров по тем кафедрам, которые они занимать будут». Согласно этому распоряжению, они могли и «до окончательного распределения кафедр и профессоров по новому уставу» привлекаться, по усмотрению университетского Совета, «к преподаванию по части правоведения»³.

Прибыв 24 сентября в Москву, Сергей Баршев обратился 2 октября в Совет Московского университета со следующим рапортом: «Назначенный его высокопревосходительством г. Министром народного просвещения преподавателем в сей университет, я, согласно данному мне из департамента народного просвещения предписанию от 7 сентября за № 9756, прибыл в Москву сего же месяца 24 числа, о чем почтеннейше донося Совету университета, вместе имею честь объявить, что я желаю преподавать уголовное законоведение.

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 44—45.

² Тезисы С. И. Баршева в 1835 г. были напечатаны в виде отдельной брошюры объемом в 4 страницы. См.: *Баршев С. И.* Положения, извлеченные из науки законоведения. СПб., 1835.

³ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 20.

Доктор законовещения Сергей Баршев». На тексте этого рапорта, хранящемся в Центральном историческом архиве г. Москвы, перед подписью Сергея Баршева и не его почерком начертано карандашом: «Во вторник и субботу, во 2-м часу для студентов 2 и 3 курсов»¹. Данная пометка свидетельствует, что молодому доктору законовещения сразу же было назначено чтение лекций. Так началась преподавательская деятельность С. И. Баршева на юридическом факультете Московского университета.

Своим распоряжением от 14 октября Совет университета поручил Сергею Баршеву преподавать «теорию русского уголовного права для студентов 2-го и 3-го курсов, по понедельникам и пятницам в 12-м часу»².

31 декабря 1835 года С. И. Баршев был утвержден в должности экстраординарного профессора, а 24 марта 1837 года стал ординарным профессором по кафедре уголовных и полицейских законов. На этой кафедре он проработал в течение почти четырех десятилетий — до 14 февраля 1876 года.

Помимо уголовного права и уголовного судопроизводства ему приходилось в 1838—1839 годах читать на юридическом факультете Московского университета также курс общенародного правоведения³, а в 1852—1856 годах преподавать студентам 1-го курса данного факультета латинский язык⁴.

С 10 января 1836 года по 10 ноября 1837 года С. И. Баршев исполнял должность секретаря юридического факультета, а 12 июня 1847 года он был избран деканом юридического факультета на 4-летний срок. После этого он трижды избирался на этот пост и занимал его 16 лет подряд.

---

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 32. Копию этого и других подобных документов из Центрального исторического архива г. Москвы, касающихся юридического факультета Московского университета, мне предоставил научный сотрудник музея факультета кандидат исторических наук С. А. Яблоков.

² ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 36.

³ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755—1855. М., 1855. С. 562.

⁴ «Честь имею донести Совету, — сообщил декан Баршев в своем донесении в Совет Московского университета 8 июня 1855 г., — что в истекшем академическом году преподавал я уголовное законоведение студентам 3 курса, уголовное судопроизводство студентам 4 курса и латинский язык студентам 1 курса, строго придерживаясь программ, одобренных факультетом и утвержденных Советом» (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 24. Д. 520. Л. 20).

26 февраля 1863 года С. И. Баршев стал ректором Императорского Московского университета¹. Он воспользовался предоставленным ему по этой должности правом отказаться на период ее исполнения от преподавания и 27 апреля указанного года обратился в Совет юридического факультета со следующим заявлением: «По многочисленности занятий, соединенных с званием ректора, я, при всем желании, не нахожу возможности преподавать вверенную мне науку уголовного права в том же объеме и числе часов, как прежде. Посему, на основании параграфа 86 устава российских университетов, честь имею предложить юридическому факультету озаботиться избранием мне помощника, которому могло быть поручено преподавание уголовного права студентам 3-го курса»². Декан факультета профессор Лешков в ответ на это заявление попросил Совет университета объявить «конкурс на звание преподавателя по теории и догме уголовного права»³.

В 40-е годы С. И. Баршев занимал ряд должностей за пределами Московского университета. Так, в 1842—1845 годах он являлся цензором Московского Цензурного комитета, в 1845—1849 годах был директором Московского Коммерческого училища, в 1849 году работал инспектором классов Александринского сиротского института.

12 декабря 1870 года С. И. Баршев оставил пост ректора Московского университета, а в 1876 году покинул и университет. В отставку с государственной службы он ушел, имея чин тайного советника. За многолетнюю деятельность на поприще народного образования его наградили орденом Святого Александра Невского.

В последние годы своей жизни Сергей Иванович состоял почетным опекуном московского присутствия Опекунского совета и в этом качестве заведовал детской больницей, странноприимным домом графа Шереметьева и другими подобными учреждениями.

Умер Сергей Иванович Баршев 7 марта 1882 года.

* * *

В истории русской юриспруденции XIX века этот человек занимает заметное место. Он был автором первого в России учебного курса уголовного права, опубликованного в 1841 году под названи-

¹ См.: ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 2.

² ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 32. Д. 220. Л. 4.

³ Там же. Л. 1.

ем «Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях в двух разделах»¹. На основе данного курса осуществлялось преподавание уголовного права в течение многих лет во всех российских университетах. Кроме того, он выпустил в свет такие книги, как «О мере наказаний» (М., 1840), «О вменении в праве. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета июня 13 дня 1840 года» (М., 1840), «Взгляд на науку уголовного законовещения» (СПб., 1858), «О существе власти и обязанностях присяжных» (М., 1874). В 1868 году был издан литографическим способом его учебник «Уголовное судопроизводство» (М., 1868).

Сам Сергей Иванович на протяжении 42 лет читал уголовное право в Московском университете. В «Юридических записках», в журналах «Русский вестник», «Москвитянин», в «Журнале Министерства юстиции» и в других изданиях периодически выходили его статьи по проблемам уголовного права и уголовного судопроизводства². Он был в числе основателей Юридического общества, создан-

¹ 23 июля 1841 г. помощник попечителя Московского учебного округа отослал эту книгу министру народного просвещения со следующим сопроводительным письмом: «По просьбе ординарного профессора Московского университета Баршева имею честь препроводить при сем к В[ашему] В[ысокопревосходительству] сочиненную им книгу: «Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях», в 2-х экземплярах, из которых не угодно ли будет Вам, М[илостивый] Г[осударь], представить по одному экземпляру его величеству государю императору и его императорскому высочеству, государю наследнику цесаревичу, великому князю Александру Николаевичу, и один принять в свою собственность» (ЦИАМ. Фонд 459. Оп. 2. Д. 357. Л. 1). 24 августа Попечителю Московского учебного округа пришло следующее письмо от министра народного просвещения графа Уварова: «По представлению помощника Вашего сиятельства от 23 истекшего июля за № 2446, экземпляр сочинения ординарного профессора Баршева под названием «Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях» поднесен государю наследнику цесаревичу (будущему императору Александру II. — В. Т.). Его высочество, приняв благосклонно его сочинение, поручил изъявить автору оного благодарность» (там же. Л. 4).

² О состоянии вопроса о смертной казни в наше время в Европе и Америке // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным. Т. 1. М., 1841. С. 188—221; О влиянии народных предрассудков на определение наказания // Там же. Т. 2. М., 1842. С. 78—82; О преимуществе следственного процесса пред обвинительным // Там же. С. 120—148; О мере наказания по мере умышленности преступлений в древнем русском праве // Москвитянин. 1854. № 18. Отд. 2. С. 87—92; О необходимых гарантиях уголовного суда (формальное обвинение и защита, суд по внутреннему убеждению и пересмотр уголовных дел) // Русский вестник. 1859. Т. 20. Кн. 2. С. 185—220; Об апелляции в области уголовного суда // ЖМЮ. 1860. № 2. С. 3—32;

ного при Императорском Московском университете, и являлся его первым председателем.

О Сергее Ивановиче Баршеве как о человеке и преподавателе сохранилось довольно много воспоминаний бывших его студентов. Но все они на редкость сходны, будто писались под диктовку одного человека.

А. Ф. Кони, слушавший в свои студенческие годы лекции С. И. Баршева, оставил в своих мемуарах описание его внешнего облика. На третьем курсе юридического факультета, вспоминал он, «передо мною на кафедре медленно взошел высокий худощавый человек со впалой грудью, бледным, тщательно выбритым лицом, на котором были широко расставлены большие темные глаза под гладко причесанными волосами. Совершенной неподвижности его фигуры, облаченной в вицмундир с орденами, соответствовал монотонный ход его изложения, лишь изредка прерываемого вскриками и скороговоркой в тех местах, в которых он хотел, по-видимому, произвести особое впечатление на слушателей. Это был один из ученых птенцов Сперанского — ректор университета *Сергей Иванович Баршев*, много лет читавший уголовное право и судопроизводство».

И. И. Янжул, учившийся на юридическом факультете Московского университета в 1864—1869 годах, отмечал в своих воспоминаниях: «Лекции его в мое время представляли собой довольно скудный и краткий курс изложения немногих теоретических начал уголовного права, а главное — уголовных уложений, и все это было обильно уснащено ради развлечения анекдотами... Несмотря на добросовестное отношение к его лекциям и интерес к самому предмету уголовного права, у меня с окончанием курса ровно ничего не осталось в голове, кроме нескольких подобных анекдотов»¹.

О следствии (порядок производства следствия и отношение к обвиняемому у нас, в Германии, во Франции и в Англии) // Юридический журнал. 1860. Кн. 3. С. 169—195; Об отделении следствия специального от предварительного // Юридический журнал. 1861. Кн. 5. С. 325—342; О личном допросе (и значении его в современном уголовном процессе) // ЖМЮ. 1861. Кн. 10. С. 51—60; О необходимых условиях плодотворного развития института присяжных // ЖМЮ. 1862. Кн. 11. С. 245—266; Задача присяжных в деле уголовного суда // Русский вестник. 1863. Т. 45. Кн. 5. С. 115—134; Об обмане в юридическом отношении // Русский вестник. 1871. Кн. 5. С. 81—104 и др.

¹ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 54—55.

«Уголовное право читал Баршев, человек добрый, но совершенно бездарный: изложение его было вяло и темно и к тому же все направлено к оправданию Уложения о наказаниях»¹, — вспоминал о своих студенческих годах К. Н. Бестужев-Рюмин.

«С. И. Баршев (из семинаристов) читал уголовное право слово в слово по изданной им книге, а уголовное судопроизводство по книге брата своего (профессора в С.-Петербургском университете), — писал в своих мемуарах А. Н. Афанасьев. — Оба брата (Сергей и Яков Баршевы. — *В. Т.*) — люди ограниченные. Наш Баршев излагал свою, столько любопытную, науку весьма поверхностно, сухо, неинтересно и вдобавок наипискливейшим голосом. Он был ленивый, но добрый человек, т. е. не делавший никому ни добра, ни зла. При чтении своих лекций он только тогда одушевлялся, когда речь заходила об участии женщины в преступлении; по его личному мнению, женщину должно было за преступление наказывать вдвое сильнее, нежели мужчину, “потому что, если мужчина пьяный и развратный гадок, то женщина пьяная и развратная вдвое еще гаже!”»²

Н. Колюпанов описывал Баршева-преподавателя следующим образом: «На третьем курсе Баршев читал теорию по напечатанному им учебнику, без всяких изменений. В подтверждение Баршев имел обычай приводить частные случаи. Все эти случаи из года в год были одни и те же, рассказывались одними и теми же словами. От изложения по книжке эти добавления отличались тем, что Баршев, и без того обладавший громким голосом, как-то особенно их выкрикивал и самодовольно прищурился, как кот после жирной кормежки. Большинство этих примеров были замечательны в комическом отношении. Был один пример, в доказательство развития у некоторых преступников мании к поджигательству, всегда начинавшийся так: «Швейцарка 16 лет». В доказательство того, что воровство часто является последствием крайности, приводился пример: «Люди в мундирах и лентах лазят в подворотню не для воровства, а для другой, привлекательной цели». На лекциях у Баршева сидели обыкновенно только те студенты, которые рассчитывают при экзамене только на то, что они намозолят глаза профессору своим постоянным сидением и устремленным на него взором, и очеред-

¹ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 365.

² *Афанасьев А. Н.* Московский университет (1844—1848 гг.) // Там же. С. 275.

ные, чтобы сколько-нибудь познакомить профессора со своею физиономией и не пугать его малолюдством слушателей. Но иногда появлялись охотники до смешных анекдотов, и тогда аудитория, в перемену, до прихода профессора, оживлялась: то в одном углу кто-нибудь выкрикивал: «Швейцарка 16-ти лет», то в другом: «Люди в мундирах и лентах»¹.

По словам Б. Н. Чичерина, уголовное право Баршев «читал по дрянному, им самим сочиненному учебнику, который студенты обязаны были покупать и который он приправлял разными анекдотами»².

Оценка современниками человеческих качеств Сергея Ивановича Баршева была столь же негативной, как и характеристика его лекторских способностей. Тот же Чичерин заявлял в своих воспоминаниях: «Это была олицетворенная пошлость, пошлость, выражавшаяся во всей его фигуре, в его речи, пошлость мысли и чувств». И. И. Янжул называл в своих мемуарах Баршева «холодным и бесчувственным формалистом»³ и заявлял, что «он никогда не принадлежал и не относился к числу порядочных профессоров Московского университета по своей узкости и ограниченности»⁴.

Подобных высказываний о Баршеве можно привести много, но почти все они принадлежат людям, которых Сергей Иванович чем-то обидел. Студента Янжула, не сумевшего подготовиться к экзаменам за первый курс, ректор Баршев оставил на второй год на этом курсе, не приняв во внимание тяжелые обстоятельства, в которых оказался студент после смерти своего отца.

Профессор Чичерин во многом именно из-за позиции ректора Баршева, не поддержавшего его в конфликте с коллегами по факультету, покинул Московский университет.

А. Ф. Кони свою негативную оценку Баршева как человека выводил не из личного знакомства с ним, но из мнений других людей — из обыкновенных слухов, которых всегда много витает вокруг любого публичного человека. Впрочем, Анатолий Федорович и сам не скрывал этой, весьма специфической, основы своей характеристики Баршева. Он писал: «Профессора, как я слышал впослед-

¹ Колюпанов Н. Из прошлого // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 13—14.

² Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 50.

³ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 19.

⁴ Там же. С. 54.

ствии от некоторых из них, не любили его, приписывая ему склонность к интригам в Совете, где у него была своя сильно сплоченная партия, преимущественно из профессоров медицинского факультета, побудившая впоследствии таких людей, как Чичерин, Соловьев и др., оставить Университет. Товарищи по Университету называли его *попадьей*, что очень к нему шло. Попадья была, однако, весьма себе на уме и, отличаясь, где нужно, елейностью обращения, умела отлично устраивать свои дела и обладала своевременною сообразительностью» (курсив мой. — В. Т.).

* * *

Преподавательская и научная деятельность С. И. Баршева началась в тот период, когда в русской юриспруденции утверждалось в качестве господствующего так называемое историческое направление, пришедшее на смену доминировавшему в правовой науке России в конце XVIII — начале XIX века философскому методу. Молодой правовед сделался проводником исторического направления в сфере уголовного права. «Право уголовное, как и всякое другое, — писал С. И. Баршев, — хотя и скрывается внутри человека — в его разуме, но оно не создается путем отвлеченного мышления, а развивается до ясного сознания в истории и опыте и тогда только становится достоянием науки, когда воплощается в них в определенную внешнюю форму. Посему всякое философствование о нем на основании одних отвлеченных начал разума естественно должно вести по меньшей мере к несбыточным мечтам и грезам»¹.

По мнению С. И. Баршева, философия XVIII столетия породила в области уголовного права ряд «вредных и опасных заблуждений», к числу которых ученый относил: 1) отторжение уголовного права от всякого религиозного и нравственного начала, на котором оно утверждалось до этого времени у всех христианских народов, и построение его на своих собственных, не состоящих ни в какой связи с религией и нравственностью началах, с той целью, чтобы возвысить его на степень самостоятельной науки; 2) подрыв убеждения, с незапамятных времен глубоко укоренившегося в народах, что «наказание есть основанное на вечном, мировом законе возмездия справедливое воздаяние за преступление» и оправдание

¹ Баршев С. И. Взгляд на науку уголовного законовещения // ЖМНП. 1858. № 6. С. 4.

его «лишь разными внешними, более или менее произвольными целями»¹. «Все это, — отмечал он, — не только проповедовали в школах и развивали в системах и руководствах, но и старались ввести в жизнь, выдавая свои отвлеченные умствования за источник права и требуя, чтобы по их мерке были выкраиваемы и положительные законодательства. Если бы все эти толки высказаны были в другое, менее смутное время, то они, без сомнения, были бы отвергнуты с негодованием, но во время владычества разума они едва не ниспровергли все здание уголовного права»².

Говоря о негативных последствиях увлечения философским методом в области науки уголовного права, С. И. Баршев вместе с тем подчеркивал, что данная наука нуждается в философии. «Уголовное законоведение, — отмечал он, — имеет своим предметом познание уголовных законов. Но для того, чтобы узнать положительные уголовные законы, конечно, недостаточно только ознакомиться с их содержанием; необходимо постигнуть самое внутреннее существо их и уразуметь внешнее значение в жизни народа, у которого они действуют»³.

Помимо философии Баршев называл в числе наук, имеющих немалую ценность для уголовного законоведения, также судебную медицину и психологию. «Психология, наука о человеке по превосходству, есть не вспомогательная только, но и существенно-необходимая составная часть уголовного законоведения»⁴, — утверждал он.

Будучи специалистом в области уголовного права и уделяя в своих научных работах большое внимание теории наказания, С. И. Баршев тем не менее считал, что «насилие и принуждение есть всегда самое ненадежное обеспечение. Поэтому право, которое на них только основывается, весьма непрочное». Именно по этой причине ученый выступал против того, чтобы право лишалось связи с религией и нравственностью. С его точки зрения, право как действие человеческого произвола, как произведение рук человеческих «может быть поддерживаемо только внешнею силою, и само в себе оно не заключает в этом случае ничего такого, почему бы

¹ Баршев С. И. Взгляд на науку уголовного законоведения // ЖМНП. 1858. № 6. С. 5.

² Там же.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 13.

можно было его уважать; лишь в тесной связи с религиею и нравственностью оно получает внутреннее освящение и внушает к себе, само собою, глубокое уважение».

Подход С. И. Баршева к праву как к явлению, тесно связанному с нравственностью, нашел выражение и в трактовке им существа наказания. «И в царстве природы, и в царстве свободы, повсюду господствует начало равенства. Человек терпит, что заслужил своими делами»¹, — заявлял он и делал отсюда вывод: в существе своем наказание за преступление есть возмездие, «которое основывается на нравственном законе справедливости, лежащем в основании всякого нравственного порядка»².

Такому пониманию существа наказания вполне соответствовала мысль ученого о том, что «как ни священна для государства обязанность быть строго правосудным, но все лучше освободить даже десять виновных, нежели подвергнуть опасности и одного невинного»³.

Определяя наказание в качестве возмездия за преступление, Баршев закономерно увязывал тяжесть наказания с тяжестью преступления. Последнюю же он измерял в первую очередь объективными моментами: значимость закона, который нарушается преступлением; пространство самого правонарушения и т.п. Однако более важное значение он придавал при определении тяжести преступления моменту субъективному, выражающему отношение субъекта правонарушения к совершенному деянию. «Всякое действие, если его рассматривать само в себе, без всякого отношения к его виновнику, ни хорошо, ни худо. Поэтому и самое важное и опасное правонарушение до тех пор не может быть названо не только тяжким преступлением, но и преступлением вообще, пока не решено, в каком отношении оно состоит к его виновнику... Моменты субъективные важнее, следовательно, нежели объективные»⁴.

Следуя русской традиции, Сергей Иванович отказывался видеть в преступнике закоренелого злодея. «Если бы вам случилось иметь перед собою даже и самого тяжкого преступника, то никогда не смотрите на него как на животное, которое только побоями может быть удерживаемо в пределах долга и порядка, но всегда

¹ Баршев С. И. О мере наказания. М., 1840. С. 33.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 41–42.

уважайте и в нем достоинство человеческой природы, которое совершенно не может быть разрушено даже самыми гнусными и ужасными преступлениями». Вместе с тем Баршев считал вполне допустимым применение телесных наказаний, в частности, битье розгами, в отношении преступников из простонародья.

И как человек, и как ученый, С. И. Баршев был плоть от плоти современного ему русского общества. Он всецело принимал его порядки, традиции, мораль, законы. И даже по отношению к правительству, которое в той среде, где Баршеву приходилось вращаться, модным было всячески поносить, Сергей Иванович не испытывал чувства гнева, а смотрел на него как на нечто потустороннее, не доступное уразумению. Разбирая в 1864 году на страницах журнала «Русский вестник» учебник уголовного права, написанный В. Д. Спасовичем, он следующим образом выразил свое отношение к правительству: «Вовсе не имею права судить его дела, да и не знаю, грешит ли оно, равно и к партии ни к какой не принадлежу, и не имею причины и быть противником правительства; делаю свое дело, как умею, и тут только и могу подлежать ответственности».

При таком складе характера и ума неудивительно, что С. И. Баршев лишь описывал действовавшее в России уголовное право и не стремился выйти за рамки устоявшихся, общепринятых уголовно-правовых конструкций, создать что-либо новое. Баршев был правоведом, который плыл строго по течению русской правовой жизни, и творчество его неизбежно отражало все повороты последней.

А. Ф. Кони писал в воспоминаниях о своей студенческой жизни, ссылаясь на свидетельство Ф. М. Дмитриева, что Баршев «в течение многого множества лет в своем курсе судопроизводства, засаленные тетрадки которого составляли законное наследство студентов каждого IV курса, яростно нападал на суд присяжных, адвокатуру и гласность уголовного процесса. Он называл их “мерзостями французского судопроизводства” и первую лекцию о них заканчивал словами: «А о дальнейших мерзостях — в следующий раз». Но когда в 1856 году, после Крымской войны, был заключен мир и в манифесте по этому поводу были помещены знаменательные слова: «Правда и милость да царствуют в судах», Баршев почувал в воздухе тонкую струю предстоящих судебных преобразований по западным образцам и стал печатать в «Русском вестнике» статьи, в которых «мерзости» рассматривались с благосклонной точки

зрения. Однако в 70-е годы, после того как судебная практика обнажила недостатки суда присяжных, и в высших сферах общества все чаще стало проявляться недовольство по отношению к нему, Сергей Иванович вновь легко изменил свое мнение о суде присяжных. В работе «О существе власти и обязанностях присяжных», изданной в 1874 году, он выразил сомнения в эффективности указанного института.

Многие из российских правоведов отзывались весьма негативно о научной деятельности С. И. Баршева. Так, резко критиковал его научное творчество современный ему правовед и коллега по юридическому факультету профессор В. Н. Лешков.

Отрицательно оценивал его труды в более позднее время правовед Г. С. Фельдштейн. Он, в частности, обвинял Баршева в том, что: 1) провозгласив себя сторонником исторического направления в юриспруденции, он в действительности ничего не сделал для воплощения данного метода в своих трудах; 2) объявив себя противником «отвлеченного метода», он именно у правоведов, оперировавших этим методом, широко заимствовал идеи; 3) перенося начала этики в уголовное право, он смешивал принципы нравственного и уголовного вменения; 4) излагая Особенную часть уголовного права, Баршев совершенно игнорировал генезис отдельных преступлений; из своего курса он полностью исключил и сравнительные приемы изучения; излагал в высшей степени поверхностно условия состава отдельных преступлений даже по Уложению и совсем не цитировал его статей.

Окончательный приговор, вынесенный Фельдштейном С. И. Баршеву, гласил: «При оценке научного значения трудов Баршева прежде всего напрашивается заключение, что в лице этого “учителя” уголовного права мы имеем, в сущности, дело не с ученым юристом и исследователем в строгом смысле, а скорее с политиком, подбирившим конструкции, которые по каким-то соображениям казались ему наиболее подходящими под условия момента»¹.

Подобную оценку научного творчества С. И. Баршева можно было бы считать вполне справедливой, если бы не одно обстоятельство: дана была она спустя четверть века после смерти ученого и по прошествии 67-ми лет после выхода в свет его учебного курса по

¹ Фельдштейн Г. С. Профессор С. И. Баршев («Учитель» русских криминалистов) // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим лицеем. Вып. I. Ярославль, 1908. С. 133–134.

уголовному праву. Российская же юриспруденция сделала за шесть с лишним десятилетий своей эволюции громадный шаг вперед, и с позиций уголовно-правовой науки начала XX века то, что писалось по уголовному праву в 40-х годах XIX века, объективно не могло не представляться каким-то анахронизмом.

Оценка С. И. Баршева как ученого-правоведа должна с непреклонностью учитывать прежде всего тот факт, что на обширном поле науки русского уголовного права он был первопроходцем! Ему выпала трудная задача, и он решил ее в меру своих сил. Мог ли кто-нибудь в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века создать более совершенный курс русского уголовного права, чем создал он? Вряд ли!

А. М. Фальковский писал в 1882 году, вскоре после смерти Сергея Ивановича Баршева: «С. И. Баршев первый из московских профессоров посвятил 45 лет своей жизни преподаванию уголовного права, судоустройства и судопроизводства по двум главным формам последнего — обвинительной и следственной, придерживаясь историко-догматической методы и пользуясь данными сравнительного законоведения. Ревностный защитник единения нравственных и юридических начал, он считал своею главною задачею утвердить в слушателях должное уважение к отечественным постановлениям и ознакомить их с практическим приложением уголовных законов»¹.

При всех своих недостатках научные труды Сергея Ивановича Баршева содержат немало мыслей, сохраняющих и ныне свое значение.

---

¹ Фальковский А. М. Памяти Василия Николаевича Лешкова и Сергея Ивановича Баршева // Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году. М., 1882. С. 277.

Яков Иванович Баршев

(1807—1894)

ЯКОВ Иванович Баршев родился 23 апреля 1807 года в Москве в семье священника. Первоначальное образование получил дома. Затем учился (вместе со своим братом Сергеем) в Московском уездном духовном училище и Московской духовной семинарии. В 1826 году поступил в Московскую духовную академию. «Обучение и образование в академии Я. И. Баршев впоследствии признавал всегда самым благотворным периодом в его учебном поприще и даже во всей жизни. Духовные академии известны своим глубоким и основательным учением»¹.

Осенью 1829 года Яков Баршев (так же как и его брат Сергей и их сокурсник И. В. Платонов) был направлен руководством духовной академии для обучения юридическим наукам во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии². После двухлетнего обучения при Втором отделении он вместе с братом и другими обучавшимися с ним студентами поехал для продолжения учебы в Германию.

В июне 1834 года Яков Баршев возвратился в Россию. Как и других студентов, обучавшихся в Германии, его причислили ко Второму отделению С. Е. И. В. канцелярии на время, необходимое для подготовки к специальному экзамену и написания докторской диссертации.

После успешной сдачи в июле 1835 года экзамена и защиты тезисов на тему: «Догматико-критическое изложение так называемых уголовных теорий» Якову Баршеву была, как и Сергею Баршеву, присвоена степень доктора законоведения. В дальнейшем же его пути с братом разошлись.

1 сентября 1835 года Я. И. Баршев был назначен членом созданной при Втором отделении Комиссии для перевода «Свода за-

---

¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. 6. СПб., 1897—1904. С. 411.

² Более подробный рассказ о том, как Яков Баршев получил юридическое образование см. в предыдущем очерке, посвященном Сергею Ивановичу Баршеву.

конов Российской империи» на немецкий язык. 31 декабря того же года его определили на должность экстраординарного профессора уголовных и полицейских законов в Императорский С.-Петербургский университет.

27 марта 1837 года Я. И. Баршев стал ординарным профессором. В университете он преподавал вплоть до 1856 года. Помимо курсов уголовного права и уголовного судопроизводства ему приходилось читать здесь также историю уголовного права.

16 июня 1837 года Я. И. Баршев занял должность профессора юридических наук в Царскосельском лицее. В этом учебном заведении, переименованном впоследствии в «Александровский лицей», Яков Иванович проработал более тридцати лет — вплоть до 1868 года. Он читал здесь историю русского права, энциклопедию права, курсы русского государственного, гражданского и уголовного права¹.

В 1838—1840 годах Я. И. Баршев преподавал юридические науки в верхних классах Пажеского корпуса. В 1866 году он стал на короткое время профессором уголовного права в Императорском Училище правоведения. В том же году его причислили ко Второму отделению для разработки проектов законов (о каторжных работах, о тюрьмах, проекта врачебного устава и др.). Последнее место его работы — Кодификационный отдел Государственного совета, образованный на базе Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии.

Умер Яков Иванович Баршев 29 ноября 1894 года.

* * *

«Баршев был видный профессор, — отмечалось в изданной в 1910 году книге «Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения». — Хотя ему ставили в упрек, что он обращал недостаточное внимание на положительное законодательство, не вдавался в казуистику, но курс его, построенный на подробном сравнительном рассмотрении учений главнейших криминалистов, являлся стройным, отлично обработанным, приносившим большую пользу слушателям. Владевший глубоким богословским образованием, Яков Иванович стремился подвергать философские воззрения криминалистов всесторонней критике. Отменно точный, не-

¹ См.: «Наставникам, хранившим юность нашу». Памятная книжка чинов Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, лицея с 1811 по 1911 год / Составил А. А. Рубец. СПб., 1911. С. 233—236.

умолимо-строгий к самому себе, к тщательному выполнению своих обязанностей, он был строг и крайне требователен к слушателям. Считаюсь грозой на экзаменах, он вместе с тем внушал к себе и любовь и благодарное уважение»¹.

В шестом томе составленного С. А. Венгеровым «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» содержится следующая характеристика Я. И. Баршева как ученого и преподавателя: «По строю ума и направлению Я. И. Баршев философ и враг казуистики, рабского преподавания и зазубривания положительных законов, настоящим, достойным ученого профессора делом он признавал осмысленное преподавание права, углубление в основные начала его, которое развивало бы слушателей, убеждало, раскрывало перед ними самое существо предмета, заставляло бы их мыслить и судить... Сам Баршев каждый уголовный вопрос и институт рассматривал и раскрывал, по преимуществу, с философской точки зрения, но вникал и в его политическое значение, раскрывал историческое разделение и касался выражения его в положительном законодательстве. Вообще в лекциях и сочинениях Баршева преобладает элемент философский. Лекции его поучали и развивали слушателей, но и требовали от них прилежного труда и усиленной умственной работы. От этого экзамены из уголовного права у профессора Баршева считались тяжелыми и сдавались студентами прежде всех других экзаменов, тем более, что профессор не был способен к поддельной потачке... Впрочем лучшие и даровитые студенты, любившие науку, доселе с благодарностью отзываются о его лекциях и учении; рядовые со страхом вспоминают о лекциях и в особенности об экзаменах из уголовного права во время оно»².

Творческое наследие Я. И. Баршева невелико по объему: Яков Иванович имел меньше времени для своих научных занятий, чем его брат Сергей, поскольку был занят не только в университете, но и на практической работе в государственных учреждениях, разрабатывавших проекты законов.

Среди книг его можно выделить: «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопро-

¹ Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835—1910 гг. (Исторический очерк) / Составил Г. Сюзор. СПб., 1910. С. 319—320.

² Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. 6. СПб., 1897—1904. С. 417.

изводству» (СПб., 1841)¹, «О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности, русского права» (СПб., 1846), «Историческая записка о содействии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии развитию юридических наук в России» (СПб., 1876), «Мнение по вопросу о духовно-судебной реформе» (СПб., 1876 и 1877)².

Я. И. Баршев написал также учебник «Уголовное право», который был издан литографическим способом в Санкт-Петербурге (год издания не был указан на его титульном листе).

В 1852 году отдельным изданием — в виде брошюры объемом в 13 страниц — был напечатан его разбор магистерской диссертации С. В. Пахмана «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии».

В том же году вышла отдельным изданием его речь «О религиозном, юридическом и историческом значении верноподданнической присяги», читанная на публичном акте Императорского Александровского лицея 9 января 1852 года.

В 1876 году Яков Баршев выпустил в свет небольшую, объемом в 21 страницу, книжку религиозного содержания — «Размышление о воскресении мертвых» (СПб., 1876).

Стиль мышления Я. И. Баршева как ученого-правоведа, быть может, ярче всего проявился в его понимании сущности юридической науки. «Существо истинной науки права, — заявлял он, — состоит в том, чтоб отыскать и раскрыть коренные начала правды, как в идее, так и во временном и местном проявлении ее. Поэтому ей предлежит довершить работу над правом и обычая, и практики, и даже самого законодательства, возвести все множество и разнообразие юридических истин, ими собранных, к единству и сознанию, осветить всю сферу права, представить право в чистейшем существе его со всеми его началами»³.

¹ См. современное издание этой книги: *Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству*. М.: ЛексЭст, 2001.

² Это отдельное издание статьи, текст которой был опубликован в журнале «Странник» (1875. Т. 4. Кн. 12. С. 233—252) и в «Юридическом вестнике» (1876. Кн. 10—12. С. 1—20).

³ *Баршев Я. И. О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности, русского права* // Акт в Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1846. С. 106.

Я. И. Баршев вступил на поприще научной и преподавательской деятельности в то время, когда в сфере русской юриспруденции утверждалось в качестве господствующего историческое направление. И он стал одним из проводников последнего в среде русских правоведов. «Законодательство должно быть точным выражением юридической жизни народа; оно должно облечь в буквы закона начала правды, присущей народу, — декларировал Яков Иванович свое кредо. Отдавая дань юридической науке, которую он рассматривал в качестве орудия обнаружения в праве основополагающих истин, Баршев в полном соответствии с духом исторической школы права придавал особое значение юридической *практике*. Последнюю он считал «живым голосом права». По его словам, «практика действует на образование права не только тем, что истолковывает закон..., но и тем, что открывает и передает право, которого не находится в законах».

Уголовное право и уголовное судопроизводство Яков Баршев рассматривал в качестве взаимно обуславливающих одна другую частей одного целого, то есть «науки уголовного законовещения». По его словам, «уголовное право определяет *условия и признаки*, по которым известные деяния или ощущения должны быть признаваемы преступлениями и вместе необходимые правомерные *последствия* их; а уголовное судопроизводство раскрывает *наличность* этих условий и признаков в частных определенных случаях и приводит в действие последствия их; из сего видно взаимное отношение их между собою. Именно уголовное судопроизводство есть ничто иное, как средство и форма, чрез которую осуществляются начала и положения уголовного права, лежащие в основании судебных приговоров»¹.

Под уголовным судопроизводством в широком смысле Я. И. Баршев понимал «объем различных правил и предписаний закона относительно форм, условий и требований, которым должен следовать судья при исследовании, суждении и решении уголовных дел и исполнении постановленных над ними приговоров»². «Это есть, — уточнял он, — объем всех тех действий, которые должен предпринять следователь и судья для того, чтобы, или открыв преступление и преступника и наказав его сообразно его вине, удовлетворить чрез

¹ Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 44.

² Там же. С. 41.

это требованию правды, или, открыв невинность подсудимого, поставить его под защиту правды и справедливости»¹. Правду и справедливость русский ученый рассматривал как «высшее, всепроникающее и всеоживляющее начало в государстве, которое должно отражаться и осуществляться во всех его учреждениях, во всех его частях и целом составе»². Из этого следует, отмечал он, что «высшее и коренное начало уголовного судопроизводства должно состоять в *правдивом* осуществлении и приведении в действие уголовных законов»³.

---

¹ Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 41.

² Там же. С. 59.

³ Там же.

Иван Дмитриевич Беляев

(1810—1873)

ИВАН Дмитриевич Беляев родился 15 июля 1810 года в Москве в семье священника. Первоначальное образование он получил дома, получая уроки у отца, человека «по своему времени хорошо образованного»¹. В начале сентября 1821 года Иван Беляев был определен отцом в духовное училище подмосковного города Дмитрова. По окончании училища он поступил в 1824 году в Московскую духовную семинарию. Во время пребывания здесь Иван Беляев выделялся в среде семинаристов своей страстью к чтению. Особенно большой интерес вызывали у него труды древнеримских и русских историков.

В 1829 году Иван Беляев успешно сдал экзамены в Московский университет и стал студентом нравственного и политического отделения, обучение на котором предполагало, помимо изучения юридических наук, широкую программу занятий науками историческими.

Деканом отделения был в то время ординарный профессор «прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской Империи» Николай Николаевич Сандунов (1766—1832)². 6 мая 1830 года его сменил на этой должности ординарный профессор «прав знатнейших древних и новых народов» Лев Алексеевич Цветаев (1776—1835). Кроме них юридические науки преподавали в Московском университете в период обучения там Ивана Беляева экстраординарный профессор по кафедре Н. Н. Сандунова Семен Алексеевич Смирнов (1777 или 1779—1847), ординарный профес-

---

¹ *Гадзяцкий С. А.* Иван Дмитриевич Беляев // Русская беседа. 1895. № 2. С. 31.

² В расписании лекций, читавшихся на нравственно-политическом отделении Московского университета, предмет лекций Н. Н. Сандунова обозначался как «русское практическое производство дел гражданских и уголовных». После его смерти (7 июня 1832 г.) кафедра «прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской Империи» оставалась вакантной вплоть до принятия в 1835 г. нового Университетского устава, в котором наличие такой кафедры на юридическом факультете уже не предполагалось.

сор «прав естественного, политического и народного» Дмитрий Ефимович Василевский (1788—1844), экстраординарный профессор Михаил Яковлевич Малов (1790—1849) и др.

С. П. Шевырев характеризовал систему преподавания, существовавшую во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов на нравственно-политическом отделении Московского университета, следующим образом: «Цветаев читал римское право, в главных предметах сравнительно с законодательством других народов, древних и новых... Сандунов продолжал российское практическое законоискусство и занимал студентов чтением древних рукописей... Василевский читал право политическое или народное и дипломатию по Ахенвалю, Клуберу и Мартенсу, до 1834/1835 академического года... Малов читал уголовное право с применением к русским законам, историю римского законодательства, частное гражданское право, все по руководствам своего профессора Цветаева, до 1832/33 года. Смирнов — историю российского законодательства, порядок дел уголовных и гражданских по своей книге, частные права губерний и областей, на особенных постановлениях состоящих»¹.

Университетскому уровню преподавания юридических наук соответствовали для того времени только лекции Сандунова² и Цветаева³, но они в рассматриваемое время часто болели и редко появлялись в университете.

Я. И. Костенецкий, учившийся на нравственно-политическом отделении Московского университета в 1828—1831 годах, писал спустя сорок лет в своих воспоминаниях: «В обществе Сандунов был известен как отличный юрист, вел много частных процессов и между студентами слыл за очень умного человека. Но был он большой шут и насмешник. Мы всегда радовались, когда он являлся на лекции, потому что он всегда смешил нас; хотя не было ни одного из

¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855. С. 545.

² «Он один постоит целого училища правоведения» — такими словами характеризовал Сандунова профессор М. П. Погодин (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 389).

³ «Старейшие и прилежнейшие из студентов-юристов с уважением отзывались о лекциях строгого и дельного профессора прав римского и естественного, Льва Алексеевича Цветаева», — писал в своих воспоминаниях Д. Н. Свербеев (*Свербеев Д. Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917)*. М., 1989. С. 71).

нас, кого бы он не осмелял самыми едкими словами, но мы не обижались и все извиняли старику»¹.

Федор Лукич Морошкин (1804—1857), окончивший нравственно-политическое отделение в 1831 году и ставший впоследствии здесь профессором, любил вспоминать о своем учителе. «Сандунов! — с воодушевлением рассказывал он своим студентам, — это был человек-практик! Это была голова. Все видел и знал! От него никуда не спрячешься. Бывало, вызовет да спросит, так у всякого поджилки трясутся. Попробуй не знать у него или отвечать не дело, так он тебя в бараний рог свернет, с грязью смешает! Вот какой был человек! Голосище здоровенный, говорит — так окна дрожат... ну просто Юпитер-громовержец... Сандунов — это просто было урожденное превосходительство!»²

По свидетельству Я. И. Костенецкого, профессор Цветаев читал лекции «очень кратко, без всякого философского разбора прав человека, без всякого критического исследования римских законов». Любви к предмету такая манера преподавания у студентов не вызвала, и они «занимались им просто механически, т. е. учили наизусть». Но при этом уважали этого спокойного и всегда важного преподавателя, и «никогда никакой шум не прерывал его монотонных и усыпительных лекций».

Лекции профессора Д. Е. Василевского не отличались своей содержательностью, но были интересными по форме. А. А. Краевский³, учившийся в Московском университете в одно время с Иваном Беляевым, но на отделении словесных наук, рассказывал впоследствии⁴, что Василевский «выступал из ряда тогдашних бездарных профессоров университета и был любимцем студентов. В свои восторженные суждения, сопровождавшиеся сильной мимикой, Дмитрий Ефимович вводил и политическую экономию, и заграничный быт, и историю, и законодательство, и всевозможные анекдоты, так что лекция его обращалась в дружеские и иногда увлекательные беседы, на которые стекалось много слушателей-студен-

¹ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 2. С. 234.

² Афанасьев А. Н. Московский университет (1844—1848) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). С. 273—274.

³ Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — известный публицист, издатель и редактор журнала «Отечественные записки», который выходил в 1839—1884 гг.

⁴ Писателю и историку М. И. Семевскому.

тов. Притом Василевский был своего рода либерал и, между прочим, за студентов стоял горой, на экзамены почти не обращал внимания и, выслушав одно-два слова, начинал сам говорить, после чего заканчивал ответ удовлетворительной отметкой, — впрочем, способного студента отличал скоро и не оставлял его своим руководством»¹.

Я. И. Костенецкий слушал во время обучения на нравственно-политическом отделении Московского университета лекции Д. Е. Василевского по народному праву и дипломатии. По его воспоминаниям, «это был очень оригинальный профессор: небольшого роста, в очках, но как будто ни на кого не смотрящий и всех вообще презирающий. Он был для нас непостижим. Кроме университета он нигде более не давал уроков, не был женат, следовательно, не имел и семейных забот². Казалось бы, он должен был весь принадлежать университету, а между тем он нередко пропускал свои лекции, да и лекции читал неохотно, как бы только поневоле, не развивал вполне своего предмета, даже старался как можно скорее по тетрадке прочесть лекцию. Но зато он был неподражаем в приведении примеров из истории, особенно из римской истории. Тут он воодушевлялся, был в высшей степени красноречив и увлекал нас до самозабвения. Когда он рассказывал нам смерть Сенеки или историю Регула, то у нас волосы становились дыбом и мы настроивались до самопожертвования. При этом и голос его, и жесты были почти трагические, и часто, в порыве восторга, он вскакивал с кресла, стучал о стол и пр. Чуть ли Гоголь не его имел в виду, описывая в «Ревизоре» учителя истории, о котором городничий говорит: «Положим, Александр Македонский был великий полководец, но зачем же ломать стулья?» Василевский был очень добр и благороден, но держал себя так, как бы он был не от мира сего. Он лично никого не знал из студентов, считал нас детьми и очень щедро ставил баллы. Также несообщителен был он и с профессорами, да и вообще со всеми людьми»³.

Профессор С. А. Смирнов, читавший историю российского законодательства и порядок дел уголовных и гражданских, был доб-

¹ Заря. 1869. Кн. 7. Отд. 2. С. 24—25.

² В действительности Д. Е. Василевский состоял в то время в браке. Об этом свидетельствует его последний послужной список, в котором отмечено: «Женат, детей не имеет» (РГИА. Фонд 733. Оп. 30. Ед. хр. 55. Л. 19).

³ *Костенецкий Я. И.* Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 2. С. 232—233.

родушным человеком и крайне скучным лектором. Он хорошо понимал значение исторической науки для юриспруденции и обладал достаточными познаниями в тех учебных дисциплинах, которые преподавал¹, но не умел их подать своим слушателям в увлекательной и систематической форме. Поэтому имел репутацию плохого преподавателя.

Хуже Смирнова был, во мнениях студентов, только профессор М. Я. Малов, читавший уголовное право, историю римского законодательства и гражданское право. Его лекции представляли собой хаотичное изложение отрывков из произведений различных иностранных правоведов и политических мыслителей (Чезаре Беккариа, Иеремия Бентама, Никколо Макиавелли) и отдельных сведений из российского законодательства.

Действовавшее в России законодательство было глубоко укоренено в прошлое, поэтому история русского права так или иначе затрагивалась в лекциях почти всех профессоров, преподававших юридические науки. Н. Н. Мурзакевич учился на нравственно-политическом отделении Московского университета во второй половине 20-х годов XIX века. «Сандунов, — вспоминал он впоследствии, — умными, бойкими, хоть частенько грубыми, поговорками и дельными замечаниями умел заставить полюбить его предмет и его самого. Ему же я обязан тем, что научился верно и быстро разбирать древние русские деловые акты и документы»². Но наибольшее значение для исторического образования студентов нравственно-политического отделения во времена, когда здесь учился Иван Беляев, имели лекции по русской истории, которые читал молодой адъютант М. П. Погодин (1800—1875). «Он первый дал нам понятие о критической стороне истории, о существовании летописей и других исторических источников, и разбирал их и объяснял с поразительной для нас ясностью», — писал в своих воспоминаниях о студенческих годах Я. И. Костенецкий.

¹ На это указывает содержание его книг. См.: *Смирнов С. А.* Легчайший способ к познанию российских употребительнейших законов с приложением таблицы о присудственных местах. М., 1821; *его же.* Речь о начале и происхождении российских законов, духе их и постепенном усовершенствовании, прочитанная в торжественном собрании Императорского Московского университета, бывшем 8 июля 1832 года. Кроме научных работ Смирнов опубликовал несколько литературно-художественных произведений: стихотворений, поэм, переводов с иностранных языков.

² *Мурзакевич Н. Н.* В Московском университете. 1825 // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917)*. С. 91.

Под влиянием лекций Погодина студент Иван Беляев всерьез увлекся историей России. Под его руководством он сделал свои первые шаги на поприще историко-правовой науки, в изучении архивных документов по русской истории. В 1871 году на торжестве, посвященном пятидесятилетию государственной службы и ученой деятельности Погодина, Беляев, в то время уже знаменитый ученый-историк, скажет, обращаясь к юбиляру: «Я — Ваш ученик, принадлежащий к первым курсам Вашей профессорской деятельности, и желаю, хотя в немногих чертах, напомнить это давнее время, когда Вам не было и тридцати лет от роду. Не знаю, помните ли Вы большую юридическую аудиторию в старом здании университета, а мы, Ваши старые ученики, хорошо помним, как эта аудитория на Ваших лекциях постоянно наполнялась слушателями не только обязательными по табели, но и охотниками со всех факультетов... Что же влекло к Вам массу слушателей? Да то, что Вы в Вашу лекцию всегда умели вложить жизнь, что в Ваших лекциях всегда выступали Ваша любовь к делу и Ваша душа. Вы самому, по-видимому, сухому исследованию умели дать занимательность даже для слушателей, не могших ходить к Вам постоянно. Я не говорю уже о Ваших обязательных слушателях по табели, для них Ваши лекции имели особый интерес, Вы своими лекциями заставляли их работать, исследовать по Вашим указаниям те или другие вопросы истории. Вы обыкновенно приходили на лекцию с кипой книг, и высказав нам то или другое положение, то или другое выработанное Вами решение, и, высказав его кратко и прямо, раскрывали книги и читали из них те места, на основании которых Вы дошли до такого-то результата в Вашем исследовании, и затем живо и занимательно объясняли приемы, которые были Вами употреблены при Вашей работе. Таким образом, мы за один раз узнавали от Вас и новое исследование, и способ как дойти до результата, найденного Вами. Но Вы не останавливались на одном указании пути, а задавали и нам работы для домашних занятий, и наши работы всегда были прочитываемы Вами со вниманием и сдавались нам с замечаниями, а по иным работам Вы вызывали подавших к себе на дом, и подолгу беседовали с ними и давали им или указывали книги, которые нужно прочесть. Кроме того, для каждого студента Ваш кабинет и Ваша библиотека были открыты по праздникам; здесь иные сами справлялись по книгам, иные спрашивали Ваших указаний, и сидели по несколько часов, а иные просили книги себе на дом. Я сам заси-

живался подолгу в Вашей библиотеке, нередко бывая свидетелем как иной товарищ возвращает книгу, изодранную и испачканную, и просит новых книг, и Михаил Петрович задает молодцу нагоняй, что надо-де беречь чужие книги, а то и давать не станут, а между тем сам все-таки дает, приговаривая: возьмите, да будьте осторожней, поберегите, ведь книга и другим понадобится. Одним словом Вы были такой профессор, каких дай Бог побольше»¹.

30 июня 1833 года И. Д. Беляев окончил курс обучения на нравственно-политическом отделении Московского университета. В феврале 1834 года он поступил на службу в московскую контору Святейшего синода. Его служба в этом ведомстве продолжалась шесть лет. В 1840—1844 годах он по каким-то причинам пребывал в отставке².

27 июля 1844 года И. Д. Беляев был назначен на должность письмоводителя в канцелярию инспектора московских государственных архивов³. 29 декабря того же года он был «причислен к департаменту Министерства юстиции с оставлением в дополнительном архивном штате»⁴.

30 августа 1845 года Беляев был определен в Московский сенатский архив, в Архив старых дел и в Вотчинный департамент с конкретным поручением изыскать указы и другие узаконения, не вошедшие в состав первого «Полного собрания законов Российской империи». Он успешно справился с этим поручением, открыв множество «юридических и исторических материалов, неизвестных дотоле никому»⁵.

В 1846 году Беляев был «переименован из письмоводителя в правителя дел» канцелярии инспектора московских государственных архивов. Ему было поручено инспектором обучать поступивших в штат архивного управления чиновников основам архивного дела, знакомить их «с древними почерками, вышедшими уже ныне

¹ Цит. по: Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821—1871). М., 1872. С. 57—58.

² Об этом свидетельствует запись в формулярном списке И. Д. Беляева (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 21. Д. 466. Л. 12).

³ В формулярном списке было записано, что в 1844 г. он был «определен на службу по дополнительному штату государственных архивов, находящихся при московских департаментах правительствующего Сената, в письмоводители» (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 21. Д. 466. Л. 12).

⁴ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 21. Д. 466. Л. 12.

⁵ Там же.

совершенно из употребления», навыками «приискания древних документов в архивах»¹.

10 марта 1848 года министр юстиции поручил Беляеву разобрать и привести в порядок собрание из 1700 древних грамот Коллегии экономии. Летом того же года освободилась должность советника в Государственном архиве старых дел при московских департаментах Сената. Иван Дмитриевич постарался выхлопотать ее для себя, прибегнув к помощи М. П. Погодина и другого известного в ту пору историка, члена-корреспондента Императорской Академии наук А. Н. Попова. В письме к последнему от 2 августа 1848 года Беляев писал: «Должность эта по многим причинам мне по сердцу и особенно потому, что я здесь мог бы действовать свободно в пользу науки; а документов в Архиве тьма, так что разработка их и приведение в известность могут занять всю деятельность моей жизни»². Итогом этих ходатайств стало назначение И. Д. Беляева 4 ноября 1848 года на должность советника Государственного Московского архива старых дел. В дополнение ко всему 1 мая 1849 года он был сделан членом Комиссии для печатания официальных и частных разрядных книг³.

Молодого человека, склонного к занятиям наукой, пойти на государственную службу во многом заставила материальная нужда, которую Иван Беляев испытывал все годы своей учебы в университете. Но как оказалось, служба в архивах стала для Беляева самой лучшей подготовкой к научным исследованиям. Она дала ему широкий доступ к документам по русской истории. «Служба совершенно совпала с его занятиями, — вспоминал впоследствии ученик И. Д. Беляева С. А. Петровский, — и он служил не просто по форме, как чиновник, а вкладывал [в них] душу...»

На склоне лет Иван Дмитриевич вспоминал о работе в архивах как о самом приятном роде деятельности в своей жизни. Он рассказывал, что просто зачитывался архивными документами, приходя на службу раньше, чем полагалось, и уходя позже всех. По его словам, он прочитал за время службы более 20 000 различных до-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 21. Д. 466. Л. 12.

² Русский архив. 1886. № 10. С. 240.

³ О характере деятельности И. Д. Беляева в качестве члена этой Комиссии дают представление его письма к графу Д. Н. Блудову (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1882. Кн. 1. Отд. 5. С. 21—32).

кументов (старинных русских книг, грамот, юридических актов и т. п.), писанных в разные времена «всевозможными руками старых подъячих». При этом чиновник-ученый десять с лишним лет изучал рукописи в Древлехранилище профессора М. П. Погодина.

3 июня 1846 года И. Д. Беляев был избран действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. С января 1848 и до конца 1857 года он исполнял обязанности секретаря данного Общества, трижды избираясь на эту должность его членами. По предложению Беляева Общество стало издавать с 1849 года вместо «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских» так называемый «Временник» названного Общества. Иван Дмитриевич был редактором всех его 25 книг, вышедших с 1849 по 1857 год. Помимо собственных исторических и историко-юридических исследований и произведений других членов Общества, он публиковал здесь важнейшие для русской истории архивные материалы, среди которых официальные Разрядные книги, Писцовые новгородские книги, Торговая книга начала XVII века, Статуты Великого княжества Литовского 1566 и 1588 годов, семейные письма XVII века, Сыскные дела разных времен и многое другое.

В 1852 году юридическому факультету потребовался преподаватель истории русского законодательства. Занимавший эту кафедру экстраординарный профессор Н. В. Калачов из-за своей загруженности делами Археографической комиссии не смог читать все назначенные ему лекционные курсы. 2 октября того же года И. Д. Беляев обратился к ректору Императорского Московского университета действительному статскому советнику Аркадию Алексеевичу Альфонскому с «Покорнейшим прошением», в котором просил о принятии его в преподаватели юридического факультета. «По службе моей в Московском архиве министерства юстиции, постоянно занимаясь изучением многочисленных памятников русского законодательства, и как член и секретарь Общества истории и древностей российских при М[осковском] У[ниверситете], уже напечатал некоторые из своих статей по сему предмету, — писал Беляев. — Но как воспитанник и кандидат М[осковского] У[ниверситета], я желал бы свои труды по изучению истории русского законодательства посвятить М[осковскому] У[ниверситету]. А посему покорнейше прошу Ваше Превосходительство сие мое прошение принять, и куда следует представить, и ходатайствовать об определении меня

к исправлению должности адъюнкта при М[осковском] У[ниверситете], по кафедре истории русского законодательства»¹.

29 декабря 1852 года советник Государственного Московского архива старых дел надворный советник Беляев был высочайшим приказом по гражданскому ведомству переведен в Московский университет исправлять должность адъюнкта². После прихода на юридический факультет нового преподавателя истории русского законодательства Н. В. Калачов оставался исправляющим должность экстраординарного профессора по этой кафедре до 12 октября 1855 года, но его учебная нагрузка была ограничена лекциями по теме «Критическое обозрение и обзор памятников истории русского законодательства», которые он должен был читать не более 2—3 часов в неделю студентам 4-го курса.

Став преподавателем Московского университета, И. Д. Беляев не оставил своей должности в Государственном Московском архиве³ и не прекратил архивных изысканий. «Архивные факты как источник истории права необходимы для преподавателя истории русского законодательства»⁴, — писал он А. Н. Попову 21 октября 1852 года.

А. П. Чебышев-Дмитриев⁵ поступил на юридический факультет Московского университета в тот самый год, когда Беляев начинал свою преподавательскую деятельность. Впоследствии он вспоминал о нем: «И. Д. Беляев хоть и вступил впервые на университетскую кафедру уже в мое время, но по всему своему складу принадлежал к порядкам доброго старого времени. За это он всегда был особенно дорог моему сердцу. Старый холостяк, простодушный, как младенец, чуждый всяких светских условных приличий, недоступный голосу тщеславия и честолюбия, не знавший никаких развлечений, незнакомый с комфортом жизни, вечно зарытый в своих рукописях и книгах, бескорыстно и беззаветно преданный

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 21. Д. 466. Л. 1.

² Там же. Л. 7.

³ Именно поэтому в Московском университете он считался «исправляющим должность» адъюнкта и потом экстраординарного профессора.

⁴ Русский архив. 1886. № 10. С. 254.

⁵ Александр Павлович Чебышев-Дмитриев (1834—1877) окончил Московский университет в 1856 г. В 1858—1860 гг. преподавал в Ярославском Демидовском лицее, в 1860—1864 гг. — в Казанском университете, в 1865 г. переехал в Петербург. Здесь сначала был преподавателем в Училище правоведения (до января 1866 г.) и одновременно редактировал «Журнал Министерства юстиции», с 1868 г. являлся профессором юридического факультета Санкт-Петербургского университета по кафедре уголовного права и судопроизводства.

изучению русской истории, И. Д. Беляев принадлежал к числу тех аскетов науки, которые переводятся теперь даже в Москве; это был (как выразился про него один его приятель) “евангельский человек”. Кто его знал, тот не мог не любить его и не уважать. Как теперь вижу я его невидную, некрасивую, вечно наклоненную вперед фигуру с вихристой головой и кривой ногой. Как живо рисуется он передо мною, когда он, бывало, ковылял на лекцию в университет в картузе и камлотовой шинели, или когда, бывало, на вечерних сходках в домах своих собратьев по службе или литературе, “прифрантившись” в поношенный сюртук, в какой-нибудь клетчатый жилет, с серебряной луковицей в кармане и в миткалевой манишке без воротничков. Замечательно, что, несмотря на всю его чудачковатую внешность, в нем не было ничего смешного, ничего режущего глаз, — может быть, потому, что в нем не было ничего напускного, деланного. Он был прост в обращении и одинаков всегда — сидел ли он в своем убогом кабинете, среди своих учеников-студентов, или находился в каком-нибудь великолепном салоне московского мецената»¹.

В марте 1858 года И. Д. Беляев был допущен к испытанию на степень магистра гражданского права². После сдачи магистерских экзаменов он 5 июня 1858 года успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича»³. В том же году она вышла в свет отдельной книгой.

В 1860 году Беляев был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора. В указанном году вышла в свет его книга «Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе»⁴, текст которой он спустя пять лет представит юридическому факультету в качестве докторской диссертации.

26 марта 1865 года в публичном заседании юридического факультета, проходившем в присутствии попечителя Московского учебного округа В. С. Левитина, проректора Московского универси-

¹ Цит. по: *Гадзяцкий С. А.* Иван Дмитриевич Беляев // Русская беседа. 1895. № 6. С. 11 (прим. 249).

² ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 27. Д. 100. Л. 1—2.

³ См.: Отчет Императорского Московского университета за 1858 год. М., 1859. С. 72.

⁴ Второе издание этой книги будет опубликовано в 1879 г., третье — в 1891-м, четвертое выйдет в 1903 г.

тета С. М. Соловьева и депутатов от Совета университета профессоров А. И. Менщикова и Ф. А. Бредихина, Беляевым была защищена докторская диссертация «Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе»¹. Его официальными оппонентами на диспуте были: декан юридического факультета заслуженный профессор В. Н. Лешков и экстраординарный профессор Ф. М. Дмитриев. Признав «публичное защищение» удовлетворительным, юридический факультет удостоил Беляева степени доктора гражданского права. На следующий день — 27 марта — Совет Московского университета утвердил его в данной степени². В том же году Иван Дмитриевич был назначен на штатную должность ординарного профессора.

Иван Иванович Янжул, слушавший в середине 60-х годов лекции Беляева, писал впоследствии в своих мемуарах: «Собственно из юристов-профессоров на первом курсе³... важнейшее место по числу часов занятий и, пожалуй, своему влиянию занимал добрейший и милейший старец Иван Дмитриевич Беляев, преподававший “Историю русского права”. Обладая крайне невзрачной наружностью и как бы изломанным телом, он не ходил, а ковлял из стороны в сторону, размахивая руками (“побывал под двумя жерновами”, острили студенты). Иван Дмитриевич обладал такой теплой душой и искренней любовью к своей науке, что невольно, несмотря ни на что, привлекал симпатии почти всех слушателей и сообщал им даже интерес и расположение к самой истории русского законодательства, преимущественно в ранний период нашей истории. Главный труд Беляева “Крестьяне на Руси” клал сильный отпечаток на его курс, где крестьяне, по крайней мере в его изложении, играли всегда большую роль, им давалось много места»⁴.

Изучение эволюции правового положения крестьян в русском обществе на протяжении его истории было, безусловно, главной темой научных исследований И. Д. Беляева, но далеко не единственной.

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 98. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Расписание учебных занятий на юридическом факультете Московского университета на 1867/68 академический год показывает, что ординарный профессор Беляев читал лекции по истории русского законодательства 6 часов в неделю студентам второго курса (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 20. Л. 11—12).

⁴ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 49—50.

В 1864 году великая княгиня Елена Павловна сообщила Ю. Ф. Самарину о том, что было бы желательно, чтобы кто-то из ученых написал научное исследование о зарождении на Руси представительных учреждений. Юрий Федорович составил программу этого труда и посоветовал поручить его написание профессору И. Д. Беляеву. В соответствии с программой ученый должен был «показать, какое участие в различные эпохи нашей истории принимал русский народ в действиях правившей им власти; кто именно этим участием пользовался (весь ли народ или некоторые сословия); при каких обстоятельствах это участие возникало, расширялось или стеснялось; в чем оно обнаруживалось и какие имело последствия»¹. Так, в круг научных исследований И. Д. Беляева вошла тема истории земских учреждений. 12 января 1867 года он выступил в торжественном собрании Императорского Московского университета с речью «Земские соборы на Руси»², в которой показал, что созвание Земского собора молодым царем Иваном Васильевичем было вызвано не временной случайной потребностью, но имело гораздо более сильные причины, лежавшие в самой русской истории и «почти шестисотлетней жизни Русской земли, причины сии скоплялись 584 года, от самого призвания Рюрика, первого Варяго-Русского князя»³.

Что же касается поручения великой княгини Елены Павловны, то Иван Дмитриевич исполнил его — написал к началу 1866 года произведение на тему «Судьбы земщины и выборного начала на Руси», подготовил рукопись к печати и передал ее Ю. Ф. Самарину. По каким-то причинам это произведение не было тогда опубликовано и осталось в бумагах Юрия Федоровича. В 1905 году его брат Д. Ф. Самарин передал рукопись труда И. Д. Беляева в собственность Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, которое в том же году и выпустило его в свет⁴.

¹ Цит. по: *Беляев И. Д. Земский строй на Руси* / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2004. С. 21.

² В том же году текст этой речи Беляева был напечатан в виде брошюры.

³ *Беляев И. Д. Земские соборы на Руси* // Беляев И. Д. *Земский строй на Руси*. СПб., 2004. С. 120.

⁴ См.: *Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси*. М., 1905. В 2004 г. издательство «Наука» в Санкт-Петербурге напечатало это произведение Беляева новым изданием в сборнике его работ. См.: *Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси* // Беляев И. Д. *Земский строй на Руси*. СПб., 2004. С. 21—116.

Опубликовав в 1860 году книгу «Крестьяне на Руси», Беляев взялся за обширный труд, который сделался смыслом всей его дальнейшей жизни. Он задумал создать произведение, в котором русская история представляла бы во всей ее полноте как в общественном, так и в государственном и правовом ее содержании. В течение одиннадцати лет ему удалось издать четыре книжки данного труда под названием «Рассказы из русской истории» (М., 1861, 1864, 1867, 1872), но на большее не хватило времени. 19 ноября 1873 года Иван Дмитриевич скончался.

Незавершенным и неизданным во всем своем содержании остался и другой глобальный труд И. Д. Беляева — более 20 лет писавшееся исследование о финансах в древней Руси, объемом около 100 авторских листов. По мнению людей, знавших ученого, в последнем случае Ивана Дмитриевича подвела, как это ни парадоксально, сверхвысокая научная добросовестность, выделявшая его среди коллег-современников.

В течение многих лет И. Д. Беляев собирал книги и рукописные документы по русской истории. Оставшаяся после него личная библиотека насчитывала 2425 экземпляров ценнейших источников. Это собрание было приобретено Московским Румянцевским музеем (ныне Российская государственная библиотека).

* * *

По воспоминаниям тех, кто хорошо знал Ивана Дмитриевича Беляева, он был необыкновенно религиозен. Ежедневно посещал церковную службу. Среди своих коллег Иван Дмитриевич отличался добротой и душевной отзывчивостью. Он постоянно кому-то помогал: советами, денежными средствами — всем, чем мог помочь. Талантливые и трудолюбивые студенты пользовались его особым покровительством. Для них не жалел он ни физических, ни умственных сил, ни денег, если те испытывали материальную нужду. Впрочем, как вспоминал бывший студент С. А. Петровский, «не только одни эти, так сказать, привилегированные личности из молодежи, с которыми могли его связывать взаимная любовь к науке и желание ее процветания в дорогой ему России, пользовались его добрым сочувствием, но, можно сказать, все вообще студенты. Всем им всегда был открыт доступ к нему за всевозможными советами и со всевозможными просьбами, и решительно все без исключения, если только это было в пределах возможного, получали требуемое».

По своему мировоззрению И. Д. Беляев являлся славянофилом. С родоначальниками указанного идеологического направления — А. С. Хомяковым и братьями Киреевскими — Иван Дмитриевич находился в дружеских отношениях.

Критики неизменно выделяли Беляева среди славянофилов как человека, наиболее последовательно проводившего в своих трудах славянофильские взгляды. По их мнению, он делал это часто в ущерб научной достоверности, подгоняя факты под свои славянофильские схемы.

В какой-то мере подобный упрек можно признать справедливым, но вряд ли позволительно счесть таковым критическое замечание в «Русском биографическом словаре», согласно которому, «несмотря на юридическое образование, Беляев был скорее историком, чем юристом; его юридические понятия не отличались особенной точностью и правильностью»¹. Как историк права И. Д. Беляев не мог не быть историком. В то же время, имея дело с древнерусским правом, для которого были характерны неустойчивость, расплывчатость понятийного и терминологического аппарата, едва ли был он в состоянии продемонстрировать владение точными юридическими понятиями. К тому же русский юридический язык по сравнению с юридическим языком западноевропейских стран мало отличался от языка бытового, народного. В своих научных исследованиях Беляев в полной мере учитывал эту неразрывную связь русского юридического и народного быта. «Действительно, — подчеркивал он, — закон есть отчина в каждом обществе. Самостоятельное общество, пока оно самостоятельно, не может подчиниться чуждым законам, принесенным со стороны; подчинение чуждым законам есть уже явный признак падения общества. Законы должны вытекать из исторической жизни народа. Связь между законом и внутренней исторической жизнью народа так неразрывна, что ни изучение законодательства не может быть вполне понятно без изучения внутренней жизни народа, ни изучение внутренней жизни — без изучения законодательства»². «Закон есть не что иное, как проявление жизненных потребностей общества, — говорил Бе-

¹ Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 682.

² Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 22. Данная книга составлена из текстов лекций, которые И. Д. Беляев читал на юридическом факультете Московского университета. Впервые она была издана через шесть лет после смерти профессора. См.: Лекции по истории русского законодательства И. Д. Беляева. М., 1879.

ляев в своих лекциях. — Закон, не согласный с требованиями народа, уничтожается сам собою. Итак, закон согласуется с духом того общества, для которого издается. Так, английские законы, как ни хороши для англичан, но не приложимы для французов, русских и др. Даже римское право, достойно получившее название *ratio scripta*, не может быть вполне приложено к другому народу».

Приведенные мысли были характерны для И. Д. Беляева. Все его научное творчество было пронизано идеей самоценности, самобытности каждого общества, каждой страны и соответственно ее законодательства.

К примеру, рассматривая в своей магистерской диссертации институт наследования по русскому законодательству, Беляев особо отмечал, что русское учение о наследстве «в самых основах своих разногласит с учением о наследстве у германцев и у других народов, живших под влиянием родового быта».

Последовательно отстаивая самобытность русского общества, И. Д. Беляев активно выступал против так называемой «норманнской» концепции образования древнерусского государства. По его мнению, добровольное призвание варягов новгородцами, чудью и кривичами служило не свидетельством отсталости их общинного строя, а, напротив, явным доказательством того, что этот строй уже был достаточно развит, что «славянское общество на Руси, еще задолго до прибытия варягов состояло уже не из однородных элементов и утратило характер родовой общины; при родовом устройстве общества добровольное приглашение чужеродцев и уступка им важных прав невозможны». Беляев категорически не соглашался с Б. Н. Чичериным и другими учеными, утверждавшими в своих работах, что на Руси разложение родовой общины началось только с приходом «западных дружин и преимущественно варягов».

Одной из важнейших специфических черт общественного и государственного строя Древней Руси И. Д. Беляев считал особый порядок землевладения. По его словам, «наделение землею дружинников не только не было необходимым условием при образовании Русского государства, но об нем даже не думали и не заботились сами дружинники; земля оставалась в полном владении земцев, признававших власть князя, которые, может быть, для того, чтобы привязать князей, чтобы дать им оседлость, уступали им определенные участки. И так делалось на Руси постоянно не только при начале государства, но даже в XV веке».

Знание архивных документов по русской истории позволяло Беляеву вполне аргументированно отстаивать самобытность русского общественного и юридического быта, обосновывать его отличие от быта западноевропейского. Его любовь к России и к русской культуре, пренебрежительно называвшаяся его критиками «великоруссофильством», была основана на понимании движущих сил русской истории, ее духа, знании различных сторон древнерусской общественной жизни. По мнению современников, научные исследования Беляева в области истории русского крестьянства и крепостного права оказали немалое влияние на политику властей по практическому осуществлению крестьянской реформы в России.

В своей книге «Крестьяне на Руси» ученый называл крепостное состояние крестьян болезнью и доказывал, что оно зародилось в конце XVI века, когда крестьяне были прикреплены к земле, и окончательно оформилось только в XVIII веке. «Болезнь, называемая крепостным состоянием, и в том объеме, в каком мы наследовали ее от XVIII века, — писал он, — в Русском обществе развилась не вдруг. До последних годов XVI века молодой и сильный организм Русского общества был почти свободен от этой болезни, или чувствовал едва заметные ее признаки, состоящие в незначительном количестве полных холопов, образовавшихся частью из военнопленных, частью из людей, добровольно продавшихся в полное обельное холопство, и из некоторых преступников, по закону отданных в рабство. Что же касается до многочисленного класса крестьян, то он, в продолжение всего этого времени, пользовался и по закону и в жизни свободою, самостоятельностью и полноправностью, или гражданскою личностью»¹.

И. Д. Беляев принадлежал к числу ученых, которые не строят умозрительных концепций, но закладывают фундаменты, забивают сваи, на которых впоследствии воздвигаются величественные сооружения. Розыском, публикацией, комментированием и исследованием документов Беляев создал фундамент историко-правовой науки в России — науки истории отечественного права.

Так, он был первым, кто сумел по-настоящему разобраться в существе «списков судных и докладных», «правых и безсудных грамот», использовавшихся в административной практике Московско-

---

¹ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе // Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 361.

го государства. «Исследуя здесь формы и значение судных и докладных списков и безсудных и правых грамот, — отмечал он в предисловии к публикации образцов названных документов, — я хотел только объяснить, чем они отличаются друг от друга в судебно-административном значении. В самих актах название их не всегда выставляется, почему издающие их в наше время нередко дают им произвольное название, а это для начинающих заниматься историей нашей древней администрации иногда может послужить поводом к ошибкам и недоразумениям»¹.

И. Д. Беляев был ученым большого масштаба, до конца себя, к сожалению, не реализовавшим. К нему неприменимы категоричные и однозначные оценки. Одно только можно утверждать о нем с полной уверенностью: все, что писал Беляев о русской истории, было проникнуто чувством любви к России и всему русскому. Этого именно и не могли простить ученому российские «западники», критикуя на страницах журналов и газет его произведения. «Все его сочинения носят националистический оттенок», — пренебрежительно отзывался о творчестве Беляева автор статьи о нем в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона».

Впрочем, то, что любовь русского к своему отечеству считалась многими представителями так называемой «русской интеллигенции» аномалией, чем-то предосудительным, было бедой не только ученого Ивана Дмитриевича Беляева, но и всего русского общества.

---

¹ Беляев И. Д. Списки судные и докладные и грамоты правые и безсудные в Московском государстве // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина первая. М., 1855. Отд. 3. С. 128. Образцы списков докладных и грамот правых и безсудных опубликованы на с. 129—135 данного издания.

Николай Васильевич Калачов

(1819–1885)

НИКОЛАЙ Васильевич Калачов родился 26 мая 1819 года в с. Алексино Юрьево-Польского уезда Владимирской губернии в старинной и зажиточной дворянской семье, родословная которой прослеживается с XVI века¹. Его отец — отставной штабс-капитан артиллерии Василий Андреевич Калачов — был предводителем дворянства названного уезда и постоянно проживал в своем родовом имении в сельце Веске. Здесь и прошло детство Николая. Василий Калачов постарался дать сыну хорошее домашнее образование. Он нанял для него квалифицированных учителей-иностранцев, поселив их на все время обучения в имении. Среди них был даже доктор философии Гегерман. Именно он учил мальчика истории. В результате Николай имел к своему отроческому возрасту основательную общеобразовательную подготовку. С ранних лет зародился в нем интерес к древней истории, определивший весь последующий его жизненный путь.

Дальнейшее обучение Николая Калачова продолжалось в Москве, сначала в частном пансионе Чермака, в который его определили в 1831 году, а затем — в Дворянском институте. В 1836 году Николай поступил, исполняя волю отца, на юридический факультет Императорского Московского университета.

Это было переломное время в истории российских университетов в целом и юридических факультетов, в частности. В 1835 году был принят новый Университетский устав, в котором отменялось наименование юридического факультета «нравственным и политическим отделением»: он снова стал называться «юридическим». Эта перемена отражала изменение характера юридического образования. Устав переориентировал юридические факультеты с преимущественного преподавания теоретико-абстрактных юридических

---

¹ Родоначальником семьи Калачовых считался дьяк Земского приказа Михаил Постник Калачов, пожалованный вотчиной за «Московское осадное сидение» 1618 г.

наук на изучение действовавшего права в его различных отраслях. Благоприятные условия для этого создавал Свод законов Российской империи, вступивший в законную силу с 1 января 1835 года. Теоретико-абстрактная юриспруденция была сведена в программе обучения на юридических факультетах к основам общенародного права, энциклопедии и методологии законоведения, действовавшее же право должно было отныне преподаваться в курсах: законов гражданских, гражданского судопроизводства, законов уголовных и полицейских, законов благоустройства и благочиния, законов о государственных повинностях и финансах, законов о государственных и губернских учреждениях.

Естественное право, занимавшее прежде ведущее место в программе подготовки будущих юристов, перестало быть самостоятельным предметом преподавания. Доклад министра народного просвещения графа С. С. Уварова, утвержденный 8 октября 1835 года императором Николаем I, объявлял, что «преподавание вкратце естественного права можно с удобностью отнести к нравственной философии, чем совершенно изменится и обеспечится польза сего преподавания»¹. Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов, в ведении которого находился и Московский университет, высказывал в письме к С. С. Уварову от 29 октября 1835 года мысль о том, что естественное право опасно для юношества, которое при его изучении «напрасно распаляет свое воображение вредными мечтаниями» и просил министра рекомендовать преподавателям философии в университетах раскрывать при чтении лекций «абсурдность теорий, на которых зиждется наука естественного права»².

Новое направление в развитии юридического образования должна была воплощать на практике когорта молодых преподавателей, подготовленных на базе Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и прошедших стажировку в Берлинском университете под руководством главы исторической школы права Ф. К. Савиньи. Трое профессоров из этой когорты, а именно: С. И. Баршев, Н. И. Крылов и П. Г. Редкин — начинали

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 249. Д. 3. Л. 189. См. об этом также: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Том 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003. С. 317.

² ОПИ ГИМ. Фонд 17. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 80–81. См. также: *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 317.

своей второй год преподавания на юридическом факультете Московского университета, когда сюда поступил Николай Калачов.

Университетским уставом предусматривалось создание на юридических факультетах самостоятельной кафедры истории русского законодательства. На практике было расширено преподавание будущим юристам общеисторических дисциплин: истории России и зарубежных стран. Российская научная юриспруденция, которая прежде покоилась на зыбкой основе абстрактных принципов естественного права, ставилась, таким образом, на прочный фундамент исторических знаний.

История русского законодательства стала главным предметом научного интереса студента Николая Калачова. Его первой работой в этой области, написанной еще в студенческие годы, было сочинение «О Судебнике царя Иоанна Васильевича». В 1841 году оно будет опубликовано в первом и втором томах «Юридических записок, издаваемых Петром Редкиным»¹. Выбор Калачовым именно этой темы для своего первого научного исследования был вполне оправдан. «Судебник Иоанна IV, — писал он, — имел великую важность не только современников, но и для потомства, которое долго руководствовалось им в делах судебных: он важен и для нас, как звено, необходимое для уразумения истории русского законодательства, и на него исключительно обратим мы наше внимание»².

Установив время и цели издания Судебника, указав на его источники, молодой ученый все свое внимание сосредоточил на содержании этого правового памятника. Он признал, что основная масса норм Судебника посвящена гражданскому судопроизводству, тем не менее счел необходимым при описании его содержания остановиться на элементах государственного права, гражданского и семейного права, уголовного права и уголовного судопроизводства. При этом Калачов вполне сознавал искусственность деления права Древней Руси и Московского государства на отрасли. «Нет сомнения, — писал он о соотношении гражданско-правовых и уголовно-правовых институтов, — что законодатель не сознавал еще ясно раз-

¹ Калачов Н. В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского университета. Том первый. М., 1841. С. 47–160; *его же*. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Там же. Том 2. М., 1842. С. 306–408.

² Калачов Н. В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича. С. 48.

личия этих двух отдельных сфер в области права. Отсюда объясняется, с одной стороны, та тесная, почти безразличная связь, которую соединены в источниках различные предметы гражданского и уголовного права (заем, поклада стоят рядом с грабежом, смертоубийством, воровством и зажигательством), с другой — их единство по отношению к порядку судопроизводства»¹. Вместе с тем Калачов усматривал уже в древнерусском праве зачатки обособления уголовного права от гражданского. Он связывал этот процесс с усилением государственной власти в обществе. По его мнению, как только верховная власть начала сознавать свое значение в общественной жизни, она обратила внимание на опасные и вредные для благосостояния общества некоторые действия человеческого произвола. Они были отнесены к сфере преступлений и запрещены под угрозой жестоких наказаний. «Судебник Иоанна IV застал уже не только определенные понятия относительно преступлений и наказаний, но также различие в органах гражданского и уголовного процесса, равно как новый порядок судопроизводства»².

При описании каждого из правовых институтов Судебника Иоанна Васильевича Калачов предварительно давал довольно обширный очерк развития этого института в древней Руси. Поэтому название первой его научной работы не вполне соответствовало ее содержанию. В действительности молодой ученый представил в ней краткую историю развития русского права с X по XVI век.

По окончании в 1840 году университетского курса наук со степенью кандидата Николай Калачов подал прошение о принятии его на службу в Министерство народного просвещения. 30 октября того же года он был определен, «с высочайшего соизволения», «в Департамент народного просвещения»³ младшим помощником начальника стола с откомандированием в Археографическую комиссию»⁴.

Данное учреждение было создано при Департаменте народного просвещения 24 декабря 1834 года для подготовки к изданию актов и материалов, относившихся к истории и древностям российским. Они были собраны Археографической экспедицией под руко-

¹ Калачов Н. В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича. С. 306–307.

² Там же. С. 308.

³ С момента своего создания (7 января 1803 г.) и до 24 октября 1817 года этот орган назывался «Департаментом министра народного просвещения». Он был предназначен для управления делами Министерства народного просвещения.

⁴ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 24. Д. 575. Л. 7.

водством П. М. Строева, действовавшей с 14 июля 1828 года до 24 декабря 1834 года. 18 февраля 1837 года Археографической комиссии был придан статус постоянного государственного учреждения. В ее задачу были вменены выявление в архивах и библиотеках и публикация документальных материалов по русской истории: летописей, хронографов, степенных книг, сказаний, юридических актов, изданных до 1700 года. Работа в Археографической комиссии станет для Н. В. Калачова главной на всю жизнь.

В 1843 году смерть отца, болезнь матери и необходимость вследствие этого заняться хозяйственными делами родового имения заставили Николая Васильевича уйти на время с государственной службы. На основании прошения он был 9 июля уволен, по домашним обстоятельствам, со службы. 6 марта 1846 года его восстановили на государственной службе, определив, по его просьбе, в Московский Главный архив Министерства иностранных дел на должность библиотекаря.

15 октября 1846 года Н. В. Калачов был снова принят на службу в Археографическую комиссию с оставлением при прежней должности библиотекаря. Спустя два месяца — 16 декабря — он успешно защитил магистерскую диссертацию по теме «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды». Перед этим она вышла в свет в виде отдельной книги¹. В дополнение к ней Калачов опубликовал также «Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций».

Под полным объяснением Русской Правды Калачов понимал в первую очередь *филологическое* объяснение встречающихся в ее тексте слов и речевых оборотов, а также *юридическое* объяснение Русской Правды. «Под именем юридического объяснения этого памятника, — пояснял он данный термин во введении к своему сочинению, — я разумею, с одной стороны, полное изложение содержания Русской Правды... так чтоб при этом, по возможности, не было опущено ни одного выражения, мысли или даже намек на древний юридический быт нашего отечества согласно с текстом, изданным по всем спискам объясняемого памятника; с другой сто-

---

¹ См.: Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра кандидатом прав Н. Калачовым. М., 1846. Второе издание данной книги, не вносившее никаких, даже малейших, изменений в текст первого издания, было напечатано в 1880 г. в Санкт-Петербурге.

роны — сравнение этого содержания с нашими памятниками, юридическими и неюридическими (начиная от древнейших времен до XVII-го века включительно), для определения истинного значения, которое в то время или другое время должны были иметь указываемые текстом обычаи, законы и даже частные случаи. Те же правила должны быть соблюдены при сравнении Русской Правды с древнейшими памятниками германских и словенских народов относительно их содержания. В результате таких исследований должно быть показано: 1) к какому веку принадлежит каждая из отдельных статей нашего памятника по юридическому ее содержанию; 2) какое значение имеет в них каждый закон, обычай или частный факт в сравнении с подобными законами, обычаями или фактами разных столетий, находимыми в памятниках отечественных и чужеземных; 3) наконец, какое значение имеет вообще Русская Правда, во-первых, как источник нашего древнего права в разное время, а во-вторых, как юридический памятник, и потом в каком отношении находится она ко всем другим памятникам, светским и духовным, в системе русского законодательства до XVII-го века включительно»¹.

1 апреля 1847 года Н. В. Калачов был утвержден в степени магистра гражданского права. В этом же году он был избран в члены Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете.

В периодическом издании данного общества в 1847 году была напечатана новая работа Калачова, закрепившая за ним репутацию авторитетного исследователя русских правовых памятников, — «О значении Кормчей в системе древнего русского права»². В предисловии к данной публикации Калачов пояснил, что Кормчая была для него интересна сначала только своими списками Русской Правды, но после того, как он познакомился с материалами об этом сборнике, ему стало ясным большое значение исследования данного источника для понимания истории русского права. «Пользуясь несколькими рукописными Кормчами для сличения разных списков

¹ Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Издание второе. СПб., 1880. С. VII—VIII.

² См.: Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1847. № 3. Отд. 1. С. 1—128; № 4. С. 1—80. В 1850 г. эта работа была напечатана в Москве, в университетской типографии, как отдельное издание.

Русской Правды и уставов о церковных судах, я не мог не остановиться, — писал он, — и на других статьях, находящихся в этих сборниках. Достаточно было, при указаниях, рассеянных в отличном библиографическом сочинении барона Розенкампа о Кормчей, одного внимательного просмотра бывших у меня под рукою материалов, чтоб убедиться, как много изучение Кормчих может способствовать к объяснению нашего отечественного права. В этом убеждении я выставил несколько тезисов о значении Византийского элемента в древнем Русском законодательстве и поместил некоторые мысли с тою же целью в моих исследованиях о Русской Правде, а впоследствии решился предложить первый опыт моего ближайшего знакомства с Кормчими на суд гг. членов Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. Он был одобрен, и теперь, благодаря содействию Общества, я имею средства и возможность продолжать начатые мною разыскания с полным усердием, с полным вниманием к столь важному делу. Между тем, сообщая мой предварительный труд во всеобщее сведение, я осмеливаюсь льстить себя надеждой, что и сторонние знатоки и любители отечественных древностей не оставят меня советами, а кому возможно — доставлением мне материалов, относящихся к моему предмету».

16 сентября 1848 года титулярный советник Калачов был принят в Московский университет на должность адъюнкта по кафедре истории русского законодательства «с положенным по штату содержанием и с оставлением на службе при Археографической комиссии»¹. В связи с этим 16 января 1848 года он был уволен государственным канцлером (министром иностранных дел К. В. Несельроде) от должности библиотекаря при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел.

На юридическом факультете Московского университета адъюнкту Калачову было поручено читать лекции по истории русского законодательства и вести курс «Критического обозрения и разбора памятников истории русского законодательства». На историко-филологическом, математическом и медицинском факультетах ему назначили читать лекции о государственных и губернских учреждениях и о законах о состояниях.

6 июля 1850 года Н. В. Калачов был утвержден министром народного просвещения П. А. Ширинским-Шихматовым исправля-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 17. Д. 9. Л. 1.

ющим должность экстраординарного профессора Московского университета по кафедре истории русского законодательства¹. В этом же году он начал издавать «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». В первой книжке данного сборника была опубликована его работа «Мерило Праведное»². Он описал в ней четыре списка этого памятника: 1) пергаментную рукопись XIV века из библиотеки Троицко-Сергиевской лавры, 2) рукопись XV века, принадлежавшую Московской духовной академии, 3) рукопись из Кормчей Кирилловской фамилии и 4) рукопись в сборнике XVII века из библиотеки М. П. Погодина.

В 1851 году Н. В. Калачов стал полноправным членом Археографической комиссии. Ему было поручено издание сборников исторических документов, выходявших с 1846 года под общим названием «Дополнения к актам историческим»³. Для сбора документов в местных архивах он отправился в 1852 году в поездку по Орловской, Владимирской и Саратовской губерниям, в 1853 году он осматривал архивы в Самарской, Тамбовской и Рязанской губерниях.

Резко возросший объем занятий Калачова по Археографической комиссии заставил его сократить учебную нагрузку в Московском университете. Чтение лекций по истории русского законодательства Николай Васильевич передал И. Д. Беляеву, себе же он оставил только курс «Критическое обозрение и обзор памятников истории русского законодательства», который надлежало читать студентам-четверокурсникам по 2–3 часа в неделю.

19 января 1854 года на заседании Совета юридического факультета была одобрена представленная и. д. экстраординарного профессора Калачовым программа лекций по названному курсу. В качестве их предмета он избрал акты старинного делопроизводства и судопроизводства⁴. Однако и такая учебная нагрузка оказалась для ученого-архивиста чрезмерной.

22 августа 1855 года коллежский советник Калачов обратился к ректору Императорского университета А. А. Альфонскому с про-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 24. Д. 575. Л. 8.

² Калачов Н. В. Мерило Праведное // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1850. Книжка первая. Отд. 3. С. 28–40.

³ См.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–12. СПб., 1846–1875.

⁴ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 16. Л. 14.

шением, в котором просил уволить его из университета. «Увеличившиеся занятия мои по Археографической комиссии, в коей я состою членом, — писал он, — не позволяют мне продолжать службу в университете; почему честь имею обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою об увольнении»¹. 12 октября 1855 года Министерство народного просвещения удовлетворило просьбу Калачова об увольнении из Московского университета.

В аттестате, выданном Калачову Московским университетом 21 декабря 1855 года, наряду с записями, отражавшими его карьеру, содержались сведения и о его имущественном положении. В начальной части этого документа говорилось: «Он 37 лет от роду, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, происходит из дворян, в общем владении с братьями имеет в губерниях: Владимирской — 96, Ярославской — 50, Саратовской — 308 и Костромской — 28 душ, за родителями его благоприобретенные в губерниях Ярославской и Костромской 362 души и два деревянных дома; у жены его (Лидии Александровны. — *В. Т.*) родового: в Орловской губернии — 35, в Тульской — 20, в Ярославской — 17 и во Владимирской — 108 душ»².

6 июня 1857 года Н. В. Калачов был зачислен в штат Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии и переехал в Санкт-Петербург. Здесь ему выпало редактировать третье издание десятого тома свода законов Российской империи, а также участвовать в работе редакционной комиссии по подготовке юридических актов будущей крестьянской реформы.

5 декабря Н. В. Калачов был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения.

4 марта 1859 года Калачов был назначен членом редакционных комиссий (для выработки общих и местных законоположений) Главного комитета по крестьянскому делу. 10 июля того же года он выступил в общем присутствии комиссий данного комитета с докладом «О прекращении крепостного права».

23 февраля 1862 года Н. В. Калачов был определен в состав консультации при Министерстве юстиции. В 1863 году он стал членом-редактором учрежденной при Государственной канцелярии

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 24. Д. 575. Л. 1.

² Там же. Л. 7.

комиссии для составления проекта преобразования судебной части. При обсуждении проекта Устава гражданского судопроизводства Калачов настоял, чтобы в него была внесена особая статья (130-я), позволявшая мировым судьям руководствоваться при вынесении решений также местными народными обычаями. Он специально занимался этой сферой русской правовой культуры, опубликовал целую серию статей о юридическом быте великорусских крестьян¹, а на первом съезде русских юристов, который состоялся в 1875 году, прочитал реферат на тему «Об отношении обычного права к законодательству», который был напечатан в «Трудах» съезда.

В 1864 году Калачов был удостоен Санкт-Петербургским университетом за свои научные труды степени доктора гражданского права. В следующем году он был сделан сенатором и назначен управляющим архивом Министерства юстиции. С этого времени главной сферой научной и практической деятельности Калачова стало архивное дело. Он разрабатывал принципы классификации архивных документов, организовывал их описание, заботился о надлежащем их хранении. В Москве, благодаря настойчивости Калачова, было построено новое здание архива Министерства юстиции, а в Санкт-Петербурге им был открыт (15 января 1878 г.) Археологический институт². Он же и стал первым его директором и преподавателем. Николай Васильевич читал здесь курс «Основания науки об архивах». Кроме того, он затеял издание «Сборника Археологического института» (в 1878—1881 гг. вышло пять его книг) и «Вестника археологии и истории» (в 1885 г. было напечатано четыре его выпуска).

5 декабря 1882 года Н. В. Калачов был избран ординарным академиком Петербургской Академии наук по Историко-филологическому отделению.

В последние годы своей жизни Н. В. Калачов занимался подготовкой к изданию «Материалов для истории русского дворянства». Эту работу он не успел довести до конца. 25 октября 1885 года Ни-

---

¹ См.: *Калачов Н. В.* Очерк юридического быта великорусских крестьян в XVII в. // *Летопись занятий Археографической комиссии.* 1864. Вып. 3. СПб., 1865. Отд. I. С. 1—23; *его же.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // *Сборник государственных знаний.* Т. 8 / Под редакцией В. П. Безобразова. 1880. С. 128—148 и др.

² Первые пять лет Археологический институт существовал на частные средства, в 1883 г. ему была назначена ежегодная правительственная субсидия в размере 6000 руб.

колай Васильевич умер в имении Волхонщина Сердобского уезда Саратовской губернии.

* * *

Н. В. Калачов относился к той блестящей плеяде русских правоведов, которые основывали свои исследования истории русского права на изучении текстов оригинальных источников — юридических документов и законодательных памятников. Главные особенности исследовательского таланта Калачова проявились уже в первой его крупной научной работе — магистерской диссертации, посвященной Русской Правде. При ее написании историк сличил между собой 50 различных списков Русской Правды.

Придавая большое значение документам в изучении истории русского права, Калачов делил эту историю на периоды, соответствовавшие тем правовым памятникам, которые в то или иное время имели обязательную силу, составляли основу действовавшего законодательства. Поэтому он выделял в развитии русского права период *Русской Правды*, период судебныхников и эпоху Соборного уложения 1649 года.

При объяснении содержания юридических документов Н. В. Калачов широко использовал социологический подход, обращаясь к хозяйственному и политическому быту той эпохи, к которой принадлежал изучаемый текст. Вместе с тем, для того чтобы лучше уяснить смысл рассматриваемого юридического акта, ученый прибегал к сравнительно-правовому методу — сопоставлял между собой различные правовые памятники, разнообразные варианты одной и той же статьи.

Н. В. Калачов полагал, что историко-правовые исследования будут более плодотворными при использовании различных способов изучения правовых памятников. Свое понимание методологии историко-правовой науки он выразил в статье «Дополнение к рассуждению г. Деппа “О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича”»¹. Его высказывания по этому чрезвычайно важному для всех историков права вопросу заслуживают того, чтобы их привести здесь почти полностью. К тому же в них отчетливо проявляется характер научного мышления Калачова.

---

¹ Историко-юридическое рассуждение Ф. Деппа «О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича» было написано для получения степени магистра и издано в виде отдельной книги в Санкт-Петербурге в 1840 г.

«Есть два способа изучения и разработки наших древних юридических памятников, — писал он в начале указанной статьи. — Один из них состоит в том, что исследователь, рассматривая все вообще материалы, относящиеся к известному периоду отечественной истории, а в связи с ними и акты юридического содержания, старается понять ту идею, которую они выражают в применении к народной жизни все вместе и каждый в отдельности, для того чтобы уяснить себе те основные начала, под влиянием которых они составлены в данную эпоху. Такой способ изучения и разработки памятников можно назвать систематическим или прагматическим. Результатом его должно быть обозрение всех источников известного периода в их органической связи относительно представляемого ими содержания. Другой способ заключается в подробном изучении каждого из отдельных памятников в частности. Здесь исследователь занимается специальным разбором всех различных положений и данных, которые встречаются ему в рассматриваемом акте. Он не довольствуется размещением этих положений в каком-либо принятом наукою порядке, но старается также, на основании всех добытых им сведений в следствие такого специального изучения своего материала уловить те движущие начала, которые дают им жизнь и связывают их в одно целое. Таковы требования, выставленные в последнее время разными учеными в отношении к обоим способам разработки наших древних юридических памятников. Соглашаясь с ними, мы вправе предложить вопросы: который из этих двух способов должен предшествовать в науке, и могут ли они, взятые в отдельности, приниматься каждый в соображение при разработке памятников на основании другого противоположного способа? Последний вопрос решить нетрудно. Все то, что каким бы то ни было путем добыто как результат самостоятельного исследования, не может быть чуждым для ученого, если он не хочет быть односторонним или даже снова начинать уже сделанное прежде. Иное дело поверять результаты предыдущих розысканий: это прямая обязанность каждого добросовестного историка-юриста. Вот почему всякий исследователь, с какой бы точки зрения, каким бы способом он ни принимался за разработку памятников, должен иметь непременно в виду все предшествовавшие выводы, сделанные другими, для того чтобы или принять их к сведению и ими воспользоваться, или же, напротив, опровергнуть их на основании убедительных доводов. С другой стороны, нет сомнения в том, что

только в следствие обоюдного содействия того и другого способа памятники могут быть вполне разъяснены, и отдельные их положения войти, как достоверные и осмысленные данные, в содержание науки. Что же касается до того, который из означенных двух способов разработки материалов должен предшествовать другому, мы думаем, что этот вопрос нельзя решить вообще, так чтобы тем самым поставить какое-либо обязательное правило для исследователей. Мало ли вполне основательных условий, которые могут побудить ученого склониться в своих розысканиях на какой-либо один способ предпочтительно пред другим? Не говоря уже о недостатке в специальных пособиях, необходимых при изучении каждого отдельного памятника, в богатом запасе филологических и чисто¹ археологических сведений и других неизбежных этого рода условий, самый склад ума, способности и характер делают одного более склонным к научным и теоретическим воззрениям на данные предметы, а другому указывают направление фактическое, как наиболее ему доступное и сродное. Нельзя поэтому порицать ученого за предпочтение одного способа разработки отечественной истории и ее памятников другому, хотя нельзя также не заметить, что он обязан долго испытать себя, прежде нежели решится в своих розысканиях принять направление теоретическое. Как направление отвлеченное и по преимуществу логическое, оно нуждается в особенном таланте и соображении, которые природою не всякому даны в удел, между тем как при направлении фактическом, с средствами гораздо меньшими, можно всегда надеяться принести прямую пользу науке... Смотри с этой точки зрения на оба способа разработки памятников, и не признавая за нужное обязывать исследователей к предпочтению того или другого способа, кроме указания на непосредственные преимущества, представляемые направлением фактическим, — мы не можем, говоря вообще, не сознаться, что научное или теоретическое воззрение, основанное на внимательном, но тем не менее общем обозрении всех источников известного периода, может пролить яркий свет на уяснение как значения каждого отдельного памятника, так и частных его положений. Наоборот, при недостатке таких высказанных теоретических начал в науке исследователь-специалист, не имея руководной нити в своих розысканиях, должен ошупью отыскивать каких-либо точек для своей опо-

---

¹ В цитируемом тексте (с. 6) написано «часто».

ры; почему не удивительно, если он признает таким образом в своих выводах за особенные основные начала вовсе не существенные проявления какой-либо отдельной личности, или же общие характеристические черты всех народов, находящихся на известной ступени¹ развития»².

Научные работы Н. В. Калачова в области истории русского права и по сей день остаются непревзойденными по тщательности и глубине исследования источников. Каждая из них в свое время содержала открытие.

Н. В. Калачов прославился также своими изданиями правовых памятников. Им были изданы три книги сборника «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (Кн. 1. М., 1850; Кн. 2. Половина первая. М., 1855; Кн. 2. Половина вторая. М., 1854; Кн. 3. СПб., 1861), двенадцать книг сборника «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» (в 1859—1864 гг.). В 1860 году в качестве приложения к этому сборнику стал выходить основанный Калачовым журнал «Юридический вестник», который стал впоследствии самостоятельным периодическим изданием.

Работая в Археографической комиссии, он подготовил к изданию три тома «Докладов и приговоров, состоявшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого» (Т. 1. СПб., 1880; Т. 2. Кн. 1. СПб., 1882; Т. 2. Кн. 2. СПб., 1883; Т. 3. Кн. 1. СПб., 1886), три тома «Актов, относящихся до юридического быта древней России» (Т. 1. СПб., 1857; Т. 2. СПб., 1864; Т. 3. СПб., 1884), 7-й, 8-й и 9-й тома «Дополнений к Актам историческим», четыре тома «Архива Государственного совета» (Т. 1, 2. СПб., 1869; Т. 3. СПб., 1878; Т. 4. СПб., 1881)³, три выпуска «Материалов для истории русского дворянства» (Вып. 1—2. СПб., 1885; Вып. 3. СПб., 1886), сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» и др.

¹ В цитируемом тексте (с. 7) написано «степени».

² Калачов Н. В. Дополнение к разсуждению г. Деппа «О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича» // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книга третья. СПб., М., 1861. Отд. 4. С. 5—7.

³ Пятый том «Архива Государственного совета» вышел в 1904 г.

Семен Викентьевич Пахман

(1825–1910)

СЕМЕН Викентьевич Пахман родился 27 апреля 1825 года в городе Одессе. Его отец — Викентий Филиппович Пахман — во второй половине указанного года (или в первой половине следующего) был назначен преподавателем Ришельевского лицея¹. В этом учебном заведении получал впоследствии образование Семен Пахман.

Ришельевский лицей был учрежден в Одессе 2 мая 1817 года. В докладе министра народного просвещения князя А. Н. Голицына, одобренном в указанный день императором Александром I, говорилось, что создаваемый Лицей предназначен для того, чтобы, «заклучая в себе постепенные классы образования учебного, заменить собою ныне существующую в Одессе Коммерческую Гимназию, уездное и приходское училища и Воспитательный институт. Упомянутому Лицею назначается дать название: *Ришельевский Ли-*

---

¹ В биографиях С. В. Пахмана, опубликованных в изданиях: «Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)» (Харьков, 1908. С. 196–198. Автор — Н. Гредескул), «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Часть вторая» (Казань, 1904. С. 64–67. Автор — Г. Ф. Шершеневич), «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую четверть века его существования. 1869–1894. Том 2» (СПб., 1898. С. 97–102. Автор — А. Х. Гольмстен), «Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 5. С. 34–44. Автор — А. Х. Гольмстен), его отец называется профессором римского права в Ришельевском лицее. На самом деле Викентий Филиппович Пахман занимал в Лицее должность адъюнкта, которая была на один ранг ниже профессорской, и с 1837 года преподавал здесь предмет под названием «римское законоведение». Он упоминается в этом качестве в «Новороссийском календаре на 1840-й год» (Одесса, 1839. Отделение второе. С. 131). 1845/46 учебный год был двадцатым годом работы В. Ф. Пахмана в Ришельевском лицее. В «Исторической записке о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 19-го июня 1845 по 20-е июня 1846 года» (Одесса, 1846. С. 112) указывается, что в названном учебном году адъюнкт Лицея, статский советник Пахман был награжден «Орденом Св. Анны 3-й степени и знаком отличия беспорочной службы за XX лет».

цей, по имени Дюка де Ришелье, который управлял тамошним краем, долгое время с отличным усердием, не престаёт и поныне принимать особенное участие в благосостоянии онаго; и ныне, когда собственное Отечество призвало его опять в недра свои, чтобы воспользоваться превосходными качествами его и рвением к общественному благу, он, питая в сердце своем привязанность и благодарность к России, пожелал ознаменовать оныя способствованием со своей стороны образованию юношества тех мест, в коих он прежде был попечительным Начальником: и потому определил от себя на содержание предполагаемого к заведению Лицея знатную сумму ежегодного дохода, ему принадлежащего, и заслугами его приобретенного»¹.

Французский герцог Ришелье² занимал должности Новороссийского генерал-губернатора и одновременно Одесского градоначальника в 1803—1814 годах. Честный, справедливый и бескорыстный, все свои силы отдававший благоустройству Одессы³, он был душою этого русского города. После падения Наполеона Бонапарта герцог Ришелье был призван королем Людовиком XVIII на службу во Францию⁴.

¹ Герцог Ришелье отдал на содержание Лицея доход с аренды, пожалованной ему российским императором в награду за плодотворную государственную деятельность на благо России, который составлял три тысячи двести шестьдесят талеров. Срок аренды истек в 1829 году. Министр народного просвещения князь А. Н. Голицын предложил государю выплачивать после этого указанную сумму на пользу Лицея из государственного казначейства. Кроме того, в пользу Лицея в течение первых десяти лет его существования назначался сбор «по две копейки с половиной серебром с каждой четверти отпускаемого из Одессы за границу разного хлеба», а также суммы, отпускавшиеся до его учреждения на содержание тех учебных заведений, которые Лицей заменял. Наконец, Лицей мог компенсировать какую-то часть своих расходов за счет платы, взимаемой с пансионеров (1200 рублей в год с каждого), общее число которых не должно было превышать 120.

² Полное имя этого человека — Арман Эммануэль дю Плесси (1766—1822). Он являлся потомком великого государственного деятеля Франции времен правления короля Людовика XIII — кардинала Ришелье (1585—1642), носившего имя Арман Жан дю Плесси.

³ При генерал-губернаторе Ришелье в Одессе было проложено множество новых широких улиц, возведены православный храм, старообрядческая часовня, католическая церковь, синагога, две больницы, театр, гостиницы. Построены здания и в них открыты такие учебные заведения, как благородный воспитательный институт, коммерческая гимназия, шесть начальных школ и др. Кроме того, разбиты сады, созданы набережная, сеть магазинов, рынков и финансовых учреждений.

⁴ День его отъезда из Одессы — 26 сентября 1814 года — стал днем всеобщей печали для горожан. В слезах покидал город и сам Ришелье. За время его управле-

Находясь в Париже¹, он не забывал о своей Одессе. В одной из парижских бесед с императором Александром I Ришелье предложил Его Величеству учредить в Одессе учебное заведение в виде лицея. Государь одобрил эту идею и приказал министру народного просвещения разработать проект устава для нового русского лицея².

Практическую подготовку открытия Ришельевского лицея осуществил преемник герцога Ришелье на посту Новороссийского генерал-губернатора и Одесского градоначальника³ французский аристократ на русской государственной службе Александр Федорович Ланжерон⁴. Новое учебное заведение было официально открыто в 1818 году. Оно расположилось в двух длинных двухэтажных зданиях, стоящих и ныне по адресу: Дерибасовская, дом 16 и Ланжероновская, дом 17⁵.

На базе уездного и приходского училищ при Лицее было организовано Начальное училище, в котором дети получали в течение четырех лет первичные знания. Слитые воедино гимназия и институт составили сам Лицей. В его рамках был создан пансион, в который, согласно уставу Лицея, принимались дети от 7 до 9 лет, обученные «чтению и письму на Российском языке, или на других». Воспитание пансионеров продолжалось 10 лет. Те из них, кто успешно проходил весь курс обучения, могли определяться в армию офицерами, прослужив предварительно три месяца в нижних чинах. При вступлении в гражданскую службу выпускники-пансионеры Лицея получали чин 12-го класса.

ния городом одесситы привязались к нему всем сердцем, и он сам сроднился с одесситами. Сразу после смерти герцога Ришелье, последовавшей в 1822 году, в Одессе будет организован сбор пожертвований на памятник ему. Творцом монумента станет скульптор И. П. Мартос. Торжественное открытие его состоится 22 апреля 1828 года. С тех пор памятник герцогу Ришелье или просто «Дюку» является символом и талисманом города Одессы.

¹ В сентябре 1815 года Людовик XVIII предложил герцогу Ришелье пост первого министра. На этой должности бывший генерал-губернатор Новороссии пробыл до декабря 1818 года. Спустя год с небольшим — в феврале 1820 года — он возвратился на этот пост, но не надолго — до декабря 1821 года.

² К этому времени один лицей в России уже существовал — в Царском Селе. Лицей в Одессе стал вторым российским учебным заведением этого рода.

³ В 1820 году названные должности были разделены по просьбе самого Ланжерона и он снял с себя обязанности градоначальника Одессы.

⁴ Его французское имя — Луи-Александр-Андро де Ланжерон, граф де Рошамбо (1763–1831).

⁵ Позднее для Ришельевского лицея было построено новое здание по адресу: Дворянская улица, дом 2.

Для «умножения пользы от Лицея» при нем были открыты и так называемые «внешние классы», в которых, как отмечалось в докладе, «дети недостаточных родителей слушают без платы те же уроки, как и самые воспитанники Лицея и у тех же Профессоров, но токмо в других учебных комнатах». Обучение в них продолжалось восемь лет. Выпускники «внешних классов» Лицея получали чины 14-го класса.

Кроме того, при Лицее был создан Педагогический институт «для образования знающих и способных учителей, кои в самом Лицее тем с большим успехом могут сообщать другим то, что сами в сем заведении приобрели».

В соответствии с § 4 Устава Ришельевского лицея 1817 года для управления этим учебным заведением создавался Совет или Правление Лицея под председательством градоначальника Одессы. В его состав входили «четыре члена, избираемые на два года в полном собрании родителей и опекунов, коих дети или питомцы суть пансионерами Лицея». Совет Лицея избирал по представлению директора Лицея инспекторов, профессоров, адъюнктов и надзирателей и представлял их через попечителя Харьковского университета на утверждение министру просвещения.

Согласно § 92 Устава в отношении лицеистов, отличавшихся дурным поведением и леностью в учебе, допускалось применять следующие наказания: «1) Постыдное место на особой лавке во время классов. 2) Особый стол в общей зале и лишение нескольких блюд, смотря по вине. 3) Удержание дома в те дни, кои назначены для посещения родителей». В качестве последней меры относительно тех из питомцев, которые «всегдашнею леностью или дурным поведением окажут себя недостойными оставаться в Лицее», предусматривалось возвращение их родителям «по представлению Директора и с утверждения членов Правления».

Уставом Лицея в качестве предметов для изучения в нем были назначены, помимо Закона Божия: 1) «грамматика языков Российского, Латинского, Греческого, Французского, Итальянского и Немецкого», 2) «Словесность», 3) «Риторика», 4) «География и История», 5) «Философия», 6) «Науки Математические и Физические», 7) «Военные искусства», 8) «Приятные искусства». Первостепенное значение в Лицее придавалось русской истории, но вместе с тем здесь изучалась и всеобщая история. Курс ее читался 13—14-летним лицеистам на французском языке.

Выпускники Лицея могли продолжать обучение в одном из двух дополнительных учебных заведений, созданных при Лицее, а именно: в Училище правоведения и политической экономики или в Коммерческом училище. Обучение здесь длилось два года. В течение первого года в Училище правоведения изучали юриспруденцию, в первые восемь месяцев второго года — политическую экономию, последние четыре месяца обучения были посвящены начальному курсу так называемого «общественного права». Выпускники Училища правоведения и политической экономии получали при определении на государственную службу чин 9-го класса.

В 1837 году был принят новый Устав Ришельевского лицея. В соответствии с ним данное учебное заведение сохраняло характер, свойственный лицеям, но вместе с тем приобретало существенные отличия от них. Ришельевский лицей должен был разделиться на отделения. Таким образом, по своей организации и программе обучения он приближался к университету¹.

Первоначально в Лицее действовало два отделения: физико-математическое и юридическое². Но в ноябре 1841 года император Николай I утвердил представление Комитета Министров о преобразовании учебной части Ришельевского лицея, в результате которого здесь создавалось в дополнение к двум прежде существовавшим новое отделение — камеральное, предназначенное для подготовки молодых людей к торговой деятельности³. В числе учебных предметов данного отделения были: государственное хозяйство (политическая экономия с наукой о финансах) и торговля, физика и физическая география, химия, естественная история, сельское хозяйство, технология, архитектура (для желающих)⁴.

¹ В 1865 году на базе Ришельевского лицея в Одессе будет основан Императорский Новороссийский университет.

² Наряду с физико-математическим и юридическим отделениями в Лицее существовало в то время еще одно самостоятельное подразделение — кафедра восточных языков. На ее базе позднее был создан Институт восточных языков.

³ В течение 1842/43 академического года камеральное отделение Ришельевского лицея было единственным учебным заведением данного рода в России. С осени 1843 учебного года в рамках юридических факультетов российских университетов были выделены два разряда наук: разряд наук *собственно юридических* и разряд *камеральных наук*. В рамках последнего преподавались такие предметы, как: государственные учреждения Российской империи, законы благоустройства и благочиния, законы о финансах и государственных повинностях, сельское хозяйство, технология, политическая экономия, статистика, государственное право европейских держав.

⁴ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1841 по 20-е июня 1842 года. Одесса, 1842. С. 6.

В 1840 году Семен Пахман поступил на юридическое отделение Ришельевского лицея. Из этого факта можно сделать вывод, что он проходил восьмилетний гимназический курс обучения в Лицее, то есть пребывал здесь, по всей вероятности, в качестве не пансионера, а питомца «внешних классов». Обучение в рамках каждого из отделений Лицея длилось три года. По программе юридического отделения лицеистам надлежало изучить: церковное право, римскую словесность, энциклопедию и историю правоведения, российское законоведение, практическое судопроизводство, римское законоведение, судебную медицину, государственное хозяйство (политическую экономию с наукой о финансах). Кроме того, лицеистам-юристам преподавали общие для всех отделений предметы, как-то: догматическое и нравоучительное богословие и церковную историю, философию, российскую словесность, всеобщую историю и статистику с принадлежащей к этому предмету сравнительной географией и историей путешествий и открытий, русскую историю и статистику с отдельным преподаванием русских древностей, французский и немецкий языки. С осени 1840 года в рамках юридического отделения Лицея стали преподавать также судебную медицину.

По ходатайству попечителя Одесского учебного округа Дмитрия Максимовича Княжевича в программу преподавания на физико-математическом и камеральном отделениях был введен курс обозрения русских законов как предмет, «без которого невозможно полное образование гражданина»¹.

Из преподавателей юридического отделения Ришельевского лицея, учивших Семена Пахмана, особенно выделялся адъюнкт *Владимир Альбертович Линовский* (1818–1863)². Он получил юридическое образование в Московском университете и в Лицее вел курс практического судопроизводства³. Энциклопедию и историю пра-

¹ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1841 по 20-е июня 1842 года. С. 8.

² В «Исторической записке о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1846 по 20-е июня 1847 года» (Одесса, 1847. С. 7) Линовский упоминается в качестве профессора практического судопроизводства.

³ Из опубликованных научных работ В. А. Линовского самой значительной является книга «Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России», вышедшая в Одессе в 1849 году (переиздана в 2001 году в Москве издательством «ЛексЭст»). Кроме нее, Линовский выпустил в свет «Исследование начал уголовного права, изложенных в уложении царя Алексея Михайловича» (Одесса, 1847), а также работу «О местных бессарабских законах» (Одесса, 1842).

воведения лицеистам-юристам, и в их числе Семену Пахману, читал исправляющий должность профессора *Михаил Александрович Соловьев*¹, российское законоведение — исправляющий должность адъюнкта *Семен Федорович Коробкин*, римское законоведение — отец Семена Пахмана адъюнкт *В. Ф. Пахман*. Научные интересы Викентия Филипповича лежали в области истории византийского права².

Предметы кафедры русского права преподавались до осени 1841 года М. А. Соловьевым и В. А. Линовским. При этом Соловьев объяснял законы основные, учреждения и уголовное право, а Линовский — законы о состояниях, уставы о службе гражданской и гражданское право. 1841/42 учебный год оказался первым в истории Ришельевского лицея годом, когда здесь были замещены все кафедры. На остававшуюся до этого свободной кафедрой русского права был определен исправляющим должность адъюнкта выпускник Университета Св. Владимира в Киеве со степенью кандидата прав *Селецкий*³.

В 1841/42 учебном году на юридическом отделении⁴ Ришельевского лицея обучались 43 студента. Вместе с Семеном Пахманом на втором курсе данного отделения числилось 10 студентов⁵.

За время обучения на юридическом отделении Ришельевского лицея студенты приобретали знания не только основных юридических наук, но и литературы (словесности) и языков. По традиции, заведенной в Лицей с момента его основания, особое внимание уделялось в процессе преподавания русской литературе, исто-

¹ В «Исторической записке о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1841 по 20-е июня 1842 года» о научных достижениях исправляющего должность профессора энциклопедии и истории правоведения Соловьева говорится, что он написал речь «О развитии Русской жизни в отношении к законодательству» и поместил в «Москвитянине» свой разбор «Денницы Новоболгарского образования».

² Об этом свидетельствует «Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1841 по 20-е июня 1842 года», где говорится, что в указанном учебном году «адъюнкт Пахман занимался приведением в порядок собранных им материалов для «Истории византийского права».

³ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1841 по 20-е июня 1842 года. С. 14.

⁴ В то время говорили и писали об учебе не на, а в юридическом отделении.

⁵ Вот имена сокурсников Семена Пахмана по юридическому отделению Ришельевского лицея, которые мне удалось обнаружить в документах этого учебного заведения: Тимофей Андреевский, Николай Великанов, Иосиф Ковзан, Спиридон Коронелли, Андрей Плеханов, Виктор Подгурский, Петр Прокливитантов, Дмитрий Сихри и Василий Чорба.

рии и языку. По этим предметам среди лицеистов регулярно устраивались конкурсы на лучшее сочинение по той или иной теме. Так, в 1841/42 учебном году было дано следующее конкурсное задание по предмету русской словесности: «*Определить поэтический характер народных Русских песен и сказок и показать их особенности в языке, стихосложении и содержании, с обращением внимания и на историческую последовательность*». В результате подведения итогов конкурса работ на эту тему золотой медали было удостоено сочинение студента 2-го курса юридического отделения Лицея Николая Великанова, а серебряную медаль получил за свое сочинение его однокурсник *Семен Пахман*¹.

Студенты Ришельевского лицея издавали свой журнал, который имел весьма примечательное название — «Ареопаг». Кроме того, здесь выходили сборники лучших студенческих работ. Так, в 1841/42 учебном году с разрешения Совета Ришельевского лицея было напечатано рассуждение студента юридического отделения Александра Великанова².

Таким образом, студенты Ришельевского лицея воспитывались в духе приверженности к русской традиционной культуре, любви к своему Отечеству. И вместе с тем принятая в Лицее система обучения предполагала развитие у лицеистов трудолюбия, дисциплинированности, способностей к самостоятельному творчеству.

* * *

После завершения в 1843 году обучения в Ришельевском лицее Семен Пахман поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В то время здесь преподавали такие правоведы, как С. И. Баршев (1808—1882), К. Д. Кавелин (1818—1885), Н. И. Крылов (1807—1879), Ф. Л. Морошкин (1804—1857), П. Г. Редкин (1808—1891)³.

¹ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1841 по 20-е июня 1842 года. С. 19.

² Вероятно, брата сокурсника Семена Пахмана Николая Великанова.

³ Лучшие воспоминания об этих преподавателях написал знаменитый исследователь русского фольклора, собиратель русских народных сказок А. Н. Афанасьев (1826—1871), учившийся на юридическом факультете Московского университета в 1844—1848 годах. См.: *Афанасьев А. Н.* Московский университет (1844—1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 253—280.

Наиболее сильное впечатление произвели на Семена Пахмана лекции Федора Лукича Морошкина по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству¹. Спустя почти полвека сенатору Пахману придется решать сложный вопрос о применении принципа давности к церковным землям. И он вспомнит уроки своего учителя. В статье, посвященной этому делу, Семен Викентьевич напишет: «Известный в свое время глубокий знаток русского права и его истории профессор Московского университета Морошкин, которого и я был слушателем, в сочинении «О владении по началам российского законодательства» (М., 1837), высказался на стр. 201 категорически так: «Церкви имеют право приобретать земли давностью на общем положении, напротив сами не теряют владения сим способом». Это положение никем впоследствии не было опровергнуто, в подтверждение же его автор говорил, что объект церковного владения может увеличиваться, но не уменьшаться, и, следовательно, указывал на ту же неизменность, которая объяснена и в сенатском решении. Итак, мнение Правительствующего Сената, по существу, не может быть названо совершенно новым или одиноким»².

Поступая на юридический факультет Московского университета, С. В. Пахман не был новичком в юриспруденции. Некоторые основополагающие юридические науки были преподаны ему еще в Ришельевском лицее. Поэтому университетский курс обучения юриспруденции он сумел пройти за половину отведенного для этого времени и в 1845 году был выпущен из Московского университета со степенью кандидата прав.

Почти год после этого молодой правовец Пахман провел в поисках подходящего места работы. 28 мая 1846 года он был определен на должность старшего учителя Тульской гимназии «для чтения лекций правоведения и практического судопроизводства в гимназии и публичных лекций правоведения для гг. чиновников г. Тулы». Помимо курса правоведения ему пришлось преподавать здесь и латинский язык.

¹ По воспоминаниям А. Н. Афанасьева, «Морошкин излагал гражданское право и судопроизводство по Своду законов, натягивая русское законодательство на постановления римского права, с которыми любил их сравнивать, и постоянно восхищаясь логикою римского права. Изложение его отличалось особенным, свойственным только ему языком; он любил пестрить речь рельефными и меткими выражениями и неожиданностию их часто смешил целый курс...» (Афанасьев А. Н. Указ. соч. С. 271).

² См.: Пахман С. В. О применении давности к церковным землям // Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1894. Кн. 3. С. 140.

В 1848 году Семен Пахман возвратился в Одессу. Он был назначен на должность адъюнкта Ришельевского лицея по кафедре энциклопедии и истории правоведения¹. До этого указанная кафедра оставалась в течение ряда лет свободной и преподавание предметов, относящихся к ней, делилось между преподавателями других кафедр. Так, в 1846/47 учебном году профессор практического судопроизводства В. А. Линовский читал, помимо собственного предмета, историю русского права и обозрение русских законов по части государственного, гражданского и уголовного права (с 13 сентября 1846 года по 19 марта 1847 года). Энциклопедию законоведения читал с 13 сентября по 20 декабря 1846 года исполняющий должность адъюнкта Комарницкий, а с 1 по 19 марта адъюнкт римского права В. Ф. Пахман. Об этом свидетельствует «Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского Лицея с 20-го июня 1846 по 20-е июня 1847 года» (Одесса, 1847. С. 7).

В 1851 году Семен Пахман сдал магистерский экзамен и затем успешно защитил на юридическом факультете Московского университета диссертацию на степень магистра гражданского права по теме: «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии». Незадолго до защиты эта диссертация вышла в свет в Москве в виде отдельной книги². Семен Пахман посвятил ее своему отцу. «Посвящается Викентию Филипповичу Пахману в знак сыновней любви, признательности и глубокого уважения», — написал он на странице, предваряющей текст данной книги.

Представленная в диссертации С. В. Пахмана история развития характерной для русского права системы судебных доказательств охватывает более шести столетий и завершается Соборным Уложением 1649 года. Автор стремился прежде всего собрать воедино фактический материал, касающийся предмета его исследования. Тезисы диссертации, которые были вынесены им на защиту, представляли собой скорее констатацию фактов, нежели объяснение каких-либо процессов.

¹ Документы, отражающие преподавательскую деятельность С. В. Пахмана в Ришельевском университете, хранятся в Одесском государственном архиве — в фонде № 44 Ришельевского лицея и в именном фонде С. В. Пахмана (Ф-149).

² О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. Рассуждение Семена Пахмана. М., 1851.

Главные из этих тезисов (всего их было пятнадцать) сводились к следующему: 1) «Образование и развитие древней русской системы судебных доказательств, равно как и системы судопроизводства, условливалось преимущественно туземными началами, определявшими жизнь наших предков»; 2) «влияние германского элемента на развитие древней нашей системы доказательств было вообще незначительно; оно могло выразиться почти исключительно во внешней ее стороне. Гораздо значительнее и долговременнее было относительно этой системы влияние византийского элемента»; 3) «важнейшим и основным доказательством были первоначально показания свидетелей. Впоследствии они утрачивают отчасти это значение по мере образования и распространения в судебной практике новых средств доказывания»; 4) «усовершенствование системы доказательств, равно как и системы судопроизводства, происходило преимущественно под влиянием начала Государственного. Из этого начала, с одной стороны, выработался административный характер судопроизводства, а с другой — проистекло отделение уголовного процесса от гражданского, имевшее первоначально исключительно-практическое основание; принадлежности уголовного процесса была пытка, а гражданского — присяга и поединок»; 5) «тяжесть доказывания (*onus probandi*) лежала, по древнему нашему праву, не только на истце, но и на ответчике. Это должно сказать и относительно существовавших у нас судов Божиих»; 6) «письменные документы первоначально не имели силы полного доказательства; с течением же времени, при усовершенствовании самой системы укрепления прав письменными актами, и с увеличением числа исков исключительно-крепостных, они должны были получить значение несомненного доказательства и взять перевес над всеми прочими средствами доказывания».

Своей магистерской диссертацией, удостоенной почетного отзыва Императорской Академии наук, Семен Пахман обратил на себя внимание экстраординарного профессора Императорского Казанского университета по кафедре гражданских законов¹ Д. И. Мейера². Дмитрий Иванович увидел в молодом правоведе человека, который может взять на себя преподавание истории русского права на юридическом факультете данного учебного заведения. В то вре-

¹ Полное название данной кафедры в соответствии с Университетским уставом 1835 года — «Гражданские законы, общие, особенные и местные».

² 13 июля 1852 года Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856) станет ординарным профессором по кафедре гражданских законов.

мя такая кафедра еще не была предусмотрена в российских университетах. Поэтому Семен Пахман был официально приглашен на кафедру законов государственного благоустройства и благочиния, которая была свободной, но с условием, что помимо предметов данной кафедры он будет читать также историю русского права.

25 марта 1852 года адъюнкт Ришельевского лицея С. В. Пахман был перемещен на должность адъюнкта кафедры законов государственного благоустройства и благочиния в Казанский университет¹. В «Обзрении преподаваний в Императорском Казанском университете на 1852—1853 учебный год» на стр. 16 объявлялось, что «*Иван Пахман*, магистр гражданского права, адъюнкт законов благоустройства и благочиния будет преподавать студентам 2 и 3 курсов юридического разряда *историю русского законодательства* по собственным запискам 4 часа в неделю». На следующей же странице приводилось другое объявление: «*Семен Пахман*, магистр гражданского права, адъюнкт законов государственного благоустройства и благочиния, будет преподавать студентам 3 курса юридического и камерального разрядов — *законы государственного благоустройства и благочиния*, по Своду законов и сочинению Рождественского², 4 часа в неделю». В данном случае это были не два разных преподавателя, а один и тот же — Семен Пахман. Составитель «Обзора...» ошибочно назвал его Иваном.

19 декабря 1852 года С. В. Пахман защитил диссертацию на степень доктора юридических наук по теме: «*De dominio private nec non publico apud Romanos historica commentatio* (О праве собственности частной, а также публичной по римским историческим сочинениям)»³. Написанная на латинском языке, что показывает уже

¹ Упоминание об этом перемещении адъюнкта Семена Пахмана содержится в «Отчете о состоянии Императорского Казанского университета в 1851—1852 академическом году, составленном и произнесенном в торжественном собрании 5 октября 1852 года адъюнктом Ив. Буличем» (Казань, 1852. С. 12).

² Имеется в виду Николай Федорович Рождественский (1802—1872) — доктор законовведения с 1838 года, преподававший до 1853 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета законы благоустройства и благочиния, и его сочинение «Основания государственного благоустройства» (СПб., 1840).

³ Юридический факультет «произвел испытания на степень доктора юридических наук адъюнктам Камбеку и Пахману», — говорится в «Отчете о состоянии Императорского Казанского университета в 1852—1853 академическом году, составленном и произнесенном в торжественном собрании университета, бывшем 8-го июня 1853 года, экстраординарным профессором доктором юридических наук Семеном Пахманом» (Казань, 1853. С. 29).

само ее название, эта работа Пахмана не была опубликована. Рукопись ее была помещена в архив Казанского университета, где и затерялась навсегда. 13 июня 1853 года С. В. Пахман стал экстраординарным профессором Казанского университета.

В «Обзрении преподаваний в Императорском Казанском университете на 1853—1854 учебный год» было объявлено, что «*Семен Пахман*, доктор юридических наук, экстраординарный профессор законов благоустройства и благочиния, будет преподавать студентам 3 курса юридического разряда — *начала общенародного правоведения и дипломатию* по программе, рассмотренной и утвержденной Министерством народного просвещения, 6 часов в неделю», «студентам 1 и 2 курса юридического разряда *историю Русского законодательства* по собственным запискам, руководствуясь памятниками законодательства и отечественными историко-юридическими исследованиями, 4 часа в неделю», «студентам 3 курса юридического и камерального разрядов — *законы государственного благоустройства и благочиния*, по Своду законов и сочинению Рождественского, 4 часа в неделю». Таким образом, в 1853—1854 учебном году Семен Викентьевич имел преподавательскую нагрузку в Казанском университете 16 часов в неделю.

10 февраля 1854 года экстраординарный профессор Пахман был переведен с кафедры законов государственного благоустройства и благочиния на кафедру энциклопедии законовведения и российских государственных законов¹, освободившуюся после перемещения из Казанского в Харьковский университет экстраординарного профессора А. Г. Станиславского². При этом за Пахманом остались курсы истории русского права, общенародного правоведения и дипломатии.

8 декабря 1855 года в Казанском университете освободилась кафедра гражданских законов, поскольку занимавший ее ординарный профессор Д. И. Мейер перешел в Санкт-Петербургский университет³. Вместо Мейера на эту кафедру 21 марта 1856 года был

¹ Полное название данной кафедры по Университетскому уставу 1835 года — «Энциклопедия или общее обозрение систем законовведения; российские государственные законы, т.е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения».

² Антон Григорьевич Станиславский (1817—1870) занял в Харьковском университете кафедру энциклопедии законовведения и российских государственных законов 12 ноября 1853 года.

³ Пребывание Дмитрия Ивановича Мейера в Санкт-Петербургском университете оказалось недолгим — 18 января 1856 года он умер.

назначен С. В. Пахман. 8 августа 1856 года он стал ординарным профессором¹.

13 декабря 1858 года Семен Викентьевич покинул Казанский университет². Сначала он считался просто причисленным к Министерству народного просвещения, но в январе 1859 года был определен в Императорский Харьковский университет на должность ординарного профессора по кафедре законов благоустройства и благочиния.

Из-за увольнения в отпуск (а затем и отставки от службы) профессора А. Г. Станиславского Семену Викентьевичу пришлось преподавать во втором полугодии 1858/59 учебного года, помимо предметов кафедры благоустройства и благочиния, также законы о государственных и губернских учреждениях, которые составляли предмет преподавания кафедры энциклопедии и российских государственных законов³.

В 1861 году С. В. Пахман привлекался для работы в комиссии по пересмотру университетского устава. Для того чтобы принять участие в деятельности данной комиссии, завершившейся разработкой проекта нового университетского устава, Семен Викентьевич вынужден был ездить из Харькова в Санкт-Петербург.

С сентября 1862 года ординарный профессор С. В. Пахман стал читать на юридическом факультете Харьковского университета лекции по гражданскому праву — студентам 3-го курса и по гражданскому судопроизводству — студентам 4-го курса⁴. Одновременно с

---

¹ Дата утверждения С. В. Пахмана в звании ординарного профессора приводится мною по справочному изданию: Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904 гг.). Материалы для истории университета. Часть 1. Вып. 2 (1855–1884 гг.) / Собрал А. И. Михайлов. Казань, 1904. С. 440.

² Г. Ф. Шершеневич относит время, когда С. В. Пахман оставил Казанский университет, к весне 1859 года (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Часть вторая. С. 65). Если Шершеневич не ошибается, названное им время может быть только временем фактического отъезда Пахмана из *Казани*, поскольку в справочнике «Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904 гг.). Материалы для истории университета. Часть 1. Вып. 2 (1855–1884 гг.)» официальной датой оставления С. В. Пахманом должности ординарного профессора Казанского университета и причисления к Министерству народного просвещения называется 13 декабря 1858 года.

³ См.: Юридический факультет Харьковского университета за сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 36.

⁴ Юридический факультет Харьковского университета за сто лет его существования (1805–1905). С. 38.

этим он продолжал преподавать законы благоустройства и благочиния.

Одним из самых заметных событий Харьковского периода жизни С. В. Пахмана стала его речь «О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства», произнесенная 30 августа 1861 года в торжественном собрании Императорского Харьковского университета. В том же году она была издана отдельной книжкой объемом 159 страниц. В этой речи Пахман проводил идею о том, что в основу успешной реформы акционерного законодательства России должны быть положены принципы свободы, гласности и ответственности. «Во имя свободы, — отмечал он, — должны быть устранены те стеснения, которые, затрудняя образование компаний, сжимая самоуправление и парализуя дух предприимчивости, служили подспорьем чрезмерной громадности предприятий и централизации, поддерживающей самовластие во внутреннем акционерном управлении. Гласность и ответственность должны быть узаконены в широких размерах как самые надежные гарантии, ограждающие интересы акционеров, публики и целого народного хозяйства, с одной стороны, против неосновательных затей и недобросовестных спекуляций учредителей, а с другой, против нерадения и произвола директоров»¹. По словам Пахмана, «никакая реформа, ни одно самое образцовое законодательство не в силах сами собой пересоздать действительность». «Закон, — утверждал он в своей речи, — это узда произвола, принудительная сила, ограждающая свободу и права и содействующая благосостоянию; но дух этой силы — в самом обществе. Кодекс не создает акционерной честности, не рождает добросовестных и знающих директоров, не вселяет уважения к общественной собственности, не подавляет поползновений своекорыстия, если они терпят современную совесть, — словом, не перерождает нравов общества. Все это задачи общественной самодеятельности»².

17 мая 1866 года С. В. Пахман был избран Советом Санкт-Петербургского университета на должность ординарного профессора по кафедре гражданского права и судопроизводства. «Обозрение преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском универ-

¹ Пахман С. В. О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1861 года. Харьков, 1861. С. 147.

² Там же. С. 148.

ситете на 1867—1868 академический год» показывает, что статский советник Семен Викентьевич Пахман проживал в указанном году на Васильевском острове, в 4-й линии, в доме № 21, в квартире № 8. Он преподавал на юридическом факультете университета гражданское право (по четыре лекции в неделю) — студентам 3-го и 4-го курсов и гражданское судопроизводство (по две лекции в неделю) — студентам 4-го курса. В «Обзрении преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском университете на 1868—1869 академический год» С. В. Пахман был назван уже действительным статским советником. Преподавал он в указанном году те же самые предметы, которые читал ранее.

1 января 1867 года С. В. Пахман был назначен ординарным профессором Александровского лицея¹ по кафедре гражданского права. В 1874 году, после семи лет чтения лекций в этом учебном заведении, он отказался от работы в нем. 12 марта 1867 года Пахман был официально утвержден в должности профессора гражданского права в Училище правоведения. Но чтение лекций здесь Семен Викентьевич начал еще 6 октября 1866 года².

18 января 1871 года министр народного просвещения утвердил профессора С. В. Пахмана в должности декана юридического факультета Санкт-Петербургского университета на пятилетний срок³. 22 марта того же года Семен Викентьевич был назначен сроком на один год — до 22 марта 1872 года — исправляющим должность ректора Санкт-Петербургского университета⁴.

28 мая 1876 года исполнилось тридцать лет службы Пахмана на преподавательских должностях. Это дало повод к неизбранию его на должность ординарного профессора Санкт-Петербургского университета на следующее пятилетие. Семен Викентьевич вынужден был покинуть университет. Данное событие выглядит по меньшей мере очень странным в истории юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Пахману был всего 51 год — он пребывал в расцвете творческих сил. Не случайно свои самые крупные научные труды он напишет в 70-е годы, то есть после того,

¹ Бывшего Императорского Царскосельского лицея.

² Текст лекций по гражданскому праву, который С. В. Пахман в течение многих лет читал в Училище правоведения, был размножен литографическим способом в 1897 и в 1901 годах.

³ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1871. С. 7.

⁴ Там же. С. 51.

как его принудили покинуть Санкт-Петербургский университет. В статье, посвященной пятидесятилетию учебной деятельности С. В. Пахмана, А. Х. Гольмстен писал, что он как *«ученый, своими трудами, своим умом и талантом, настолько выдвинувшийся, чтобы по справедливости считаться первым в среде своих соратников»*¹, заслуживает особенного уважения. Человеческие качества Пахмана также были на высоте. Он вызывал искренние чувства симпатии у большинства людей, с которыми его сталкивала жизнь.

На 70-е и 80-е годы XIX века пришелся самый интенсивный и плодотворный период деятельности С. В. Пахмана в качестве правоведа. В начале 1877 года он был избран на должность товарища председателя в учрежденном при Санкт-Петербургском университете Юридическом обществе. На эту должность он затем неизменно переизбирался на протяжении последующих шестнадцати лет (до 1893 г.).

С 1867 года С. В. Пахман являлся членом Императорского русского географического общества. В 1886 году его избрали председателем Комиссии для собирания народных юридических обычаев, действовавшей при Отделении этнографии указанного Общества. Под руководством Пахмана была составлена и опубликована в 1889 году «Программа для собирания народных юридических обычаев». В 1900 году вышел в свет под редакцией С. В. Пахмана второй том «Сборника народных юридических обычаев»².

В 1881–1882 годах Семен Викентьевич читал лекции по гражданскому праву на Высших женских курсах. Его курс носил сокращенный характер и назывался «Обзор учреждений частного гражданского быта».

Свои обширные знания в области юриспруденции и незаурядные умственные способности Пахман имел возможность применить не только в сфере научной и преподавательской деятельности, но и на службе в различных государственных учреждениях.

В 1873 году С. В. Пахман был принят на службу во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Ему было вменено в обязанность составлять отзывы и заключения

---

¹ Гольмстен А. Х. К пятидесятилетию учебной деятельности С. В. Пахмана // Журнал Юридического Общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 5. С. 37.

² Первый том «Сборника народных юридических обычаев» был издан в 1878 году под редакцией П. А. Матвеева.

по проблемам гражданского права. С 1874 года Пахман являлся членом комиссии по пересмотру вексельного устава, а с 1881 года он работал в комиссии, созданной для исследования железнодорожного дела в России и разработки общего устава железных дорог Российской империи.

В 1882 году С. В. Пахман был назначен членом Правительствующего сената и отставлен от службы во Втором отделении. В том же году он стал членом комиссии по разработке проекта Гражданского уложения. В 1884 году его привлекали к работе в особой, под председательством министра юстиции, комиссии по вопросу изменения и доработки законов о пожизненном владении.

С 1884 по 1896 год С. В. Пахман являлся присутствующим в Гражданском Кассационном департаменте Сената, а с 1896 года — в Общем собрании Сената.

В 1895 году в рамках Государственного совета началось предварительное обсуждение проекта нового устава о векселях¹. При начале данного обсуждения представители Министерств юстиции и финансов высказали различные мнения, которые требовалось согласовать между собой. Для этой цели в марте 1896 года была учреждена комиссия под председательством бывшего товарища министра юстиции сенатора, тайного советника П. М. Бутовского. В нее вошел, помимо представителей Министерств юстиции и финансов, сенатор и действительный тайный советник Пахман. Предприняв попытку согласовать различные взгляды на составленный проект вексельного устава, члены комиссии пришли к мнению, что сделать это будет невозможно. Поэтому они решили составить новый проект и поручили выполнить эту работу С. В. Пахману.

Разработанный сенатором Пахманом проект нового устава о векселях, объяснительная записка к нему, а также проекты правил об утраченных векселях и о введении устава в действие были рассмотрены в комиссии П. М. Бутовского и после внесения в них определенных поправок получили одобрение с ее стороны. Министерство юстиции и Министерство финансов, обсудив указанные документы, дали в конце концов положительное заключение на них. После того как Пахман доработал свой проект нового вексельного

---

¹ Работа над проектом нового устава о векселях, призванного заменить вексельный устав 1832 года, началась еще при императоре Николае I — в 1847 году. Она проходила сначала в рамках Второго отделения С.Е.И.В. канцелярии, а после его упразднения (23 января 1882 года) — в Министерстве юстиции.

устава в соответствии с рекомендациями, высказанными выше-названными министерствами, его текст и сопровождавшие его документы были одобрены министром финансов С. Ю. Витте и министром юстиции Н. В. Муравьевым. 22 июня 1899 года все эти бумаги были внесены «на уважение» Государственного совета. После обсуждения и окончательного согласования различных мнений Государственный совет одобрил их. 27 мая 1902 года решение Государственного совета было утверждено императором Николаем II. Новый вексельный устав, созданный на основе проекта, который был разработан С. В. Пахманом, вступил в действие¹.

Умер Семен Викентьевич Пахман 29 ноября 1910 года. Он был похоронен на Николаевском кладбище Александро-Невской лавры.

* * *

В научном наследии С. В. Пахмана особо выделяются такие его произведения, как двухтомная книга «История кодификации гражданского права», изданная в Санкт-Петербурге в 1876 году²; книга «Обычное гражданское право в России», вышедшая в свет в двух томах в 1877 и в 1879 годах³; речь «О современном движении в науке права», произнесенная им 14 февраля 1882 года в годовом собрании Санкт-Петербургского юридического общества (в том же году она была издана в виде отдельной книги и журнальной статьи⁴); доклад «О предмете и системе гражданского уложения», сделанный им на заседании Санкт-Петербургского юридического общества 30 октября 1882 года (основные идеи этого доклада были изложены Пахманом в статье, опубликованной в ноябрьском номере «Журнала гражданского и уголовного права» за 1882 год⁵); статья «О значении личности в области гражданского права», напеча-

¹ См. о работе С. В. Пахмана над проектом нового устава о векселях в издании: Министерство Юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 307.

² В 2004 г. эта книга была переиздана издательством «Зерцало» в серии «Русское юридическое наследие».

³ В 2003 г. эта книга была переиздана издательством «Зерцало» в серии «Русское юридическое наследие».

⁴ Пахман С. В. О современном движении в науке права // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 3. С. 1–68. И отдельное издание: СПб., 1882.

⁵ См.: Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8. С. 193–222. И отдельное издание: СПб., 1882.

танная в указанном журнале в 1883 году»¹; статья «К вопросу о применении давности к церковным землям», вышедшая в свет в 1894 году².

Взгляды С. В. Пахмана на юриспруденцию, его понимание задач юридической науки выразились в концентрированном виде в его работе «О современном движении в науке права». В ней ученый проводил мысль о том, что «начала юридической науки суть не правила деятельности, а правила юридического мышления (не *leges*, а *regulae juris*)»³. Настоящая задача юридической науки заключается, подчеркивал Пахман, «не в непосредственной интерпретации положительных норм, а в создании общей системы юридических понятий»⁴. С его точки зрения, юридическая наука есть по своему существу «логическая система юридических понятий»⁵. В соответствии с таким воззрением Пахман выступал против сведения истории права к истории законодательной деятельности или законов и утверждал, что данную историю следует понимать «в смысле исторического развития юридических понятий и начал, выразившихся в источниках права»⁶.

В статье «К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения» Пахман также обращал особое внимание на юридические категории. «Трудность задачи гражданского уложения, — писал он, — заключается не в том только, чтобы исправить, так сказать, жизненные недостатки свода, дело не в одних жизненных принципах законодательства... Несравненно труднее сторона техническая, составляющая непосредственный интерес судебной практики. Между тем у нас далеко еще не установилась даже точная терминология; действующее законодательство, каким оно является в своде, страдает почти полным отсутствием общих начал и твердых точек опоры для правильного юридического анализа: весь материал должен быть переработан в такую форму, которая была бы достоянием имени уложения»⁷.

¹ Пахман С. В. О значении личности в гражданском праве // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 1. С. 1–32. И отдельное издание: СПб., 1883.

² Журнал Санкт-Петербургского Юридического Общества. 1894. Кн. 3. С. 129–140.

³ Пахман С. В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 41.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8. С. 194.

Вопрос о предмете и системе гражданского уложения, то есть о том, что именно должно входить в состав гражданского уложения и в каком порядке должно быть изложено его содержание, С. В. Пахман считал таким вопросом, без разрешения которого нельзя приступать к созданию уложения. Его мнения по данной проблеме, высказанные в докладе на заседании Санкт-Петербургского юридического общества и в журнальной статье, сводились к следующим основным положениям:

1) вопросы о предмете и системе русского гражданского уложения могут быть удовлетворительно разрешены на основании тех указаний, которые содержатся в действующем законодательстве Российской империи и в истории кодификации русского права;

2) в состав гражданского уложения должно входить «не одно имущественное, но и личное право, и притом не одно семейное, но и общее право лиц, насколько им определяются или обуславливаются юридические отношения в частном быту»¹;

3) «область имущественного права должна быть пополнена теми из рассеянных в разных томах свода законоположений, которые имеют непосредственное отношение к области гражданского права, и которыми определяются отношения между отдельными лицами, а не отношения к государству»²;

4) за основу системы гражданского уложения должен быть принят порядок расположения правового материала, усвоенный во время предшествовавших попыток систематизации российского законодательства и предполагающий разграничение трех объектов права: личности как таковой, имущества, и, наконец, «отдельной стороны личности (чужого действия) по отношению к имуществам»³;

5) «изложению отдельных частей должно предшествовать изложение общих положений, и такое же правило должно быть, по возможности, соблюдено в каждой части (книге, разделе и т. д.) попорнь»⁴.

---

¹ Пахман С. В. О предмете и системе гражданского уложения. Доклад на заседании Санкт-Петербургского Юридического общества 30 октября 1882 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 7. С. 167.

² Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8. С. 219.

³ Там же.

⁴ Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 7. С. 181.

Пахман считал, что русское гражданское уложение должно было бы состоять из введения и трех книг: книги первой «О праве лиц», книги второй «О праве на имущество» и книги третьей «О праве по обязательствам». Во введении следовало, по его мнению, изложить нормы, касающиеся существа и пространства гражданских прав, их установления и прекращения, предохранения и восстановления. Кроме того, Пахман полагал целесообразным разъяснить во введении вопросы применения и толкования законов и обычаев по отношению к гражданским правам.

Первая книга гражданского уложения должна была, по мысли ученого, состоять из трех разделов: 1) «О гражданском состоянии лиц вообще», 2) «О состоянии лиц в союзах семейных», 3) «Об опеке». В первый раздел Пахман включал положения об общих правах физических лиц, о разных условиях правоспособности, о местожительстве и отсутствии, об актах гражданского состояния. Последнюю главу данного раздела он посвящал институту юридического лица. Второй раздел ученый отводил нормам брачно-семейного права. Третий раздел делился им на две главы: 1) «Об опеке над несовершеннолетними» и 2) «Об опеке независимо от несовершеннолетия».

Нормы второй книги гражданского уложения Пахман предлагал распределить по четырем разделам: 1) «Об имуществах вообще», 2) «О владении и собственности», 3) «О дарственном приобретении имущества» и 4) «О праве наследования». При этом в первом разделе должны были излагаться общие положения о классификации имущества, о способах их приобретения, об актах в порядке их приобретения. Во втором разделе предполагалось дать нормы, касающиеся владения, права собственности, различных ограничений данного права, совместной собственности, особых видов собственности (авторского права и привилегий). В третьем разделе должны были содержаться правила, относящиеся к институтам дарения, пожертвования и семейных выделов. В четвертом разделе следовало изложить положения о наследовании вообще, о завещаниях, о порядке наследования по закону, о принятии и разделе наследства.

Книга третья должна была, по замыслу С. В. Пахмана, состоять также из четырех разделов: 1) «Об обязательствах вообще», 2) «О средствах обеспечения обязательств», 3) «О разных договорах в особенности» и 4) «Об обязательствах недоговорных». В первом

разделе Пахман предполагал привести положения об установлении, действии и прекращении обязательств. Второй раздел он посвящал нормам о поручительстве, неустойке, задатке, залоге и закладе. Нормативный материал третьего раздела распределялся им по шести главам, посвященным: 1) договорам отчуждения имущества, 2) договорам предоставления имущества в пользование, 3) долговым обязательствам, 4) договорам пользования услугами, 5) товариществам, 6) договорам, обусловленным случайностью. В четвертом разделе Пахман был намерен изложить нормы о недоговорных действиях в чужую пользу, о требованиях к возврату недолжно полученного и о разных обязательствах к возмещению ущерба.

Предложенная С. В. Пахманом система гражданского уложения отражала его понимание сущности науки гражданского права. Вплоть до конца XIX века в русской юриспруденции господствовала точка зрения на цивилистику как на науку об имущественных правах. Данную точку зрения проводили в своих лекциях и сочинениях профессор Императорского Казанского университета Д. И. Мейер¹, приват-доцент Императорского Московского университета В. А. Умов (1847–1880)², профессор Московского университета В. Н. Лешков (1810–1881) и др. Наиболее последовательным сторонником взгляда на цивилистику как на науку об имущественных правах был профессор Военно-Юридической академии К. Д. Кавелин (1818–1885). В статье «Русское гражданское уложение», опубликованной в 1882 году в ноябрьской и декабрьской книжках «Журнала гражданского и уголовного права»³, Константин Дмитриевич предложил заменить термин «гражданское право» словосочетанием «права имущественные». При этом он советовал ограничить систему последних правами вещными и по обязательствам⁴. Права же семейственные личные, порядок наследования по закону, усыновление, институты попечительства и опеки, а также способы укрепления прав Кавелин считал целесообразным перенести в законы о состояниях. «От такой ликвидации устарелого «гражданского» права, — пояснял он свою мысль, — и теория, и

¹ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право в 2-х частях. По исправленному и дополненному 8-му изданию 1902 года. Ч. 1. М.: Статут, 1997. С. 32.

² См.: Умов В. А. Понятие и методы исследования гражданского права. М., 1873.

³ См.: Кавелин К. Д. Русское гражданское уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8. С. 1–28; Кн. 9. С. 1–24.

⁴ См.: там же. Кн. 8. С. 27.

система, и практика только выиграют, ибо этим установится определенность, ясность и общность юридических начал и положений, которых нет в нестройном агломерате разнородных постановлений, каким представляются так называемые «гражданские» законы¹.

27 ноября 1882 года К. Д. Кавелин выступил на заседании Санкт-Петербургского юридического общества со своими объяснениями по докладу С. В. Пахмана «О предмете и системе гражданского уложения». В этом выступлении Константин Дмитриевич выразил свои идеи относительно системы гражданского права еще в более категоричной форме. Так, он заявил, в частности, что «теперешний состав «гражданского» права настоятельно требует коренной переделки»². При этом Кавелин предпринял попытку доказать, что между личными отношениями членов семьи, личными правами и обязанностями, возникающими из усыновления, заботами о личности и воспитании малолетних, с одной стороны, и имущественными правами, обязанностями и отношениями, возникающими из вещных прав, договоров и преступлений, с другой, нет ничего общего³. «Предмет гражданского права, — подчеркнул Константин Дмитриевич в конце своего выступления, — имущественные отношения частных лиц, как между собою, так и к государству. Гражданское право — *имущественное* право»⁴. Кавелин считал деление права на публичное и частное слишком искусственной конструкцией и призывал отказаться от него. Он предложил включить в состав гражданского права не только все наказания и взыскания имущественного характера — денежные штрафы, конфискации и т. п., но и «все предписываемые судебною властью меры, касающиеся имущества тяжущихся и подсудимых, а также все административные и полицейские меры, состоящие не в каком-либо общем правиле, а в распоряжении относительно известного лица или лиц, когда такими мерами изменяется существующее юридическое отношение по имуществу или же устанавливается такое отношение вновь», как-то: запрещение, налагаемое на имение, арест движимого имущества, выемка поличного, отдача подсудимого на пору-

¹ Кавелин К. Д. Русское гражданское уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8. С. 28.

² Протоколы гражданского отделения Санкт-Петербургского Юридического общества. Заседание 27 ноября 1882 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 7. С. 182.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 186.

ки, вызов свидетелей и экспертов с вознаграждением за потерю времени, издержки и труды¹.

Полемизуя с К. Д. Кавелиным, С. В. Пахман утверждал, что цивилистика не может ограничиваться одними имущественными правами, что фундамент науки гражданского права должны составлять личность и права личности, «так как на них зиждутся и без них немыслимы все другие гражданские институты»². Значение личности в области гражданского права Пахман видел прежде всего в том, что без личности невозможно понятие собственности и имущественных прав, немыслима вся система обязательств. Общим условием всех гражданских правоотношений признается, отмечал он, «личность» в смысле «правоспособности», в области гражданского права «громадную роль играет принцип «частной автономии», т. е. право определять свои отношения к другим лицам»³.

Пахман считал разделение права на публичное и частное закономерно вытекающим из природы общественных отношений. По его словам, «выделение частного права, как оно понимается ныне, есть необходимое последствие подавления жизни политической государственной»⁴. Разделение права на публичное и частное Пахман предлагал учитывать при рассмотрении так называемых «личных прав». «В области публичного права, — отмечал он, — есть несомненно права личные, напр. свобода передвижения, свобода труда и промысла, свобода слова, неприкосновенность в порядке суда и т.п., но с ними не следует смешивать тех личных прав, которыми определяются именно частные отношения, т. е. отношения между отдельными лицами. Здесь права личной свободы и неприкосновенности имеют для каждого лица такое же значение, как и ненарушимость права собственности. Эти права должны составлять неотъемлемое достояние частного права уже и потому, что идея лица и прав личности возникла, несомненно, сначала на почве частных отношений, а затем уже получила применение и особенное развитие в области права публичного»⁵.

---

¹ Протоколы гражданского отделения Санкт-Петербургского Юридического общества. Заседание 27 ноября 1882 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 7. С. 186.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Там же. С. 191–192.

Опору своим идеям относительно предмета и системы русского гражданского уложения С. В. Пахман искал не только в теоретических рассуждениях, но и в историческом опыте. В докладе «О предмете и системе гражданского уложения», прочитанном 30 октября 1882 года, он заявлял, что этот вопрос может быть удовлетворительно разрешен лишь на основании указаний, которые содержатся в действующем законодательстве Российской империи и в истории кодификации русского права¹.

К этому времени уже вышла в свет его книга «История кодификации гражданского права». В ней была дана характеристика сборников правовых норм, а также гражданских и торговых кодексов, создававшихся в зарубежных странах и в Русском государстве с древних времен и до 70-х годов XIX века.

Изложение истории кодификации гражданского права² С. В. Пахман начал с описания древнеримских юридических сборников. При этом он совсем не считал, что римское право является собой «всеобщий писанный разум (*ratio scripta*) юридического порядка». Напротив, Пахман признавал, что в римском юридическом быту было немало таких учреждений, которые отжили свой век, не оставив никаких почти следов в позднейшей истории частного права. По его словам, «семья, собственность и наследство были оставлены у римлян такими особенностями, каких почти не знает мир новый»³. Он отмечал, что даже в сфере обязательственного права, охватывающей собою по преимуществу общечеловеческие формы отношений и потому наименее национальной, «можно встретить в римском праве такие начала, которые издавна оказались не состоятельными в применении к условиям гражданского оборота»⁴. По мнению Пахмана, наибольшее значение имела для кодификаций Нового времени не содержательная, а *чисто-формальная* сторона римского права.

¹ Пахман С. В. О предмете и системе гражданского уложения. Доклад на заседании Санкт-Петербургского Юридического общества 30 октября 1882 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 7. С. 167.

² Кроме истории кодификаций собственно гражданского права в рассматриваемой книге была изложена история кодификаций торгового и вексельного права: Пахман относил эти отрасли к так называемой особенной части гражданского права.

³ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 1. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

Критически относился русский правовед и к Гражданскому кодексу французов 1804 года, хотя и признавал за ним определенные достоинства. Что касается «вопроса о внутреннем достоинстве кодекса», писал он, «то об этом едва ли нужно особенно много распространяться: оно признано уже тем влиянием, которое кодекс имел и в настоящее еще время имеет при составлении кодексов и разработке законодательных вопросов во всех европейских государствах»¹. К недостаткам Кодекса Наполеона Пахман относил «чисто научные определения, неуместные в законе, заимствованные у Потье (Pothier)», ошибочную классификацию предметов, «неясность многих положений» и неполноту, а равно и «положения устарелые, заимствованные из древнего обычного права, в пользу существования которых в настоящее время нельзя придумать правильных оснований»².

Но самое главное внимание автор уделил в своей книге сборникам правовых норм Древней Руси и Московии, а также многочисленным попыткам систематизации русского права, предпринимавшимся на протяжении XVIII и начала XIX веков. Им была подробно изложена история создания «Свода законов Российской империи», описано содержание этого грандиозного правового памятника. Русскому историческому опыту кодификации гражданского права Пахман придавал особое значение. И наиболее ценным в этом опыте он считал усвоенный во время предшествовавших попыток систематизации российского законодательства порядок расположения правового материала, который предполагал разграничение трех объектов права: личности как таковой, имущества и, наконец, «отдельной стороны личности (чужого действия) по отношению к имуществам»³.

* * *

В середине 50-х годов XIX века С. В. Пахман начал заниматься исследованием юридического быта народов Российской империи. Он преподавал в то время в Казанском университете. В 1855 году в «Ученых записках Императорского Казанского Экономического Общества» была опубликована его работа «О значении и постепен-

¹ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т. 1. С. 59.

² Там же.

³ Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8. С. 219.

ном учреждении сельскохозяйственных обществ в России». В 1857 году вышло в свет его сочинение «О юридическом быте инородцев Казанской губернии». Изданные в Санкт-Петербурге в 1877 и в 1879 годах два тома произведения С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России» подводили итог по меньшей мере двум десятилетиям его работы по изучению народных юридических обычаев.

Тема народного обычного права была тогда новой для российской юридической науки. Российские правоведы сознавали, что большая часть населения России живет не по писаным законам, а в соответствии с правилами, сложившимися в течение поколений в виде обычаев. Они знали, что законодательство Российской империи признает эти правила в качестве действующих правовых норм. Однако среди ученых-юристов доминировало мнение о том, что народные юридические обычаи не имеют общих начал, эти обычаи слишком неопределенны и разнообразны, чтобы можно было говорить о них как о единой совокупности норм и предмете научного исследования.

С. В. Пахман соглашался с тем, что действовавшие в крестьянской среде юридические обычаи разнообразны. Это разнообразие являлось очевидным фактом, который находил свое отражение даже в народной поговорке — «что деревня, то обычай». Несмотря на этот факт, Семен Викентьевич был убежден, что общественному быту русского народа присуща *«определенная система юридических воззрений или правил»*, сложившихся при более или менее постоянных условиях жизни, и недоверие к русскому обычному праву и вместе с тем пренебрежение им, существовавшее среди российских правоведов, являлось следствием недостаточного знания данного предмета.

Изучение народных юридических обычаев С. В. Пахман считал необходимым не только в познавательных, но и в практических целях. По его мнению, будущая кодификация гражданского права России «не может уже игнорировать те обычные юридические начала, которые существуют и соблюдаются в самой жизни обширного населения страны». Признавая, что в обычном праве есть такие правила, внесение которых в гражданский кодекс было бы равнозначно возвращению к первобытному, младенческому строю правосознания, Семен Викентьевич отмечал при этом, что «внимательный глаз открыл бы в нашем обычном праве, быть может, и такие начала, которые свойственны *самому развитому юридическо-*

му быту, и которые, следовательно, не было бы надобности черпать из какого-либо иного источника»¹ (выделено мною. — В. Т.).

Действие на всем пространстве Российской империи, помимо норм законодательства, также правил народного обычного права С. В. Пахман полагал достаточным основанием для того, чтобы начала юридического быта народа стали объектом научного изучения со стороны правоведов. «Давно уже отброшен взгляд на науку права как на систему одних положительных законов: на каком бы уровне ни стояли воззрения, выражающиеся в народных обычаях, не могут быть они чужды научного исследования, так как наука не создает явлений, а изучает их»², — писал он.

Книга С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России» отличалась от всех предшествующих ей книг о юридическом быте русского народа тем, что в ней описывалось русское обычное право, действовавшее не в какой-либо отдельной местности, но почти на всем пространстве Российской империи, во множестве разнообразных местностей. Кроме того, Пахман не ограничился изложением обычно-правовых правил какой-либо одной сферы частной жизни, но представил обычное гражданское право русского народа во всей его системе. При этом он следовал общепринятому в российской цивилистике порядку расположения правового материала, то есть сначала описал вещное право, затем обязательственное, а после этого — семейное и наследственное.

Главным источником материала книги стали решения волостных судов, выносившиеся на основе норм обычного права на протяжении ряда лет в различных местностях Российской империи. Эти судебные решения были изданы в 1873—1874 годах в семи томах³. Шесть томов данного издания включали в себя словесные опросы крестьян и решения волостных судов, съездов губернских и мировых посредников по крестьянским делам. Они охватывали Тамбовскую губернию (том I), Владимирскую и Московскую губернии (том II), Ярославскую, Костромскую и Нижегородскую губернии (том III), Харьковскую и Полтавскую губернии (том IV), Киевскую и Екатеринославскую губернии (том V), Самарскую, Саратовскую,

¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. I—VII. СПб., 1873—1874.

Вологодскую и Новгородскую губернии (том VI). Седьмой том составили отзывы различных мест и лиц.

Доказательство достоверности главного источника материалов для своей книги С. В. Пахман видел в том обстоятельстве, что «при всем видимом разнообразии юридических начал, соблюдаемых в практике волостных судов, встречается весьма немало и таких начал, которые с одинаковой силой действуют почти повсюду, хотя такое однообразие объясняется, конечно, тем, что и самая обстановка крестьянского быта, равно как и уровень его развития, везде более или менее одинаковы»¹.

Помимо «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов» Пахман опирался при изложении норм обычного гражданского права русского народа также на другие источники. В частности, он черпал сведения об этих нормах в различных изданиях Императорского русского географического общества, в которых описывались обычно-правовые правила, действовавшие в местностях, не охваченных «Трудами».

И в «Трудах комиссии по преобразованию волостных судов», и в сборниках Географического общества обычно-правовые нормы излагались без какой-либо системы. При этом юридические по своему характеру правила смешивались с неюридическими. Пахман выделил в этом огромном хаотичном материале юридические начала и привел их в стройную систему. Он дал не просто изложение отдельных народных юридических обычаев, но представил обычное гражданское право русского народа как таковое.

Книга С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России» была признана крупным научным достижением в русской юриспруденции. В 1879 году, вскоре после того, как вышел в свет ее второй том, она была удостоена юридическим факультетом Санкт-Петербургского университета полной премии имени графа Сперанского. Семен Викентьевич в ответ на присуждение ему данной премии пожертвовал университету 6000 рублей на учреждение стипендии имени Сперанского для награждения ею студентов, проявивших особые успехи в области гражданского права.

Отзыв на указанное сочинение С. В. Пахмана с заключением о том, что оно, «по ученым его достоинствам, строгой систематичности изложения, ясности и точности юридического языка и не-

---

¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. С. 6.

обыкновенному трудолюбию в изучении и анализе источников», вполне заслуживает премии графа Сперанского, написал правовед К. И. Малышев (1841–1907)¹. Он отметил, что данное сочинение есть «явление знаменательное и для истории русского законодательства»².

Анализируя содержание произведения С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России», Малышев отмечал, в частности, что «в видах точности следовало бы назвать его «Обычным крестьянским правом в России»³. По его мнению, Пахман, основываясь исключительно на решениях волостных судов, изложил в своей книге «только крестьянское обычное право. Вследствие того, громадный материал обычного права, заключающийся в решениях коммерческих судов, имеющий существенное значение именно для теории договоров и обязательств, вовсе не нашел себе места в труде автора»⁴.

Действительно, Пахман не использовал в своем произведении решений коммерческих судов, несмотря на то, что они печатались с 1868 года в «Судебном Вестнике» и, таким образом, были доступны для изучения. Он не взял за основу своего труда и материал периодически издававшихся с 1872 года сборников практики Санкт-Петербургского коммерческого суда. Однако вряд ли ученый заслуживает упрека за это.

Юридические обычаи, применявшиеся в практике российских коммерческих судов, нельзя смешивать с юридическими обычаями, действовавшими в повседневной жизни русского народа. Только в народном, крестьянском быту можно было усмотреть не просто отдельные обычно-правовые нормы, но их систему и, следовательно, обычное право как самостоятельное явление. С. В. Пахман описал в своей книге не все юридические обычаи, действовавшие в Российской империи, но именно ту часть их, которая только и может трактоваться как обычное гражданское право.

---

¹ Данный отзыв был опубликован в 1879 году в виде отдельной брошюры объемом в 52 страницы.

² *Малышев К. И.* Отзыв о сочинении С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России». СПб., 1879. С. 52.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 8.

Константин Петрович Победоносцев

(1827—1907)

ЕМУ выпала редкая для государственного деятеля судьба — стать символом целой эпохи в истории своей страны. Причем эпохи **роковой** — определившей судьбы страны на все последующее столетие, а может быть, и **навсегда**. Такой эпохой были в российской истории последние два десятилетия XIX и начало XX века — годы с 1881-го по 1905-й, все царствование Александра III и ровно половина царствования Николая II. Сценарий русской трагедии, первым актом которой стало вступление России в войну с Германией, а важнейшим действием — февральско-октябрьская революция 1917 года, писался именно в эту эпоху. Тогда же впервые вышли на русскую политическую сцену и основные действующие силы русской трагедии.

В исторической и мемуарной литературе указанные годы в истории России обыкновенно называют периодом контрреформ, реакционной правительственной политики, а главным творцом и выразителем последней объявляется Константин Петрович Победоносцев. По словам П. Н. Милюкова, это был «сухой, упрямый фанатик, получивший недаром прозвище Торквемады», принципиальный враг всего, что напоминало свободу и демократию¹. В представлении Н. А. Бердяева, Победоносцев являлся искренним идеологом «нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни»². Французский посол в России в 1914—1917 годах Морис Палеолог также называл Победоносцева «русским Торквемадой»³. «Выдающийся юрист, ученый богослов, фанатический поборник православия и самодержавия, Победоносцев вносил в защиту своих реак-

---

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 57.

² Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—1909). СПб., 1910. С. 201.

³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 119.

ционных взглядов пламенную веру, экзальтированный патриотизм, глубокую и непреложную убежденность, широкое образование, редкую силу диалектики, наконец, — что покажется противоречием, — совершенную простоту и великое обаяние манер и речи. Самодержавие, православие и народность — этими тремя словами резюмировалась вся его программа, и он преследовал проведение ее с чрезвычайной суровостью, с великолепным презрением мешавших ему явлений действительности. Как и следовало ожидать, он проклинал «новый дух», демократические принципы, западный атеизм»¹. В этих словах М. Палеолога выражены самые распространенные в тогдашнем русском образованном обществе характеристики К. П. Победоносцева.

Подобные характеристики всецело господствуют и в зарубежной исторической литературе. «Реакционный, мрачный, шовинистический, он помогал формировать русскую имперскую политику в такой степени, что трудно мыслить царистскую реакцию и нигилизм, не вызвав на ум имя Победоносцева»², — такое представление о русском государственном деятеле выразил американский историк М. Полнер (Murray Polner).

Несомненно, роль символа исторической эпохи для любого государственного деятеля почетна — редко кому она достается. Однако есть в этой роли и нечто глубоко трагичное. Тот, кто начинает играть ее, перестает восприниматься современниками в качестве *живого человека*. В его внешнем облике, повседневном образе жизни, в его трудах невольно усматривают проявления какой-нибудь общественной тенденции, знаки некой социальной силы — одним словом: все что угодно, но только не свойства обыкновенной человеческой личности, всегда многоликой, разнообразной, сложносоставной. В. В. Розанов, внимательно, по собственному признанию, следивший за деятельностью и творчеством К. П. Победоносцева и относившийся к этому человеку с явной симпатией, свою поминальную статью о нем в сыгинской газете «Русское слово» (13, 18, 27 марта 1907 г.) начал следующим образом: «Умер Победоносцев.

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 349.

² «Reactionary, obscurantist, chauvinistic, he helped shape Imperial Russian policies, so much that it is difficult to think of tsarist reaction and nihilism without immediately calling to mind the name of Pobedonostsev» (Konstantin P. Pobedonostsev: Reflections of a Russian Statesman. With a new foreword by Murray Polner. The University of Michigan Press, 1965. P. V).

И с ним умерла целая система государственная, общественная, даже литературная; умерло замечательное, может быть самое замечательное, лицо русской истории XIX в.; сошел в могилу, «тихо скончавшись после продолжительной болезни», — как написано в его некрологах, — целый *исторический стиль* законченной и продолжительной эпохи»¹.

Еще при жизни Победоносцев сделался мифом, и этот миф, как густой туман, закрыл от его современников его необыкновенную личность. «Мое имя служит предметом пререкания и соблазна у всех так называемых общественных деятелей, читающих газеты, и в *кружках* черпающих свои представления о людях и делах. Многие ли знают меня? — с грустью вопрошал Константин Петрович своего друга С. А. Рачинского в 1884 году. — И доброе, и злое мне приписывается, и всякий оратор всякого кружка произносит мое имя с тем, что ему нравится или не нравится. Есть множество людей, совсем меня не знающих, коим стоит только намекнуть, что мое имя связано с тем или другим именем или направлением, чтобы они, не рассуждая, примкнули к противоположному».

Прошло столетие после смерти Победоносцева, однако он все еще остается для нас тайной. Впрочем, Константин Петрович во многом и сам повинен в том, что остался для своих современников и потомков великим незнакомцем. Как активный участник, а в ряде случаев и двигатель многих важных событий русской политической истории последней четверти XIX — начала XX века, он, казалось бы, просто обязан был написать мемуары, рассказать о своей жизни и людях, с которыми сталкивался, — но нет: ни мемуаров, ни сколько-нибудь подробной автобиографии он после себя не оставил.

Объясняя в 1893 году императору Александру III, почему он не писал мемуаров, хотя много интересного в своей жизни видел, Победоносцев ссылался на то, что не находил к тому ни времени, ни сил. «Днем занят, а к ночи такая усталость, что нет сил записывать о себе... Правда, в последние годы, особенно с 70-х годов, я был свидетелем, отчасти и участником, многих важных событий и мог бы многое интересное записать, но никогда не успевал это делать, притом, чем важнее события, тем труднее описывать их, а в

¹ Розанов В. В. К. П. Победоносцев // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки о писателях и писательстве. М., 1996. С. 516.

последние годы прошлого и в первое время нового царствования все, что я видел, производило во мне такое сильное возбуждение, что не было бы силы с пером в руке вести какую-нибудь хронику. Это же возбуждение, при сердечной боли о многом, не позволяло мне передать **кому-либо** свои впечатления, конечно, кроме жены моей, которая одинаково со мною хранила их в душе глубоко»¹.

Вследствие такого отношения Победоносцева к собственным мемуарам и дневникам сохранилось слишком мало сведений об этом человеке, о событиях его личной жизни, о развитии его духа, о его душевных привязанностях.

В самом деле, что можем мы узнать о жизненном пути Победоносцева из его собственных признаний, разбросанных в его произведениях и письмах? «Родился я в Москве, в семье профессора Моск[овского] Университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца»², — так начал Константин Петрович свое краткое жизнеописание в письме к Николаю II. Он мог бы добавить, что дед его — Василий Степанович (?—1805) — был священником: вместо этого отметил, что «воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой»³.

* * *

Отец Константина — Петр Васильевич Победоносцев (1771—1843) — получил образование в Славяно-греко-латинской академии. В мае 1797 года он вышел из духовного звания и поступил на должность учителя в гимназию при Московском университете. Первое время он преподавал здесь французский язык, затем — российское красноречие.

В 1807 году П. В. Победоносцев стал магистром философии и словесных наук. Тогда же он начал преподавать российскую словесность в Александровском институте благородных девиц. В 1811 году его избрали в действительные члены Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, а в

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III // Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 611—612.

² Письмо К. П. Победоносцева к Николаю II // Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 624.

³ Там же. Андрей Белый имел сведения о том, что далекие предки Победоносцева проживали в киргиз-кайсацкой орде и в 30-е годы XVIII в., в царствование императрицы Анны Иоанновны, поступили на русскую службу.

марте следующего года назначили адъюнктом отделения словесных наук Московского университета. Перед вступлением французских войск в Москву университет и гимназия были эвакуированы в Нижний Новгород. Петр Васильевич осень и начало зимы 1812 года провел вместе с семьей в имении своего друга П. А. Шипова в селе Бельково Солигаличского уезда Костромской губернии. Возвратившись 11 декабря в Москву, он обнаружил, что его московский дом в Кудрино сгорел¹. Сгорели и здания Московского университета с его архивом, библиотекой и другими научными и культурными сокровищами, заботливо собиравшимися более полувека².

Занятия в университете возобновились 17 августа 1813 года в домах купцов Заикина и Яковлева, расположенных в Долгоруковском переулке между Тверской и Никитской улицами. 14 сентября 1814 года адъюнкт словесного отделения П. В. Победоносцев начал читать в университете лекции по риторике и поэтике³. 8 декабря 1826 года он стал экстраординарным профессором.

Некоторые студенты, слушавшие во время своей учебы в Московском университете лекции П. В. Победоносцева, изображали его впоследствии в своих воспоминаниях как человека злого и грубого. В этом образе он был представлен и в первом томе биографии В. Г. Белинского, написанной А. Н. Пыпиным⁴. Возражая против такого изображения П. В. Победоносцева, писатель И. А. Гончаров, учившийся на словесном отделении Московского университета в 1831—1834 годах (его сокурсником был поэт Михаил Лермонтов, оставивший университет после года обучения в нем), писал Пыпину 10 мая 1874 года: «Петр Васильевич Победоносцев не был ни грубоват, ни злопамятен, как у Вас выходит в биографии. Это был

¹ Свои злоключения и московское разорение осени—зимы 1812 года Петр Васильевич патетически описал в дневнике, отрывки из которого были опубликованы в 1895 г. См.: *Победоносцев П. В.* Из дневника 1812 и 1813 годов о Московском разорении // *Русский архив.* 1895. Кн. 1. С. 213—244.

² Главную вину за гибель в пожаре университетских сокровищ П. В. Победоносцев возлагал на экзекутора Московского университета Алексея Артемьева, который, по его словам, «имея при себе 14 человек», «ничего не сделал» для спасения их (*Победоносцев П. В.* Из дневника 1812 и 1813 годов о Московском разорении. С. 214).

³ «П[етр] В[асильевич] Победоносцев преподавал нам с соблюдением всех условий схоластики российскую риторiku и пиитику...», — написал в своих мемуарах Д. Н. Свербеев (*Свербеев Д. Н.* Из воспоминаний // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917).* М., 1989. С. 70).

⁴ *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1. С. 62—67.

кроткий, благодушный человек, но старого века. Сам он страх как боялся начальства, чтил его беспрекословно, и когда, бывало, входил в аудиторию ректор Двигубский, такой же профессор, как и он, Победоносцев стоял перед ним, как солдат перед генералом, руки по швам, с робостью в голосе. И сам требовал себе почтения от студентов, как должного. Студенты отвечали профессорам сидя (тогда это стало уже входить), но он этого не терпел. И только тогда (помню даже имя студента Цвейцинского) скажет: «Встань, братец, встань!» А обыкновенно он из *Вы* не выходил в обращениях к студентам¹. При этом Гончаров не скрывал ироничного отношения к лекциям профессора, которое проявлялось в его словах о том, что «на первом курсе, у Победоносцева, всех классиков ставили в одну шеренгу — с Гомера до Хераскова — и читали им нечто вроде литературного надгробного похвального слова»².

«Добрейшим стариком» называл Петра Васильевича историк М. П. Погодин³, который также слушал его лекции, а в сентябре 1823 года сдавал ему магистерский экзамен⁴. Литературные произведения П. В. Победоносцева показывают, что он был довольно сентиментален. Так, он писал в одном из первых своих произведений: «Завидуя чести сопровождающей завоевателей, и ослепляя блеском, их озаряющим, дух, склонный к кровопролитию... печалится тогда, когда мир возвращает отдохновение и тишину, когда убийственный меч падает из рук зверообразного честолюбия, и когда всеобщее пламя перестает свирепствовать. Он дышит одной злобой, одним мщением, одним неистовством; в сии минуты едва ли кто узнать в нем человека может»⁵. Как натура чувствительная Петр Васильевич был склонен к стихотворчеству. Несколько своих поэтических произведений он опубликовал в 1796 году в первой части сборника «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца», который посвятил памяти первой своей супруги, умершей в молодости. Ряд собственных стихотворных опытов он включил в изданный им в 1816 году сборник «Цветник избранных стихотво-

¹ Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Пыпину от 10 мая 1874 г. // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 268.

² Там же. С. 267.

³ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20-ти книгах. СПб., 1888. Кн. 1. С. 59.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ Победоносцев П. В. Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца. М., 1796. С. 131—132.

рений в пользу и удовольствие юношеского возраста». «Издатель осмелился поместить здесь и несколько своих безделок», — написал Петр Васильевич в предисловии к сборнику, но в тексте его не указал, какие именно стихи являются его «безделками».

Большую часть литературного творчества П. В. Победоносцева составляли переводы. Так, в 1799 году он опубликовал книги: «Истинное и ложное счастье. Славного Геллерта», «Новая наука наслаждаться жизнью. Поэма в 4-х песнях. Творение Уцца»; в 1802 году вышло в свет в его переводе с немецкого языка произведение «Старинный друг, возвратившийся из путешествия и рассказывающий все, что видел, слышал и чувствовал»; в 1815 году им были напечатаны «Избранные нравоучительные повести, удобные вливать в сердце чувство нравственной красоты», переведенные, как указывалось на титульной странице, «из лучших иностранных писателей»; в 1830 году он издал книгу «Направление ума и сердца к истине и добродетели».

Вторым браком П. В. Победоносцев был женат на Елене Левашевой (1787—1867), представительнице старинного дворянского рода, происходившего, по преданию, от немца Христофора Карла Дола, который в 20-е годы XIV века поступил на службу к псковскому князю Александру Михайловичу (в 1325—1327 гг. великому князю Тверскому). Его правнук — Александр Викулович — был тверским боярином и носил прозвище Лаваш. Его потомок — Федор Васильевич Левашев — в 1610 году занимал должность воеводы в Балахме, а в 1612 году был сподвижником князя Д. М. Пожарского.

В 1809 году у Петра и Елены Победоносцевых родился сын Александр¹, в 1810 году — дочь Варвара², приблизительно в 1814—

---

¹ Александр Петрович Победоносцев (1809—1900) учился на нравственном и политическом отделении Императорского Московского университета и в феврале 1829 года окончил его со степенью кандидата. Он дослужился до чина статского советника и дожил до глубокой старости. Он умер в 1900 г. и был похоронен на кладбище Крестовского монастыря в Калуге.

² Варвара Петровна Победоносцева (1810 — после 1880) воспитывалась в Московском училище ордена св. Екатерины, из которого была выпущена в 1828 году. Впоследствии жила в Москве. В 1830 г. в «Дамском журнале» было напечатано ее произведение «Верность дружбы и нежность любви» (Ч. 29. № 8) и переведенное ею с французского сочинение под названием: «Ветурия, мать Кориолана к Валерии» (Ч. 31. № 32). В 1833 г. она опубликовала в этом журнале такие переводные произведения, как «Женщины» (Ч. 42. № 16) и «Красноречие Гортензии» (там же. № 18). См.: *Мичатек Н. Победоносцева Варвара Петровна // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 10. С. 141.*

1815 году — сын Дмитрий¹, в 1816-м — Сергей², в 1819 году — дочь Елизавета³.

Константин был младшим ребенком в этой многодетной семье: он родился 21 мая 1827 года. Его матери в тот год исполнилось 40 лет, а отцу в момент его рождения шел 56-й год.

Дом Победоносцевых, где прошли детские годы Константина, находился в Хлебном переулке⁴, недалеко от церкви Симеона Столпника. Звон ее колоколов⁵ стал мелодией его детства. Эта небольшая, с шатровой колокольней, церковь каким-то чудом уцелела в катастрофических событиях XX столетия и стоит ныне в начале Нового Арбата, отображая своей неброской красотой вызывающее уродство его зданий⁶.

---

¹ Дмитрий Петрович Победоносцев умер в 1891 г. и был похоронен в Рязани на кладбище Спасского монастыря.

² Сергей Петрович Победоносцев (1816—1850) по окончании 1-го кадетского корпуса служил офицером саперного батальона в Царстве Польском. В 1842 г. был переведен в гражданскую службу на должность чиновника особых поручений к Казанскому генерал-губернатору. В 1844 г. он был в чине коллежского секретаря зачислен в штат Министерства государственных имуществ. Во время службы в Польше Сергей Победоносцев, хорошо изучив польский язык, стал заниматься переводами польских литераторов на русский язык и русских писателей на польский. Так, он опубликовал в одном из польских журналов переведенные им на польский язык несколько глав романа Лажечникова «Басурман». Впоследствии он переводил произведения писателя Генрика Сенкевича на русский язык и печатал их в русских изданиях. В 40-е годы Сергей Петрович опубликовал целый ряд собственных произведений в «Отечественных записках» Краевского. См.: *Алексеевский Б. Победоносцев Сергей Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 10. С. 143.*

³ Елизавета Петровна (урожденная Победоносцева) умерла в 1874 г. и была похоронена в Рязани на кладбище Спасского монастыря.

⁴ Дом Победоносцевых недавно был снесен. Он располагался недалеко от здания, где в настоящее время находится Институт США и Канады РАН. Его построили на месте сгоревшего осенью 1812 г. деревянного дома, который снимал в 1809 г. отец поэта Пушкина Сергей Львович Пушкин. С 1908 г. в нем жила семья историка Р. Ю. Виппера.

⁵ Эти колокола, снятые с церкви в 30-х гг. XX в. и утраченные навсегда, были отлиты мастером Федором Дмитриевичем Моториным (1630—1688) — основателем знаменитой династии русских литейщиков.

⁶ Главный престол храма — Введенский, освященный в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы, один из двух ее приделов был освящен сначала во имя Николая Чудотворца, а в 1759 г. переосвящен во имя Дмитрия Ростовского, другой придел был освящен во имя Симеона Столпника. Примечательно, что от прежнего внутреннего убранства храма сохранилась именно икона преподобного Симеона Столпника.

Церковь Симеона Столпника была построена в 1679 году на месте одноименной деревянной церкви. Окружавшая ее местность была территорией царской слободы: здесь селились мастера, которые обслуживали царский двор (в 1573 г. их было около 500): они и дали названия расположенным здесь переулкам: Столовый, Скатертный, Ножовый и Хлебный.

6 ноября 1801 года в этой церкви тайно повенчались граф Николай Шереметьев и знаменитая актриса крепостного театра Прасковья Жемчугова. В 1816 году здесь венчался писатель С. Т. Аксаков с дочерью суворовского генерала Ольгой Заплатиной. В последние годы своей жизни сюда приходил Николай Гоголь, проживавший в доме Толстых на Никитском бульваре. Священник церкви причащал его перед смертью в феврале 1852 года.

Победоносцевы всех своих детей воспитывали в возвышенно-религиозном духе, но особую заботу проявляли относительно младшего сына. Петр Васильевич мог уделить ему больше внимания, поскольку 21 декабря 1835 года ушел по собственному прошению в отставку со службы в университете.

Константин Петрович вспоминал впоследствии о своем детстве как о празднике. «Какую радость пробуждает в душе моей звон колокола к торжественной всеношной нынешнего дня! — писал он 5 апреля 1859 года. — Сколько светлых воспоминаний! Ребенку, только что вышедшему из колыбели, только что начинающему ходить, уже знаком, уже приятен вид вербы. Ее приносила ему в постель от заутрени старая няня, ею слегка ударяла по одеялу, приговаривая ласковые слова, ее потом отдавала ему, и, еще лежа в своей постельке, долго играл малютка гладкими красными прутьями, сдирая с них ароматную кору и любуясь красивыми бархатными белыми барашками... Весеннее солнце глядит приветливо в окно; оно так и вызывает выпроситься с няней на гулянье под вербами, где так много детей и игрушек... Приходит вечер. Давно уже мальчик осаждал мать неотступными просьбами взять его в церковь, где, по ее же словам, всем так хорошо и весело, где все стоят с вербами и свечами, откуда все возвращаются, встретив Христа, с улыбкою и песнью... И вот, наконец, мать, после нескольких годов упорного отказа, решается взять с собою в церковь дитя свое, Боже мой — какая радость! Мама, когда же зажгут свечи? Спрашивает ребенок, и ждет не дождется желанной минуты. Вот, наконец, пришла она! Мать сама зажгла ему свечку, налепила на вербу и дала ему в

руки, и стоит он первое время в каком-то смущении, но в то же время гордый тем, что и он, так же как и все большие, стоит со свечой, и сердце прыгает от волнения. “Молись”, шепчет ему мать, “Христос идет”. Таинственный трепет ожидания впервые нападает на душу, и точно кажется ребенку, что здесь Христос, о Котором так много говорила ему мать еще нынешним утром... И на другой год, едва подходит весна, он уже нетерпеливо спрашивает у матери: скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли пойдем в церковь и зажжем опять свечки? Сладкий трепет чудесного! святое ожидание! Бессознательное чувство радости, обнимающей детскую душу! Знает ли еще вас душа человека, далеко оставившего за собою детство со всей бессознательностью чистых его впечатлений! Счастлив тот, на ком хоть отблеск этого детского чувства отражается поздней порою жизни в церковном празднике Вербного Воскресенья. Стану я в церкви, затеплю свечу свою, возьму в руки пушистую вербу: Боже, зажги святой огонь в душе моей, воскреси в ней юное чувство, как воскресла жизнь весною в моей молодой вербе!»¹ Очевидно, что Константин Петрович описывал здесь свои собственные детские впечатления, которые жили в нем всю его жизнь.

«Никогда так сильно не ощущаются в душе моей впечатления детства, никогда так явственно не переносится воображение в отдаленное, цветущее время моей молодости, — писал он 25 декабря 1856 года, — как в дни великих праздников Рождества Христова и святой Пасхи. Это праздники по преимуществу детские, и на них как будто исполняется сила слов Христовых: *еще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие...* Таков вечер пред Рождеством: вернулся я от всеношной и сижу дома в той же комнате, в которой прошло все мое детство; на том же месте, где стояла колыбель моя, потом моя детская постелька, — стоит теперь мое кресло перед письменным столом. Вот окно, у которого сижывала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда как спать не хотелось, потому что в душе было волнение — ожиданье чего-то радостного, чего-то торжественного на утро. То не было ожиданье подарков — нет, — чуж-

---

¹ Победоносцев К. П. Праздники Господни // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 242—243. Первым изданием это сочинение Победоносцева вышло в 1893 г. (Праздники Господни. СПб.: Типография А. Бенке, 1893) и до 1905 г. выдержало еще восемь изданий (одно — в 1894, три — в 1898, затем по одному — в 1900, 1902, 1903 и в 1905 гг.).

лось душе точно, что завтра будет день необыкновенный, светлый, радостный, и что-то великое совершаться будет. Бывало, ляжешь, а колокол разбудит тебя перед заутреней, и няня, вставшая, чтобы идти в церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтоб заснул. Боже! это же ожидание детских дней ощущаю я в себе и теперь... Как все во мне тихо, как все во мне торжественно! Как все во мне дышит чувством прежних лет, — и с какою духовною алчностью ожидаю я торжественного утра. Это чувство — драгоценнейший дар неба, посылаемый среди мирского шума и суеты взрослым людям, чтоб они живо вспомнили то время, когда были детьми, следовательно были ближе к Богу и непосредственнее, чем когда-либо принимали от Него жизнь, свет, день, пищу, радость, любовь — и все, чем красен для человека мир Божий»¹.

* * *

Первоначальное образование Константин Победоносцев получил дома. Оно позволило ему в 1841 году поступить, минуя гимназию, в Императорское Училище правоведения, созданное по инициативе М. М. Сперанского и принца П. Г. Ольденбургского специально для подготовки молодых людей к гражданской службе «по части судебной».

Проекты учредительных документов для Училища разработывал М. М. Сперанский. 24 января 1835 года Михаил Михайлович представил императору Николаю I записку «Специальные училища»², в которой обосновал необходимость организации в России специального училища для подготовки молодых людей к судебной деятельности. «Для судей везде нужны способные и благовоспитанные делопроизводители, — писал он, — у нас они нужнее, нежели где-нибудь: ибо у нас нет и долго еще не будет ни ученых судей, ни ученых адвокатов. Судьи у нас, в нижних и средних местах³, избираются из дворян, большею частию военных, а в высших определяются из чинов, также военных и гражданских. И нет причины изменять сей порядок, если бы изменить его и было возможно. При добром делопроизводителе судья, избранный доверием сословия, с

¹ Победоносцев К. П. Праздники Господни // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 224—225.

² Оригинал данной записки хранится в фонде 637 (архив К. Г. Репинского) отдела рукописей РНБ.

³ Так в оригинале.

здравым смыслом и чистою совестью, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья просто ученый. Но тот же избранный доверием судья, при худом производстве, будет прикрывать только собою его пристрастие или невежество. Университеты наши не могут доставить судебной части добрых делопроизводителей, во-первых, потому что там студенты учатся, а не воспитываются; во-вторых, потому что они, выходя и в военную и в другие роды службы, не были обязаны следовать определенному назначению; то же можно сказать и о лицах; воспитанники их, коих впрочем и число незначительно, расходятся по всем родам гражданской службы и редко служат по судебной части. Из сего видно, что учреждение специального училища для судебной части, в коем бы воспитанники теориею и практикою приготовлены были предпочтительно к прохождению сего рода службы, представляет неоспоримую пользу. Возражение, что сим уменьшится число учащихся в университете, не может быть уважительно, потому что число воспитанников сего училища, по самому составу его, полагается весьма ограниченным: каждый год из него может быть выпускаемо не более как от 20 до 25-ти человек».

Первый устав Училища правоведения был утвержден императором Николаем 29 мая 1835 года, а 5 декабря того же года состоялось официальное открытие данного учебного заведения. 27 мая 1838 года был принят новый, переработанный и дополненный Устав, подтвердивший и развивший основные принципы его внутренней организации и деятельности.

Устав Училища правоведения предписывал принимать в «сие заведение» воспитанников «только из сословия древнего потомственного Российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги, также детей военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5 класса или статского советника». Предполагалось, что выходцы из таких семей будут на государственной службе людьми достаточно независимыми и не станут порочить себя взяточничеством и другими бесчестными поступками. Отец Константина Победоносцева имел чин статского советника: он был присвоен ему при уходе в отставку в награду за многолетнюю и беспорочную службу.

Училище было учебным заведением закрытого типа. Для воспитанников устанавливалась особая форма одежды. Им предписывалось носить «мундир темно-зеленого цвета со светло-зеленым суконным воротником», с золочеными пуговицами с изображением

сенатского чекана, с «обшлагом и с черной выпушкой на воротнике». В самом Училище воспитанники должны были носить куртки такого же цвета, как мундир, с разрезным воротником без петлиц. Шинели воспитанников также имели темно-зеленый цвет и светло-зеленый суконный воротник.

На учебу в Училище правоведения принимались юноши в возрасте от 12 до 17 лет. Весь процесс обучения длился шесть лет (от шестого до первого класса) и разделялся на двухлетний младший и четырехлетний старший курсы.

Программа обучения в Училище сочетала дисциплины гимназии и университета. Она предполагала, что воспитанники, прошедшие весь процесс обучения, изучат гимназические предметы и получат университетский уровень юридического образования. Им надлежало изучить такие юридические науки, как энциклопедия права, история русского законодательства, римское право, государственное право, гражданское право и судопроизводство, уголовное право и судопроизводство, полицейское право, финансовое законодательство и др. На должности преподавателей этих наук приглашались профессора из Царскосельского (Александровского) лицея и из Санкт-Петербургского университета.

В период учебы в Училище правоведения Константина Победоносцева гражданское право читал здесь Александр Иванович Кранихфельд (1812—1881)¹, римское право² и латинскую словесность Василий (Вильгельм) Васильевич Шнейдер (1793—1872)³. Князь В. П. Мещерский, поступивший в Училище правоведения в 1850 и

---

¹ Лекции, которые профессор А. Кранихфельд читал в Императорском Училище правоведения в то время, когда здесь учился Константин Победоносцев, были напечатаны в 1843 г. в типографии 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. См.: *Кранихфельд А.* Начертание российского гражданского права в историческом его развитии: Составленное для Императорского училища правоведения. СПб., 1843.

² Победоносцев почему-то не любил этот предмет и не подготовился в полной мере к экзамену по нему. «Я отвечал из истории римского права о *реформах Юстиниана*, а из римского права о владении; вызвался по латыни, — записал он в своем дневнике под датой 13/20 мая 1844 г., — и это спасло меня, иначе бы срезался, а теперь лишь сказал несколько слов, мне уже поставили 12» (высший балл. — В. Т.). См.: *Победоносцев К. П.* Для немногих. Отрывки из школьного дневника 1842—1845 гг. СПб., 1885. С. 59.

³ В числе опубликованных работ В. В. Шнейдера можно назвать книгу «О значении римского права в отношении к новейшему праву», которая вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1857 г.

окончивший его в 1857 году, вспоминал о профессоре Шнейдере: «Это был и симпатичный, и оригинальный тип, коего в теперешнее время смешно было бы найти и след. В нем жил дух римлянина золотого века Рима и в то же время жил человек со всеми оттенками благородства и деликатности, с одной стороны, и высокого образования — с другой... Хотя он был немец, но никогда никому из нас в голову не приходило на этого старика смотреть, как на немца: он все время в течение трех лет нам представлялся фантастическим римлянином»¹. Выпускник Училища правоведения 1863 года А. В. Михайлов писал, оценивая лекции профессора В. В. Шнейдера: «Известные общие начала права, юридический склад ума и привычка к юридическому мышлению остались у нас от его лекций»².

Параграфом 50 Устава 1838 года предусматривалось, что «воспитанники, кончившие курс в Училище, сообразно успехам, показанным ими как на последнем испытании, так и на двух предыдущих, удостоиваются Советом чинов 9, 10 и 12-го класса. Причем строго принимается в соображение поведение выпускаемого». Параграфы 51 и 52 устанавливали, что «отличившиеся по благонравию и успехам воспитанники 1-го класса при выпуске награждаются в публичном собрании золотыми и серебряными медалями. Сверх того, имя и фамилия наиболее отличившихся при выпуске воспитанников изображается золотыми буквами на выставленной в училище мраморной доске. В прочих классах воспитанники, отличившиеся доброю нравственностью и успехами, награждаются также при публичном акте книгами и похвальными листами, за подписанием председателя и членов Совета с приложением училищной печати».

Согласно параграфу 56 Устава 1838 года в числе наказаний допускалось сечение розгами нерадивых воспитанников трех младших классов. Правда, на практике это самое позорное наказание почти не применялось. Редкий случай его применения в 1842 году записал в своем дневнике Константин Победоносцев. «30 октября. В VI классе Пьянова высекли за то, что он подменил балл. Это еще первая в нынешнем году экзекуция»³.

30 сентября 1843 года умер Петр Васильевич Победоносцев. Константин лишился не только отца и наставника, но и поводыря по первым, самым трудным, ступеням чиновной карьеры. Елена

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 37.

² Михайлов А. А. Из прошлого // Русская школа. 1900. № 1. С. 22.

³ Там же. С. 7.

Победоносцева, похоронив мужа, старалась заменить его в этой роли. В письмах к добрым знакомым Петра Васильевича она пыталась найти у них покровительство для младшего сына. «Прошу Вас, многоуважаемый Константин Степанович, по доброте вашего сердца, — обращалась она к директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Сербиновичу¹, — сохранить память к покойному добрым расположением к сыну его... Дай Бог, чтобы Костя во всем подражал своему отцу, который прожил 73 года, оставил своим детям доброе имя, как по службе, так и между знакомыми, и трудился до последнего дня своей жизни».

Выпускники Училища правоведения отличались от студентов, окончивших университеты, не только своей аристократичностью, но и братством, которое хранилось ими всю последующую жизнь. Девизом этого правоведческого братства была строка из стихотворения Горация: «*Quidquid agis prudenter agas et respice finem* (что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель». Позднее к этому девизу добавили еще один: «Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое». Вместе с Константином Победоносцевым Училище закончили в 1846 году: князь И. Г. Бебутов, И. А. Веловзор, барон А. Э. Венкштерн, барон Е. Е. Врангель, Н. Б. Керстен, В. Г. и Н. Г. Коробьины, А. И. Котляревский, М. И. Ласковский, О. Г. Лерхе, барон Э. А. Майдель, князь А. В. Оболенский, В. И. Пейкер, И. Г. Полянский, М. Н. Попов, барон В. Ф. Раден, А. А. Сальваторий, Н. А. Слепцов, А. В. Тарасенков, Н. А. Тимрот, И. П. Уланов, бароны В. Ф. и Ф. Ф. Штакельберги, Д. А. Энгельгардт.

15 июня 1846 года окончивший Училище правоведения титулярный советник Константин Петрович Победоносцев был определен в канцелярию 8-го (московского) департамента Правительствующего сената. В этом департаменте решались судебные споры по гражданским делам, поступавшие из губерний, прилегавших к Москве.

В дневнике, который Константин Победоносцев вел в августе—сентябре 1846 года, он записал: «Приезд в Москву и поступление на службу. Знакомство с Зубковым...» Мать Василия Петрови-

---

¹ С 1833 по 1856 г. Константин Степанович Сербинович (1807—1874) одновременно редактировал «Журнал Министерства народного просвещения» и был знаком со многими влиятельными сановниками, которые могли бы помочь молодому чиновнику занять перспективное место в государственном управлении.

ча Зубкова — Наталья Петровна — была урожденной Евреиновой¹. С этой семьей Победоносцевых связывали дружеские отношения, Константин был «своим человеком» в их доме. В 1846 году Зубков являлся начальником канцелярии 8-го департамента Сената и стал первым покровителем молодого чиновника.

12 июля 1846 года Константин Победоносцев был назначен исправляющим должность помощника секретаря, 19 ноября он занял место младшего секретаря. 28 марта 1847 года его сделали исправляющим должность секретаря, а 15 мая — секретарем. Эту должность многие молодые чиновники ждали годами.

1 марта 1848 года Константин Победоносцев был перемещен на ту же должность в 7-й (московский) департамент Сената, 22 марта он стал исправляющим должность обер-секретаря. 12 августа его причислили к Министерству юстиции, а 15 сентября 1848 года назначили исправляющим должность обер-секретаря 8-го департамента Сената: чиновник, занявший эту должность, становился довольно влиятельным и заметным человеком.

23 декабря 1849 года Победоносцев был возведен в чин коллежского асессора, а ровно три года спустя — в чин надворного советника.

«В 40-х годах Зубков считался одним из просвещенных людей», поэтому «общение с таким человеком по службе не могло не быть благотельным для молодых людей»², — писал позднее Константин Петрович. В январе 1821 года В. П. Зубков посетил Париж, где «ознакомился с судом присяжных, о котором тогда в России еще и говорить запрещалось»³. После военного мятежа 14 декабря 1825 года Василий Петрович оказался на короткое время под арестом в Петропавловской крепости как человек, подозревавшийся в причастности к нему. Этот эпизод в его биографии не помешал, однако, его служебной карьере⁴.

Дом Зубкова в одном из переулков Смоленского рынка в Москве был хорошо знаком светскому обществу: «здесь на танцеваль-

¹ См.: Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года / Предисловие и примечания Б. Л. Модзалевского. СПб., 1906. С. 1—2.

² *Победоносцев К. П.* Московские воспоминания. В. П. Зубков. М., 1904. С. 10—11.

³ Там же. С. 4.

⁴ Он умер сенатором в 1862 г. «Скончался мой друг В. П. Зубков», — записал Константин Победоносцев в своем дневнике 12 апреля указанного года.

ных вечерах можно было увидеть всех московских красавиц того времени»¹. У Василия Петровича была хорошая библиотека, в его доме нередко собирались на беседы молодые люди. Константин Петрович посещал и танцевальные вечера, и интеллектуальные беседы.

В конце декабря 1852 года Победоносцеву было поручено орденом обер-прокурора проверить протоколы 8-го департамента Сената и взять под постоянное наблюдение журналы его заседаний. 24 марта 1853 года он был назначен «заведующим одним из секретариатов за болезнью обер-секретаря»², а 29 апреля того же года стал исправляющим должность обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената³. 25 декабря 1854 года ему был присвоен чин коллежского советника.

21 августа 1856 года Константину Победоносцеву была поручена «проверка корректурных экземпляров высочайших приказов»⁴, печатавшихся в московской сенатской типографии во время пребывания в Москве по случаю коронации императора Александра II. 27 мая 1858 года Победоносцев был утвержден в должности обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената. 25 декабря того же года он был возведен в чин статского советника.

Скорее всего уже в самом начале своей канцелярской деятельности Победоносцев, в процессе исполнения обязанностей по своим должностям, стал изучать юридические документы с целью написания научных работ по русскому праву. В 1858 году в журнале «Русский вестник» была напечатана его довольно обширная по объему статья «Заметки для истории крепостного права в России»⁵, в журнале «Атеней» — рецензия на книги Д. И. Мейера «Очерк русского вексельного права» и «Чтения о русском гражданском праве»⁶.

¹ Победоносцев К. П. Московские воспоминания. В. П. Зубков. С. 25.

² РГИА. Фонд 797. Оп. 64. Д. 28 (Формулярный список 1898 г.). Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ См.: Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М., 1858. Т. 15. Июнь. Кн. 1. С. 209—248; Кн. 2. С. 459—498; Т. 16. Август. Кн. 2. С. 537—582.

⁶ К. П. [Победоносцев К. П.] Теория и практика: По поводу сочинений профессора Мейера: Очерк русского вексельного права. Казань, 1857, и Чтения о русском гражданском праве. Выпуск I. Казань, 1858 // Атеней: Журнал критики, современной истории и литературы, издаваемый под ред. Е. Корша. М., 1858. Ч. 6. С. 306—326.

Целую серию статей по истории русского права Победоносцев опубликовал в 1859 году¹.

Во всяком случае, к концу 50-х годов он был известным в Москве знатоком российского законодательства. Поэтому когда в декабре 1858 года юридическому факультету Императорского Московского университета потребовался преподаватель гражданского права и судопроизводства (в связи с тем, что исправлявший должность адъюнкта по кафедре гражданских законов В. Н. Никольский отправлялся в заграничную командировку), то попечитель Московского учебного округа Алексей Николаевич Бахметьев пригласил принять «звание стороннего преподавателя русского гражд[анского] права на время командировки адъюнкта Никольского» К. П. Победоносцева². Константин Петрович дал согласие, и 4 марта 1859 года он был утвержден министром народного просвещения в этом звании.

В 1859 году Победоносцев защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и в следующем году стал исправляющим должность экстраординарного профессора юридического факультета по кафедре законов гражданских и гражданского судопроизводства.

Читая по семь часов в неделю в Московском университете лекции по гражданскому праву и курсу гражданского судопроизводства³, Победоносцев одновременно продолжал работать в 8-м департаменте Правительствующего сената. 19 ноября 1860 года ему было поручено министром народного просвещения Е. П. Ковалев-

¹ *Победоносцев К. П.* Критика на сочинение М. М. Михайлова о Русском гражданском судопроизводстве до издания Свода Законов 1832 г. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1859. Кн. 1 (с приложением). С. 1—62; *его же.* Обзорение современного русского законодательства. XXXI том Полного Собрания Законов Российской Империи // Русская беседа. М., 1859. Кн. 4 (16). С. 1—12; *его же.* О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. М., 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 541—581; Т. 22. Июль. Кн. 1. С. 5—34; Кн. 2. С. 153—190 и др.

² См.: РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 16. А также: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1.

³ Согласно распределению предметов преподавания в 1860/61 академическом году, которое было утверждено в заседании юридического факультета Московского университета, гражданское право читалось по три часа в неделю на 3-м курсе, предмет «гражданское право и судопроизводство» преподавался по четыре часа в неделю студентам 4-го курса. См.: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 18. Л. 77 об.—78.

ским разработать проект преобразования «морской судебной части» для Морского министерства. «Я желал бы, чтоб вы приняли в этом полезном деле преимущественное участие»¹, — писал Евграф Петрович Победоносцеву.

2 июля 1861 года Константин Петрович получил из главного управления Министерства юстиции распоряжение «о командировании для участия в составлении проекта нового судопроизводства России»². 17 сентября 1861 года в газете «Наше время» (№ 30) было опубликовано сообщение о том, что в комиссию по судебной реформе приглашены Д. А. Ровинский, Н. А. Буцковский и К. П. Победоносцев как приславшие «лучшие проекты». 8 ноября того же года Константин Петрович был откомандирован в Санкт-Петербург «в распоряжение государственного секретаря для временных работ по устройству и преобразованию судебной части»³.

Первые же заседания «Комиссии о судебных уставах» глубоко его разочаровали. В 1862 году он записал в дневнике: «Вхожу in medias res Петербургского канцелярского формализма и либерализма. Отовсюду веет либерализмом и пошлостью: убеждаюсь, что не боги обжигают эти горшки и ужаюсь всеобщего либерального легкомыслия»⁴. Побывав 2 мая 1862 года на заседании Соединенных департаментов Государственного совета по вопросу преобразования судопроизводства, Победоносцев занес в свой дневник следующее замечание: «Жалко подумать — каким скудным запасом сведений обладают самые деятельные из членов: одностороннее отношение к предмету, поверхностные взгляды: ни один вопрос глубоко не обсуждается. Так, напр[имер], никто не умеет объяснить идею кассации и отличить ее от апелляции»⁵. «Бледность знаний и юрид[ических] идей поразительная, — записывал Константин Петрович в свой дневник после еще одного заседания «Комиссии о судебных уставах». — Бедная Россия! И вот кто тебя преобразовывает»⁶. Вывод, который он делал из своих наблюдений за работой высших государственных сановников, сблизил его со славянофилами. «В од-

¹ РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 20об.

² Там же. Д. 28. Л. 6 об.

³ Там же.

⁴ Дневники К. П. Победоносцева (1846—1893) // РГИА. Фонд 1574 (К. П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 2 б. Л. 7.

⁵ Дневники К. П. Победоносцева (1862—1866) // РГИА. Фонд 1574 (К. П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 41об.

ном народе чувствуется сила мысли и действия, — заявлял он. — А наверху, в правительстве — страшно и подумать, что делается. **Безумные и мальчишки нами правят — в их руках благо и честь России!**¹ (выделено мною. — В. Т.).

А. Э. Нольде, специально исследовавший вопрос об участии Победоносцева в комиссии по судебной реформе, считал несомненным, что он «имел влияние в комиссии, к нему не могли не прислушиваться ввиду его начитанности, ввиду его умения находить для своих мыслей своеобразное выражение, ввиду большого знания жизненной практики»². Содержание многочисленных записок Победоносцева по различным проблемам судебной реформы показывает, что среди членов комиссии он был одним из наиболее подготовленных к роли разработчика и критика законопроектов в этой области. Многие из этих записок были опубликованы в многотомном издании «Материалов по судебной реформе в России 1864 года»³.

¹ Дневники К. П. Победоносцева (1862—1866) // РГИА. Фонд 1574 (К. П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 41.

² *Нольде А. Э. Победоносцев и судебная реформа.* Пг., 1915. С. 13.

³ См., например: *Победоносцев К. П.* Предварительные замечания о плане и о главных основаниях Устава о судоустройстве // *Материалы по судебной реформе в России 1864 года.* Т. 17: Соображения разных лиц о преобразовании судебной части (1861—1862). [СПб., 1862]; *его же.* Записка о гражданском судопроизводстве // Там же. Т. 26: Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части. Ч. 6 (1861—1863). СПб., 1863; *его же.* По проекту 2-ой книги [Устава гражданского судопроизводства]: О тяжущихся сторонах и о праве искать и отвечать на суде (Разд. 1, гл. 1—2) / Редактор К. Победоносцев // Там же. Т. 45: Работы редакторов по проекту Устава гражданского судопроизводства (Октябрь 1862 г. — октябрь 1863 г.). Ч. 2. [СПб., 1864]; *его же.* По проекту 3-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О предварительном исполнении решений (Гл. 1) / Редактор К. Победоносцев // Там же; *его же.* По проекту 4-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: Исполнительное производство по расчетам об убытках, издержках и доходах (Разд. 2) с объяснительной запиской редактора / Редактор К. Победоносцев // Там же; *его же.* По проекту 6-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства (Разд. 1, гл. 1) / Исследования К. Победоносцева (17 марта 1864 г.) // Там же; *его же.* Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизводства. О присяге тяжущегося (ст. 304). Возражение К. Победоносцева // Там же. Т. 46: Работы Гражданского отделения Комиссии по проекту Устава гражданского судопроизводства. Ч. 1, кн. 1—5 (30 ноября 1862 г. — 24 октября 1863 г.). [СПб., 1864]. С. 76—87; *его же.* Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизвод-

В записке «О гражданском судопроизводстве», которую Победоносцев представил в декабре 1861 года в комиссию по составлению судебных уставов, он подверг критике ряд предложений составителей проекта нового устава гражданского судопроизводства.

Главным недостатком действовавшего в то время в России гражданского процесса Победоносцев считал пронизывавший его до основания бездушный формализм, затруднявший рассмотрение дел и препятствовавший правильному их разрешению. Мертвые формы судебного процесса отвращали, по его мнению, от судебной деятельности молодые и свежие силы. А между тем потребность в создании постоянного сословия судебных деятелей в России ощущалась острее, чем где-либо. «Ни в судебных местах, ни в среде судебных лиц, — отмечал Победоносцев в своей записке, — мы не имеем у себя хранилища судебных обычаев и судебной доктрины, не находим судебных авторитетов для руководства и указания и той внутренней дисциплины, которая развиваясь в пределах сословия, придает прочность знанию, основательность мнению, обсуждению порядок и, воспитывая вновь вступающих, образует из них самым делом, не работников только, но живых деятелей и учителей»¹.

В настоящее же время в России лица, от имени которых исходит судебный приговор, находятся, указывал Победоносцев, в руках полуобразованных приказных и чиновников канцелярии; тяжущих сторон они не видят и не слышат и смотрят на решаемое ими дело через бумагу. Поэтому он возражал против плана разделения судопроизводства на общий порядок и сокращенный. Первый, в том виде как он был задуман и отчасти был осуществлен в действующем законодательстве, отдавал преимущество письменной форме судебного процесса, ослабляя значение словесного состяза-

---

ства. О доказательной силе осмотра на месте (ст. 329) и о предъявлении письменного или словесного заключения сведущих людей и о их присяге (ст. 348). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 89—91; *его же*. Разногласия, следовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О случаях, в коих допускается кассация решений судебных палат (ст. 86 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 14—22; *его же*. Разногласия, следовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О разрешении Сенатом прошений об отмене решений, без отсылки дела в судебную палату (ст. 117 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 27—32 и др.

¹ Цит. по: *Нольде А. Э.* Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 89.

ния. Сокращенный же порядок сводил процесс к словесным объяснениям и совершенно устранял письменные формы. По мнению Победоносцева, желательная цель судебной реформы могла быть достигнута только при условии, если центром судебного процесса было бы признано словесное объяснение, которому предшествовала бы письменная подготовка. Словесное состязание в судебном процессе должно происходить, считал Победоносцев, в живой речи, а не сводиться к прочтению записок. Все разбирательство и, в конечном итоге, вынесение решения должно основываться на тех данных, которые стороны приводят в суде. Для апелляционного производства он полагал возможным смягчить требование обязательной явки сторон на судебное заседание.

Оценивая записку Победоносцева «О гражданском судопроизводстве», А. Э. Нольде отметил, что она «свидетельствует об очень отчетливом представлении автора ее как о недостатках существовавшего в его время *порядка* процесса, так и о коренной постановке желательного»¹.

1861 год принес Победоносцеву еще одно назначение, которое, как он признал впоследствии, решило его судьбу «роковым образом», — ему было предложено преподавать юридические науки наследнику престола великому князю Николаю Александровичу. В течение двух лет Константин Петрович читал цесаревичу лекции по законоведению, русскому государственному праву и гражданскому праву².

Князь В. П. Мещерский, познакомившийся с Победоносцевым в 1863 году, писал о нем в своих воспоминаниях: «Он произвел на меня очень симпатичное впечатление своим оригинальным костическим умом, постоянно сливавшимся с добродушием и веселостью, своею простотою и увлекательною речью и начитанностью. То были дни прекрасной весны его политической жизни. Призванный учить Цесаревича Николая Александровича, он всею душою отдавался этому делу, ибо находил в своем Ученике такую благодарную и богатую почву для прививания к Его молодой душе мыс-

¹ Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 91.

² См.: Победоносцев К. П. Лекции по русскому государственному праву, читанные цесаревичу Николаю Александровичу и великому князю Александру // ГАРФ. Фонд 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 3132. Ч. 15. 82 л.; *его же*. Лекции по гражданскому праву, читанные в 1862 г. цесаревичу Николаю Александровичу // ГАРФ. Фонд 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 2725. 206 л.

лей и знания. Этим наслаждением от отзывчивости и даровитости Цесаревича наполнилась жизнь К. П. Победоносцева в то время, и оно давало ему столько светлого, столько доброжелательного, столько свежего и бодрого в мыслях и в проявлении чувств»¹.

Весной 1862 года Победоносцев возвратился в Москву и возобновил преподавательскую деятельность в Московском университете. Поскольку В. Н. Никольский уже прибыл из-за границы и преподавал курс гражданского права, он стал читать лекции только по гражданскому судопроизводству.

В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сохранился рукописный экземпляр лекций Победоносцева по этому курсу, которые он читал на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 года. Как верно подметил А. Э. Нольде, «читался этот курс как раз в самую переходную эпоху от прежнего порядка к новому, когда уже было видно, что старому процессу долго не существовать, а новый находился еще в виде неокончательно отделанного проекта. Поэтому лектор был стеснен в выборе материала и стоял перед очень трудной задачей»². Победоносцев нашел удачный вариант лекционного курса: он посвятил его, главным образом, изложению начал «нового» процесса, существовавшего в то время в западноевропейских странах. Старый судебный процесс, который еще действовал тогда в России, он описывал кратко и с объяснением всех его недостатков.

«Прекрасный курс гражданского судопроизводства, ясный, сжатый, точный и поучительный читал нам тогдашний Обер-прокурор восьмого департамента Сената — Константин Петрович Победоносцев»³, — писал в своих воспоминаниях А. Ф. Кони. Он отмечал, что лекции Победоносцева были очень содержательными, хотя и довольно отвлеченными, теоретичными. По его словам, «это, впрочем, объяснялось тем, что лекции читались на распутье между старым и новым порядком, который установила реформа 1864 г. В них так же, как это ни странно, было полное отсутствие критического элемента и того скептицизма, к которому так был склонен Победоносцев в своей дальнейшей деятельности. Победоносцев говорил очень однотонно, бесцветно-глухим и каким-то совершенно

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 164—165.

² Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. С. 91.

³ Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1969. Т. 7. С. 99—100.

равнодушным голосом, точно исполнял надоевшую обязанность. Это также поражало меня впоследствии, когда мне приходилось слышать в разных комиссиях и в Государственном совете его сильное, своеобразно-красноречивое слово, которое приковывало к себе общее внимание. Над кафедрой возвышалась фигура с бледным, худым... лицом... Победоносцев, предшествуемый литературною известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушным к своему предмету»¹.

18 сентября 1862 года Победоносцев был назначен обер-прокурором 2-го отделения 6-го департамента Сената. Летом 1863 года он сопровождал своего ученика — цесаревича Николая Александровича в путешествии по России. 24 сентября того же года его назначили обер-прокурором 8-го департамента Сената и возвели в чин действительного статского советника, соответствовавший воинскому званию генерал-майора. Осень 1863 года и весь следующий год Константин Петрович провел в Москве — в трудах и раздумьях.

«Живу я — так тихо и однообразно, что, если б вы могли видеть, вас из вашей суеты вдвое сильнее потянуло бы в покой московской. Утром — работа в сенате, вечером — работа дома, но кроме работы и книги — и кое-когда живые люди. Время не идет, а бежит...», — сообщал он в ноябре 1864 года А. Ф. Тютчевой.

После слов о себе Победоносцев описывал Анне Федоровне свои впечатления о происходившем вокруг: «Отчего это совсем людей нет? Отчего все кажутся так мелки, ни в ком не слышится силы, не за кого ухватиться — есть только через кого получать награды и казенные деньги и разные степени власти! Отчего самая власть так потеряла свои громадные размеры и с каждым днем все мельчает и мельчает? Или — для современника великих людей не бывает? Когда б вы знали, как мне хочется иногда встретить и поглядеть великого человека, человека с силой, с кем бы слиться, с кем бы вместе поработать крепкую работу! Нет — нет — всю[ду] видишь только блеск казенной позолоты костюма, всюду слышишь звон — казенных денег. Или пришло на нас по воле Божией такое время, когда, говорят, великие дела сами собою делаются. Не знаю-не знаю, но мне часто делается страшно — что еще придется видеть и пережить. Испытали ли вы это чувство — за себя и за других! Человек живет не так, как надо, слабеет, малодушествует,

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1966. Т. 2. С. 233—234.

забывается, лжет сам себе, то есть говорит одно, а делает другое — и, веруя в любовь Божию, знает, что ждет его наказание, то есть явится событие, которое — вопреки ему — покажет ему правду, болью и печалью восстановит в нем равновесие сил, встряхнет его не в мысли только, не в чувстве и фантазии, а в самом корне жизни, правдою Божией. Так иногда страшно делается за будущее, когда видишь в настоящем признаки разложения и слабости, и неправды. Людей нет крепких, которые служили бы представителями идеи, но видишь, как в недостатке людей и идей проникают в массу и бессознательно прививаются к ней разные мнения и борются одно с другим тайною борьбой, причем ни одно из них не принимает определенной формы, ни в одном из них, при всем упорстве, даже при ожесточении, не слышно той глубокой веры в идею, которая созидает и перерабатывает. Но эта борьба, глухая борьба мнений, конечно, имеет свое значение и, перемешивая элементы, prepares почву — для какого-то неведомого события, prepares поле — для какой-то неизвестной силы, которая еще явится. Вот отчего иногда страшно становится жить, и из этого страху разве только опять это слово выводить: “Господь Бог”».

В ночь с 11 на 12 апреля 1865 года в Ницце скончался наследник престола великий князь Николай Александрович. Получив на следующий день известие об этом горестном событии, Константин Петрович немедленно написал А. Ф. Тютчевой: «О, какое горе — Анна Федоровна! Какое горькое и страшное горе! Такая тоска, такая тьма напала на душу — всю Светлую неделю прожил я в агонии, от одной телеграммы к другой, — и все еще таилась надежда, а сегодня страшная весть всё унесла, всё разбила — нет нашего милого царевича — и всякую минуту его точно живого видишь перед собою. А вчера мы молились и плакали — на Кремлевской площади, во всенародном моленье, со всею святыней московскою, и я ушел с площади с тихим чувством надежды — но Богу не угодна была грешная молитва. Знали мы, что она грешная, и молились: Боже! воздвигни праведника, чтоб он помолился Тебе. Но, видно, не нашлось праведника, и судьба Божия на нас пала... Кого и что оплакиваю — не умею сказать. Его ли молодую жизнь, его ли погибшую силу и счастье, только что распустившееся, — или милое, дорогое свое отечество — одного не умею отделить от другого. Но холодом веет на меня и страхом — мысль о будущем. Всем горько, все притихли и приуныли от страшной вести, — но мы, знавшие

его, всего сильнее чувствуем, что значит для всех потеря нашего царевича. Я верю, я чувствую всей душой, что судьба Божия совершается, что этот час — роковой час в судьбах России. На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса, и глаза наши привыкли от мрака, все больше и больше сгущавшегося на северной точке нашей, обращаться в Ниццу, к нему и к Государыне. Его мы знали — и народ его знал и на него надеялся и бессознательно на нем покоил свою надежду на лучшее будущее. И эту надежду Бог взял у нас — что с нами будет? Да будет Его святая воля!

Боже мой! Так молод, — посреди всей роскоши южной природы, под блестящим солнцем, в яркий весенний день, из золотой чаши выпил он смертельное питье! А мать — бедная мать! Чем ей тьму просветить, чем ее горе измерить. О, благослови ее и утешь ее, Боже!

Я знаю, как вам тяжело, — и ничем не умею вас утешить, потому что сам себе не вижу утешенья. Только хочу свое горе приложить к вашему и слить с ним. Господи! как пусто и горько все кажется! Силы нет больше писать вам — и о чем еще писать! Судьба Божия наступила и весь мир накрыла! Господь с вами! Дай Боже вам сил и утешенья!»

К 1865 году круг служебных обязанностей Победоносцева расширился до такой степени, что для преподавания в Московском университете ему не стало хватать ни времени, ни сил. Константин Петрович принял решение оставить преподавательскую деятельность. 1 июня 1865 года он обратился к ректору университета профессору С. И. Баршеву со следующим письмом: «Милостивый государь Сергей Иванович! Приняв на себя в 1859 году обязанность преподавать гражданское право и судопроизводство студентам юридического факультета в Московском университете, и потом, по возвращении из-за границы проф. Никольского, ограничившись преподаванием одного судопроизводства гражданского, я за долг себе поставлял и вменял в честь по мере сил и возможности отправлять сию обязанность к пользе слушателей. Между тем, занятия мои по сенатской службе расширились и увеличились до того, что последние два года я уже с большим трудом и усилиями, не без ущерба

здоровью, продолжал преподавание, от которого, и по собственному моему усердию к пользе Московского университета, не легко было мне отказаться. Ныне же сенатские мои занятия еще более усилились и здоровье ослабло до того, что я, даже с прискорбием сердечным, вижу решительную невозможность согласить с сими занятиями обязанность преподавателя, почему и вынужден лишиться себя удовольствия и чести продолжать преподавание. Извещая о сем Ваше Превосходительство, долгом почитаю присовокупить, что если бы впоследствии состояние дел моих и здоровье позволили бы мне возобновить преподавание, а Московскому университету понадобились бы мои услуги, то я в полной готовности предоставлю себя в его распоряжение. Вместе с тем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, заявить университетскому Совету просьбу мою, чтобы, в уважение 6-ти-летних трудов моих на службе университету, мне было дозволено, на будущее время, пользоваться в университетской библиотеке книгами и журналами на том же основании, как я доньше пользовался»¹.

10 июня 1865 года Совет Московского университета рассмотрел письмо Победоносцева и принял решение: «Уведомить библиотекаря университета о допущении действительного статского советника К. П. Победоносцева к пользованию книгами из библиотеки университета, на тех же основаниях, на которых он доселе пользовался, а правлению университета сообщить о прекращении ему содержания с начала вакационного времени.

Выразить К. П. Победоносцеву сожаление о том, что обстоятельства не позволяют ему продолжать преподавание в университете, которое приносило так много пользы студентам»².

2 декабря 1865 года на заседании юридического факультета Московского университета было единогласно принято решение представить Победоносцева к избранию в почетные члены Московского университета. Подавляющим большинством голосов (26 против 3) Университетский совет постановил присвоить ему это звание. Константину Петровичу было приятно узнать о столь высокой оценке своих заслуг на преподавательском поприще. В письме рек-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1—2. Текст данного письма опубликован, с небольшими отклонениями от оригинала, в статье А. Э. Нольде «Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева» (ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 85—86. Прим. 3).

² Там же. Л. 4 об.

тору Баршеву он выразил «горячую сердечную признательность все-му достопочтенному сословию Московского университета», избравшему его своим почетным членом. «Старинная и близкая связь, писал он далее, — с самого рождения соединяет меня с Московским университетом, в котором отец мой в течение 35 лет занимал профессорскую кафедру, и потому, с тех пор как себя помню, окружен я был именами и событиями и преданиями университетской жизни. Связь эта еще укрепилась и стала для меня еще ощутительнее с тех пор, как я неожиданно призван был на служение Московскому университету в качестве преподавателя. Не дозволяя себе судить высоко о пользе, которую мечтал по мере сил и способностей принести университету своим преподаванием, я радуюсь, что усердие мое к сему делу не осталось незамеченным, о чем свидетельствует мне нынешнее лестное постановление университетское. Поистине вменяю себе в великую честь считаться сочленом университетского сословия и всеми мерами стараться буду, чтобы, сколь можно, почетное мое звание оправдалось на самом деле»¹.

Распрошавшись с Московским университетом, Константин Петрович отправился в начале июля 1865 года отдыхать в имение своего однокашника по Училищу правоуказания Д. А. Энгельгардта, которое находилось в селе Польшковичи Могилевской губернии². Здесь он снова встретил дочь его старшего брата Екатерину. Эта встреча оказалась роковой для Победоносцева: давно тайно в нее влюбленный, он открылся ей и узнал, что может рассчитывать на взаимность.

15 июля радостный Константин Петрович писал А. Ф. Тютчевой: «Добрейшая Анна Федоровна! Сколько вы показали мне доброго расположения и участия сердечного, что я без боязни спешу к вам сказать вам радость великую, которую послал мне Господь. О, порадайтесь вместе со мною и благословите мою радость. Со вчерашнего дня я жених, и невеста моя — та, о ком десять лет не переставал я думать с трепетом — одному Богу сказывая глубокую мысль свою. Я всегда любил детей, любил с ними знакомиться, любил соединяться с ними в их детскую радость. Десять лет тому назад Бог послал мне милого ребенка — Катю мою, семилетнюю девочку, пле-

¹ Цит. по: *Нольде А. Э.* Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. С. 87.

² Это село существует до сих пор: оно расположено на территории Могилевского района Могилевской области Республики Беларусь.

мянницу товарища моего Энгельгардта, к которому я ездил летом в деревню. Я подошел к ней как к ребенку и распознал в ней душу глубокую и привязался к ней всею своей душою. В этой душе хотелось мне пробудить все высокое и хорошее — я говорил ей о Боге, я молился с нею, я читал с нею и учил ее, целые часы и дни просиживая с нею, и она росла и развивалась у меня на глазах, и чем больше я вглядывался в душу к ней, тем больше и глубже отдавал ей и в нее полагал свою душу. Она любила меня крепко и нежно всею своей детскою душой, и первое счастье мое было смотреться в эту душу, и стоять над нею, и оберегать ее, и радовать. Года проходили, и Катя моя выростала, и страх напал на меня: что будет дальше, когда ребенок мой вырастет передо мною в девушку. Она выросла, и было время, когда, казалось, Катя моя далеко от меня отходила и вышла из руки моей. Это было тяжкое время, то время, которое прожил я в Петербурге и в Царском Селе. Мне казалось уже, что Катя моя для меня потеряна, но теперь я вижу, что Господь этим временем испытывал меня и наказывал. “Наказать наказал Он меня — а смерти не предал”¹. Не знаю, как — не от меня это было, а от Бога — Катя моя опять ко мне воротилась, — и вот, прошлый год весь прошел в недоразуменье, в робости — между нами завязались новые отношения в тихой тени отношений прежних, завязались тогда, когда я уж думал, что все кончено, и стал все двери запираю около себя и отрезывать всякие надежды. Я чувствовал, однако же, что я для нее необходим, что мне одному сердце ее вполне верит, что на меня одного она полагается и опирается, — но может ли она полюбить меня — вот чего я не знал и знать не мог. Я приехал сюда 4 июля и провел целую неделю тревожную! оба мы чувствовали, что уж не можем ни о чем спокойно и свободно говорить, покуда одно между нами не объяснится и слово об этом одном не будет сказано. Положение становилось невыносимо, и я со страхом решился сказать все своей Катюше — и потом был еще целый день тревоги и волнения, и наконец — услышал я то слово, которого ждала душа моя. И радость моя перед всеми явилась. О, на какое широкое место вывел меня Господь из тесноты и скорби и отчуждения!

Что вам говорить про нее — и вы мне на слово не поверите, но, если Бог даст, вы когда-нибудь увидите ее и узнаете, вы ее по-

¹ Псалтырь. 117:18.

любите — все ее любят, кто только знает... Но вы поверите, какую новою кажется для меня теперь жизнь — и какая радость в душе у меня. Вспоминаю, как был бы рад услышать об этом милый мой, возлюбленный Николай Александрович (цесаревич. — *В. Т.*) — он так часто говорил мне: “Как бы я хотел, чтоб вы женились, — отчего вы не женаты?” И теперь, вспоминая эти слова, мы молимся за него горячо с милою Катей, потому что и она, по мне, знала и любила его.

Порадуйтесь же за меня, добрая, милая Анна Федоровна, — от вашей души столько добра я видел. Порадуйтесь той радостью, которой “радуется друг женихов, когда слышит его голос, и стоит и внимает ему”¹, и благослови вас Боже всяким миром и всякою радостью. — Скажите мне словечко от себя и об себе — адрес мой: губернский г. Могилев на Днестре, на имя Александра Андреевича Энгельгардта. — Господь с вами. Поминайте в любви и в мире всей душою преданного и благодарного».

22 августа Победоносцев отправился в Москву, договорившись с невестой, что она приедет к нему зимой и тогда будет сыграна свадьба. Счастье переполняло его. «Добрейшая Анна Федоровна! — писал он днем ранее Тютчевой. — От всей души благодарю вас за добрые ваши слова, которыми вы отозвались на мою радость. Вы ее почувствовали, — благослови вас Боже радостью во имя Христова. Не знаю, о чем говорите вы, но когда у вас на душе хорошо стало, дай Бог, чтоб не отступало от нее светлое чувство. В эту минуту у меня больше, чем когда-нибудь, душа просит, чтобы всем, кого я люблю, хорошо было: мне самому хорошо. Не знаю, что принесет мне жизнь, но теперь больше, чем когда-нибудь, чувствую себя под милующею рукой Божией и чувствую, что есть у меня своя душа, свой человек в этом мире. Сколько раз, бывало, душа в нетерпении готова была сказать себе: умереть хочу, — а теперь говорит: не умру, но жив буду, потому что есть в ком душу свою отразить и жизнь свою почувствовать.

Доживаю здесь последний день и завтра отправляюсь в Москву от своей невесты и стану ждать ее зимою. Подумайте, какое счастье мне Бог посылает: дитя мое милое, кого я на своем сердце взрастил и в кого свою душу положил, станет моей женою — и я в нее верю больше, чем в кого другого на свете, потому что больше и ближе, чем кого-нибудь, ее знаю и она меня. Только молюсь, чтоб Бог

¹ Евангелие от Иоанна. 3:29.

нас не оставил и дал нам полный и совершенный дар любви: я верю, что сам по себе, одною своей душой человек и любить не может, а любовь, связующая души, воистину от Бога дается. Пусть бы она была, а все остальное приложится!»

Екатерина Александровна Энгельгардт родилась 4 февраля 1848 года¹ в семье штаб-ротмистра и надворного советника Александра Андреевича Энгельгардта (1822 — не ранее 1880) и Софьи Никаноровны (урожденной Огон-Догановской). Она была, таким образом, на 20 лет 9 месяцев и 17 дней моложе своего мужа. Впоследствии Екатерина вспоминала: «Я знала своего мужа с 5 лет, а ему было тогда около 20-ти (в действительности около 26. — *В. Т.*). Он был в Училище правоведения. Младший брат моего отца был его товарищем и часто с ним приезжал к нам»².

Е. В. Сабурова, видевшая молодую жену Победоносцева, записала в своих мемуарах: «Очень красивая молодая фигура... Весьма грациозная, с великолепными локонами... Я впервые увидела и сейчас же отметила Екатерину Александровну Победоносцеву, недавно только вышедшую замуж за Конст[антина] Петр[овича]. Внешность ее была живописна и оригинальна. Легенда о ее браке с известным профессором Московского университета была у всех любимым разговором. Она была им воспитана, кажется, он был опекуном и с детства руководил всем ее развитием»³.

Одна из легенд о супругах Победоносцевых была связана с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Некоторые литературоведы высказывали мнение о том, что они стали для писателя прототипом четы Карениных⁴. Екатерине Александровне была известна эта легенда. В своих воспоминаниях она писала: «Льва Толстого я не знала, но в то время был в моде роман “Анна Каренина”. Все им увлекались. Я тоже, и сшила себе платье такое же, как было у Анны Карениной в романе “Анна Каренина”: черное декольте, и приколов, как и она, на грудь пучок анютиных глазок, поехала в театр в ложу. Все нашли, что я очень похожа на Анну Каренину. Меня это

¹ Екатерина Александровна переживет своего мужа почти на четверть века: она умрет в Ленинграде 18 февраля 1932 г.

² РГИА. Фонд 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. д. 4.

³ Сабурова Е. В. Воспоминания // Отдел рукописей РГБ. Фонд 667. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 79.

⁴ Это мнение выразил, например, В. Ф. Саводник в своих примечаниях к изданию романа в 1928 г. См.: Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Госиздат, 1928. Т. 1. С. 381.

забавляло. И другие платья я сшила себе такие же, как описываются в романе у Анны Карениной. Может быть, от того и пошел слух, что Толстой с меня написал Анну Каренину, а с моего мужа самого Каренина. Хотя ничего общего в наших характерах не было»¹.

Роман «Анна Каренина» был написан в 1877 году. В то время Л. Н. Толстой мог знать Победоносцева только как воспитателя наследников престола и лишь с хорошей стороны. Мнение Льва Толстого о Победоносцеве изменилось после того, как Константин Петрович отказался передать письмо писателя с просьбой о помиловании цареубийц императору Александру III. 7 декабря 1900 года Толстой набросал черновик письма к Николаю II, в котором изобразил Победоносцева следующими словами: «Отвратительный, бессердечный, бессовестный советчик ваш по религиозным делам, злодей, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю»².

Смерть цесаревича Николая Александровича сделала наследником престола его брата великого князя Александра Александровича. В августе 1865 года Победоносцев был приглашен к нему в наставники — преподавать законоведение³. «Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу»⁴, — так описывал впоследствии Победоносцев новый поворот в своей судьбе.

Мать Константина Петровича осталась одна в Москве в своей семейной обители в Хлебном переулке. Но жила она после отъезда младшего сына недолго. В сентябре 1867 года Елена Победоносцева скончалась. «Она была у нас точно святыня в доме, — писал Победоносцев Анне Федоровне Аксаковой (Тютчевой), — точно живая благодать, Богом посланная в благословение. Всегда кроткая, тихая, ясная, всегда на молитве за нас за всех, она как свеча горела перед Господом Богом — как свеча и погасла, на 81-м году жизни, в одно мгновение, одним ясным утром... Она всех собирала около себя, и теперь, без нее, старый дом, где все было так тепло, и ясно,

¹ Победоносцева Е. А. Воспоминания [о Толстом] Л. Н. // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения (1828—1948) / Коммент. и ред. Н. Н. Гусева. М., 1948. Т. 2. С. 157.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1933. Т. 72. С. 516.

³ Лекции по законоведению К. П. Победоносцев читал также великому князю Владимиру Александровичу и супруге цесаревича великой княгине Марии Федоровне.

⁴ Письмо К. П. Победоносцева к Николаю II... С. 625.

и полно, — стоит без нее пуст и холоден — и Бог знает, долго ли еще простоит он»¹.

О том, как жил Победоносцев в эту пору, какие настроения в себе носил, он описал 12 февраля 1868 года в письме к Екатерине Федоровне, дочери поэта Тютчева: «Благодарю вас от сердца, добрейшая Катерина Федоровна, что вы про меня вспомнили и написали мне. И я тотчас ответил бы вам, когда бы письмо пришлось в тихую минуту. Но последние эти дни были для меня днями усталости. Вы знаете эту петербургскую нездоровую усталость от пустоты и принуждения, когда день проходит и спрашиваешь себя: что я делал? с кем и что я говорил? о чем я думал? А я так впечатлителен, что иногда один обед, на котором придется быть, наполняет целый день усталостью — утром от ожидания, вечером от оставшегося дурного вкуса. Не поверите, как мало нынче осталось свежести и интереса во всем, что видишь и слышишь, — кажется, все это слышал, все это видел столько раз прежде — и всегда одно и то же. Вообще, кажется, уставать мне нельзя от выездов, потому что у меня их очень немного, и, может быть, оттого именно они, когда случатся, сильно утомляют меня. Что касается до моей Кати, то она и совсем почти не выезжает — выезды нам и не по средствам, и ее утомляют очень — она не осмотрелась еще в обществе и едва ли когда усвоит себе искусство говорить обо всем и со всеми — она умеет говорить только вдвоем и еще не понимает возможности поднимать и спускать петли светского разговора...

Чем я занимаюсь здесь официально, в этом и себе самому не умею хорошенько дать отчета. Веры нет у меня в то дело, которое обязан здесь делать, и оттого положение мое тяготит меня. Успокоиваешься только на том, что не я этого хотел — а меня призвали. Но похоже на то, как будто по пустыне странствуешь. А по своей воле — я занят теперь печатанием своей книги о гражданском праве, — которую надеюсь скоро выпустить в свет. Затем примусь печатать перевод “Подражания”, который окончен уже совершенно. Петербург не люблю я по-прежнему — душно в здешнем воздухе, очень душно: до того, кажется, все измельчало здесь — и дела, и люди, и манеры, и формы общежития. Оглядываюсь на Москву — и не поверите, с какой тоскою, — все еще не могу привыкнуть к мысли о том, что старое гнездо мое опустело и охладело. А нового гнезда — Бог не дает еще завести нам с женою, и кажется нам иной

¹ Отдел рукописей РГБ. Фонд 230. Карт. 5273. Ед. хр. 4. Л. 10—10 об.

раз, что мы странствуем — в землю обетованную, и душа просит той же веры, какая была у Авраама, когда он ждал до самой смерти исполнения слова Божия!»

Под «книгой о гражданском праве» Победоносцев имел в виду первый том своего «Курса гражданского права». Он вышел в свет в конце марта 1868 года¹. 13 апреля того же года юридический факультет Московского университета, рассмотрев заявление исправляющего должность экстраординарного профессора В. Н. Никольского «об ученых достоинствах нового труда почетного члена М[осковского] у[ниверситета] К. П. Победоносцева», на основании § 113 Университетского устава «единогласно постановил ходатайствовать пред Советом об удостоении г. Победоносцева степени доктора юридических наук по отделу гражданского права»².

В тот же день Совет университета утвердил Победоносцева в докторской степени. Спустя пять дней — 18 апреля — ректор Баршев направил в адрес нового доктора гражданского права соответствующий диплом³. Константин Петрович отвечал 24 апреля благодарственным письмом: «Милостивый государь, Сергей Иванович! Получив почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства, и приложенный при оном диплом на звание доктора гражданского права, поспеваю принести Вам искреннюю благодарность за доброе Ваше расположение, в том письме выраженное. Вместе с тем, покорнейше прошу Вас засвидетельствовать Совету университетскому чувство моей глубокой признательности за честь, которой Московский Университет меня удостоил, и которая чувствительнее многих иных наград, не только для моего самолюбия, но и для сердца моего, издавна привязанного к Московскому Университету. Не приписывая сей чести ученым заслугам, которые никак не решаются признать соответствующими оной, приписываю ее вниманию Московского Университета к тому усердию, с коим я старался служить ему на пользу, и в коем не желал бы уступить никому из достопочтенных его деятелей. В новом звании, коего я удостоен, буду иметь новое побуждение к трудам, которые, да поможет мне Бог продолжать, по мере сил моих, на пользу науки»⁴.

¹ Второй том «Курса гражданского права» Победоносцева выйдет в 1871 г., третий — в марте 1880 г.

² ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 37. Д. 137. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 7—8.

За два с небольшим месяца до этого — 19 февраля 1868 года — Победоносцев был назначен сенатором, присутствующим во 2-м департаменте Сената и возведен в чин тайного советника. 28 ноября того же года он был переведен в Гражданский кассационный департамент.

В 1871 году Константин Петрович сблизился с Ф. И. Тютчевым. 22 сентября Федор Иванович писал Екатерине Федоровне: «Вчера, дочь моя, у меня с Победоносцевым был длинный и задушевный разговор о тебе, он очень тепло к тебе относится и жалуется на твое молчание. Он как будто собирается тебе написать. Я довольно часто вижусь с ним и с его очень милой и умной женой»¹.

Победоносцев давно был дружен с семьей Тютчевых, особенно с Анной Федоровной. С Федором Ивановичем его сближало одинаково критическое отношение к современному им русскому обществу и к политике императора Александра II. Они оба считали ее чуждой русским интересам. В одном из своих писем (от 1 декабря 1870 г.) Тютчев писал, что в России господствует «абсолютизм, включающий в себя «черту самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального»². В письмах к сестрам Тютчевым Победоносцев не скрывал своего отрицательного отношения к тому, как Александр II проводил реформы. «А нам здесь, — писал он Анне Федоровне 14 декабря 1864 года, — не поверите, как надоели преобразования, как мы в них изверились, как хотелось бы на чем-нибудь остановиться, чтоб знать, наконец, какое колесо у нас вертится и на каком месте какой работник стоит... Право, иной раз можно вообразить, что живешь между детей, воображающих, что они взрослые: посудите, как это тяжело. И как часто на всем этом рынке проектов, во всем этом шуме дешевых и неглубоких восторгов вспоминаешь слова Иоанна “идолы у язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Очи имут и не видят, уши имут и не слышат, ноги имут и не ходят, язык имут и не говорят. Подобны им все, кто надеется на них и поклоняется им”. На этом рынке идольском кто встанет, кто появится крепкий, чтоб разбить кумира и провозгласить Бога истинного? У всякого идола — свои жрецы, которые и его и себя вместе с ним защищают».

¹ Тютчев Ф. И. Письмо к Е. Ф. Тютчевой от 22 сентября 1871 г. // Литературное наследство. Т. 97. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1988. С. 479.

² Цит. по: Кожин В. В. Тютчев. М., 1988. С. 447.

«Все, что я вижу, что совершается вокруг, гнетет душу, — изливался Победоносцев в письме к Екатерине Федоровне Тютчевой 18 октября 1866 года. — Вокруг совершается такой процесс разложения, что иной раз страх нападает на душу и хочется сказать: довольно. Что еще придется видеть, пережить и испытать в этом безумном, бессмысленном, пошлом мятеже человеческом»¹. В феврале 1880 года исполнилось 25 лет со дня восшествия на императорский престол Александра II. Константину Петровичу представился случай высказать свое мнение об итогах его царствования. «А это 25-летие роковое, и человек его — роковой для несчастной России. Бог с ним, Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть, и не по вине его, стало царством лжи и мамоны, а не правды»², — написал он Е. Ф. Тютчевой.

Пока был жив цесаревич Николай Александрович, Победоносцев только с ним связывал свои надежды на появление в России истинно национального государства — государственной власти, служащей русским интересам. Великий князь Александр Александрович не внушал поначалу Победоносцеву большого оптимизма. Константин Петрович с большой неохотой отправился во второй половине 1866 года сопровождать его высочество в традиционной для наследника престола поездке по России. Но общение с Александром Александровичем постепенно убедило Победоносцева, что на него можно надеяться. В 1867 году он писал о цесаревиче Анне Федоровне Аксаковой (Тютчевой): «Сравнивая прежнее время, с жениховства, я его не узнаю. Он стал яснее, свободнее, и душа у него поистине прямая и честная — к нему привязаться можно. Сердце у него русское».

В 1868 году Победоносцев сообщал Анне Федоровне: «По понедельникам и субботам бываю у цесаревны (Марии Федоровны. — В. Т.), — она очень добра и проста по натуре; но — Боже мой, — как дети в пустыне живут они, как овцы, бродящие без пастыря, и иногда сердцу бывает больно смотреть на них».

Завершив преподавание законоведения цесаревичу Александру Александровичу, Победоносцев не прекратил с ним общения. В

¹ Победоносцев К. П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1866) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 1. Л. 6.

² Победоносцев К. П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

письмах к его высочеству Константин Петрович регулярно рекомендовал ему для прочтения ту или иную книгу. Причем выбор литературы был не случайным. Так, в письме от 28 октября 1869 года Победоносцев рекомендовал наследнику престола книгу Нила Попова «Россия и Сербия»¹, 24 ноября того же года он советовал Александру Александровичу прочитать книгу историка М. П. Погодина по остзейскому вопросу², 5 октября 1873 года Победоносцев сообщал великому князю, что послал ему в Крым опубликованный в журнале «Русский вестник» роман Мельникова-Печерского «В лесах»³. 14 мая 1876 года будущий русский царь получил от своего наставника рекомендацию прочитать рассказ Н. С. Лескова «На краю света»⁴. А в письме от 12 октября 1876 года Константин Петрович советовал цесаревичу познакомиться с другим примечательным произведением. «Позволяю себе послать Вашему Высочеству книжку. Не знаю верно, любите ли Вы читать по-английски, но прошу Вас усердно прочесть в этой книжке первую, прекрасно написанную статью о германском флоте. Она очень поучительная и любопытна, — именно в настоящих обстоятельствах она покажет, как много успели там сделать средствами, которые много меньше того, что у нас потрачено»⁵.

Помимо рекомендаций прочесть ту или иную книгу, Победоносцев нередко давал в письмах к будущему императору советы по управлению Российским государством. **«Вся тайна русского порядка и преуспевание — наверху, в лице верховной власти, — наставлял он Александра Александровича 12 октября 1876 года. — Не думайте, чтобы подчиненные Вам власти себя ограничили и поставили на дело, если Вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью, — вот что значит тот союз с землею, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога.** Не верьте, когда кто станет говорить Вам, что все пойдет само собою в государстве, и что на том или другом положении или законе Вы можете успокоиться. Это неправда. Придет, может быть, пора, когда льстивые

¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 54.

люди, — те, что любят убаюкивать монархов, говоря им одно приятное, — станут уверять Вас, что стоит лишь дать русскому государству так называемую конституцию на западный манер, — все пойдет гладко и разумно, и власть может совсем успокоиться. Это ложь, и не дай Боже истинному русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться»¹ (выделено мною. — *В. Т.*). «Мое глубокое убеждение, — внушал Победоносцев великому князю Александру Александровичу в 1877 году, — что у нас в России всего более дорожить надо нравственным доверием народа, верю его в правительство. Народ приходит в уныние и тоску, когда не чувствует правящей силы, — Боже мой, как это важно! У нас в России, нет другой движущей силы, кроме единства народа с правительством в нравственном сознании»².

1 января 1872 года Победоносцев был назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, то есть получил возможность, как он сам о себе писал, «высказывать вслух всем свои мнения по государственным вопросам, — мнения, коих никогда ни от кого не скрывал»³. Правда, Константин Петрович довольно быстро разочаровался в Государственном совете. По свидетельству окружающих его людей, он неоднократно высказывался об этом учреждении резко отрицательно — например, заявлял, что его надо бы на замок запереть, и ключ бросить в Неву, или же признавался в том, что ему надоело слушать болтовню на заседаниях Государственного совета. В одном из писем 1878 года к Е. Ф. Тютчевой Победоносцев писал, что члены Государственного совета «продают правду жизни и твердые ее начала — на пошлейшие аргументы либеральных начал, и всякий раз оглядываются — не сочла бы нас Европа за варваров!». По его словам, они «что угодно готовы разрушить, от чего угодно отказаться, что угодно принять, лишь бы блестели лоском европейской биржи!»⁴ В 1880 году он жаловался Екатерине Федоровне, как тяжело ему «сидеть между людьми, отрешившимися от преданий, потерявших смысл государственный, желающими только сбросить с себя бремя ответственности,

¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М., 1925. С. 54.

² Там же. С. 67.

³ *Победоносцев К. П.* Письмо к Николаю II // Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 626.

⁴ *Победоносцев К. П.* Письма к Е. Ф. Тютчевой (1878) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 68—68 об.

пустить куда-то в свободное пространство — в так называемое общество важнейшие функции государственной власти». И «все эти тенденции расслабленного эгоизма, — констатировал Победоносцев, — прикрываются и оправдываются фразами, формулами истасканного либерализма»¹.

У членов же Государственного совета славившийся своим критичным умом и широкой образованностью профессор вызывал невольное уважение. А. Ф. Кони вспоминал впоследствии, что большинство выступавших на заседаниях Госсовета постоянно смотрели в сторону Победоносцева, «жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, поддельваясь под взгляды... «великого инквизитора», как они его заочно называли»².

24 апреля 1880 года император Александр II назначил К. П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего синода, оставив его при этом на должностях сенатора и члена Государственного совета. В обер-прокурорские функции входил контроль за назначениями тех или иных лиц на епископские и митрополичьи кафедры, а также на профессорские должности в духовных учебных заведениях. Победоносцев сделался, таким образом, фактическим руководителем русской православной церковной организации.

Новая, более высокая, должность не обрадовала его. «О, подлинно страшное дело власть, и те, кто желают ее, не ведают, что глаголют, — восклицал он в письме к Е. Ф. Тютчевой, грустно замечая при этом: — Я всегда смотрел на нее как на бедствие, зная, что во власти надо потерять свободу и быть всем слугою. Поддерживают меня вера в святость призвания и надежда на живые силы»³.

Восшествие на императорский престол Александра III после убийства 1 марта 1881 года Александра II усилило роль Победоносцева в политической жизни Российской империи, хотя он остался в прежних своих должностях и был лишь повышен в чине: 17 апреля 1883 года он стал действительным тайным советником. На целую четверть столетия — срок и по тем временам огромный — Победоносцев сделался одной из самых влиятельных фигур в русской

¹ Победоносцев К. П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 79 об—80.

² Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 267.

³ Победоносцев К. П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 31.

политической элите. И это при том, что самой этой элите он остался чужд. За десятилетия жизни в Санкт-Петербурге он так и не смог сродниться с его сановно-чиновным миром. Более того, злобность этого города стала ощущаться им еще острее. «Бедлам и центр разврата на всю Россию»¹, — такими словами назвал он Санкт-Петербург в письме к С. А. Рачинскому, написанном 30 июня 1882 года.

В. В. Розанов, лично знавший Победоносцева и хорошо понимавший его одиночество среди сановников империи, пытался объяснить этот феномен и пришел к весьма оригинальному выводу. «Для всякого, кто имел малейшее к нему прикосновение, — писал он вскоре после кончины Победоносцева, — не может быть никакого сомнения, что его невозможно поставить и оставить в ряду действительно темных людей политики, вроде известного австрийского Меттерниха: у тех был какой-то врожденный мундир, какая-то мундирность душеустройства, которая отталкивает от них человечество. «Не наш, не наш!» — есть восклицание над их гробом, роковое, самое мучительное, если оно раздается из уст человечества. Над гробом Победоносцева хочется сказать другое, примирительное слово. Я знаю, как встанут на дыбы против этого слова все, кто лично его не знал и просто по этому незнанию *не могут судить*. Мундир на него был только надет, притом — со стороны. И хотя Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность и в этом отношении иногда произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу «он был *наш!*»... Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы... Бывают случаи, что дитя улицы, уличный волчонок доброю феєю или ангелом судьбы своей бывает перенесен во дворец, в аристократию, в золотые и раззолоченные круги; и всю-то жизнь он стоит угрюмо среди них, кусается, презирает, бьется. Мне решительно и определенно известно, что раззолоченную среду вокруг себя, эту нашу бюрократию, он всегда и нескрываяемо презирал. С некоторыми министрами, тоже весьма богомольными, он не хотел иметь никакого дела, несмотря на все их заискивание... Но фея отделила

¹ Письма к С. А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С. А. Рачинский). 1882. Январь—июль. Л. 167.

волчонка рано и от улицы: видя ее только издали, как грязь, прилипающую к колесам своего экипажа, — он презирал и ее далеким, непонимающим, *отвлеченным презрением*¹.

Политическое значение Победоносцева слегка пошатнулось после смерти императора Александра III и восшествия на престол Николая II. Однако новый император так же, как и прежний, был учеником Победоносцева: в течение двух лет и восьми месяцев — с 11 октября 1885 по 10 июня 1888 года — он слушал его лекции по юридическим наукам и наставления в политике, читавшиеся каждую пятницу по два часа в Гатчинском дворце. И слушал, как отмечал сам Константин Петрович, «с интересом и живостью»². Поэтому в целом положение Победоносцева в сановной иерархии Российской империи осталось очень влиятельным и при новом императоре. Но мудрый старик понимал, что правительство в новых условиях бессильно остановить ход событий, влекущий Россию к революционной катастрофе. «До чего доживут — общество и правительство, — писал он 19 июля 1900 года в письме к С. А. Рачинскому. — Удивительно думать, как и те, и другие помешались на служении идолу свободы. Ужасаются анархии и анархистов, но говорят: что же делать — свобода! И на мысль не приходит, что это не борьба идеи с идеей, а борьба с эпидемией, с заразой, которая охватывает тысячи и миллионы душ, распространяемая тою же непреерекаемою свободой — свободой всяческого делания, всяческой речи, и особливо свободой печати: и дух захватывает, когда думаешь о несчастной России»³.

С каждым годом нового царствования у Победоносцева все меньше оставалось надежд на то, что России удастся избежать катастрофы. В декабре 1904 года он делился своими горестными предчувствиями с П. И. Бартеневым: «Бог отнял у людей разум. В 1881 году можно было надеяться — теперь ни в ком нет опоры»⁴. «Я чувствую, что обезумевшая толпа несет меня с собою в бездну, кото-

¹ Розанов В. В. Около народной души. Статьи 1906—1908 гг. М., 2003. С. 94—95.

² Победоносцев К. П. Письмо к С. А. Рачинскому от 13 ноября 1885 г. // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С. А. Рачинский). Письма к С. А. Рачинскому. 1885. Октябрь—декабрь. Л. 105 об.

³ Письма к С. А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С. А. Рачинский). 1900. Июль—август. Л. 2.

⁴ Письма разных лиц к П. И. Бартеневу (1904) // РГАЛИ. Фонд 46 (П. И. Бартенев). Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 394.

рую я вижу перед собой, и спасения нет»¹, — писал Константин Петрович 25 декабря 1904 года С. Ю. Витте.

Издание 17 октября 1905 года «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка», вменившего в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», показало Победоносцеву, что его опасения начали оправдываться. 19 октября он подал в отставку с поста обер-прокурора Святейшего синода. Оставшись после этого лишь членом Государственного совета, Константин Петрович больше не принимал сколько-нибудь заметного участия в политической жизни русского общества. В его судьбе наступила пора подведения итогов.

В 1906 году митрополит Волынский Антоний (Храповицкий), неоднократно испытывавший на себе гнев со стороны Победоносцева в то время, когда он был обер-прокурором Святейшего синода, счел необходимым в ответ «на наглые выходки газет» высказать ему «свое высокое уважение и благодарность». В письме к Победоносцеву, которое было опубликовано в газете «Волынские Епархиальные ведомости» (1906. № 24), преосвященный Антоний написал: «Промыслу Божию угодно было ставить меня в такие положения по отношению к людям, пользовавшимся вашим доверием, что я часто навлекал на себя ваше неудовольствие; кроме того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патриаршество не могли встретить в вас сочувствия и одобрения; однако при всем том, я никогда не мог сказать по отношению к вашей личности слов укорительных или враждебных: так непоколебимо было мое к вам уважение. Я чтил в вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с церковью, начатое в 1884 году, исключительно благодаря вам и вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что в этом деле вы были нравственно почти одиноки... Вы подняли над грамотной Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран... Вы убедили лучшего из

¹ Цит. по: *Тальберг Н. Д.* Победоносцев: Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 123—124.

покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ... Вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных инородцев. Вы отыскивали ревнителей веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных тружеников провинции — Рачинского и Ильминского — в то время, когда царь России имел вас своим главным советником, а Европа знала вас как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля... Вы не только служили, вы подвизались добрым подвигом. Вы не были, однако, сухим фанатиком государственной или церковной идеи: вы были человеком сердца доброго и снисходящего, как и все три государя, которым вы служили. Люди бедные, или скорбящие духом, люди споткнувшиеся находили сердечный отклик в вашем сердце. Вы не отступали перед страхами человеческими, но часто отступали перед слезами. Быть может, даже иногда погрешали против принципа, подчиняясь жалости, но не погрешали этим против Господа Иисуса Христа. Вопреки заявлению наших презренных врагов, форма и буква закона не были для вас высшим доводом: горячая и убежденная просьба склоняла вас на изъятие во имя милосердия. Особенно ценно в вас было то, что вы верили в человеческое раскаяние и исправление: в 1883 году вы простили одного раскаявшегося семинариста-революционера, а в 1898 году он был епископом, и таких случаев было много за время вашей службы»¹.

После того, как Победоносцев был назначен обер-прокурором Синода, ему предоставили в пользование казенный дом по адресу: Литейный проспект, 62. В этом довольно большом — в 40 комнат — особняке прошли последние годы его жизни. Он принимал здесь писателей, ученых, композиторов, художников, государственных деятелей, простых посетителей². В гости к Победоносцевым часто приходили дети его добрых знакомых или просто соседей по улице или ученики Екатерины Александровны, преподававшей в Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе, открытой в 1889 году в память 900-летия крещения Руси при Святом

¹ Цит. по: *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев: Материалы для биографии // *К. П. Победоносцев: pro et contra.* Антология. СПб., 1996. С. 405–406.

² В доме Победоносцева на Литейном проспекте бывали: Федор Достоевский, Петр Чайковский, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Иван Аксаков, Крамской, Балакирев и др.

Владимире с целью подготовки учительниц для церковно-приходских школ Петербургской епархии. Своих детей у Победоносцевых, к большому огорчению и мужа, и жены, так и не появилось. 9 июня 1897 года кто-то подкинул к дверям их квартиры девочку. Победоносцевы крестили ее, назвав Марфой, и взяли на воспитание. 11 апреля 1902 года Константин Петрович получил высочайшее разрешение на удочерение Марфы с правами потомственного дворянства¹.

Среди соседских детей, часто посещавших Победоносцевых в конце 90-х годов XIX — в первые годы XX века, была ставшая впоследствии знаменитой Лиза Пиленко. В своих воспоминаниях об этих посещениях она писала: «Победоносцев страстно любил детей. Поскольку я могла судить, он любил вообще всяческих детей — знатных и незнатных, любых национальностей, мальчиков и девочек, — вне всяких отношениях к их родителям. А дети, всегда чувствительные к настоящей любви, платили ему настоящим обожанием. В детстве своём я не помню человека другого, который так внимательно и искренне умел бы заинтересоваться моими детскими интересами. Другие люди из любезности к родителям или оттого, что в данное мгновение я говорила что-нибудь забавное, слушали меня и улыбались. А Победоносцев всерьёз заинтересовался тем, что меня интересовало, — и казался поэтому единственно равным из всех взрослых людей. Любила я его очень и считала своим самым настоящим ДРУГОМ».

Весной 1906 года повзрослевшая и задумавшаяся о смысле жизни Елизавета Юрьевна Пиленко пришла к своему другу с пилатовским вопросом: «Константин Петрович, что есть истина?» Победоносцев улыбнулся: «Милый мой друг Лизонька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему — не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела — не дела вовсе. И настоящие дела — ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, конечно. А в самопожертвовании, в скромности». Лиза была разочарована таким ответом. Его мудрость она поймет четверть века спустя, и после этого всю себя отдаст служению Богу и людям.

¹ Марфа Победоносцева после революции 1917 г. эмигрировала из России. В конце 20-х годов она проживала в США.

Когда Елизавета уезжала из Петербурга, Константин Петрович писал ей письма. Она долго потом помнила одну строчку из них: «Слышал я, что ты хорошо учишься, но, друг мой, не это главное, а главное — сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное». Елизавета Пиленко выполнила завет своего мудрого друга: многое утратила в жизни и в конце концов и саму жизнь, но душу — «высокую и чистую» — сохранила.

В 1906 году пятнадцатилетняя Елизавета, писавшая стихи, пришла поговорить о жизни к Александру Блоку. Поэт ответил на ее настроения стихотворением: «Когда вы стоите на моем пути, / Такая живая, такая красивая, / Но такая измученная, / Говорите всё о печальном, / Думаете о смерти, / Никого не любите / И презираете свою красоту — / Что же? Разве я обижу вас? / О, нет! Ведь я не насильник, Не обманщик и не гордец, / Хотя много знаю, Слишком много думаю с детства / И слишком занят собой. / Ведь я — сочинитель, / Человек, называющий всё по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка. / Сколько ни говорите о печальном, / Сколько ни размышляйте о концах и началах, / Всё же, я смею думать, / Что вам только пятнадцать лет. / И потому я хотел бы, / Чтобы вы влюбились в простого человека, / Который любит землю и небо / Больше, чем рифмованные и нерифмованные / Речи о земле и небе. / Право, я буду рад за вас, / Так как — только влюбленный / Имеет право на звание человека».

В 1910 году Елизавета Пиленко полюбила социал-демократа Дмитрия Кузьмина-Караваева, вышла за него замуж, но жила с ним всего три года. Второй ее брак — с Даниилом Скобцовым — также не стал вечным. В 1927 году она ушла от мужа, а после развода с ним в 1932 году постриглась в монахини и приняла имя матери Марии. Именно под этим именем Елизавета Пиленко стала известной культурному обществу современной Европы. Она жила во Франции и не покинула эту страну даже после того, как туда пришли немецкие фашисты. Матери Марии не удалось избежать ареста и заключения в концлагерь. 31 марта 1945 года она приняла мученическую смерть в одной из созданных на территории Германии фабрик по уничтожению людей под названием «Югендлагерь».

Судьба избавила Победоносцева от тяжелой участи наблюдать гибель России, которую он и предчувствовал, и предсказывал. Он умер 10 марта 1907 года, не дожив двух месяцев и одиннадцати дней до своего восьмидесятилетия. Прах его был захоронен у церкви во

имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, находившейся на территории Свято-Владимирской церковно-учительской женской школы. В 1932 году рядом с ним была похоронена и его жена Екатерина Александровна Энгельгардт¹.

* * *

В русском обществе конца XIX — начала XX века устойчивым было мнение о всеилии Победоносцева, о его необъятной власти, сравнимой с властью самого императора. Данное мнение имело под собой определенные основания. Константин Петрович действительно сыграл решающую роль в появлении манифеста Александра III от 29 апреля 1881 года, в котором подтверждалась незыблемость неограниченной власти монарха и, таким образом, отвергались попытки ввести в России элементы представительного правления, предложенные группой сановников во главе с министром внутренних дел графом М. Т. Лорис-Меликовым. Собственно, и увольнение последнего с указанной должности, так же, как и его помощника — товарища министра внутренних дел Н. А. Милютина, было осуществлено Александром III по совету обер-прокурора К. П. Победоносцева. Последовавшее вслед за этим назначение на должность министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева также можно приписать влиянию Победоносцева. И замену Игнатьева на графа Д. А. Толстого Александр III произвел по внушению своего сурового наставника. С. Ю. Витте писал в своих мемуарах о том, что Победоносцев сыграл решающую роль в назначении в начале 1898 года министром народного просвещения Н. П. Боголепова². По словам Витте, «2 апреля 1895 г. товарищем министра внутренних дел был назначен по рекомендации Победоносцева Горемыкин»³. Осенью того же года И. Л. Горемыкин стал министром внутренних дел, и опять-таки по рекомендации Победоносцева. С. Ю. Витте рассказал в своих воспоминаниях, что на эту должность императору Николаю II были рекомендованы первоначально В. К. Плеве и Д. С. Сипягин. Одна-

¹ Могила Константина Петровича и Екатерины Александровны Победоносцевых восстановлены в конце 90-х годов XX в. Они располагаются во дворе дома № 104 по Московскому проспекту, у алтарной, обращенной к востоку, части школьного храма. В здании бывшего школьного храма находится в настоящее время Свято-Введенская часовня.

² *Vumme С. Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 48.

³ Там же. С. 319.

ко когда Его Величество спросил Константина Петровича, каково его мнение об этих людях, тот ответил: «Плеве — подлец, а Сипягин — дурак». Поэтому государь и считал, — отметил Витте, — что как того, так и другого назначить нельзя»¹.

В дневниковых записях А. В. Богданович под датой за 18 декабря 1896 года есть любопытные слова: «Говорили Е. В. (Евгению Васильевичу Богдановичу, мужу Александры Викторовны. — В. Т.), что царь за последним обедом громко сказал, что Победоносцев рекомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать корпусных командиров, хлопочет за Шипова»².

Читая письма К. П. Победоносцева к российским самодержцам, дневник Николая II, мемуары и дневниковые записи людей, входивших в рассматриваемое время в высшие правительственные сферы России, можно найти множество и других свидетельств несомненного влияния обер-прокурора Святейшего синода на ход государственных дел. Но в чем был секрет этого влияния, почему мнение человека, занимавшего далеко не самые высокие посты в сановитой иерархии Российской империи, столь часто принималось их императорскими величествами как команда к действию?

Думается, разгадка данного феномена таилась как в особенностях тогдашнего российского механизма властвования, так и в личности самого К. П. Победоносцева.

Существовавшая в России система самодержавной власти предполагала, чтобы решения по всем основным вопросам государственного управления принимались единолично императором. Однако совершенно очевидно, что один человек, каким бы выдающимся он ни был, не в состоянии охватить все государственные дела. Это хорошо осознавал Победоносцев. В одном из своих писем к императору Александру III он писал: «По идее все назначения, увольнения и пр. исходят от Высочайшей власти. Но ведь это одна **фикция**, ибо, без сомнения, о личностях в необъятной массе чиновников со всей России Ваше Величество не может иметь отдельного соображения»³. Подобным же образом можно было бы сказать не только

¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. С. 322. См. в несколько ином изложении: Великий князь Алексей Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 147.

² Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 218.

³ Победоносцев К. П. Письмо к Александру III от 11 мая 1894 г. // Великая ложь нашего времени. С. 619.

о кадровом вопросе, но и о всех вообще вопросах государственного управления. Самодержец не мог иметь «отдельного соображения» о различных аспектах многочисленных государственных дел. Именно поэтому в России во все исторические эпохи существования самодержавной власти мы видим рядом с самодержцем какого-либо государственного деятеля, особо к его величеству приближенного, главного помощника самодержца в государственных делах, который нередко представляется обществу едва ли не вторым царем.

Таким человеком при императоре Александре I был граф А. А. Аракчеев. В русском обществе первой четверти XIX века, особенно в период после Отечественной войны 1812 года, было распространено мнение о том, что император отдал всю свою власть всемогущему временщику. Граф Аракчеев действительно играл в механизме управления Российской империей чрезвычайно важную роль, однако совсем не ту, что приписывалась ему современниками. Возвысив этого государственного деятеля, приблизив его к своей августейшей персоне, император Александр I не отдал ему управление государством, а, напротив, взял это управление в свои руки так, как никогда прежде не брал. Временщик стал для него своего рода вспомогательным инструментом, посредством которого его августейший взор и руки могли проникать в такие уголки управляемого им пространства, в каковые они сами по себе никогда бы не проникли. Только с помощью вездесущего, необыкновенно энергичного, до предела исполнительного и умного Аракчеева император Александр I был в состоянии управлять Россией так, как хотел, то есть **все и вся** держа под своим контролем и влиянием, всеми сколько-нибудь важными делами заправляя. И при этом оставаясь всегда в тени, особенно тогда, когда требовалось предпринять такие меры, которые вызвали сильное раздражение и недовольство в обществе¹.

К. П. Победоносцев также был особого рода вспомогательным инструментом, с помощью которого самодержец (сначала Александр III, а затем — первую половину своего царствования — Николай II) управлял обширной империей. Однако Константин Петрович не был вторым Аракчеевым. Он являлся инструментом совершенно иного характера — совсем не таким, каким был Аракчеев.

---

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. (Серия: «ЖЗЛ»). С. 276—319.

Новая историческая эпоха потребовала и нового управленческого инструмента.

В восьмидесятые годы XIX века по разным причинам резко возросло значение идеологического, духовного фактора в государственном управлении. Поэтому самодержцу требовался в качестве помощника-временщика в первую очередь государственный деятель—идеолог. К. П. Победоносцев подходил на эту роль во многих отношениях лучше других из сановного окружения императоров Александра III и Николая II.

Прежде всего, Константин Петрович был человеком *незаурядного ума*.

В. В. Розанов следующим образом описал одну из своих встреч с ним: «Вошел Победоносцев, светя умом и спокойствием: тем умом и спокойствием, какое я всегда любил в нем, как все приятное и красивое. Мне кажется, “своя думка”, своя недодуманная дума и недоконченное размышление всегда были в нем, присущи ему были и днем и ночью. И от этого присутствия мысли в его лице, вот сейчас мысли, оно было духовно красивее других лиц, куда бы он ни входил, где бы он ни появлялся. Все остальные думают о “сейчас”, и эта мысль о “сейчас” — коротенькая, малая. Победоносцев же, входя в обстановку “сейчас”, нес на себе остатки и следы именно длинных мыслей, естественно, более важных и более красивых, чем обыкновенные»¹.

В июне 1899 года Розанов писал о Победоносцеве С. А. Рачинскому: «По уму собственно он выше, я думаю, Сперанского; но недоверие его к людям и вообще отсутствие молодой мощи наития отняло у него 1/2 добродетелей. Он все “крепит” и есть “крепительная Россия”, когда по отношению ко многому ее нужно “прочистить”... Но мне он как-то мил резкостью слова, быстротой жеста, всею страстностью сухой и высокой, и гибкой фигуры... Вы знаете, по циклу идей, мне теперь родных, я совершенно вне цикла его забот и симпатий: но он мне дорог как лицо, как моральный характер»².

Незаурядность ума в Победоносцеве признавали даже те, кто относился к нему с неприязнью. Правда, недруги Константина

¹ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки о писателях и писательстве. М., 1996. С. 525.

² Письма к С. А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С. А. Рачинский). 1899. Июнь. Л. 77.

Петровича говорили не о светлом уме, как, например, Розанов, а о «циничном», «опасном», «вредном» и т. п.

Другое качество, которым отличался К. П. Победоносцев среди современных ему российских сановников, была *уникальная образованность*. С. Ю. Витте, отмечая в своих воспоминаниях «большой государственный ум» Победоносцева, одновременно писал о нем как о человеке «выдающегося образования и культуры»¹. По его словам, «можно иметь различные мнения о деятельности Победоносцева, но несомненно, что он был самый образованный и культурный русский деятель, с которым мне приходилось иметь дело»². В другом же месте своих воспоминаний Витте подчеркнул: «Это был человек, несомненно, высокодаровитый, высококультурный и в полном смысле слова человек ученый»³.

В. В. Розанов писал об интеллектуальности и культурности Победоносцева: «Весь период русской истории, который можно окрестить именем «время Победоносцева», — весь этот период, в той части, в которой он зависел от Победоносцева или был под давлением его, говоря словами поэта: “...Достоин слез и смеха...” Но вся эта глубокая бесполезность и даже прямая вредность Победоносцева для государства скрадывалась и затушевывалась его великою интеллигентностью. *Можно без преувеличения сказать, что за весь XVIII, XIX и тоже десять лет XX века в составе высшего нашего правительства не было ни одной подобной ему фигуры по глубокой духовной интересности, духовной красивости, духовной привлекательности...*»⁴ (курсив мой. — В. Т.).

В биографической литературе, посвященной К. П. Победоносцеву, высказывается мнение о том, что если бы он не отдал себя государственной деятельности, то из него получился бы выдающийся ученый. Наиболее последовательно это мнение проводит Е. М. Феоктистов, который пишет о Победоносцеве следующее: «Несомненно, что он обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное; не говоря уже о юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал

¹ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 422.

² Там же. С. 543.

³ Там же. С. 200.

⁴ Розанов В. В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М., 2005. С. 213.

он солидные сведения. Он все мог понять, и о многом судил верно. Если бы не случай, из него вышел бы замечательный деятель на ученом или литературном поприще...»¹.

Содержание произведений К. П. Победоносцева свидетельствует, однако, что **идеолог** все же брал в нем верх над **ученым**. И в лекциях своих, и в статьях, и в книгах он не столько учил, сколько воспитывал. Неудивительным поэтому было то, что в организации народного образования он главный упор делал не на обучение, а на воспитание. Именно поэтому в системе начального образования он отдавал предпочтение церковно-приходским школам. «Понятие “народное” о школе, — писал Победоносцев, — есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду в устройстве новой школы. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но, в нераздельной связи с этим, учит знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли»².

В своих письмах к различным лицам Победоносцев неоднократно и с глубоким сожалением говорил о том, что в обществе господствует совершенно ложное представление о его роли в государственных делах. «С давних времен люди и европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, воображают, что все, что ни исходит в России от правительства, движется волею или прихотью кого-нибудь одного, кто в ту или другую минуту считается влиятельною силою, так сказать, “первым по фараоне” лицом, — писал Константин Петрович в письме к П. А. Тверскому от 19 февраля 1900 года. — И вот, к несчастью, утвердилось всюду фантастическое представление о том, что я — такое лицо, и сделали меня козлом отпущения за все, чем те

¹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. М., 1991. С. 219.

² Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 309. Императору Николаю II свою приверженность к церковно-приходским школам Константин Петрович объяснял следующим образом: «В народе вся сила государства, и убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от гибельной заразы нелепых возмутительных учений — можно уберечь только посредством церкви и школы, связанной с церковью».

или другие недовольны в России, и на что те или другие негодуют. Так, взвалили на меня и жидов, и печать, и Финляндию — и вот еще духоборов — дела, в коих я не принимал никакого участия, — и всякие распоряжения власти, в коих я нисколько неповинен. Таковую тяготу так называемого общественного мнения приходится переносить — нельзя и опровергать ее, да никто и не поверит, так укоренилась уже иллюзия неведения, невежества и предрассудка»¹. Отрицая свое воздействие на движение «административных пружин», Победоносцев не лукавил. Никогда, ни в какой период своей чиновной карьеры не имел он таких властных полномочий, которые бы давали ему возможность оказывать существенное воздействие на ход государственных дел. Занимая должность обер-прокурора Святейшего синода, соответствовавшую на практике должности министра, Победоносцев присутствовал на заседаниях Комитета министров. Кроме того, он был членом нескольких комитетов и комиссий, создававшихся для решения различных государственных вопросов, разработки тех или иных законопроектов². В любом случае его административные полномочия были весьма ограниченными по своему характеру.

Тем не менее, никуда не уйти от факта — в течение целой четверти века, с 1881 по 1905 год, этот человек являлся самым влиятельным сановником Российской империи. Разгадка указанного противоречия проста — влияние Победоносцева на политику российской государственной власти было влиянием не властителя, которому повинуются под страхом наказания или добываясь наград, но **идеолога**, заораживающего логикой своих суждений. Эта особенность Победоносцева как государственного деятеля не укрылась от взора некоторых проницательных его современников. Публицист

¹ *Тверской П. А.* Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900—1904 гг. // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С.654. Об этом же, но другими словами Победоносцев писал Тверскому и в августе 1902 г. («И вообще знайте, что где является мое имя, там — ложь. Оно употребляется как соль, ибо сколько уже лет, как с ним иностранная сплетня связывает все, что делается в России — тогда как вот уже лет десять как я ни в каких делах, кроме церковных, не участвую»), и в конце 1904 г. См.: *Тверской П. А.* Указ. Соч. С. 664, 667.

² Комиссии для составления проектов законоположений о преобразовании судебной части при Государственной канцелярии, действовавшей в 1862—1865 гг., Особой комиссии о введении мировых судебных установлений в Прибалтийских губерниях (1877—1880 гг.), Особой комиссии для предварительного обсуждения проектов учреждения вотчинных установлений и вотчинного устава (1896—1904 гг.) и др.

М. Ростовцев писал в 1907 году в газете «Пензенские Губернские Ведомости», откликаясь на его смерть: «В русской гражданской истории мы знаем две таких крупных типичных фигуры: Сперанский и Победоносцев, кстати, оба из духовного звания. Не по родству или свойству, без заимствования и унижения пред сильными мира, эти два человека выдвинулись на роль первостепенных государственных деятелей. Говоря о последнем, можно сказать, что его деятельность в течение 25 лет — история России за этот период. По его воле мы неуклонно шли назад, хотя все чувствовали необходимость идти вперед. Победоносцева считали злым гением России, но его логике, **точно загнипнотизированные**, подчинялись все те, которые от него **нисколько не зависели**» (выделено мною. — В. Т.).

К приведенному высказыванию необходимо только сделать одно важное уточнение: Победоносцев убеждал не только *логикой*, но и *чувством*, которое вкладывал в свои слова. В. В. Розанов в своем эссе-отклике на смерть К. П. Победоносцева, опубликованном в газете «Русское слово» 13, 18 и 27 марта 1907 г., вспоминает о том, как однажды он сидел в гостях у митрополита Антония. В разгар беседы было объявлено о прибытии Константина Петровича. «Сейчас же, — пишет Розанов, — отворилась дверь, и вошел Победоносцев. Он был так же **жив и умственно красив**, как всегда... Победоносцеву сейчас был подан стакан чаю, и он весело разговорился со всеми нами, конечно, насчет тех предсмутных дней, которые тогда текли (время Плеве). Между другими речами его была та, что «невозможно жить в России и трудиться, не зная ее, а зная Россию... многие ли у нас ее знают? Россия, это — бесконечный мир разнообразий, мир неприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки»... Он хорошо выразил последнюю мысль, **с чувством**. Кажется, буквально она звучала так: “дикое темное поле и среди него гуляет *лихой человек*”... Он сказал с враждой, опасением и презрением последнее слово. Руки его лежали на столе:

— А когда так, — кончил он, — то ничего в России так не нужно, как *власть*; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голодьбе пустынной.

И пальцы его огромно сжались, как бы хватая что-то»¹ (выделено мною. — В. Т.).

¹ Розанов В. В. К. П. Победоносцев // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 529.

Победоносцев говорил и писал не только умом, но и сердцем. Он убеждал других в своей правоте во многом потому, что искренне верил в истинность своих суждений. Адвокат и публицист В. В. Беренштам приводит в своих мемуарах любопытное высказывание В. А. Манасеина, лично знавшего Константина Петровича: «Знаете, — говорил мне Вячеслав Авксентьевич, — ведь Победоносцев — искренний человек. Он, несомненно, ханжа, но это глубоко искренний человек. Я видел его в 60-х годах, когда все кругом либеральничали, когда нужно было иметь большое мужество, буквально отвагу, чтобы в профессорской среде не быть либералом. И в это самое время Победоносцев, подходя к монастырю, становился на колени, вставал и, поминутно падал на колени, полз по земле к храму. Вот каков это человек! Вы посмотрите, какой он и убежденный человек! Вы прочтите его “Московский сборник”. Ведь это написал 69-летний старик, а сколько тут полемического задора! И как много ни сделал Победоносцев зла России, это человек никогда не лгал и всегда сам был искренне убежден в пользе того, что делал»¹.

«Московский сборник», о котором упомянул В. А. Манасеин, весьма необычное произведение. Впервые оно было издано в 1896 году, в том же году вышло в свет вторым и третьим изданиями, в 1897 году — четвертым, а в 1901-м — пятым изданием. По жанру — это сборник статей, посвященных различным аспектам общественной жизни России. И хотя немало мыслей в содержании «Московского сборника» Победоносцев заимствовал у тех или иных иностранных писателей, данным произведением он ярко выразил свое собственное мировоззрение. Нигде, пожалуй, Победоносцев не раскрывается в своих качествах идеолога в такой степени, как на страницах «Московского сборника»².

Через все это сочинение он последовательно проводил мысль о пагубности политических и юридических учреждений, оторванных от исторических устоев общества, не соответствующих быту и сознанию народа. Такими учреждениями Победоносцев считал для России институты западной демократии — парламент, так называемую «свободную» печать, суд присяжных и т.п.

¹ Беренштам В. В. Из пережитого. Около войны. Заметки адвоката. Воспоминания. Пг., 1915. С. 178.

² По некоторым сведениям, содержание данного произведения составили лекции, читавшиеся Победоносцевым наследникам российского престола цесаревичам Николаю Александровичу, Александру Александровичу и сыну последнего Николаю Александровичу — будущему императору Николаю II.

«Если бы потребовалось истинное определение парламента, — писал Победоносцев в статье «Московского сборника» с примечательным названием «Великая ложь нашего времени», — надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*. Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления, и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что *mutato nomine* все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству... На фронтоне этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я»¹.

Не соответствующим общественным условиям России Победоносцев считал и суд присяжных. Данное учреждение, отмечал он, усиливает случайность приговоров даже в тех странах, где существует «крепкое судебное сословие, веками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины». «Можно себе представить, — продолжал он, — во что обращается это народное правосудие там, где в юном государстве нет и этой крепкой руководящей силы, но взамен того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того чтобы действовать на массу; где действует пестрое, смешанное стадо присяжных, собираемое или слу-

¹ Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 286.

чайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки; наконец, смешанная толпа публики, приходящей на суд как на зрелище посреди праздной и бедной содержанием жизни; и эта публика в сознании идеалистов должна означать *народ*»¹.

Еще более резкой критике Победоносцев подвергал «так называемую свободу печати». По его мнению, данное явление есть «одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердилось начала новейшего либерализма, — именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли... От одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его и никто не утверждает»². Судья, указывает Победоносцев, имея правомочие карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, получает его от государства. Он должен продолжительным трудом и испытанием готовиться к своему званию. Он связан строгим законом, он действует под контролем высшей власти, приговор его может быть изменен и исправлен. «А журналист имеет полнейшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу, затруднив своими нападками или сделав невозможным для меня пребывание в известном месте. Но эту судебскую власть надо мною сам он себе присвоил: ни от какого высшего авторитета он не принял этого звания, не доказал никаким испытанием, что он к нему приготовлен, ничем не удостоверил личных качеств благонадежности и беспристрастия, в суде своем не связан никакими формами процесса, и не подлежит никакой апелляции в своем приговоре... Итак, можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова? И не странно ли, не дико ли и безумно, что о поддержании и охранении именно этого деспотизма хлопочут все более ожесточенные поборники *свободы*, вопиющие с озлоблением против всякого насилия, против всяких законных ограничений, против всякого стеснительного распоряжения *установленной власти*? Невольно приходит на

¹ Победоносцев К. П. Суд присяжных // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 300.

² Победоносцев К. П. Печать // Там же. С. 303.

мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели от того, что возомнили себя мудрыми»¹.

Многое из того, что было высказано Победоносцевым в «Московском сборнике», можно встретить в его записках императорам и письмах различным лицам. Так, в марте 1903 года Константин Петрович писал П. А. Тверскому, поселившемуся в американском городе Лос-Анжелос: «Вы, выехав из России, стоите на той же точке, на какой тогда были, веруя в благодетельное значение каких-то реформ в смысле новой свободы. Но вера в “учреждения”, оторванные от жизни и от народа, ничего не принесла нам, кроме лжи и стеснения истинной свободы, ибо мы стали так опутаны учреждениями, что деваться некуда. И те, кои проводили их, пустив их в народ, успокоивались, воображая, что учреждения сами себя двинут и оживят что-то. Но у нас без руководства ничто само собой не оживает. Славянская раса не то, что англо-саксонская, скандинавская и даже немецкая: там дух партикуляризма и крепкого индивидуального развития; у нас — обязанность. И так вышло, что мы наряжены все в какое-то чужое платье, сшитое родным портным Васьюкою, и не можем в нем двигаться»². В записке о реформе судебных учреждений, поданной Победоносцевым императору Александру III осенью 1885 года³, Константин Петрович говорил о суде присяжных примерно то же самое, что позднее опубликовал в «Московском сборнике». «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось в России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... Присяжные, случайно набираемые большей частью не из крепких, а из слабых и зависимых людей в обществе, предоставлены случайному воздействию на них всяких сторонних влияний со стороны адвоката, со стороны публики, со стороны господствующего в настоящую минуту предрассудка, со стороны лица наиболее главного в среде их самих, наконец, — со стороны подкупа и уговора, — чему были уже, к сожалению, неоднократные при-

¹ Победоносцев К. П. Печать // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 303—304.

² Тверской П. А. Из деловой переписки с К. П. Победоносцевым... С. 665.

³ 2 ноября 1885 г. император Александр III написал К. П. Победоносцеву: «Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя».

меры. От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России»¹.

Таким образом, мотивы «Московского сборника» звучат во всем литературном творчестве К. П. Победоносцева. Последовательный в проведении своих политических взглядов, непоколебимый в своей правде, проницательный мыслитель, наконец — полемист, мастерски владевший пером, — он был самым серьезным противником ненавистников исторической России, скрывавшихся под личиной либералов или революционеров. Бессильные опрокинуть стройные ряды его мыслей, они отказались от прямого, честного сражения с подлинным Победоносцевым. Вместо этого вылепили себе некое чучело, внешне похожее на него, обклеили его разными ярлыками и стали лупить. И лупили с таким неистовством, что, кажется, в конце концов поверили, что лупят не чучело, а настоящего Победоносцева.

Александр Блок, поэт милостью Божьей, писал во вступлении ко второй части своей поэмы «Возмездие»:

*«В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...»*

Любопытно, что в этих словах А. Блока тогдашние либералы увидели карикатуру на всесильного временщика эпохи правления Александра III. Подобный взгляд на приведенный стих Блока о Победоносцеве, к сожалению, присутствует и в современной литературе².

Между тем на самом деле Блок не только не окарικатурил Победоносцева в приведенном стихе, а напротив — окутал его облаком симпатии и даже восхищения. Сова еще с древних времен яв-

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том I. М.—Пг., 1923. С. 510—511.

² См., например: *Смолярчук В. И. А. Ф. Кони и его окружение*. М.: Юридическая литература, 1990. С. 262.

ляется символом **мудрости**. Победоносцев — мудрец, который «*дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи!*»...И колдун, трясущийся над своим сокровищем, и это сокровище — конечно же, Россия. **Его драгоценная Россия, смысл всей его жизни, главный объект его помыслов, единственная и неповторимая — ради которой он жил и творил!**

* * *

В русском общественном сознании К. П. Победоносцев всегда воспринимался прежде всего как государственный деятель и идеолог. При этом в тени оставалась другая, не менее интересная его роль — роль ученого-правоведа. Те из российских юристов, кто был знаком с юридическими сочинениями Победоносцева, высоко оценивали его как специалиста в области юриспруденции. Так, А. Э. Нольде писал в 1907 году в статье-некрологе, посвященной Победоносцеву: «Политическая известность его заслонила собой более скромную и менее бросающуюся в глаза ученую его деятельность. А между тем она заслуживает внимания; сочинения К. П. Победоносцева по вопросам гражданского права и, в частности, капитальный труд его в этой области «Курс гражданского права», имели в свое время большое значение для научной разработки этой дисциплины, да и в настоящее время не утратили его. На них лежит своеобразный отпечаток, и в нашей юридической литературе они занимают видное место»¹. «Всем известно значение и характер курса гражданского права К. П. Победоносцева, — писал в 1896 г. Б. В. Никольский. — Теоретическая сторона курса не встретила похвал и одобрения от представителей нашей юридической науки, но практический характер книги сделал ее одним из трех устоев, которыми держится наша цивилистика: это — 10-й том Свода законов, «История Российского законодательства»² Неволина и «Курс» К. П. Победоносцева»³.

Над своим самым значительным юридическим произведением Константин Петрович работал по меньшей мере 20 лет. Первая

¹ Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. С. 237.

² Б. В. Никольский имел в виду вышедшие в 1851 г. в Санкт-Петербурге три тома книги К. А. Неволина «История российских гражданских законов». (2-е издание вышло в свет в 1857 г.).

³ Никольский Б. В. Литературная деятельность К. П. Победоносцева. (По поводу пятидесятилетнего юбилея) // Исторический вестник. 1896. № 9. С. 724—725.

часть «Курса гражданского права» была закончена им в феврале 1868 года. В том же году она вышла в свет под названием «Вотчинные права»¹. Вторую часть «Курса» Победоносцев назвал «Права семейственные, наследственные и завещательные». Он выпустил ее в свет в 1871 году². Третья часть «Курса» — «Договоры и обязательства» — была издана только в 1880 году³. До 1897 года — юбилейного для Победоносцева — его фундаментальный труд по гражданскому праву неоднократно переиздавался, и история этих переизданий по своему любопытна. Вот главные вехи ее: в 1875 году была переиздана вторая часть «Курса», в 1876 году вышла вторым изданием первая его часть, в 1890 году — третья. В 1883 году было выпущено третье издание первой части, а в 1889 году — второй. В 1892 году вышло в свет четвертое издание первой части. Наконец, в 1896 году выходит последнее его издание и впервые одновременно во всех трех частях⁴. Новые издания «Курса» мало чем отличались от первого его издания — автор всего лишь учел некоторые изменения в действующем гражданском законодательстве, да вставил несколько новых рассуждений.

В предисловии к «Курсу» Победоносцев следующим образом характеризовал избранный им способ описания русского гражданского права: «В изложении главною моею целью было способствовать полнейшему по возможности разъяснению понятий о главных предметах гражданского права. С этой целью выбрал я сравнительную методу изложения и старался прежде всего в начале каждой статьи указывать на основную идею учреждения, потом переходил к объяснению учреждения, в отличительных его чертах, по римскому, французскому и германскому праву. Затем уже, приготовив в уме слушателя или читателя по возможности полный и закругленный образ учреждения, приступал я к изложению его по русскому закону, с предварительным очерком его происхождения и ис-

¹ См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть 1. Вотчинные права. СПб., 1868.

² См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб.; М., 1871.

³ См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть 3. Договоры и обязательства. СПб.; М., 1880.

⁴ Текст этого издания был воспроизведен издательством «Зерцало» в 2003 г. в трех томах серии «Русское юридическое наследие». См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. В трех томах / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.

торического развития на нашей почве. Таким образом, по моему расчету, читателю возможно было бы в потребных случаях судить, в чем русский закон учреждения соответствует или не соответствует общему его типу, как он выразился в истории, в экономии и в праве Западной Европы»¹.

«Курс гражданского права» Победоносцева содержал мало теоретических рассуждений о правовых институтах, в нем почти отсутствовали общие определения, система изложения материала в «Курсе» во многом повторяла систему X тома «Свода законов Российской империи». Победоносцев создал, по существу, не только учебник по гражданскому праву, но и настоящее *практическое руководство* для юристов, призванных вести дела по гражданскому праву. Не случайно цитаты из его «Курса» в 70—80-х годах XIX века неоднократно приводились в решениях Гражданского кассационного департамента Сената для обоснования той или иной позиции.

Подобного рода произведения обыкновенно мало что говорят о личности их автора, о его мировоззрении и пристрастиях. «Курс гражданского права» Победоносцева стал в этом смысле исключением из правила. Нигде, пожалуй, характер Победоносцева как правоведа не проявился так выпукло, как в этом его произведении. «Этой своей книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права; он по справедливости может назваться отцом и родоначальником этой науки, — писала газета «Россия» в 1907 году (№ 399). — Все то, что было в этой области до него — это или сколки с иностранных книг, или изложение законов, или, на лучший конец, приспособление общей теории гражданского права к русскому закону. Впервые Победоносцев с замечательным проникновением в русскую историю и русский правовой дух дает самобытное и вместе с тем высоко научное изложение гражданского права русского народа. Пройдет еще не одно поколение русских юристов, но книга Победоносцева останется исходной точкой для всякой научной работы в этой области»². Высоко оценивал «Курс гражданского права» Победоносцева и такой видный российский правовед-цивилист, как Г. Ф. Шершеневич. По его словам, «в лице г. Победоносцева мы видим совершенно особый тип юриста, не под-

¹ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть 1. Том 1. С. II.

² Цит. по: Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912. С. 101.

ходящий к большинству русских ученых. Не поддаваясь влиянию западной науки, не связанный выводами предшествовавших русских ученых, г. Победоносцев отличается полной самостоятельностью взглядов на исторические и догматические вопросы русского права. Спокойный и тонкий анализ, бесстрастное изложение, упорный консерватизм в вопросах *de lege ferenda* — таковы отличительные черты г. Победоносцева как ученого... Мы не преувеличим, если сравним г. Победоносцева с римским юристом. Как и последний, г. Победоносцев опасается обобщений, избегает определений, предпочитая описание фактов, но зато поражает логичностью рассуждений, когда дело касается толкования действующего законодательства. Следить за автором в его заключениях и таким путем приобрести способность к самостоятельным юридическим решениям — такова главная польза, которую можно получить при чтении. Если курс Мейера¹ врезывает в памяти читателя систему гражданского права, что имеет несомненное громадное значение для юриста, то курс Победоносцева приучает к цивилистическому мышлению и с этой стороны является лучшей школой для догматиков².

К. П. Победоносцев в полной мере сознавал своеобразие русского права, его укорененность в прошлом. «Наши вотчинные отношения весьма разнообразны и покуда мало еще исследованы наукою: на практике же и в экономии нашего быта из них возникает множество своеобразных вопросов, которые или неизвестны вовсе, или давно утратили свое значение в экономии западноевропейского общества»³, — писал он в приложении к 1-й части своего «Курса гражданского права». Среди современных ему российских правоведов Константин Петрович славился своим знанием истории русского права. Исторической эволюции различных правовых институтов в русском обществе он посвятил свои первые научные работы в области юриспруденции, публиковавшиеся в течение 50—60-х годов XIX века в различных журналах, главным образом в «Русском

---

¹ Г. Ф. Шершеневич имеет здесь в виду курс профессора Д. И. Мейера «Русское гражданское право». Начальные лекции этого курса вышли в свет через два года после смерти Мейера — они были опубликованы в 1858 г. в 1-й и 2-й книгах «Ученых записок Императорского Казанского университета».

² Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 88—89.

³ Победоносцев К. П. Изучение и литература вотчинного права // Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1. Т. 2. СПб., 1868. С. 220.

вестнике»¹. Изучать историю русского юридического быта Константин Петрович не переставал и в дальнейшем — в те времена, когда был уже обер-прокурором Святейшего синода. Он продолжал работать в архивах, делать выписки из различных документов², а также из «Полного собрания законов Российской империи»³. «Курс гражданского права» Победоносцева покоился, таким образом, на фундаменте глубокого знания автором исторических реалий русской правовой культуры.

Свой метод познания права, основанный на изучении текстов правовых памятников, архивных актов, судебной практики, Константин Петрович рекомендовал применять всем начинающим юристам. В частности, тем, кто приступает к изучению институтов гражданского права, он советовал сперва «приобрести знакомство с общими началами науки гражданского права, затем возбудить и воспитать в себе логическую последовательность юридического мышления». По его мнению, лучшим средством к этому «для человека еще не испробованного на практической деятельности может служить не просто чтение, но внимательное и серьезное изучение одного из классических творений, которыми может похвалиться германская юридическая литература»⁴. В качестве такого творения Победоносцев называл книгу Ф. К. Савиньи «System des heutigen römischen Rechts», которую он характеризовал как «несравненную по строгости юридического анализа, по основательности выводов, по простоте приемов мышления и по изяществу юридического слога»⁵. Кроме того, Победоносцев рекомендовал начинающим юристам прочитать хорошее французское сочинение по гражданскому праву. По его словам, такое чтение будет «полезно по ясности и практической изложению, которыми отличаются сочинения этого рода во Франции»⁶.

¹ Позднее он выпустил их в свет в отдельном сборнике. См.: *Победоносцев К. П.* Исторические исследования и статьи. СПб., 1876.

² Собрание этих своих выписок он издал отдельной книгой. См.: *Историко-юридические акты переходной эпохи XVII и XVIII веков, собранные К. П. Победоносцевым.* М., 1887. Дополнение к этим выпискам под названием «Материалы для истории приказного судопроизводства» было опубликовано в 1890 г. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете».

³ Эти выписки были изданы Победоносцевым отдельной книгой в 1895 г.

⁴ *Победоносцев К. П.* Изучение и литература вотчинного права... С. 221.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

После всего этого Победоносцев советовал всем тем, кто начинает изучать русское право, обратиться к «Полному собранию законов Российской империи». Он рекомендовал всякому «истинно жаждущему знания» приняться за чтение данного собрания, начиная с первого тома. «Многим может показаться странен такой совет, — пояснял Константин Петрович, — но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живет чувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда — здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаясь из источников иноземных: незаметно воспринимают они в себя понятия возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где из своего быта выросло, но криво и лживо оказывается там, где нет соответствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным, как отрешенное от жизни, следовательно от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного Собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и в совокупности с ними объясняется. Сверх того, великую пользу приносит такое чтение еще и потому, что осваивает читателя с чистотою и ясностью слога, которым писаны первые памятники законодательства — уложение и новоуказные статьи: ясность, определительность и чистота русской речи — качество необходимое для юриста, правая рука, без которой обойтись ему невозможно, а этого свойства надобно искать в исторических памятниках, ибо образцы позднейшего законодательного стиля не отличаются ни чистотою, ни ясностью речи, носящей на себе следы иноязычной конструкции, иноязычных форм и понятий. Словом сказать, изучение первого полного Собрания Законов составляет, по моему мнению, необходимость для русского юриста, и лучшей

школы для него прибрать невозможно, как это школа мертвых, но красноречиво говорящих памятников, ибо у нас нет еще живой и постоянно действующей школы для образования русского юриста, той школы, которая воспитывает человека совокупным действием предания, живого авторитета и живой практической деятельности»¹.

Такой метод изучения русского права был вполне оправдан в то время, когда Победоносцев создавал свой «Курс гражданского права». Он соответствовал и уровню развития русской теоретической юриспруденции в тот период, и характеру самого русского права. Действовавшее в России гражданское законодательство складывалось из актов, принятых в различные исторические эпохи. Поэтому уяснить суть того или иного правового института можно было только путем последовательного изучения всей тянувшейся из далекого прошлого цепи законов, посредством рассмотрения правовых норм в контексте той исторической обстановки, в которой они возникли и развивались.

Но данный метод изучения гражданского права, проповедовавшийся Победоносцевым, имел наряду с достоинствами и целый ряд недостатков. Все они проявились в содержании «Курса гражданского права». «Обширная начитанность К. П. Победоносцева как в законодательных материалах, так и в исторической литературе, — отмечал А. Э. Нольде, — дала ему возможность остановиться на таких явлениях, которые до него были только в малой степени вовлечены или и вовсе не вовлечены в область цивилистических исследований»². Это, например, институт родовых имуществ и различные, унаследованные от старины типы землевладения, учение об основаниях и доказательствах вотчинного права, межевание и т. п. Вместе с тем Нольде констатировал, что в исследовании ряда правовых институтов метод Победоносцева оказался неплодотворным. Это, как правило, институты, относительно которых в X томе «Свода законов Российской империи» имелись значительные пробелы, — институт договоров в пользу третьих лиц, иски из неосновательного обогащения, авторское право и др.

Тем не менее многие российские правоведы, и А. Э. Нольде в их числе, признавали, что по богатству материалов, в нем собранных, «Курс гражданского права» К. П. Победоносцева не имел себе равных.

¹ Победоносцев К. П. Изучение и литература вотчинного права... С. 222—223.

² Нольде А. Э. Указ. соч. С. 107.

Помимо гражданского права, Победоносцев профессионально занимался также проблемами гражданского судопроизводства. Он опубликовал по этой отрасли юриспруденции множество своих статей, записок и заметок. В 1872 году вышла в свет его книга под названием «Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства». Литографическим способом была размножена запись лекций Победоносцева по курсу гражданского судопроизводства, читавшихся им на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 г.¹ В 1865 году в газете «Московские ведомости» (14, 15, 16, 17, 28, 30 апреля и 1 мая) Константин Петрович опубликовал анонимно серию статей-передовиц о судебной реформе².

Главная мысль, которую Победоносцев проводил в своих статьях, записках и заметках относительно судебной реформы, заключалась в том, что преобразования судебной организации и судебного процесса, узаконенные судебными уставами 1864 года, не были обеспечены необходимым числом соответствующих исполнителей — квалифицированных и честных судебных деятелей. «Не учреждения сами по себе, не тот механизм, который проектирован для них в судебных уставах, составляют желанную цель преобразования, — подчеркивал Победоносцев, — учреждения эти, в новой своей организации, суть только средство для достижения цели, а целью служит утверждение в судебной практике основных начал правого и разумного суда»³. Отсутствие достаточного числа надлежащих исполнителей Константин Петрович считал самым серьезным препятствием к достижению данной цели. Обращаясь осенью 1885 года к императору Александру III, он писал: «В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной. Возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов представляется в России аномалией странной и ничем не оправдываемой, ибо в нашей истории не могло образоваться доныне особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести. При недостатке людей твердых и успевших прой-

¹ См.: Гражданское судопроизводство. Лекции профессора К. П. Победоносцева. М., 1863. Рукопись имеет 354 страницы.

² См.: *Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб., 1996. С. 35—64.

³ Там же. С. 50.

ти правильную школу опыта, приходится при замещении судебных должностей довольствоваться деятелями юными и мало опытными и представлять им деятельность в среде губернского и уездного быта, которая, как известно, у нас еще неспособна сама воспитывать и направлять общественных деятелей. Очевидно, что прививать к таким должностным лицам сознание внешней независимости от властей и права несменяемости — не дело здоровой политики и служит не столько к нравственному укреплению судебного сословия, сколько к его деморализации, что мы и видим на самом деле»¹.

В данном случае отчетливо проявилась характерная черта мышления Победоносцева-правоведа — его стремление видеть во всех политических и правовых институтах их социальную основу, оценивать данные институты с точки зрения их воздействия на общественную нравственность. «Закон, — отмечал он, — с одной стороны, *правило*, с другой стороны — *заповедь*, и на этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе... Об этом высоком и глубоком значении закона совсем забывает новое учение и новая политика законодательства. На виду поставлено одно лишь значение закона, как правила для внешней деятельности, как механического уравнивателя всех разнообразных отправлений человеческой деятельности в юридическом отношении. Все внимание обращено на анализ и на технику в созидании законных правил. Бесспорно, что техника и анализ имеют в этом деле великое значение; но, совершенствуя то и другое, разумно ли забывать основное значение законного правила»².

Творческое наследие Победоносцева не исчерпывается вышеприведенными мыслями. Они — всего лишь отдельные крупинки из того кладезя мудрости, который этот человек оставил после себя. Мудрость сия печальна — печальна оттого, что не обветшала с прошеством времени, осталась столь же злободневной, каковой была столетие назад. К какой бы сфере современного русского общества мы ни обратились — будь то: представительные учреждения, судебная система, средства массовой информации, идеология и т. д. — везде обнаруживаются те же самые пороки, о которых с горечью писал когда-то Победоносцев. И по-прежнему актуальным оста-

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том 1. М.—Пг., 1923. С. 508.

² Победоносцев К. П. Сочинения. С. 317—318.

ся тот призыв, с которым он обращался в далеком 1876 году к тогдашнему наследнику царского престола цесаревичу Александру — будущему императору Александру III: «Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку. А мы все к ним льнем, все на них глядим, все от них хотим заимствовать — и не заботимся собирать свою собственную силу и готовить свои собственные средства»¹.

Бурные события сумасшедшего XX века как будто ничего не изменили в России!..

---

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Том 1. М., 1925. С. 56.

Владимир Павлович Безобразов

(1828—1889)

ВЛАДИМИР Павлович Безобразов был известным в России во второй половине XIX века специалистом в области финансового права и политической экономии, преподавателем этих наук в Императорском Александровском лицее. В 70-е годы он учил финансовому праву и политической экономии великих князей Алексея и Сергея Александровичей, а также Константина и Николая Константиновичей. В 1873—1880 годах им издавался «Сборник государственных знаний».

Родился Владимир Безобразов 3 января 1828 года в г. Владимире-на-Клязьме в старинной дворянской семье, ведущей свою родословную с XIV века. Отец его — Павел Николаевич Безобразов — происходил из дворян Тверской губернии. В 1800 году он окончил Морской корпус и до 1813 года служил во флоте. В момент рождения сына Владимира Павел Безобразов являлся управляющим удельной конторой в Москве. По матери своей — Елизавете Павловне, носившей до замужества фамилию Полторацкая¹, — Владимир Павлович был в родстве с тверскими дворянами Полторацкими и Бакуниными, приходился двоюродным братом известному анархисту Михаилу Александровичу Бакунину (1814—1876).

Первоначальное образование Владимир Безобразов получил дома². Затем учился в Дворянском институте в Москве. За успехи в учебе он был переведен в Царскосельский (с 1843 г. — Император-

---

¹ Отцом Елизаветы Павловны был Павел Маркович Полторацкий. В предисловии к своей книге «Граф Федор Петрович Литке» В. П. Безобразов писал: «Мой отец, выпущенный из Морского корпуса в гардемарины в 1800 г., служил до 1813 г. во флоте. Моя мать, близкая родственница Олениных и жившая в их доме, была коротко знакома с графом Федором Литке во время его молодости» (СПб., 1888. С. II. Елизавета Марковна Оленина была сестрой ее отца, т. е. матери Владимира Безобразова приходилась родной тетей.

² Дом Павла Николаевича Безобразова, в котором Владимир Безобразов провел свое детство, располагался в г. Владимире по адресу: ул. Большая Московская, 1.

ский Александровский) лицей, который окончил в 1847 году с серебряной медалью и с чином титулярного советника.

Склонности к научным занятиям у Владимира Безобразова проявились еще в отрочестве. В пятнадцатилетнем возрасте он уже писал научные сочинения и однажды преподнес родителям свой трактат под названием «Общественное и домашнее воспитание»¹. Но судьбе было угодно направить способного молодого человека на поприще государственной службы.

17 июня 1847 года Владимир Безобразов был определен на службу в канцелярию Государственного совета. 8 ноября 1849 года его перевели в департамент разных податей и сборов Министерства финансов на должность старшего помощника столоначальника. 23 ноября 1850 года он был назначен секретарем директора указанного департамента. 5 сентября 1852 года ему был присвоен чин коллежского асессора. В том же году Владимир Павлович женился на дочери своего начальника, директора департамента Д. Н. Маслова, — Елизавете Дмитриевне. 15 ноября 1852 года Безобразов был назначен начальником отделения в указанном департаменте. 21 апреля 1853 года он стал надворным советником.

25 апреля 1854 года В. П. Безобразов был отставлен по своему прошению от службы в Министерстве финансов. 16 мая того же года его причислили к Министерству государственных имуществ. 15 мая 1855 года он был назначен на должность начальника отделения в канцелярии министра государственных имуществ. 27 июня 1856 года Безобразов был произведен в коллежские советники. 6 января 1857 года его уволили с должности начальника отделения канцелярии, оставив в статусе причисленного к Министерству государственных имуществ. В апреле 1858 года ему было поручено редактировать «Журнал Министерства государственных имуществ».

В 1859 году В. П. Безобразов был назначен членом высочайше учрежденной при Министерстве финансов комиссии о земских банках и об улучшении систем податей и сборов. 3 апреля 1860 года он был зачислен в штат чиновников петербургского провиантского ведомства Военного министерства, а 22 апреля назначен чиновником особых поручений Министерства финансов. 27 июня того же года его произвели в чин статского советника.

В течение нескольких лет Безобразов ездил по российским губерниям с целью сбора сведений о состоянии сельского хозяйства,

¹ Рукописный отдел ИРЛИ. Фонд 23. Ед. хр. 81.

промышленности и торговли. Эти поездки позволили ему собрать богатейший материал не только для Министерства финансов, но для собственных научных трудов по экономике и финансам России.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов В. П. Безобразов напечатал несколько своих исследований, которые принесли ему славу специалиста в области финансовой деятельности. В 1856 году вышла в свет его книга «Биржевые операции», в 1858 году была напечатана в «Русском вестнике» его довольно обширная статья «О сословных интересах. Мысли и заметки по поводу крестьянского вопроса»¹, в 1860 году он опубликовал объемный труд под названием «Поземельный кредит и его современная организация в Европе», а в 1863 году выпустил книгу «О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом».

В 1857—1858 годах В. П. Безобразов редактировал «Вестник Императорского Географического общества», а в 1858 году еще и «Сборник статистических сведений о России». Он принимал активное участие в работе Географического общества, неоднократно выступал с докладами на его заседаниях, вел географические исследования.

17 апреля 1863 года Безобразов получил чин действительного статского советника. 6 марта 1864 года он был назначен членом совета при министре финансов. К этому времени он оставил свою службу по Военному министерству.

4 декабря 1864 года В. П. Безобразов был избран адъюнктом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по историко-филологическому отделению (политическая экономия и статистика). 4 августа он стал экстраординарным академиком.

3 декабря 1868 года Владимир Павлович был приглашен преподавать финансовое право и политическую экономию в своей alma mater — в Императорском Александровском лицее. В течение десяти лет он читал здесь курсы финансового права и политической экономии.

10 декабря 1870 года его пригласили преподавать финансовое право и политическую экономию великим князьям Алексею Александровичу и Николаю Константиновичу.

---

¹ Эта статья вышла также отдельным изданием в виде брошюры.

1 декабря 1874 года В. П. Безобразов был возведен в чин тайного советника.

18 ноября 1876 года он получил приглашение преподавать эти науки великим князьям Сергею Александровичу¹ и Константину Константиновичу.

С 1874 по 1880 год Безобразов редактировал «Сборник государственных знаний», в котором публиковались статьи правоведов и экономистов, имелся обширный отдел критики и библиографии, давалось обозрение движения законодательства и государственного управления за последние полгода. Он издавался при содействии профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета: священника М. И. Горчакова (церковное законоведение), А. Д. Градовского (государственное право), Ф. Ф. Мартенса (международное право), В. И. Сергеевича (история русского права), Ю. Э. Янсона (статистика) и профессора Академии Генерального штаба Г. Л. Леера (военные науки). Всего вышло восемь томов этого издания.

Во вступительной статье к первому тому «Сборника государственных знаний» объявлялось, что «настоящее издание должно служить пособием для практической и теоретической разработки разнообразных отраслей знаний, входящих в круг государственного ведения: публичного права (церковного, государственного, международного, административного), полиции, финансов, государственного хозяйства, и военных наук, судебной части и статистики, в их ближайших отношениях к государству»².

Данный сборник был первым изданием такого рода в России. Он появился в условиях, когда в русском обществе пробуждался интерес к сознательному участию в государственной жизни отечества. «Одно из самых характеристических свойств всех новейших преобразований, положительно отличающих современную нам эпоху от всех предыдущих, — говорилось во вступительной статье, — состоит в приобщении самого общества к государственному делу: в местном управлении, суде и отчасти законодательстве. Поэтому исследование государственных вопросов и обработка нужных для них фактических сведений не могут оставаться в пределах одной офи-

¹ Будущий Московский генерал-губернатор (1891— 01.01.1905). Убит 4 февраля 1905 г. эсером-террористом И. Каляевым.

² Сборник государственных знаний / Под редакцией В. П. Безобразова, действительного члена Императорской Академии наук. СПб., 1874. С. VII.

циальной печати и специальных изданий различных ведомств. Усилить насколько это возможно при нынешних условиях нашей печати и наличном запасе умственных сил, посвятивших себя в России государственной науке, способы изучения и публичного обсуждения ее вопросов — такова задача настоящего издания»¹.

В декабре 1878 года Безобразов оставил преподавательскую работу в Императорском Александровском лицее. 1 января 1885 года его назначили сенатором по Департаменту герольдии.

29 августа 1889 года Владимир Павлович Безобразов умер в своем имении в селе Носково Дмитровского уезда Московской губернии. Причиной смерти стала гангрена на ноге, возникшая вследствие неудачно сделанной операции по удалению мозоли.

* * *

Научная деятельность В. П. Безобразова удивительна по своей многогранности. Он автор книг и статей по различным проблемам российской промышленности, торговли, финансов, финансового права, международного права², государственного управления, государственной службы, местного самоуправления, земских учреждений, суда и т. п. Он исследователь государственной, правовой, экономической, финансовой сфер жизни как российского, так и западноевропейского общества, в круг его научных интересов входили и современность и история. Он был не только ученым-теоретиком, но и практическим деятелем — знатоком действительно происходивших в обществе экономических и политических процессов. Выступая в качестве педантичного научного работника, оперирующего сухими научными категориями, он одновременно писал и публицистические статьи — мыслил не только понятиями, но и образами.

В конце 50-х годов — в пору, когда русское общество жило ожиданием реформ, — Безобразов, состоявший тогда на государственной службе в Министерстве государственных имуществ и в

---

¹ Сборник государственных знаний / Под редакцией В. П. Безобразова, действительного члена Императорской Академии наук. СПб., 1874. С. VII—VIII.

² В. П. Безобразов являлся членом-учредителем Института международного права, основанного международной конференцией в Генте 10 сентября 1873 г. См.: *Безобразов В. П.* Интернациональный институт международного права в Генте // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 4. С. 343—371. И отдельное издание: СПб., 1874.

Министерстве финансов, задумал вместе со своими коллегами учредить в Санкт-Петербурге политико-экономическое общество, в рамках которого можно было бы обсудить политическое и экономическое положение страны, пути дальнейшего ее развития. Но правительство не дало разрешения на создание такой организации. И тогда Владимир Павлович предложил устраивать регулярно в каком-нибудь ресторане или доме обеды и обсуждать во время них те проблемы, которые интересны участникам таким обедов-бесед. Это остроумное предложение было принято. Один раз в месяц в одном из ресторанов Санкт-Петербурга собирались ученые — экономисты и правоведы, государственные деятели (иногда даже министры или их заместители — «товарищи», как они тогда назывались) и предприниматели, писатели и газетчики, они обедали и одновременно спорили на тему, которую заранее выбирали для этого. Эти застольные беседы были своеобразным совещательным органом, где можно было в свободной форме в кругу специалистов обсудить самые острые проблемы русских финансов, законодательства, судебной системы и т. д.

Безобразов в течение многих лет был главным организатором таких обеденных дебатов. 13 декабря он записал в своем дневнике: «Вчера был экономический обед (вопрос о сельскохозяйств[енном] кризисе в Европе и России), замечательный тем, что прения продолжались до 12 1/2 час. ночи... Эконом[ические] обеды на 26 году своей жизни процветают, и интерес к ним поддерживается. Это случается слишком редко в России, чтоб общества и учреждения после жары в начале не падали через несколько времени»¹.

«Экономические», «политические» и «философские» обеды устраивались и в доме у Безобразова. Его супруга — Екатерина Дмитриевна (1834—1881) — сама изучала экономику и философию. Она владела четырьмя иностранными языками и читала книги иностранных экономистов и политиков. Более того, она писала статьи по экономическим и политическим вопросам и публиковала их в английских, итальянских и французских журналах под псевдонимом Tatiane Swetow или просто T. S. В России она публиковала переведенные ею романы иностранных писателей в серии «Для легкого чтения». Дочь Владимира Павловича и Екатерины Дмитриевны Безобразовых — Мария Владимировна — окончила Александровскую женскую гимназию и Цюрихский университет, в котором

¹ Из дневника сенатора В. П. Безобразова // Былое. 1907. № 9. С. 20.

изучала философию. Она также публиковалась в научных журналах по социальным наукам в России и за границей. Их сын — Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) — получил образование в Царскосельской гимназии и в Санкт-Петербургском университете. По окончании университетского курса обучения в 1883 году его командировали в Грецию, Италию и Турцию для изучения греческих рукописей. В 1887 году он стал приват-доцентом Московского университета по кафедре общей истории¹.

В эту культурную семью охотно шли гости, и Владимир Павлович радушно их принимал. Он был очень общительным человеком, любил веселые компании, вечеринки, интеллектуальные беседы с друзьями.

Научных занятий он не прекращал ни при каких условиях. Государственная служба в министерствах отнимала у него много времени, но зато давала ему бесценный практический опыт, который необходим особенно и ученому — экономисту и правоведа. «Хотя мои работы в науке и литературе были искажены и попорчены постоянными перерывами государственных занятий и хотя я совсем не был к ним подготовлен и достаточно обучен, но они всего более мне удались. Верно, так хочет Бог, чтобы я их продолжал и при них остался до конца жизни»² — так записал Безобразов однажды в своем дневнике. Успешной служебной карьеры ему из-за независимости и прямоты в характере, несдержанности в высказываниях сделать не удалось, но Владимир Павлович винил в этом только себя. «Что бы ни говорили, виноват человек сам в своей карьере. Не сделал я ту, о которой мечтал, значит, был к ней неспособен (у меня был всегда недостаток характера, нужного для государственного человека)»³, — признавался он.

В одной из своих книг В. П. Безобразов написал о себе: «Автор никогда не принадлежал ни к какой действующей партии или

¹ В 1890 г. Павел Безобразов защитил магистерскую диссертацию на тему: «Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл». В 1895 г. он ушел из Московского университета и переехал в Санкт-Петербург. Здесь он читал лекции по истории Византии в университете. С 1908 г. он занимал должность архивариуса Государственной Думы. П. В. Безобразов опубликовал множество различных статей по истории и политическим вопросам. В 1903 г. он выпустил в свет книгу объемом 220 страниц под названием «О правах животных». Он умер в Петрограде в 1918 г.

² Из дневника сенатора В. П. Безобразова // Былое. 1907. № 9. С. 3.

³ Там же.

лучше ни к какой «тенденции» в литературе и обществе»¹. Быть может, именно поэтому его суждения по различным проблемам общественной жизни были проникнуты здравым смыслом. Многие из них и до сих пор представляют интерес и кажутся сказанными не сто с лишним лет назад, а как будто сегодня.

«Здравая национальная политика каждого исторического народа, — писал он в 1868 году, — заключается, без сомнения, не в том, чтобы обособлять его жизнь и интересы от всемирного движения идей и интересов, а приближая по возможности к этому движению условия достижения своих национальных целей, обращать его в свою пользу; таким взаимодействием разнообразных и даже противоположных национальных влечений и интересов все они возвышаются в своем общечеловеческом значении и содействуют общечеловеческому прогрессу. С некоторых пор у нас слышится много жалоб на *заимствования* из иностранной государственной жизни, составляющие будто бы одно из величайших зол нашей новейшей истории; но эти жалобы, происходящие впрочем из доброго источника, ведут к некоторому недоразумению. Не в заимствованиях одних народов у других, которыми переполнена жизнь величайших исторических племен, заключается зло, а единственно в той бессознательности, в той умственно рабской подражательности, с которою перенимаются внешние формы чуждого быта, не находящие у другого народа благоприятной почвы для своего дальнейшего развития. Так же точно не знакомство с иностранными литературами было пагубно для успехов нашей науки и не оно привело к нашему невежеству относительно собственного нашего отечества; а напротив того, виною нашей умственной слабости было недостаточное или, что еще хуже, поверхностное знакомство с западноевропейскою наукою... Познавая чужое, мы тем самым только лучше познаем свое, не зная чужого, мы даже вовсе не можем знать своего... Действительная национальная самостоятельность как в государственной, так и в ученой деятельности, заключается, конечно, всего менее в том, чтобы не знать чужой деятельности и не пользоваться ее плодами, напротив, эта самостоятельность ни в чем лучше не проявляется как в умении возможно более пользоваться трудами других для своих собственных целей»².

¹ *Безобразов В. П.* Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882. С. II.

² *Безобразов В. П.* Государственные доходы. Теоретические и практические исследования. Т. 1. Актовые налоги. СПб., 1868. С. IX—X.

Призывая к широкому использованию в России опыта западноевропейских стран, В. П. Безобразов отчетливо сознавал, что Россия отличается большим своеобразием экономического и политического быта. «У нас не было тех замкнутых союзов, которыми ознаменовала себя история Западной Европы, — писал он в 1858 году, — не было тех блистательных проявлений корпоративного духа, которые при всеобщем насилии обеспечивали развитие личности, на всех поприщах деятельности, и быстро двигали вперед успехи гражданственности, науки, промышленности и политического самосознания»¹. «Совершенная особенность нашего общества — это слабое развитие *среднего класса* или *мещанства*. Эта особенность коренится, кажется, в духе всех славянских народов»².

В. П. Безобразов жил в эпоху реформ: на его глазах совершались грандиозные преобразования в экономической, административной, юридической сферах жизни русского общества. В его произведениях часто встречаются оценки результатов этих преобразований. Вот что писал он, к примеру, о введении земских учреждений: «Главная и великая заслуга земских учреждений, которая останется за ними навсегда в нашей государственной истории, заключается в начале *бессловности*, в начале земском, внесенном или лучше возрожденном ими в *государственном устройстве нашего общества*»³. «Другого рода важная государственная заслуга, которую также несправедливо было бы не признавать за земскими учреждениями, заключается в той политической школе, в политическом воспитании, которое они дают всем слоям нашего общества, в особенности же средним и низшим»⁴. Отмечая положительные результаты земской реформы, Безобразов вместе с тем указывал и на непоследовательность ее, незавершенность. «Земские учреждения *не введены в общую систему нашего государственного управления*, а поставлены подле нее, как отдельные государственно-общественные тела, не имеющие никаких органических связей с этою системой, а без этих связей они не могут продолжать развиваться здоровым образом. В государственном организме, так же точно, как и в физическом, всякое попавшее в него постороннее органическое тело,

¹ Безобразов В. П. О сословных интересах. Мысли и заметки по поводу крестьянского вопроса. М., 1858. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874. С. 7.

⁴ Там же. С. 11.

не имеющее с ним живых органических связей, или само обречено на гниение, или, в случае сохранения своей жизни, подвергает тому же процессу разложения весь общий организм. У нас устроены местные учреждения, которым предоставлены в распоряжение все важнейшие отрасли местной администрации, пути и способы сообщений, народное здравие и продовольствие, общественное призрение, места заключения, первоначальное народное образование и т.д., а между тем подле этой новой организации местной администрации, которая обнимает собою все местные административные действия и из круга ведения которой изъята только одна полиция, осталась действовать и продолжает развиваться вся прежняя организация той же местной администрации, за все ответственная, хотя и имеющая в своем прямом распоряжении только полицию»¹.

После введения в действие новых судебных уставов Безобразов два месяца работал в качестве участкового мирового судьи в одном из уездов Московской губернии. Результатом полученного практического опыта стали его «Мысли по поводу мировой судебной власти», изданные отдельной брошюрой в 1866 году. Ученый писал в ней: «И теперь действия мировых судей в действительности вовсе не осуществляют собою того идеала чисто-судебной власти, который вложен законом в новый мировой институт. Чем более будет развиваться деятельность мировых судей, тем более она будет, по крайней мере, в уездах, сама собою удаляться от этого идеала. Далее, идеал чисто-судебной власти, безусловно разграниченной со всякою распорядительною властью, — идеал спорный даже сам по себе, решительно отвергается всеми условиями и потребностями нашего народного быта»².

Одним из важнейших условий успеха в преобразовании той или иной сферы общественной жизни В. П. Безобразов считал наличие заранее продуманного плана, руководящих идей-принципов. Так, заявляя о том, что Россия обладает «слишком богатыми историческими задатками самоуправления, чтобы можно было не уповать на самое здоровое развитие его в будущем», он констатировал вместе с тем, что «его элементы еще очень первобытны и требуют значительной переработки при помощи строго обдуманной законодательной мысли»³. Говоря о назревшей реформе российских финансов,

¹ Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874. С. 38—39.

² Безобразов В. П. Мысли по поводу мировой судебной власти. М., 1866. С. 33.

³ Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. С. 51.

ученый делал следующий вывод: «Итак, для преобразования финансового законодательства, так же как и для всякой другой законодательной реформы, необходимы общие *руководящие начала*, которые бы обозначили задачу реформы, ее цели и способы их достижения, т. е. общее ее направление»¹.

Определение указанных «руководящих начал» В. П. Безобразов считал функцией науки. По его мнению, без содействия последней успешная государственная деятельность в современном обществе невозможна. Вот что писал он об этом в 1879 году в брошюре «О значении науки для образования должностных лиц в государственном управлении»: «Говорить о необходимости идеальных задач, т.е. далеких, конечных, хотя бы и никогда вполне недостижимых целей, для *высших государственных деятелей*, кажется совершенно излишне. Без этих задач и целей невозможно ныне для самых гениальных людей не только никакое государственное творчество, но даже просто невозможно распознать и проложить себе ясный, определенный путь посреди сложных и запутанных, внутренних и внешних политических обстоятельств времени; невозможно овладеть этими обстоятельствами и господствовать над ними, как это требуется от высшей правительственной мысли. Замечаемое часто бессилие этой мысли в борьбе с государственным злом происходит более всего от слабости ее научного вооружения; без науки не только нет ясных и точных, *сознательно принятых* путей для этой борьбы, но нет даже сведений о том пространстве, по которому эти пути должны быть проложены, и о препятствиях, которые на них встречаются. Никаким государственным талантом, никаким инстинктом нельзя предугадать этих путей и этих препятствий. Талант и инстинкт, столь высоко ценимые в государственном деле, увеличивают только силы государственных людей, уже вооруженных силами науки»².

Придавая науке столь большое значение, Безобразов вполне сознавал ее ограниченность в качестве инструмента государственной и, в частности, реформаторской деятельности. «Форма правления образуется только исторически, и не творится теорией»³, — за-

¹ Безобразов В. П. Государственные доходы. Теоретические и практические исследования. Т. 1. Актовые налоги. С. XIII.

² Безобразов В. П. О значении науки для образования должностных лиц в государственном управлении. СПб., 1879. С. 7.

³ Безобразов В. П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. С. 704.

являл он в одной из своих статей. «От личности первых носителей всякой новой власти зависит многое, почти все в ее будущих судьбах»¹, — утверждал он в брошюре «Мысли по поводу мировой судебной власти».

Одной из важнейших сфер государственной и законодательной политики В. П. Безобразов считал финансы. В своих лекциях по финансовому праву (курсу государственных финансов) он говорил: «Распадению всякого государственного порядка и всякой государственной власти всегда сопутствует расстройство финансов»². По его словам, «история русских финансов — самая темная сторона русской истории, наименее разработанная»³.

Из суждений В. П. Безобразова по проблемам государственных финансов особый интерес представляют его мысли о государственных долгах. «С юридической точки зрения, — писал он, — государство имеет право делать займы на счет будущих поколений, тогда когда выгодами от нужных ему расходов будет пользоваться не одно живущее поколение, а и будущие. Но, несомненно, это право может принадлежать лишь власти законодательной, а никак не администрации»⁴. По мнению Безобразова, государственные долги оправданы в следующих случаях: 1) временного недостатка обычных доходов, когда не имеет смысла устанавливать новые налоги, 2) если деньги берутся в долг на сооружение таких объектов и осуществление таких операций, которые будут приносить доход только в будущем; подобные расходы могут быть возложены отчасти и на будущее поколение, 3) если налоговая система находится в столь неудовлетворительном состоянии, что усиление налогового бремени невозможно без усиления неравномерности его распределения, 4) если «имеется в виду привлечение иностранных капиталов при недостатках отечественных»⁵. «Впрочем, — делал вывод В. П. Безобразов, — государственные долги во всяком случае **только необходимое зло**, и не могут быть сами по себе плодотворны, а только могут быть менее вредны, чем другие способы покрытия чрезвычайных государственных расходов»⁶.

¹ *Безобразов В. П.* Мысли по поводу мировой судебной власти. С. 10.

² *Безобразов В. П.* Финансовое право. СПб., 1878. С. 40.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же.

В отличие от многих ученых либерального круга, к которому он примыкал, Безобразов придерживался мнения о преждевременности введения конституционного строя в России, разделяя тем самым взгляды русских консерваторов (К. П. Победоносцева, в первую очередь) на характер русского общества. По словам В. П. Безобразова, «с развитием конституций и парламентских правлений в западной Европе деспотизм административных агентов и поддерживающая их незаконное самовластие бюрократическая централизация не только не ослабевали, а всюду возрастали»¹. Ученый ссылался в данном случае на печальный опыт Франции, где конституционный строй с парламентом на английский манер вводился без создания для этого предварительных условий. «Коренным грубым предубеждением» называл он представление о том, что вся сила английской конституции состоит «в некоторых наружных формах государственного устройства и даже только в его верхушке (парламенте) и что стоит только, где угодно, возвести государственные учреждения с такими точно формами и насадить на них эту верхушку, чтобы придать государственному строю каждого народа такую же точно устойчивость, какой славится Англия». По его словам, «согласно с этими легкомысленными понятиями составилась космополитический “шаблон конституции”, который переносился из одного государства в другое и по которому пытались не так давно возродить даже государственный строй Турции»².

Но в то же время Безобразов положительно относился к введению в России форм самоуправления подобных тем, что существуют с давних времен в Англии. «Это основание всего государственного порядка Великобритании, составляющего предмет зависти всех народов, — отмечал он, — это главное обеспечение столь прославленной «английской свободы» заключается прежде всего в характере великобританского государственного управления гораздо более, чем в государственном устройстве, и всего более в началах местного самоуправления, на которых покоится вся административная власть и которой обеспечивается вся ее незыблемая законность и с ней свобода каждого великобританского подданного»³.

¹ Безобразов В. П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. С. 15.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 16.

Томсинов Владимир Алексеевич
**Российские правоведы XVIII—XX веков:
очерки жизни и творчества**

Том 1

Корректор — *Т. В. Кочемасова*
Компьютерная верстка — *А. В. Плотников*

Издательство «Зерцало»
Подписано в печать 19.01.2015.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Печ. л. 29,25.
Тираж 200 экз. Заказ № 1546

**Интернет-магазин издательства «Зерцало»
<http://zercalo.net>**

**По вопросам приобретения книг издательства «Зерцало»
и Издательского книготоргового дома «Зерцало-М»
обращаться по телефонам:
(495) 689-75-36
(495) 689-72-45 (факс)**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Русское юридическое наследие

